МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ НИЖЕГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Н. И. ЛОБАЧЕВСКОГО»

На правах рукописи

Чепьюк Ольга Ростиславовна

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕССУБЪЕКТНОСТЬ КАК ФАКТОР ДЕГУМАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Научная специальность
09.00.11 − Социальная философия

Диссертация на соискание ученой степени
доктора философских наук

Научный консультант:
доктор философских наук,
профессор
Фортунатов Антон Николаевич

Нижний Новгород − 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ **3**

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ХОЗЯЙСТВЕ **22**

1.1. Рациональность и экономизм: рефлексивные границы научного исследования экономического субъекта 23
1.2. Экономический субъект и субъектность в неклассический период научной рациональности 48
1.3. Субъект в условиях коммуникативной детерминированности экономических итераций 69

ГЛАВА 2. МЕТОДОЛОГИЯ ПОСТКЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ХОЗЯЙСТВА В ИССЛЕДОВАНИИ СУБЪЕКТА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ **79**

2.1. Социально-философский анализ специфики экономической субъектности и условий ее проявления в хозяйстве 80
2.2. Эволюция феномена «отчуждения» в коммуникативной экономической рациональности 94
2.3. Феномен бессубъектности в гнозисе экономических отношений 130

ГЛАВА 3. КВАЗИОНТОЛОГИЯ КРИЗИСНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ **158**

3.1. Антиномия инноваций и гуманизма в экономическом бытии 161
3.2. Категория риска в аксиоматике экономической теории и практики 183
3.3. Концепции экономического роста и кризиса в символическом измерении бессубъектности 200

ГЛАВА 4. ФЕНОМЕН ЛИДЕРСТВА И БЕССУБЪЕКТНАЯ ЭКОНОМИКА: ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ ГРАНИЦЫ ПРОТИВОРЕЧИЙ **233**

4.1. Лидерство как акселератор экономической самоорганизации 234
4.2. Экономическая гуманитарология в системе воспроизводства общества знаний 269
4.3. Модельно-теоретическая реальность образовательного пространства как область воспитания экономической субъектности 290

ЗАКЛЮЧЕНИЕ **314**

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ **323**

ПРИЛОЖЕНИЕ 1 ..... **363**

ПРИЛОЖЕНИЕ 2 ..... **369**

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Современное положение человека в социально-экономической сфере определяется двумя взаимно противоположными процессами. С одной стороны, наблюдается обширная экономизация общественной жизни. Перестав быть сугубо специфической, монетарно-производственной сферой, экономика оказывает преобразующее влияние на все области общественного воспроизводства, включая культуру, спорт, науку и образование, научно-технический прогресс. Глобальные вызовы, регулярно возникающие кризисы системы хозяйствования, социальная напряжённость и коммодификация различных сторон социальных отношений, прогнозы наступления технологической сингулярности и растущая «отчуждённость» всё заметнее превращают социально-экономическую жизнь в античеловеческий «проект». С другой стороны, всё чаще появляются призывы к возвращению индивида в центр производственно-экономических проблем, освещается проблема нравственного основания хозяйствования, лидерства, предпринимательства, пассионарности и гуманизма. В практике ведущих мировых компаний говорят о необходимости развития сотрудников как деятельных и активных личностей, лидеры отраслей неоднократно подчёркивают, что для процветания современной организации требуется осознанное включение субъекта, в стратегическую и проектную деятельность, максимальное использование его способностей и одарённости. На государственном уровне широко поддерживается предпринимательская и общественная инициатива граждан, что в перспективе может способствовать формированию эффективной системы социальной организации в России. В образовательной сфере − способность выпускника вуза к осознанной трансформации его профессиональной деятельности вводится в обязательную структуру итогового профиля компетенций.

Таким образом, под влиянием двух разнонаправленных социальных процессов, одновременно вытесняющих человека из области экономических решений, но при этом требующих его возвращения в круг социально-экономического воспроизводства для осознанного сопротивления процессам «разложения» и рассеяния, происходит трансформация самой структуры социально-экономических потребностей, существенное изменение интересов личности, что в конечном итоге влияет на современные формы ее присутствия в процессах общественного воспроизводства. Эти вопросы остаются за рамками междисциплинарной научной рефлексии и не находят прямых ответов в границах релевантных научных дисциплин, переживающих собственный методологический кризис. Прямые и опосредованные связи между развитием экономики и состоянием общественных отношений, материально-экономические факторы, детерминирующие социальные изменения, исследованы достаточно подробно и остаются в фокусе наблюдений различных социогуманитарных наук. Однако критики социально-экономического утилитаризма обращают внимание на то, что исследования нынешнего состояния общественного воспроизводства все больше замыкаются в границах, определяемых арсеналом математического аппарата. Например, растут в популярности когнитивные и вычислительные методы исследований в ущерб целостному подходу к оценке поведения человека в его социально-экономическом окружении. На месте прежних социогуманитарных подходов возникают новые тренды, отражающие современное состояние научной рефлексии по поводу детерминации поведения действующего субъекта, которые Ф. Майровски обозначил как «киборг-науку». Эта научная парадигма является косвенным отражением изменений в общественном воспроизводстве, в частности, в экономике, целенаправленно трансформирующей детерминацию социального поведения, выталкивающей личность, индивида на периферию социально-

экономических процессов, оставляющей социуму лишь сомнительное «право» на бессмысленное потребление. В рамках такого сложившегося образа мышления затруднительно предложить человеко-ориентированные ответы на экологические и социальные вызовы, продуцируемые современной системой хозяйствования. Глобальные кризисные явления, порожденные, в частности, такой системой обезличенного воспроизводства, получают, вследствие своего не ослабевающего, нарастающего воздействия, социокультурный статус «нормы», «неизбежного зла», расплаты за «благополучие» в потребительском обществе. Антикризисная политика, как правило, сводится к реализации непопулярных (античеловеческих по сути своей) мер, направленных на «спасение» современной модели социально-экономического воспроизводства, на снижение рисков потерь для основных участников общественных процессов. В этих условиях отдельный человек, домашнее хозяйство, и даже целые сообщества рассматриваются как «жертвы» сложившихся обстоятельств.

Специфика субъектного поведения и само положение человека в системе экономических отношений, как предмет исследования, становится особенно актуальным в связи с переходом к новому технологическому укладу, в рамках которого происходит цифровизация значимого большинства процессов общественного воспроизводства. «Проблема человека», которая входит в единую глобальную повестку науки XXI века, обретает новое осмысление в контексте экономики знаний, и особенно – «цифровой экономики». Её становление специалисты связывают с переходом общества к следующему технологическому укладу (четвёртая промышленная революция[1]), и ожидаемым проникновением информационно-

[1] Четвёртая промышленная революция является следствием ожидаемого соединения промышленности и цифровых технологий. Это приведёт к созданию «умных» заводов и целых «умных» отраслей, в которых труд человека будет заменён роботами, а решения приниматься искусственным интеллектом. Эта концепция была впервые озвучена в 2011

коммуникационных технологий во все области социальной жизни[1]. Несмотря на то, что хозяйственная жизнь является лишь одной из форм социальной жизни, именно отлучение индивида от материально-экономической компоненты в социальной коммуникации вызывает напряжённость в межсубъектных отношениях в этой сфере. Это можно считать одним из «больших вызовов», препятствующих гармоничному развитию современного мира и общественного воспроизводства, и такая ситуация драматично и болезненно переживается в современной России[2].

Таким образом, в свете актуальных проблем цифровизации человека рождаются новые коннотации феномена «отчуждения результатов труда» (К. Маркс, Э. Фромм, Т. Адорно) – фундаментального критического концепта социальной философии, который рассматривается в исследовании в

году, на экономическом форуме в Давосе, его председателем и исполнительным директором, К. Швабе. См. Schwab, K. The Fourth Industrial Revolution. What It Means and How to Respond. – Foreign affairs. – 12.12.2015. – URL://www.foreignaffairs.com/articles/2015-12-12/fourth-industrial-revolution (accessed 14.07.2018).

[1] В России наступление новой цифровой эры обсуждалось в рамках проекта «Национальной технологической инициативы» (Агентство стратегических инициатив), при построении дорожных карт новых рынков. Переход к новым реалиям цифровой экономики был зафиксирован в ряде законопроектов и программах Правительства РФ, таких как Постановление Правительства РФ «О реализации Национальной технологической инициативы» (Постановление Правительства РФ № 317 от 18 апреля 2016 г.); «Стратегия развития информационного общества на 2017-2030 гг.» (Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203), «Цифровая экономика Российской Федерации» (Распоряжение Правительства РФ от 27 июля 2017 г.).

[2] «Большие вызовы» были перечислены Президентом РФ, Владимиром Владимировичем Путиным, во время традиционного послания к Федеральному собранию 1 декабря 2016 г. Они были зафиксированы в «Стратегии научно-технологического развития РФ» (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642). Согласно документу большие вызовы – это «объективно требующая реакции со стороны государства совокупность проблем, угроз и возможностей, сложность и масштаб которых таковы, что они не могут быть решены, устранены или реализованы исключительно за счёт увеличения ресурсов», (п.4 раздела I Стратегии). Одним из таких вызовов является «возможность эффективного ответа российского общества на большие вызовы с учётом взаимодействия человека и природы, человека и технологий, социальных институтов на современном этапе глобального развития, в том числе применяя методы гуманитарных и социальных наук» (п.20 Ж раздела II Стратегии).

виде различных проявлений феномена бессубъектности. В свою очередь, на прикладном уровне актуальность исследования связана с разработкой метода социально-философского исследования явлений и феноменов общественного воспроизводства, что имеет значение 1) для определения вектора дальнейших исследований социальных процессов на принципах экономической гуманитарологии; 2) для развития образовательной сферы как мыслительного «буфера», в котором может быть дана всесторонняя оценка процессам «экономизации» и распространения калькулятивного мышления; 3) для выработки новых образовательных моделей в подготовке предпринимателей и воспитания лидерских качеств российских специалистов.

Степень научной разработанности проблемы. Философские проблемы хозяйствования освещались в трудах конца XIX-начала XX века, К. Маркса, Ф. Энгельса, а также С.Н. Булгакова, – который заложил основы системного социально-философского экономического мировоззрения. Их идеи получили развитие в исследованиях по философии хозяйства 1980-х гг. в работах П. Козловски, А. Риха. Немало философских обобщений содержится в работах самих экономистов Дж. М. Кейнса, А. Маршалла, Л. Мизеса, П. Самуэльсона, Й. Шумпетера, Ф. Хайека. Формированию социально-философского мышления в экономике способствовали социологи, философы и политологи – Д. Белл, Ж. Бодрийяр, Т. Веблен, Дж. Гэлбрейт, Э. Гидденс, Э. Дюркгейм, М. Хайдеггер, Г. Шиллер. Среди современных отечественных работ по философии хозяйства следует отметить труды Ю.М. Осипова, и его научно-исследовательской лаборатории философии хозяйства экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Кризис экономической науки, связанный с разрывом между теорией и практикой хозяйствования, в конце XX-начале XXI века вызвал значительный интерес к её методологическому и познавательному арсеналу, а также к проблеме экономического субъекта, в особенности –

аксиологического влияния на экономические процессы модели «рационального человека» и её онтологизацию. Эти вопросы освещены в трудах М. Блауга, Ф. Майровски, У. Мяки, Дж. Кэя, в России – В.С. Автономова, О.И. Ананьина, В.А. Колпакова, Н.А. Печерских, В.Г. Федотовой. Отдельно следует выделить работы М. Каллона в области экономической перформативности, исследования социокультурного феномена денег Н.Н. Зарубиной, а также концептуальные обобщения по философии экономики Д. Хаусманна.

Антропологические аспекты хозяйствования, трансформация личности, вступающей в экономические отношения, в западной философии исследовалась через призму морали (И. Кант, И.Г. Фихте), во взаимосвязи нравственных факторов и развития хозяйственной жизни (М. Вебер, Э. Дюркгйем), влияния культуры на общественное воспроизводство (В. Зомбарт). В русской философии эта тема тесно связана с проблематикой духовной жизни человека, его статусом как свободной, осознанной личности: таким образом раскрываются феномены предпринимательства, лидерства и пассионарности у И.А. Ильина, Н.А. Бердяева, Н. Гумилёва, В. Соловьёва, П. Флоренского. Кризис духовности в обществе потребления, и как результат – становление общества «одномерного» человека, «массового общества» – отражены в работах зарубежных философов, которые вступают критиками глобально распространяющейся западной модели общественного развития – Х. Ортега-и-Гассета, Д. Соммера, Э. Фрома, О. Шпенглера.

Выводы работы в области гносеологических и онтологических аспектов философии хозяйства опираются на достижения классической философии: Аристотеля, Р. Декарта, Б. Спинозы; политической экономии: Т. Гоббса, Дж. Локка, Дж. С. Милля, А. Смита, Д. Рикардо; теории экономического роста и воспроизводства Н. Кондратьева, Л. Ларуша, Г. Лейбница, Ф. Листа, Г. Менша, С.Ю. Глазьева; феноменологии:

Э. Гуссерля; теории коммуникации: П. Бурдье, Х. Лассвелла, Н. Лумана, М. Маклюэна, Ю. Хабермаса, У. Шрамма, А.Н. Фортунатова, И.С. Мелюхина.

В поисках синергии гуманитарной и экономической мысли на современном этапе общественного развития, для которого характерно стремительное распространение информационно-коммуникационных технологий в различных областях хозяйственной жизни, автор обращается к исследованиям в области информационного и постиндустриального общества: Э. Тоффлера, М. Кастельса, Г. Маркузе, Ф. Фукуямы; постклассической рациональности – В.С. Стёпина, В.Н. Поруса, Б. Пружинина, В.А. Лекторского, М.М. Мамардашвили; постмодернизма и трансгуманизма – М. Фуко, Р. Барта, Ж. Делёза, В.А. Кутырёва; гуманитарологии – В. Шепеля, Э. Шумахера, Е. Сабурова, В.А. Фортунатовой.

Целью исследования концептуальное осмысление принципов социально-экономической гуманитарологии, которая предлагает качественно новые методики исследования хозяйственных систем и раскрытия их гуманистического потенциала, а также обеспечивает выявление их приоритетных возможностей для утверждения позитивной социальной динамики, для формирования условий и перспектив развития человека и общества в контексте преодоления социально-экономической стагнации и кризиса современного потребительского мироустройства.

Поставленная цель исследования обусловила решение следующих **задач**:

– провести критический анализ экономической эпистемологии, перформативного влияния экономической науки на практику общественного воспроизводства, и сопутствующую этому влиянию

трансформацию статуса субъекта социально-экономических отношений;

- провести социально-философский анализ коммуникативной природы экономики, и детерминированного ею дегуманизированного социально-экономического пространства (отчуждение результатов труда, калькулирующее мышление, экономизм), а также других явлений, сопутствующих становлению бессубъектной глобальной экономической псевдо-культуры;
- провести анализ влияния информационно-коммуникативных технологий на формы субъектности в экономической сфере, сформировать аксиологическую основу для оценки степени их воздействия на хозяйственную культуру и на принципы экономической коммуникации;
- концептуализировать социокультурные основания экономических кризисов, связанных с изменением статуса субъекта социально-экономических отношений и становлением феномена бессубъектности в общественном воспроизводстве;
- определить гуманистическое значение субъектных качеств лидерства и предпринимательства (как человекообразующего акта) в условиях глобализирующейся экономики и нарастающего отчуждения человека в системе экономической коммуникации;
- проанализировать и обобщить тенденции в аксиологии и праксиологии формирования предпринимательского мышления с учётом практики вузовского образования с точки зрения их гуманистического потенциала и воспитания активного субъекта хозяйствования в условиях модернизации, характерных для современной России и мира в целом.

Методологическую и теоретическую основу исследования составили как современные междисциплинарные подходы к изучению социокультурных явлений, так и методологические и гносеологические основания классической философии, концепций экзистенциализма, синергетики, теории социальной коммуникации, социальной эпистемологии, деятельностной педагогики. Синтетическое обобщение различных фактов, социологических наблюдений, научных материалов, позволило обеспечить объективный взгляд на сложные процессы общественного воспроизводства. Это, в свою очередь, актуализировало применение структурно-функционального подхода в исследовании бессубъектности как качественного состояния процессов хозяйствования с точки зрения диалектической логики в методологии (М. Фуко, К. Леви-Строс, З. Фрейд, К. Юнг, Р. Барт). Философские обобщения, как форма дедукции, послужили методологической опорой для детального анализа актуальных вопросов различных социогуманитарных дисциплин и, в частности, достижений социальной философии в аспекте исследования феномена субъектности (И. Кант, Ф. Ницше, Э. Фромм, В.А. Лекторский, М.М. Мамардашвили). В процессе исследования различных явлений хозяйственной жизни автор обращался к методологии философии хозяйства и политической экономии, в которых наиболее полно отразились исторические пути и современные взгляды на процессы общественного воспроизводства (К. Маркс, С.Н. Булгаков, Ю.М. Осипов). Благодаря использованию статистического, сравнительного, типологического анализа, а также методов логической реконструкции, были выявлены различные характеристики бессубъектного пространства экономической коммуникации. Диалектический метод позволил при анализе теоретического и эмпирического материала экономических кризисов (и их влияния на общественное воспроизводство) реализовать принципы развития, объективности, взаимосвязи, детерминации,

а также предложить альтернативную систему классификации периодов в развитии западно-европейской хозяйственной системы.

Методы исследования, использованные в диссертации

1. Системный анализ, направленный на синтез общефилософских концепций и теории социальной коммуникации, дающий возможность комплексного подхода к социально-философскому исследованию процессов хозяйствования, а также исследованию их коммуникативных аспектов.
2. Синтез классических и неклассических представлений о динамике общественных процессов, месте и роли субъекта хозяйствования, позволивший по-новому осветить феномены социально-экономической жизни.
3. Диалектический метод, позволивший обосновать ведущую роль осознанной хозяйственной деятельности индивида в противостоянии экономическим кризисам, отношении к рискам, а также подчеркнуть парадоксы онтологической бессубъектности.
4. Метод сравнительно-исторического анализа развития и функционирования системы экономической коммуникации, позволивший определить тенденции дальнейшего формирования коммуникативного пространства хозяйственных отношений.
5. Метод логической реконструкции, позволяющий рассматривать деятельностные аспекты субъектов хозяйствования и их роль в общественном воспроизводстве в социально-философском аспекте.

Объектом исследования стали стратегии преодоления современной системы воспроизводства социальности, опирающейся на сугубо экономическую детерминацию развития общества, на учащающиеся и усиливающиеся кризисы, разрушающие общественные связи и вызывающие сопутствующие социальные проблемы.

Предметом исследования являются особенности трансформации роли и значения действующего субъекта в процессах общественного воспроизводства и вызванные этим глубинные изменения в системе антропосоциогенеза.

Основная гипотеза исследования состоит в том, что нарастающая изоляция, отчуждение и дистанцирование человека от осознанного участия в экономических процессах должна приводить к таким фундаментальным трансформациям системы хозяйствования, которые становятся причиной экономических кризисов. В работе исследуется парадоксальная ситуация, когда в самой хозяйственной культуре наследуемые, механистические, облегчающие материальную сторону человеческой жизни, формы экономической бессубъектности и бессубъектной коммуникации, одновременно препятствуют естественному катализатору экономического развития – человеческой инициативе и его свободной творческой самореализации. Исходя из данной гипотезы, в работе осуществляется поиск новых, современных форм систем общественного управления, философское обоснование новых типов и механизмов общественного воспроизводства, основанных на формировании нового субъектного статуса участника хозяйственных отношений, складывающегося за пределами экономических псевдоценностей.

Эмпирическую основу диссертационного исследования составили количественные социологические, социально-экономические исследования (в том числе проведённые при участии автора).

Основные положения новизны:

1. Впервые выявлен, описан и разъяснён феномен бессубъектности, отражающий процессы деонтологизации в системе общественного воспроизводства. Бессубъектность трактуется как имманентное,

стержневое, универсальное качество участников экономической коммуникации. У индивида остаётся всё меньше социально приемлемых возможностей для проявления собственной уникальности, формирования ответственности и осознанности в процессах хозяйствования.

2. Впервые выявлено и описано качество субъектности как катализатора положительной эволюционной динамики хозяйственных процессов, влияющих на устойчивость общественного воспроизводства. Таким образом, актуализируется проблема поиска человекоразмерного, гуманистического начала субъектности в хозяйстве. Оно формируется за пределами экономически детерминированных условий социального взаимодействия. Возникает «ускользающий», «мерцающий», «конформный» субъект, который не способен открыто противостоять давлению на него со стороны технологий хозяйствования, однако постоянно уходит из-под тотального контроля отчуждённых от него же самого коммуникативных систем.

3. Впервые осуществлено исследование экономики сквозь призму её коммуникативной природы, что привело к экспликации современных условий для обозначения экономической субъектности. Экономическая коммуникация формирует иллюзорно-манипулятивные «перспективы» для человеческого самовыражения. Создаётся иллюзия экономического выбора: труд, в широком его понимании, обретает негативную коннотацию, на его место приходят различных формы экономической обезличенной коммуникации. Однако они, в силу своей обезличенности, превращаются в антисоциальный проект, направленный против глубинных оснований антропосоциогенеза.

4. Впервые выявлена и описана коммуникативная модель социального взаимодействия, которая возникает в условиях нарастающей виртуализации экономической реальности. Её основной характеристикой

является смысловое упрощение, которое выражается, в частности, в эффекте «плоскостной визуализации».

5. Предложена альтернативная система классификации периодов развития систем хозяйствования. В её основе – исследование динамической природы субъекта экономической коммуникации. Исторические эпохи развития хозяйства разделены в соответствии с динамикой статуса экономического субъекта. Выделяются: (1) природно-биологический, (2) гуманистический, (3) социальный, (4) перформативный и (5) цифровой статусы. На протяжении истории хозяйствования (с XVII века по настоящее время) можно наблюдать эволюцию статусов, включая их зарождение, институционализацию, тиражирование, рассеяние и распад.

6. Впервые кризисная экономика рассматривается как синоним парадокса онтологической бессубъектности, ею же порождённого. Противоречия кризисной экономики являются следствием безынициативности и беззащитности индивида, лишённого своей уникальности. Глубинная причина заключена в нарастающем отчуждении человека и глобального экономического мира.

7. Осуществлена реактуализация классического феномена отчуждения: происходит «отлучение» человека от экономической коммуникации, прежде всего, в роли осознанного участника производственных хозяйственных процессов. В условиях отсутствия гуманистических идеалов «отчуждение» становится многоаспектным и социально безальтернативным феноменом, обеспечивающим смысловое взаимодействие людей в рамках экономики и понимание ими самих себя за её пределами.

8. Выявлено диалектическое противоречие между субъектным усилием, создающим в экономике новые условия для ее развития, и ситуацией

бессубъектности, как результата экономического потребления и отчуждения гуманистических смыслов, рожденных на предыдущем этапе развития экономики. Возникает экономическая обреченность на бессубъектность, важную роль в которой играют опредмеченные человеческие усилия, лежащие в ее основании.

Основные положения, выносимые на защиту:

1) В традиции современных экономических исследований установилось два ракурса для экспликации статуса экономического субъекта: (1) «программируемый», то есть формируемый через антропологическую модель (например, «рациональный человек»); (2) «функциональный», при которой субъектность подразумевается, как одна из качественных характеристик пространства социально-экономических отношений. Однако коммуникативный прессинг в отношении личности выявляет новый образ человека (и, соответственно, гуманизма): (3) ускользающего, мерцающего, неверифицируемого субъекта, который подстраивается под экономические императивы, но при этом сохраняет своё право на несогласие с ними.

2) Современная коммуникация развивается параллельно с практикой хозяйствования и, оказывает на неё моделирующее влияние. В этих условиях экономическая субъектность – это феномен проявления таких мотивов в человеческой (хозяйственной) деятельности, которые основываются на его внеопытном (априорном) знании, находящемся за границами навязанных коммуникативных стереотипов, детерминированных не механистическими, а гуманистическими принципами. Проявление субъектности в экономической поведении индивида сопровождается выполнением условий когитальности, контекстуальности, символизма действия, которое находит выражение в хозяйственной материальной культуре на определённом этапе её развития.

3) Экономической субъектности противопоставляется ситуация бессубъектности. Наличие динамики бытия без присутствия в нём субъекта – признак антидинамики, или, контрдинамики, т.е. движения, направленного на аннигиляцию смыслов. Выделяются различные формы экономической бессубъектности, в том числе калькулятивная бессубъектность, бессубъектность сетевого общества.

4) Бессубъектность находит своё выражение в различных феноменах глобальной экономической культуры, в том числе феномене безрискового общества, непрерывного экономического роста, инноваций и прогресса. Общим для этих феноменов является то, что ответственность человека за его собственное и общественное развитие переносится на глобальную (без)ответственность («общество риска», мифическое «они», великий прогресс), где экономическая деятельность деперсонифицирована, а значит, деонтологизирована, лишена своей человеческой сущности.

5) Экономика, как замкнутый на самом себе процесс, нуждается в визуальных метафорах, облегчающих реализацию её суггестивного потенциала в отношении человека. Человек реагирует на эти импульсы, обретая новые субъектные роли – «калькулирующий», «рациональный» человек, тем самым усиливая навязываемую ему извне «аксиологию бессубъектности». На протяжении истории хозяйствования (с XVII века по настоящее время) можно выделить несколько периодов, которые характеризуются сменой субъектных статусов. Для текущего этапа характерен переход к цифровому пространству взаимодействия и, следовательно, цифровой бессубъектности.

6) Технологизация экономического пространства идёт параллельно с его дегуманизацией, формированием постчеловеческих условий хозяйствования, в которых возможности для продолжения экономической жизни человека имеются лишь в информационной оболочке его

«цифровых двойников». Эта среда по-новому инициирует вопрос о самопроявлении человека в социальном мире, о том, достаточны ли традиционные ориентиры (героизм, служение обществу, социальная ответственность и т.д.) для его «второго рождения». Современная экономика виртуализируется, вследствие чего феномен экономизма все интенсивнее начинает подразумевать контр-субъектность, как аксиологическую свою основу. Ускорение становится внешней формой бессубъектности. Экономика начинает зависеть от навязанного себе самой ритма, а человек – всё меньше чувствовать себя причастным к этой интенсификации.

7) «Отчуждение» рассматривается как синоним «отлучения» человека от экономической коммуникации, прежде всего, в роли осознанного участника производственных, хозяйственных процессов. Предлагается представить этот феномен как результат действия социальных зеркал, через которые человек имеет возможность познавать различные аспекты своего хозяйственного бытия, производить разностороннюю рефлексию своего поведения, и тем самым – «отчуждать» собственные проекции себя как экономического субъекта. В этой связи делается вывод, что дальнейшее развитие методологии постклассической философии хозяйства связано с исследованием множественности статусов экономического субъекта.

8) В глобальном и однозначном (одномерном) экономическом пространстве возникает новое понимание феномена лидерства, как способности преодолеть дегуманизирующие экономико-социальные императивы, предложить социальному окружению новые, человекоразмерные смыслы для взаимодействия. Лидерство основано на особой мотивации в человеческой деятельности, которая способствует преодолению границ

«отчуждения», то есть это потребность в преодолении «отчуждения», как правило – через трансформацию мира (и себя).

9) Экономико-коммуникативная деонтологизация социальных процессов приводит к тому, что объективная реальность всё больше субъективируется, а субъективность – обретает эксплицированные формы. Феномен социальной приемлемости становится метафорой антигуманизма (любое личностное проявление подлежит экспликации и публичной оценке), и новые перспективы для человека лежат в сфере личностно пережитой духовности, в том числе – глубоко отрефлектированной, несмотря на коммуникативный прессинг, самотождественности.

Теоретическая значимость диссертации.

В теоретическом плане диссертация представляет собой обоснование преодоления гносеологического, методологического и смыслового разрыва между различными науками, занимающимися в той или иной степени исследованиями проблем современной экономики и общества. Выводы, материалы и положения диссертации могут быть использованы при научной разработке новых теоретических и практических аспектов философии хозяйства, может стать основанием для нового направления – экономической гуманитарологии. Целостный подход к проблемам социального воспроизводства с точки зрения экономической гуманитарологии позволяет актуализировать прежние формы социальной динамики, основанные на доверии к человеку-субъекту социально-экономических отношений, раскрыть его креативный и творческий потенциал.

Практическая значимость диссертации.

Выводы и результаты диссертации призваны внести свой вклад в преодоление кризиса современного общества, в формирование путей и методов обретения им своей идентичности. Теоретические выводы работы

могут способствовать развитию междисциплинарности в исследовании проблем хозяйствования. С научно-практической точки зрения, работа имеет значение как опыт развития феномена отчуждения в соотнесении с современными социокультурными проблемами, в том числе в связи с распространением информационно-коммуникационных технологий. Выводы диссертации имеют значение для определения роли лидеров и предпринимателей в общественном воспроизводстве, а также для выработки рекомендаций по их обучению, с акцентом на субъектность и осознанное участие в хозяйственных процессах.

Достоверность и обоснованность результатов исследования обеспечивается применением обоснованных теоретико-методологических концепций, масштабным охватом библиографических массивов отечественной и зарубежной научной литературы, соответствующих рассматриваемой проблематике.

Апробация основных положений диссертации

Основные положения диссертации отражены в 33 печатных работах, общим объёмом 25,68 п.л. (авторских – 23,4 п.л.), в том числе в 17 публикациях из перечня журналов, рекомендованных ВАК, 1 монографии, а также в докладах на Всероссийской научно-практической конференции «Наследие В.Г. Короленко. Стратегии гуманизма» (Нижний Новгород 2018, 2019); Всероссийской конференции «Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме» (Нижний Новгород 2017, 2019); на секции научно-исследовательской лаборатории философии хозяйства экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, ежегодно проводимой в рамках всероссийских конференций (Москва 2017, 2018, 2019); на научно-практическом семинаре в Венском экономическом университете (Вена, Австрия, 2016) по итогам межвузовского сотрудничества университетов России, Украины, Польши и Германии при выполнении

международного проекта «ЕС TEMPUS» (2013-2016); а также на конференциях всероссийского (Калининград 2017; Арзамас, 2019; Санкт-Петербург, 2019) и международного уровня (Санкт-Петербург 2014, 2019; Белгород 2018), внутривузовских научно-методических семинарах (Нижний Новгород 2015, 2016, 2017, 2019, 2020), при выполнении работ, поддержанных РФФИ по теме: «Исследование статуса субъекта экономических отношений в системе социокультурных кризисов» (2018-2020).

Кроме того, идеи диссертации уточнялись в ходе учебно-педагогической деятельности в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского, в рамках преподавания курса «Лидерство» (2019), развития практики наставничества, лидерства и воспитания предпринимательского духа, на базе лаборатории проектно-ориентированных методов обучения «Студенческий бизнес-инкубатор ННГУ» (2014-2020).

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ХОЗЯЙСТВЕ

Проблема субъекта, в своих различных аспектах, неоднократно становилась исходной предпосылкой для социально-философского анализа общественных и социокультурных явлений. Европейская философская мысль эволюционировала в рамках субъективно-ориентированного исследования, устанавливающего ведущую роль человеческого мышления (Р. Декарт), важную роль его взаимного отношения с миром объектов и с самим собой («мир во мне» по И. Канту, или «я в мире» по И. Фихте), трансцендентального субъекта (а также – «мы» И. Канта, тождество субъекта и объекта у Ф. Шеллинга), правового субъекта и многочисленные модели «рационально» мыслящего, «калькулирующего» человека (М. Хайдеггер). Однако в политической экономии, которая в классический период также основывалась на вполне определённой антропологической модели субъекта (разумно-эгоистической модели А. Смита, Д. Рикардо, Дж. С. Милля, «София» – в работах С.Н. Булгакова), произошёл собственный эпистемологический «поворот». В центре внимания оказались иные вопросы: правильное понимание движущих сил экономической истории (К. Маркс), баланс свобод коллективных субъектов (например, спор о роли государства и рынка), развитие институтов. Экономическая деятельность отдельного субъекта в пространстве капиталистических отношений даже обрела негативную коннотацию («отчуждение результатов труда»). Такой подход в исследовании человека в хозяйстве усилил «обречённость», бессмысленность и предопределённость человеческих усилий, их рассеяние (растворение) в пространстве «бессубъектного», где господствуют законы эволюции социальных отношений. Удаление субъекта из дискурса о разумном хозяйствовании происходило планомерно, одновременно с развитием многослойного теоретического аппарата экономики, усиленного

математическими моделями, статистическими исследованиями. Как результат, личность, ведущая творческую хозяйственную деятельность, превратилась в переменную из уравнения производительных сил, или стала одним из факторов сбалансированной системы показателей.

Противостояние миру экономической коммуникации, находящемуся вне креативного поведения личности, начинается с социально-философского исследования предпосылок экономического поведения, а также анализа тех причин, которые сформировали традиции постгуманитарного экономического мышления. Сюда относится не только критический анализ моделей «экономического» человека, чему посвящено немало трудов в области экономической эпистемологии (В. Колпаков, Н. Печерских, О. Ананьин, В. Автономов) и методологии (М. Блауг, Ф. Майровски, У. Мяки), но и сравнительный анализ концепций бессубъектного, ставших предвестниками наступления эры постмодерна в гуманитарных дисциплинах.

1.1. Рациональность и экономизм: рефлексивные границы научного исследования экономического субъекта

Экономика образует социальное пространство, организующее творческую деятельность человека. Хозяйственная материальная культура, накопленная цивилизациями за период существования, делает его богатым наследником и невольным участником глобального мирового хозяйства. Наряду с наукой и культурой, экономика обладает свойствами социальной системы, в зеркале которой человек способен разглядеть (познать) своё отражение, избрать бытийные формы. Отличия «хозяйства» и «экономики» как природного и неприродного феномена социальной жизни подробно проанализировано в работах Ю.М. Осипова. Он определяет, что «экономическое хозяйствование – товарноденежное хозяйствование, когда товары и деньги не просто посредники в отношениях и делах, а активные в

них участники, способные не только влиять на них, но и зачастую весьма серьёзно определять» [432, с.80]. Многие экономические факторы отсюда следует рассматривать как «человекообразующие». В «Философии хозяйства» С.Н. Булгаков писал: «Всякая хозяйственная эпоха имеет свой дух и, в свою очередь, является порождением этого духа, каждая экономическая эпоха имеет особый тип "экономического человека"» [209]. От науки о разумном хозяйствовании, как она изначально была определена в «Домострое» [353, с.247], экономика почти сразу делает скачок к исследованию поведения рационального экономического субъекта («homo economicus» А. Смита)[1], который ориентирован на максимизацию личной выгоды. Таким образом, западная экономическая мысль утверждается на аксиоматической позиции Дж. Локка о трёх первостепенных импульсах человека: жизнь, свобода и собственность [376]. Среди альтернативных направлений стоит отметить труды Аристотеля, в которых раскрываются принципиальные различия между экономикой и хремастикой [172, с.398], а также – концепцию физической экономики Г. Лейбница [362, с.26-29], которые не получили дальнейшего развития в классический период развития экономической мысли.

Известный экономист, Ф. Махлуп. определяет понятие «экономического человека» следующим образом: это «метафорическое или образное выражение, обозначающее предпосылку гипотетико-дедуктивной системы экономической теории» [87, p.113]. Дж. С. Милль, который

[1] Дефиниция «homo economicus», предложенная А.Смитом, сначала подразумевала не человека в целом, а лишь одну форму его поведения (оболочку, одежду), которая проявлялась в экономическом пространстве. Создание универсальной модели «рационального и всеведущего эгоиста» – это итог переработки идеи А.Смита в работах его последователей, например, Дж.С.Милля. У самого автора в других условиях тот же самый человек превращался из эгоистического в альтруистического. Таким образом, подчёркивались различные мотивы человеческого поведения.

считается первым методологом экономической науки[1], предложил логическое обоснование, почему использование модели «экономического человека» является единственно верным. Он сравнивал человека, стремящегося к богатству «с прямой линией, имеющей длину, но не имеющей ширину» [407, с. 394-402] и описывал такой подход как «подлинно научный способ анализа для общественных наук, в которых невозможен эксперимент и опирающаяся на него индукция»[2].

В работах российских исследователей конца XX-начала XXI века модель экономического человека была неоднократно эксплицирована в ретроспективе экономической и социологической мысли. Н.А. Печерских предложил её проанализировать в том же направлении, в котором происходило развитие «философского человека»: от субъекта сознания к трансцендирующей личности» [443, с.78]. Однако эта задача была им реализована частично: исследование субъекта в философии у него отделено от эволюции представлений о человеке в экономических науках. М. Блауг, Г.С. Кирдина рассматривали этот вопрос в контексте критики основных принципов методологического индивидуализма. О.И. Ананьин вслед за зарубежными коллегами (У. Мяки, Т. Лоусон) предложил собственный опыт анализа экономических онтологий. Как справедливо отмечает В.С. Автономов, «место обитания экономического человека – это теоретические труды учёных-экономистов» [158, с.24]. Оставаясь в поле теоретических рассуждений, «homo oeconomicus» может быть противопоставлен другим моделям в социальных науках, например, – человеку политическому, социологическому, психологическому. Так, в

[1] Дж. С. Милль одним из первых определил предмет политической экономии через модель человека. Подробнее см. Mill, J.S. On the Definition of Political Economy and on Method of Investigation Proper to it //Collected Works. V. 4. Toronto, 1970. – P. 309-339.

[2] Цит. по книге: Автономов, В.С. Человек в зеркале экономической теории (Очерк истории западной экономической мысли). Монография.– М.: Наука, 1993. – С. 16.

работах С. Линденберга даётся следующее определение социологическому субъекту: «человек социализированный, исполняющий роли, поведение которого санкционировано обществом» [81, pp. 99][1]. Среди различных методов конструирования социологического человека (как модель, в противоположность экономическому человеку, по его подобию, как результат синтеза различных качеств), российский социолог, В.В. Радаев, предлагает в рамках экономико-социологического подхода искать не одну фиксированную модель, а «программу построения разных моделей, описывающих широкий спектр типов действия в континууме между полюсами «недосоциализированного» и «пересоциализированного» действия» [464, с.9]. В отличие от независимого, эгоистического, рационального и информированного, «экономического человека», В.В. Радаев описывает субъекта хозяйствования как рефлексирующего, гибкого, волевого, социально-дифференцированного. Важным отличием такого представления экономического субъекта является сложная предсказуемость его поступков. Это, с одной стороны, приближает исследование к реальному хозяйственному процессу, а с другой – делает затруднительным научное исследование хозяйствование в парадигме классической научной рациональности.

Несмотря на глубину ретроспективного анализа истории экономического человека, вне рассмотрения остаётся социально-философская трактовка его влияния на хозяйственную реальность. Критика самой экономической абстракции, как правило, связана с моральными

[1] От англ. «Socialized, Role-Playing, Sanctioned Man», также известна, как модель «SRSM». Для эмпирической социологии С. Линденберг предлагает и другую модель: "человек, имеющий собственное мнение, восприимчивый, действующий" (Opinionated, Sensitive, Acting Man, или модель OSAM). См. Lindenberg S. An Assessment of the New Political Economy: Its Potential for the Social Sciences and for Sociology in Particular // Sociological Theory. Spring 1985. – PP.99-113.

(эгоистическими) мотивами экономического поведения, хотя имеются попытки (С.Н. Булгаков, Ю.М. Осипов, Н.А. Печерских) сделать этот вопрос предметом социально-философского исследования.

В современной научной литературе продолжаются споры о качествах и способностях очищенного от «врождённых идей» (Р. Декарт), «экономического человека», который вовлечён в процессы личного обогащения. При этом экономический мейнстрим[1] в последние два столетия развивается, опираясь на «каменный уступ» «методологического индивидуализма»[2], то есть исследование «экономических феноменов «через призму» индивидуальных действий экономических субъектов» [325, с.8]. В рамках неоклассического исследования «методологический индивидуализм» привёл к редукционизму: эмерджентные свойства хозяйственной системы игнорируются, упрощаются (редуцируются) до той степени, что их исследование сводится к анализу свойств рационально действующего индивида, который вовлечён в экономическую коммуникацию. В то же время именно благодаря «методологическому индивидуализму», который концентрирует идеалы и нормы экономического исследования, неоклассическая экономика остаётся ведущей парадигмой исследования и

---

[1] От англ.яз. «mainstream economics», также обозначается как ортодоксальная экономическая теория, к которой сегодня относится неоклассическое направление. См. Colander D., Holt R., Rosser Jr B. The changing face of mainstream economics //Review of Political Economy. – 2004. – Т. 16. – №. 4. – P.490.

[2] Этот принцип, сформулированный К. Менгером, получил развитие в работах его учеников – представителей Австрийской школы. См. Кирдина, С.Г. К переосмыслению принципа методологического индивидуализма / С.Г. Кирдина. – М.: Институт экономики РАН, 2013. – 54 с. О роли методологического индивидуализма в развитии экономической теории пишет М. Блауг, проводя различия между этим императивом и методологическим холизмом, а также различными его интерпретациями (в т.ч. психологическими). Этот вопрос освещался также в работах Й.Шумпетера и Ф. Хайека. Подробнее см. Блауг, М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. Пер. с англ. / Науч. ред. и вступ. ст. В.С. Автономова. – М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004. – С.100-102. Подробный сравнительный анализ различных подходов к пониманию «методологического индивидуализма» представлен в работе Udehn, L. Methodological individualism: Background, history and meaning. – Routledge, 2002. -464 p.

создаёт различные синтезы с альтернативными направлениями [144]; [325, с.10-12]. Более того, как отмечает В.В. Радаев, в современной экономической социологии также наблюдается ситуация, когда она становится не самостоятельным направлением, а только дополнением к неоклассической парадигме исследования хозяйства.

В истории экономической мысли обнаруживается множество описаний антропологической модели. Это может быть человек, который максимизирует положительные ощущения и избегает наказания: Ф. Эджуорт обозначил его как «машина удовольствия» (англ.: «pleasure machine») [42, p.15]. Однако удовольствие бывает не только физическим, но также ментальным, может иметь духовную природу: об этом упоминает Дж. С. Миль. «Кто не станет подсчитывать, когда речь идёт о таких важных материях, как страдания и наслаждения? Люди считают, одни менее, другие более точно, но считают все» [15, p.435-43], – пишет основоположник английского утилитаризма, Дж. Бентам, суммируя все высказанные до него мысли об экономическом человеке. «Расчётливый» человек Дж. Бентама демонстрирует то, что М. Хайдеггер впоследствии назвал «калькулирующим мышлением».

Существенное влияние на развитие модели «экономического человека» оказали работы учёных-маржиналистов: У. Джевонса, Л. Вальраса, Ф. Эджуорта и В. Парето (1870-1880-е гг.). Их «экономический человек» проявлял себя в связи с действием механизмов товарно-денежного обмена, и его поведение, как правило, описывалось с применением математического аппарата. «Экономический человек» в работах маржиналистов осознаёт не только свои личные цели, но и постоянно просчитывает имеющиеся ресурсы, а также поведение других субъектов, таких же рациональных, как и он сам. На первый план выходит «сценарное» предвидение, обсуждаются различные стратегии поведения и ситуации на рынке, к которым приводят те, или иные

решения человека в экономике. Ф. Майровски, современный исследователь истории и методологии экономической науки, справедливо называет произошедший поворот в исследовании поведения экономического субъекта «маржиналистской аннексией» [107, p.363]. С этого момента неоклассическая исследовательская программа становится экономическим мейнстримом (первый теоретический синтез теорий осуществил А. Маршалл), а математические конструкции, заимствованные из физики, формируют её «жёсткое ядро». Широкое использование методов физико-математических наук становится общим принципом для маржиналистов: они считали применение математики необходимостью, способом избавления от «иллюзий», обременяющих социальные науки (В. Парето), или так называемой «социальной механикой» (Ф. Эджуорт). Эта тенденция превратилась в традицию, и по прошествии половины века, в 1942 году, Ф. Хайек[1], в своём публичном выступлении в связи с получением премии Шведского национального банка по экономическим наукам памяти Альфреда Нобеля (1974 г.), по-прежнему будет обращать внимание на излишнюю увлечённость экономистов моделированием, назвав это «наукообразным» отношением к экономическим проблемам» [427, с.196]. В работах В.А. Колпакова эта проблема обозначена как «перманентный кризис научности», вызванный «излишней ориентацией на математизированные модели и забвение области своей фактичности» [342, с.211]. Сторонники использования математического аппарата в экономическом исследовании указывают на отсутствие других инструментов аргументированного анализа (строгости и непротиворечивости[2]), которые поддерживают критическое

[1] Лауреат премии Шведского национального банка по экономическим наукам памяти Альфреда Нобеля 1974 г. (совместно с Г.Мюрдалем). См. The Sveriges Riksbank Prize in Economic Sciences in Memory of Alfred Nobel 1974". Nobelprize.org. Nobel Media AB 2014. Web. 6 Aug 2018. <http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/economic-sciences/laureates/1974/>

[2] Дж. Кэй, выступающий противником современных подходов к моделированию экономических процессов, сравнивает их с компьютерной игрой. Он даёт следующее

мышление, и дают возможность интеграции в другие области знания (в том числе экономического). Однако широкое применение математического аппарата в экономическом исследовании неуместно именно по причине расхождения метода и материала (хозяйственной реальности), которая, как замечает Д. Н. Кейнс «слишком нечёткий, чтобы оправдать такой подход» [28, p.83].

Несмотря на развитие альтернативных подходов в экономическом исследовании (институционализм, кейнсианство, поведенческая экономика) идея «экономического человека» продолжала эволюционировать и в XX веке. Дж. М. Кейнс разглядел в человеке склонность к сбережениям и «денежным иллюзиям»[1] [322, с.86], М. Фридмен и Э. Фелпс – «адаптивные ожидания» [48, p.375]. Р. Лукас, Т. Сарджент и Н. Уоллес вновь утверждали, что ожидания индивида, как правило, «рациональные» [570, с.182]. Большинство современных исследований опирается на портрет «рационального эгоиста», занятого в процессе хозяйствования удовлетворением личных потребностей. Эта антропологическая модель является базовой для неоклассической экономической школы (экономикс[2]),

---

определение этим принципам: «Строгость и непротиворечивость отличительные признаки дедуктивного подхода, который выводит заключения из ряда аксиом, причём эмпирическая значимость этого подхода полностью определяется общей значимостью исходных аксиом». См. Кэй, Дж. Карта – не территория: о состоянии экономической науки // Вопросы экономики, 2012. – №5. – С.8.

[1] Эта идея впервые озвучена в 1928 году Ирвингом Фишером. См. Fisher, I. The Money Illusion.– New York: Adelphi Company, 1928.– 245 p.

[2] «Экономикс» – перевод с англ. «economics», как правило, относится к современной неоклассической «экономической теории» (термин введён А. Маршаллом). Отдельные исследования в области педагогики подчеркивают существенные различия в преподавании политической экономии и «экономикса». В отличие от политической экономии, имеющей социально-философские основания, экономикс, как считают отдельные исследователи, выполняет идеологическую функцию в гуманитарном экономическом образовании. Подробнее см., например, Любинин, А.Б. Снова к проблеме генезиса и предметного содержания «экономикс» //Российский экономический журнал. – 2016. – №. 2. – С. 35-65.

которая находится в авангарде современной экономической мысли[1], несмотря на то, что она не раз подвергалась обоснованной критике[2]. Как замечает один из основателей поведенческой экономики, Р. Талер[3], «уровень IQ Homo economicus ограничивался только IQ умнейших экономических теоретиков» [505, с.144].

В работах отечественных исследователей (В.С Автономова, П.П. Гайденко, Ю.Н. Давыдова) был неоднократно и всесторонне исследован генезис рациональности и «рационального человека» [157]; [232]; [233], раскрыты антропологические аспекты экономического поведения, которое преимущественно направлено на оптимизацию экономической системы, поиска тех путей, которые позволяют сохранить систему, «увеличив её гомеостазис» [158, с.29]. Следует отметить «упрощение» (редукцию) сложного образа человеческой личности, не только с точки зрения психологических, но и социокультурных, национальных, даже биологических особенностей: в преломлении экономической теории человек становится глобально-действующим, усреднённым индивидом, только в такой, редуцированной форме, его действия становятся предметом экономического анализа. В конце XX века разрозненные модели

---

[1] В истории экономической мысли имеются теории, которые не базируются полностью на аксиоме рациональности. Таковыми, при определённых допущениях, являются кейнсианская макроэкономическая теория, марксистская экономическая теория, радикальная экономическая теория и американский институционализм.

[2] Например, Ф. Найт обращает внимание, что даже если бы могли определить мотивы поведения рационального человека, считая их научным фактом, то мы не могли бы ничего сказать о поведении такого человека с той же степенью достоверности, с какой естественная наука выводит движение из причин этого движения. Проблема заключается в том, что связь между мотивом и реализацией этого мотива в действии опосредована различного рода факторами, такими как воля, случайность, ошибка и т.д. См. Knight, F. Economics and human action // The philosophy of economics. An anthology, ed. D.M. Haysman, Cambridge University Press, 2002. – P.112.

[3] Обладатель премии Шведского национального банка по экономическим наукам памяти Альфреда Нобеля 2017 года «за вклад в исследование поведенческой экономики». Подробнее см. «The Prize in Economic Sciences 2017». Nobelprize.org. Nobel Media AB 2014. Web. 7 Aug 2018. URL://nobelprize.org/nobel_prizes/economic-sciences/laureates/2017/>

рационального максимизатора («эгоиста») в экономике были сведены к парадигме, обозначенной лаконичным акронимом RREEMM[1] (рус. перевод: «изобретательный, испытывающий ограничения, имеющий ожидания, оценивающий, максимизирующий человек»). Впервые предложенная известным американским экономистом У. Меклингом [103], парадигма RREEMM получила развитие в других исследованиях [79], что в итоге разделило дискурс о рациональном человеке на тот, что подлежит исследованию в психологии, социологии и собственно – в рамках экономической науки. Такое разделение с одной стороны, открыло возможности для когнитивных исследований, но с другой – отодвинуло на второй план вопрос генезиса рационального человека, и его ответного (в т.ч. методологического) влияния на экономическую реальность. Как справедливо отмечает В.Г. Федотова, «наряду с экспликацией модели человека из экономических теорий, в той или иной мере предполагается онтологизация этой модели, понимаемая как достижение её на практике» [528, С.3].

Рациональность в хозяйстве представляет собой важный методологический принцип, который берёт своё начало в эпоху Просвещения, связан с теорией «разумного эгоизма» Б. Спинозы, и получает развитие у Т. Гоббса, К. Гельвеция, Л. Фейербаха. В России идея «разумного эгоизма» подробно раскрывается в литературных и критических работах Н.Г. Чернышевского[2]. М. Вебер рассматривал рациональность как логическую основу истории развития хозяйства. Он писал: «… в известном смысле, и в известных границах вся история хозяйства есть история ныне

---

[1] От англ. Resourceful, Restricted, Expecting, Evaluating, Maximizing Man. См. Lindenberg, S. Homo socio-oeconomicus: The emergence of a general model of man in the social sciences //Journal of Institutional and Theoretical Economics (JITE)/Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft. – 1990. – Т. 146– № 4. – P. 739.

[2] Подробно об особенностях концепции «рационального эгоизма» у Н.Г. Чернышевского см. Кантор, В.К. Что значил разумный эгоизм Чернышевского в общинной стране? // Вопросы философии, 2014. – №3. – С.95-104.

достигнувшего победы экономического рационализма, основанного на вычислении и расчёте»[1]. Денежное обращение, которое привнесло в хозяйствование абстрактные правила оценки, анализа, учёта (в том числе бухгалтерского учёта), дало возможность выйти за пределы традиционных практик, а также оценивать, упорядочивать находящиеся вне привычных границ возможности и (будущие) перспективы. «Только эта функция денег делает возможным для хозяйства, ожидающего дохода, ориентироваться исключительно на шансы рынка, а для «домашнего хозяйства» заранее намечать свой «хозяйственный план» расходования имеющихся в его распоряжении денежных сумм, руководствуясь «предельной полезностью» этих сумм»[2]. Денежное измерение, постоянная калькуляция, сопровождающая все процессы хозяйствования, которые, как справедливо заметил С.Н. Булгаков, охватывают труд «от пахаря до звездочёта», способствуют «колонизации» жизненного мира (Ю. Хабермас), повсеместной коммодификации[3] (К. Маркс, К. Поланьи), глобальному распространению «калькулирующего мышления» (М. Хайдеггер).

Постулат рациональности также выполняет роль конвенциальной истины: он необходим для сохранения текущей исследовательской программы[4], особенно при отсутствии альтернатив. С эпистемологической

---

[1] Вебер, М. История хозяйства. Биржа и её значение. – М.: «Гиперборея», «Кучково поле, 2007. – С.21.

[2] Там же. – С.12.

[3] Подробнее о феномене коммодификации, а также научных дискуссиях, сложившихся вокруг него в экономической социологии, см., например, Бердышева, Е.С. От критики к аналитике: коммодификация жизненно важных благ как актуальная исследовательская проблема в новой экономической социологии // Экономическая социология, 2012. – Т. 13. – №1. – С.67-85.

[4] Дж. С. Милль проводит прямую связь между возможностями экономического исследования и предпосылки о стремлении человека к богатству. Он пишет: «Эта наука... существует... при предпосылке, что человек в силу своей природы предпочитает больший объем богатства меньшему во всех случаях, а исключения объясняются лишь двумя указанными мотивами, противостоящими стремлению к богатству. Данная предпосылка

точки зрения «рациональность» критикуется как понятие «псевдометодологическое» (И.Т. Касавин), парадоксальное (В.Н. Порус), как психологизм, и одними учёными осторожно характеризуется как проверяемая гипотеза общественных наук (К. Поппер), лакатошианское «твёрдое ядро» исследовательской программы, а другими – как идеал научности (М. Бродбек), синтетическая априорная истина (Л. Роббинс, Л. Мизес), которая позволяет отказаться от «поиска подозрительных «коллективного разума» или «безличных сил» [195, с.103].

Р. Талер, один из современных представителей поведенческой экономики, сделал следующий прогноз развития модели рационального человека в экономической науке: «Я прогнозирую трансформацию этой тенденции в сторону подхода, в котором приписываемая агентам степень рациональности зависит от исследуемого контекста» [505, с.144]. Развивая эту мысль, он заключает, что в экономических моделях будет учитываться (1) скорость обучения человека (в моделях пенсионных накоплений меньше шансов научиться на ошибках, чем в моделях, связанных с частыми покупками); (2) выделение различных групп субъектов экономических отношений, в том числе квазирациональных; (3) исследование особенностей человеческого познания; (4) построение дескриптивных экономический теорий. Наконец, он отмечает, что «Homo economicus станет более эмоциональным» [505, с.151], что означает различие в теории между «висцеральными факторами» экономического поведения субъекта (боль,

---

принимается не потому, что кто-то из политэкономов столь глуп, что верит, будто человечество устроено именно таким образом, а потому, что без нее существование науки невозможно. См. Милль, Дж.С. Основы политической экономии. – М., 1980. – Т.1. – С.394–402.

голод, сонливость), и теми, что «запускаются нашей трактовкой ситуации», – гнев, страх, чувство вины и другие[1].

В трудах Б. Спинозы, рациональность связана с нравственностью и свободой воли человека, которая понимается не как господство над внешней природой, а как «господство над собой, основанное на познании непреложной необходимости природы» [299, с.174]. Основным правилом новой этики Б. Спинозы, этой «математической теории нравственного мира» (Э. Кассирер), является следующее утверждение: «Не смеяться, не плакать, не проклинать, а понимать» [486, с.447]. Поведение человека, который стремится к собственной пользе и пользуется собственным разумом, рассматривается в таком контексте нравственным и свободным от «аффектов», причина которых кроется в идеях. Б. Спиноза пишет: «Первая и единственная основа добродетели или правильного образа жизни есть искание собственной пользы» [488, с.34]. В «Антропологическом принципе в философии» у Н.Г. Чернышевского эта мысль развивается следующим образом: «цель, которая предписывается человеку <…> рассудком, здравым смыслом, потребностью наслаждения: эта цель – добро. Расчётливы только добрые поступки; рассудителен только тот, кто добр, и ровно настолько, насколько добр» [578, с.291]. В то же время «неразумный эгоизм» связан с низким уровнем познания, который основан на чувственном восприятии и зависит от низших аффектов (стремление к самосохранению, выгоде и собственной пользе). В таком контексте низшие аффекты по большей части соответствуют нижним уровням пирамиды потребностей А. Маслоу – популярной концепции мотивации и потребностей индивидов [385; 567].

Идея «разумного эгоизма», положенная в основу учения об этике, претерпела существенные изменения, оказавшись в основании

[1] Подробнее см., например, исследование Й. Эльстера. Elster, J. Emotions and Economic Theory // Journal of Economic Literature. March 1998. Vol. 36. Iss. 1. P. 47–74.

антропологической модели экономики. Понятие разума свободного, определяющего для себя пользой собственные нравственные поступки, было заменено на разум «калькулирующий», зависимый от внешних установок (мифы-конструкты, идеологии). Вместе с тем «экономическое» поведение трудно отделимо от другого поведения человека в социуме, если только оно не имеет аксиологической трактовки. Здесь «экономическое» в отношении к человеку, находящемся в системе производства и потребления, берёт начало в «экономизме», который по меткому выражению русского философа, С.Н. Булгакова, в конце XIX века стал «основной особенностью исторического миро чувствования» [209, с.57]. «Экономизм» был возведён в догмат, и, пройдя идеологическую консервацию, временно освободился от социально-философской полемики. Это открыло дорогу для стремительной эволюции экономической мысли, замкнутой на саму себя, и как следствие – распространения «экономического детерминизма» (Дж. Дьюи) и её ценностного (идеологического) измерения. По утверждению многих русских философов конца XIX-начала XX века, распространение экономизма в наибольшей степени было связано с духовной трансформацией человека. Речь идёт о так называемом духовном вакууме, который сформировался вследствие разрушительного влияния «дурной» культуры[1] (в т.ч. утверждением «фаустовской мысли»), дегуманизации, рассеяния и дальнейшей релятивации этических начал не только в экономических отношениях, но и в целом в обществе.

Следует отметить, что в ранней экономической мысли, а также в политической экономии, этика была определяющей в обосновании критериев

[1] И.А. Ильин подробно описывает, каким образом «дурная» культура, воспитанная без участия «сердца», подрывает саму себя. Он пишет: «Человечество творит свою культуру неверным внутренним актом, из состава которого исключены: сердце, совесть и вера, а сила созерцания – заподозрена, осмеяна и сведена к подчиненному, почти подавленному состоянию». См. Ильин, И.А. Путь к очевидности / И.А. Ильин. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С.6-7.

экономического развития. Так, А. Смит, рассуждая о «невидимой руке рынка», опирался на понятие «совести» и единства всех людей в Боге, которые должны были обеспечить всеобщее благополучие, несмотря на эгоистическое начало, преобладающее у тех, кто стремится к накоплению богатства. В связи с этим замечательную характеристику этике как фактору контроля и условия устойчивости рынка даёт П. Козловски: «Общество, не знающее несостоятельности рынка и этики, было бы обществом без воспринимающего и желающего субъекта (…) Однако нет такого общества и нет такого рыночного хозяйства, в котором люди не обладали бы свободой по отношению к их собственной деятельности, а отсюда и возможностью нарушать правила рынка и правила этики. А поэтому не существует и хозяйственного и общественного порядка без несостоятельности экономики, и этики» [338, с.53]. Отсюда П. Козловски делает вывод, что существует только два способа для решения этой проблемы: «Несостоятельность этики или компенсируется религией, или устраняется всеобъемлющим внешним контролем за людьми в рамках такого общественного и хозяйственного порядка, который заменяет этику полным социальным внешним регулированием и исключением свободного принятия решений». Отдельные положения учения А. Смита также оспаривал Дж. Бентам, который предпринял попытку дать универсальную характеристику экономической стороне общественных отношений. К. Маркс, в своих ранних работах, развивая идеи И. Фихте и В.Ф. Гегеля, обнаружил, что само участие в товарно-денежных отношениях формирует психологические мотивы участников общественного воспроизводства. Если в XIX веке такими мотивами были накопительство (бережливость, форсайтизм), то в XX веке – потребление и денежное изобилие. В связи с этим Н.А. Бердяев обращал внимание на особенность трактовок работ К. Маркса: «Власть экономики в человеческой жизни не Марксом выдумана и не он виновник того, что

экономика так влияет на идеологию. Маркс увидел это в окружающем его капиталистическом обществе» [188, с.80]. Однако «экономизм» не следует трактовать как единственный вариант духовного «закрепощения» человека. Победа над «иррациональными силами природы и общества» (К. Маркс) может стать началом рабства иного рода, если человек допускает такое «закрепощение», если его познание ограничено чувственным восприятием (познание первого рода Б. Спинозы). Как будет показано в дальнейшем, исследование аксиологических факторов должно стать частью «объективного истинного объяснения» в постклассической парадигме философии хозяйства[1].

М.К. Мамардашвили неоднократно указывал на значимость языка для философского исследования: на языке Б. Спинозы жизнь «разумного эгоиста», подчинённая экономической выгоде, сама является идеей, которая порождает аффекты. Чтобы их преодолеть, человеку требуется приложить усилия своего разума, но разума критического. Если Б. Спиноза устанавливает приоритет собственного разума (отсюда и «эгоизм») в определении нравственности человеческих поступков, то в контексте экономической рациональности – разум отдельной личности подменяется конкретными модельными установками, которые нередко являются продуктом мышления «толпы» (пространства бессубъектного). Модели позволяют рассчитать личную выгоду, определить её по заданной формуле (наукообразие в экономике), установить её количественный размер, иногда опираясь на внешних наблюдателей процессов. Только критический разум способен отличить достижения науки, дающей знания («познание второго и

[1] Именно так В.С. Стёпин определяет идеал «ценностно-нейтрального исследования». Подробнее см. Стёпин, В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия // Постнеклассика: философия, наука, культура. – Спб.: Издательский дом «Міръ», 2009. – С.42.

третьего рода» Б. Спинозы), полезные для освобождения[1] и науки, которая сама в себе несёт идеи, порождающие аффекты, и разум закрепощающие.

Характер труда человека, занятого в системе производства, во многом определяется индивидуальными, ментальными установками, которые выступают мотивом, причиной труда, воздействия и преобразования окружающей природы и социума. А. Маршалл, получивший известность благодаря трудам в области экономики фирмы и производственных отношений (а также критикой моделирующего подхода к экономике [97]), определяет в качестве такого мотива – привычки и традиции, унаследованные от предыдущих поколений. Он отмечает, что «выживаемость» этих привычек определяется степенью их рациональности и функциональности. Однако рациональность и функциональность может сама стать мифом-конструктом[2], влияние которого определяется не столько логическими доводами, сколько массовой популярностью.

В современном обществе это предположение открывает себя, например, в вопросах, связанных с выбором профессии и работой по специальности. Так, согласно статистическим данным, ведущую роль в современной профориентации играют родители и семья, которые принимают решения, основываясь на экономических рациональных соображениях, включая такие устоявшиеся количественные и качественные показатели как предполагаемый будущий уровень заработной платы, а также возможности

---

[1] В отношении такого рода познания Б.Спиноза пишет: «Чем больше вещей познает душа по второму и третьему роду познания, тем большая часть её остаётся, и, следовательно, тем большую часть её не трогают аффекты, противные нашей природе, т.е. дурные». См. Спиноза, Б. Этика. – Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С.33

[2] Как справедливо отмечает Е. Мелетинский, «в современной социологии термин «миф» употребляется с различными оценками и в различных смыслах, что ведет к неоправданному расширению и модернизации его значения». См. Мелетинский, Е.М. Поэтика мифа [Текст] / Е.М. Мелетинский. – М.: Мир: Академический Проект, 2012. – 331 с. В исследовании далее будет приведено обоснование, в каких случаях в экономике миф может играть деструктивную (миф-конструкт), а в каких – позитивную роль.

получения сопутствующих выгод на занимаемой должности. Однако после получения высшего образования только половина выпускников работает по специальности [243, с.47], а текучесть кадров среди молодёжи достигает 45% [504, с.176]. Это связано как с обесценением, недоиспользованием специализированной рабочей силы[1], так и личными причинами – в том числе нежеланием работать по профессии[2]. По статистике наивысшая степень неудовлетворённости встречается как раз среди тех профессий, которые считались наиболее популярными в период самоопределения школьников (к таковым в последние годы, например, относятся профессии «экономиста», «бухгалтера», «юриста»). Можно утверждать, что такие мифы-конструкты относительно будущего профессионального трудоустройства, несмотря на негативный социальный опыт, продолжают формировать «модельно-рациональные» установки, то есть являются аффектами (Б. Спиноза). Имея в основе идею рационального выбора профессии (например, приоритет будущей заработной платы, или личный успешный профессиональный опыт), они формируют поле неосознанного выбора направления и формы участия молодого поколения в системе общественного воспроизводства.

Следствием аффективных установок, действия «мифов-конструктов», продуцируемых бессубъектным пространством коммуникации, может быть разрыв между запросом рынка труда и системой образования (несоответствие выпускников требованиям работодателей), причиной

---

[1] Как показывает статистика, в наибольшей степени это касается тех, кто получал в вузе инженерно-технические и сельскохозяйственные специальности. При более строгом рассмотрение (исключая руководящие должности) этот показатель снижается до одной трети. Ещё более драматичная ситуация наблюдается в отношении специалистов среднего профессионального образования. См. Гимпельсон, В. Выбор профессии: чему учились и где пригодились? / В. Гимпельсон, Р. Капелюшников, Т. Карабчук, З. Рыжикова, Т. Биляк: Препринт WP3/2009/03. – М.: ГУ ВШЭ, 2009. – С.47.

[2] По данным опроса ФОМ до 34% предпочли бы оставить текущую работу, в том числе с целью поменять род занятий. См. Корпоративный сайт ГК ФОМ. Россияне о своей работе. – [Электронный ресурс]. – URL: http://fom.ru/Rabota-i-dom/12417 (доступ к ресурсу: 01.12.2017).

которого, как правило, называют неэффективную организацию образовательной системы [504]. Мифы-конструкты в форме неосознаваемого знания, которыми индивид руководствуется при принятии решений, играют роль познания первого рода. Б. Спиноза определял их, как познание чувственного опыта, основанное на смутных и неясных идеях. Отсюда экономические аффекты могут быть поставлены в один ряд с природными инстинктами и зависимостями, преодоление которых находится на более высоких уровнях познания. Сама экономика при этом являет себя как вторая природная стихия, которая «способна» не только защищать его от стихии природной, но и «отчуждать» своего творца, человека. Об этом же парадоксе пишет С.Н. Булгаков: «Человек в хозяйстве побеждает и покоряет природу, но вместе с тем побеждается этой победой, и всё больше чувствует себя невольником хозяйства» [209, с.316].

Рассуждения о способностях человека к рациональному поведению (мышлению) и возможности его моделирования (редукционизм) оставались бы теоретическими концепциями, если бы в хозяйственной практике они не становились долгосрочными политическими программами, преобразующими всю систему общественного воспроизводства. Это явление получило название «экономической перформативности». Перформативность подразумевает, что экономическая действительность изменяется под воздействием высказываний, основанных на представлениях о ней, в том числе теоретических. А это – открытый путь к онтологизации экономического человека и дальнейшего распространения экономизма, уже не как теоретической уступки, но как бес(сознательного) масштабирования и намеренного встраивания экономизма в реальную практику хозяйствования.

Одним из первых на перформативные свойства экономической реальности указал М. Каллон[1]. Он писал: «Экономика встраивается не в общество, а в экономикс»[2] [25, p.30]. Развивающий эту мысль Д. МакКинзи пишет, что «экономика не описывает существующую внешнюю «экономику», но делает эту экономику реальностью: экономикс осуществляет экономику, создавая явления, которые он описывает»[3] [88, p.108]. Различные теоретические утверждения (например, о пользе свободной торговли А. Смита), формулы, описывающие законы рыночного ценообразования, и различные модели («экономический человек») не только дают качественное теоретическое представление об экономике и хозяйстве, но они «включаются» в само пространство наблюдения, меняют, формируют, участвуют в воспроизводстве экономики. Известно, что решающее значение для становления рынка производных финансовых инструментов стала модель Блэка-Шоулза[4] для расчёта цен опционов, разработанная в 1970-х гг. и названная в честь его авторов [628, с.658]. Маркетинг, зародившийся в бизнес-среде, поставил в зависимость компании, пользующиеся его инструментами [25, pp.194-221]. Сбор экономической статистики считается

---

[1] См., например, Callon M. What does it mean to say that economics is performative? // Do economists make markets? / Ed. by D. MacKenzie, F. Muniesa, L. Siu. Princeton: Princeton University press, 2007. P. 311-357. Само понятие «перформативности» восходит к работам Дж. Остина Понятие «перформативности» появляется в теории речевых актов Дж. Остина, который обратил внимание на то, что многие речевые акты преобразуют реальность, а не только описывают её. См. Остин, Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – 423 с.

[2] Перевод с англ.яз., оригинал: «Economy is embedded not in society but in economics».

[3] Перевод с англ.яз., оригинал: «Economics does not describe an existing external “economy,” but brings that economy into being: economics performs the economy, creating the phenomena it describes».

[4] Модель была отмечена Премией Шведского национального банка по экономическим наукам памяти Альфреда Нобеля 1997 года «за новый метод определения стоимости производных ценных бумаг». Её получили американские экономисты, М.Шоулз и Р.Мертон. Подробнее см. «The Sveriges Riksbank Prize in Economic Sciences in Memory of Alfred Nobel 1997». Nobelprize.org. Nobel Media AB 2014. Web. 7 Aug 2018. <http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/economic-sciences/laureates/1997/>.

необходимым для формирования будущего, планирования деятельности как коммерческих организацией, так и государственных структур [90, pp.276-310].

Самим актом высказывания об экономике, преобразуется экономическая реальность, т.е. тем самым она осуществляется (от англ.: «performs»). Эта форма «стандартной перформативности» (Д. МакКензи) дополняется более сложными формами, в которых важную роль приобретает взаимодействие всех участников-агентов (как представителей бизнеса, так и теоретиков) в со-осуществлении (от англ. «co-performation») хозяйственной реальности [24, p.335-339]. Дж. Сорос, один из известных сторонников рыночной экономики, отмечает, что «масштаб влияния экономической теории вышел за рамки, которые должны определяться постулатами аксиоматической системы. Теория перестала быть просто теорией. Рыночные фундаменталисты трансформировали теорию в идеологию, которая оказала и продолжает оказывать мощное и опасное влияние на поведение людей в политике и бизнесе» [485, с.48]. «Перформативность» экономики с точки зрения коммуникации может быть эксплицирована как «презентабельность», «доступность», «коммуникативная открытость», «эпатажность», «перевод внутренних смыслов во внешние проявления», – раскрывает особенности современной коммуникации А.Н. Фортунатов [538, с.350]. Это делает экономику «плоскостной», простой в визуализации, но одновременно – лишённой глубинного анализа, осознания, или возможности «культурного созерцания» (И.А. Ильин). А это, как будет показано в дальнейшем, – фактор формирования «бессубъектности» экономического пространства, проявления в экономике «императива без адресата», который является одной из причин возникновения экономических кризисов [598, с.55].

Перформативность экономики является выражением «циклической причинности» (В.С. Стёпин): в отличие от классического детерминизма, она характерна для саморазвивающейся системы[1], многие стороны которой раскрываются именно в контексте постнеклассической рациональности. Отсюда возникает – «коррелятивная связь между типом системных объектов и соответствующими характеристиками познающего субъекта, который может осваивать объект» [489, с.13]. Отсюда – экономический субъект нуждается в исследовании опорных (конструирующих реальность) положений. Они делают его рефлексией (отражением) экономического бытия, вместо возможной рефлексии (исследования) его ценностных оснований. Вот почему эта проблема требует особого философско-методологического анализа, в том числе исследования в области культурного и цивилизационного развития (между культурой западной, техногенной цивилизации и восточными культурами). «Перформативность» экономики в русле постклассической рациональности тогда можно рассматривать не только как оригинальный тезис, который подвергается широкой критике со стороны сторонников классической программы социологии [2]; [88]; [105]; [106][2], а естественным проявлением самоорганизующейся системы. В этом смысле – перформативность формирует у исследователя оптимистический

---

[1] Категориальное описание саморазвивающихся систем В.Ф. Гегель иллюстрирует на примере духовной культуры (философии, искусства, права). Подробнее эта тема развивается в работах В.С.Стёпина и Д.С. Чернавского. См. Чернавский, Д.С. Синергетика и информация (динамическая теория информации). – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 288 с.

[2] Имеется множество критических замечаний по поводу идеи М. Каллона о «перформативности» экономики, например, со стороны Д. Миллера, который утверждал, что экономической пространство не может формироваться исключительно из последствий внедрённого «экономического человека», но определяется и другими факторами. Это вызвало положительную дискуссию между ним и М. Каллоном. См. Miller, D. Turning Callon the right way up // Economy and Society. 2002. Vol. 31, No. 2. P. 218-233. Miller D. Reply to Michel Callon // Economic Sociology. European Electronic Newsletter. – 2005. – Vol. 6, No. 3. – PP. 3-13.

взгляд на экономическую реальность, как рукотворную, изменчивую, благодаря творческим усилиям человека и человечества.

В попытке уклониться от неумолимого действия материальной природы, человек (не)осознанно создаёт своей деятельностью природу второго порядка. Сравнение человека с «чистым листом» (Дж. Локк) и отказ ему в наличии «врождённых идей» (Р. Декарт) создали предпосылки для создания многочисленных форм «отчуждения». Этот феномен становится своеобразной аксиомой для оправдания многих социальных негативных явлений, рассматривается как естественная часть любого общественного процесса (вследствие «перформативности»), усугубляя (и одновременно воспроизводя в общественном сознании) произнесённую однажды мысль о якобы естественной вражде человека и человека (Т. Гоббс). Такие представления о сложном мире хозяйственных отношений не только способствовали созданию математически строгих и абстрактных маржиналистских экономических систем, но и породили многочисленные, живущие до сих пор, теоретические конструкты. К ним, например, относится «мальтузинская ловушка», которая противопоставила людей и экономику как систему[1]. Предположение Т. Мальтуса о том, что сокращение численности населения ведёт к увеличению среднего дохода на душу населения, способствовало созданию в 1920-х гг. теории оптимальной численности населения, при которой якобы достигается максимальный доход на душу населения[2]. Уже в этот период истории политической экономии можно наблюдать особую способность экономической науки принимать за

---

[1] Следует отметит, что сам Т. Мальтус считал ограничение рождаемости греховным.

[2] Опираясь на теорию мальтузиантства, К. Хаусхофер предложил рассматривать государство как биологический организм, которому необходимо «жизненное пространство» (в развитии термина Ф. Ратцеля). Его теория «континентального блока» после ряда изменений стала официальной доктриной Третьего Рейха. См. Рукавицын, П.М. Немецкая классическая геополитика: зарождение и этапы развития//Армия и общество, 2008. – №2. – С.

реальность теоретические представления, выработанные самой наукой в отношении этой реальности.

Появление и развитие антропологической модели как базовой предпосылки в экономической науке, привели к следующим последствиям для дальнейшего развития экономической мысли и самого процесса хозяйствования. Во-первых, уподобляя экономику естественным наукам, было упущено, что пространство экономических отношений исторически формируется, а не предзадано: упрощённое в теории «экономическое» поведение человека может «эволюционировать» на практике и в какой-то момент «разойтись» с мотивами и поступками реально хозяйствующего субъекта. Во-вторых, была упущена аксиологическая сторона хозяйственных отношений: как будет показано в дальнейшем, различными экономистами и философами делались попытки «вернуть» ценностные основания в пространство экономических отношений, однако – сделанный однажды шаг в сторону «застывшей» абстракции экономического поведения, основанной на простых и понятных мотивах «разумного эгоизма», большинству исследователей представлялся более удобным подходом: кроме того, он обеспечил синтез разрозненных теорий и концепций. Наконец, именно на основе этой антропологической модели была утверждена и оправдана концепция глобального развития рынка. Представление маржиналистов о хозяйственной реальности, как о пространстве независимо действующих субъектов-атомов, развивали традицию, начатую классиками экономической мысли. Так называемые «законы экономики» могли быть применимы только в условиях конкуренции, свободного действия рыночных сил.

Классический экономический субъект рождается как результат поворота в сторону гносеологии и начавшихся процессов де-онтологизации философской мысли. Он не только один из полюсов субъект-объектных отношений, но и центральная ось классической философской системы:

именно в его сознании рождается, преломляется, движется объектный мир. Однако такой субъектоцентризм имеет два важных последствия для восприятия экономического мира. Во-первых, субъект-индивид занимает позицию деятельностного творца-собственника, который рассматривает весь природный мир как «биологическую массу», доступную для преобразования под его нужды и задачи. Во-вторых, такой субъект – представляется глубоким индивидуалистом: его гуманизм разумно эгоистичен.

Экономическая субъектность в классический период научной рациональности сводится, таким образом, к поведению рационального индивида, ведомого исключительно личными эгоистичными интересами и помещённого в идеальный мир, в котором отсутствует проблема неопределённости и недостатка информации. Рациональные индивиды подобны атомам идеального газа: они сталкиваются, воплощая в экономическом пространстве идею «войны всех против всех» (Т. Гоббс). Конкуренция между участниками обмена согласуется с теорией естественного отбора (Ч. Дарвин): слабые и менее приспособленные уходят, лучшие и наиболее эффективные – выживают. Это условие выживания связано с использованием новых методов хозяйствования, которые такой «статический» хозяйствующий субъект воспринимает для адаптации к изменяющимся условиям. Одновременно в экономической науке утверждается смитовская концепция «рынка» – механизма, который обеспечивает достижение равновесия и эффективности общей системы хозяйствования.

Классический мир хозяйствования близок по своим характеристикам к природному, поэтому такую парадигму можно обозначить как натуралистическую (В.А. Колпаков). Однако даже Т. Гоббс в своих сочинениях сравнивал государство с организмом [247, с.228], О. Конт пишет об этом в своих поздних работах, и эту идею впоследствии развивает

Г. Спенсер, а С.Н. Булгаков – напрямую связывал хозяйство с организмом и противопоставлял механизму [209, с.94]. Эти представления об обществе и мире хозяйства как организме, если и присутствуют в отдельных сочинениях, в научной картине мира долгое время остаются механистичными, а сама экономика развивается на принципах социальной механики. Классический субъект как теоретический конструкт надолго «прописался» в экономической науке, в то время как в социально-философской мысли, посвящённой проблеме хозяйствования, субъект обретает свои неклассические проекции. Таким образом, подходы к исследованию человека в экономике, очевидно, запаздывали по отношению к эволюционирующей социально-философской мысли.

1.2. Экономический субъект и субъектность в неклассический период научной рациональности

Если в классический период предполагается, что экономический субъект обладает бытием, имеет духовное, психологическое измерение, остаётся деятельным преобразователем, чья активность направлена в сторону объекта, то в неклассический период происходит постепенный отказ от классической формы субъект-объектных отношений[1]. Неклассический период связан не только с утверждением новых субъектных форм, к которым можно отнести коллективного субъекта, но также – изменением представлений о сфере познания субъекта. Различные неклассические концепции «Я» разрабатываются в поздних работах Э. Гуссерля, а также – Ж.-П. Сартром, З. Фрейдом. В России – различие неклассического и

[1] Критический анализ этого процесса де-онтологизации философии и превращения гносеологии в современную её научную форму – эпистемологию, а затем – «когнитологию», рассмотрен у В.А. Кутырёва. См. Кутырёв, В.А. Последнее целование. Человек как традиция. – СПб.: Алетейя, 2015. – С.20-23.

классического периода научной рациональности подробно раскрывается в работах В.С. Стёпина, В.А. Лекторского, М.К. Мамардашвили.

В этой связи обращает внимание интерпретация процесса хозяйствования в работах С.Н. Булгакова. Он пишет: «всякий хозяйственный акт осуществляет собой некоторое слияние субъекта и объекта, внедрение субъекта в объект, субъективирование объекта, или же выход субъекта из себя в мир вещей, в объект, то есть объективирование субъекта. В этом смысле хозяйство, отвлекаясь от всякой данной его формы или содержания, сколь бы они ни были различны, есть субъективно-объективная деятельность, актуальное единство субъекта и объекта» [209, с.69]. В то время как в квантовой механике открываются свойства коллективного поведения частиц, которые не присущи отдельно взятым частицам, а в биологии – обнаружены системные качества целого, полностью нередуцируемые к свойствам образующих их элементов, в экономике – исследование процессов тоже постепенно переходит от частного к общему. Дж. М. Кейнс приступает к изучению макропроцессов, потребления и сбережения, законов, описывающих связь между этими явлениями[1]. Он интересуется общей безработицей, процентной ставкой и другими экономическими феноменами, которые складываются в результате коллективного действия сил участников хозяйственных отношений, в том числе – ведущих коллективных экономических субъектов, государства и рынка. К. Маркс ещё раньше производит подобный мыслительный научный эксперимент, обнаружив, что понимание экономического мира отдельным

[1] Предложенная Дж. М. Кейнсом общая теоретическая модель государственного регулирования рыночной экономики была применена на практике американским президентом Ф.Рузвельтом. Согласно наиболее распространённому мнению, именно идеи Кейнса позволили США выйти из «Великой депрессии» и при этом сохранить рыночную экономику. После окончания Второй мировой войны теории Кейнса широко применялись ведущими странами мира. Подробнее см., например, Найденова, Е.М. Рузвельт, Кейнс и Великая депрессия // Пространство экономики. 2013.– №4. – С.36-43.

агентом хозяйственных отношений, будет существенно отличаться от внешнего взгляда на всю систему в целом. И если Дж. М. Кейнс объясняет это различие во взглядах проблемой незнания (неопределённости), которая может быть «решена» вмешательством государства в несовершенные процессы, то для К. Маркса как последователя гегелевской философской школы, движение всей экономической системы имеет определённую естественно-историческую логику. Развивая эту мысль, М.К. Мамардашвили обращает внимание на важное свойство социальных (и экономических) законов: они отличаются от законов физического мира, поскольку являются не столько предзаданными, сколько находятся в непрерывном становлении. «Маркс как бы предполагал, что то, что мы называем законами и к чему раньше приклеивался эпитет "вечные" и "неизменные", в действительности, должно рассматриваться как функция некоторого более широкого целого, как функция самой деятельности, в континууме которой становится возможной связь, которую потом мы называем законами» [392], – пишет М.К. Мамардашвили. Становление экономических законов тесно связано с их имплементацией. Экономический закон утверждается в идеализированном представлении о реальности как результат несложных математических операций. Благодаря всепроникающей экономизации и распространению товарно-денежной логики отношений на новые области социальной жизни (коммодификация), он онтологизируется как закон квази-реальный, до тех пор, пока эволюционирующая ткань хозяйственной реальности не укажет на его ложность (фальсификационизм К. Поппера), или воспримет как новую область своей фактичности (перформативность М. Каллона). Однако, как верно замечает Й. Шумпетер, «ни великая мысль, предлагающая рассматривать экономику как результат изменений окружающей среды, ни допущение имманентного экономике – «органического» развития не в состоянии справиться с многочисленными фактами, ждущими своего

объяснения» [639, с.12]. Для этого представителям периода неклассической рациональности по-прежнему требуется субъект.

Развитие антропологической модели субъекта во многом связано с исследованием степени рациональности экономического поведения индивида: и здесь человека в хозяйстве обнаруживают в двух крайних состояниях. В редукционистской школе «экономическому человеку» приписывается рациональное поведение, несклонность к системным ошибкам. Историческая школа институционализма, напротив, указывает на неспособность оптимизировать поведение индивида как крайне несовершенного субъекта наблюдения, поэтому требуется создавать институты и хозяйственные подсистемы. Их задача – исправлять и контролировать последствия непредсказуемого (неэффективного) экономического поведения субъекта-индивида. В период развития неклассических представлений об экономическом субъекте в границах обоих направлений происходит эволюция антропологической модели. Так, в рамках первого направления, экономический субъект обретает свойство интенциональности (Л. Мизес), или, по сути, субъектности. Центральным вопросом становятся условия для беспрепятственного проявления хозяйственных усилий человека, которые, как доказывают представители Австрийской экономической школы, возможно лишь в условиях рынка. В рамках второго направления – рождается коллективный субъект «государство» (Дж. М. Кейнс), а также ещё одна модель экономического человека – «агент», или «человек институциональный» [331, с.5]. При этом предметом экономики становятся взаимоотношения институтов и агентов (Т. Веблен, Дж. К. Гэлбрейт, Р. Коуз, Д. Норт), а также – поведение агентов, исходя из наследуемых и приобретаемых факторов [331, с.9-10]. Если для формирования устойчивой хозяйственной системы экономическому субъекту Австрийской экономической школы – главное не мешать в управлении

благами, то в случае с агентами и коллективными субъектами, требуется постоянно уравнивать интересы различных общественных групп, создавать сложную хозяйственную систему контроля и управления.

В отличие от последователей неоклассической школы, для которых также свойственен методологический индивидуализм, представители Австрийской экономической школы (Л. Мизес, Ф. Визер, Й. Шумпетер, Ф. Хайек, Е. Бем-Баверк) предложили иное гносеологическое видение экономического субъекта, а также опорных принципов организации хозяйственного пространства, которое образуется в результате его деятельности. Они считали, что субъект реагирует не на реальность, а на собственное представление об этой реальности. Хозяйственная реальность, в свою очередь, представляется как поле коммуникации, где каждый субъект взаимодействует с другим посредством рыночного обмена. Как пишут исследователи, в работах представителей Австрийской экономической школы «рыночная экономика представляет собой сложную паутину человеческой деятельности, громадную и разнородную систему общественного разделения груза» [644]. При этом основная функция рынка – информационная. Это отчётливо сформулировал Ф. Хайек: «Описание системы цен как своего рода машины, регистрирующей изменения, или системы телекоммуникаций, которая позволяет отдельным производителям наблюдать движение, по сути лишь нескольких индикаторов (цен), подобно тому, как инженер наблюдает показания своих приборов, и вносит в свои действия коррективы в соответствии с их видимыми изменениями, о которых они никогда не могут знать больше того, что отражено в этом движении, не следует воспринимать как всего лишь метафору» [644]. В отличие от рационального неоклассического субъекта, экономический субъект в Австрийской экономической школе обладает волей, проактивностью и интенциональностью (Л. Мизес). При этом само восприятие происходящего

обязательно требует, чтобы участник экономических отношений приложил личные усилия в процессе хозяйствования.

Роль человеческого усилия (или его отсутствия) в экономике также стала центральной идеей в исследовании Й. Шумпетера (1910 г.), который развил отдельные положения Австрийской экономической школы в своих работах, посвящённых экономическому росту. Разделив представление об изменении экономической системы на статичное (приспособление к изменившейся внешней среде) и собственно – экономическое развитие, Й. Шумпетер ведущую роль в этих переходах отводит деятельному предпринимателю. Однако, осуществляя такую реорганизацию, предприниматель Й. Шумпетера опирается на всё тот же рациональный расчёт «открывающихся перспектив» (а также «жажду славы» и «творчества»). Утверждая, что прогресс не имеет причины в самом умножении знаний, но что индивид-предприниматель является их движущим фактором, Й. Шумпетер не уточняет, что является внутренней причиной, побуждающей к действию предпринимателя? В то же время он предлагает развёрнутую характеристику, каким должен быть этот предприниматель, который в его интерпретации является кем-то большим, чем классическим капиталистом. В его работах личность предпринимателя – надформационная: «на примитивных культурных стадиях, например, предприниматель должен быть вождём, а в коммунистическом обществе – центральным органом управления» [639, с.35-36]. В такой картине хозяйственных отношений будущее представляется неопределённым, более того, оно и не может быть предопределено, так как устанавливается в процессе непредсказуемого взаимодействия участников рынка. Таким образом, человек «является центром системы, а не элементом внутри её, ожидающим, когда им начнут манипулировать» [644]. В этом контексте интенциональность субъекта

Л. Мизеса, или предпринимательство субъекта Й. Шумпетера, по сути, есть проявление субъектности.

Феномен субъектности в философии хозяйства подразумевает различные проявления взаимосвязи субъекта хозяйственных отношений с окружающей его релевантной действительностью, с его деятельностью, утверждающей его именно как соответствующего субъекта. Как термин, субъектность, не имеет общепризнанного определения, и иногда употребляется как синоним субъективности. В исследовании субъектность предлагается рассматривать как результат сложного процесса, когда «личность выступает и как субъект, и как объект деятельности». Ещё более точное определение даёт В.И. Слободчиков: «Субъектность обнаруживает себя в главной способности человека: способности превращать собственную жизнедеятельность в предмет практического преобразования, что позволяет ему быть (становиться) действительным субъектом (автором, хозяином, распорядителем) собственной жизни» [371, с.140]. В зарубежной психологии близким является термин «agency». Он обозначает способность человека быть активно действующим лицом, движущей силой. В теории Р. Харре уточняется, что «наиболее общим требованием к любому существу, чтобы его можно было считать субъектом, является то, чтобы оно обладало определённой степенью автономии (…), а его поведение (действия и акты) не полностью детерминированы условиями непосредственного окружения» [61, p.246]. В.В. Радаев, развивая идею экономико-социологического исследования, по сути, перечисляет качества субъектности в социологической модели экономического субъекта, которые, по его мнению, отличают его от рационального субъекта экономикса. Он говорит о том, что такой человек способен на активный и осознанный выбор («человек рефлексирующий»), способен переключаться между различными режимами действия («человек гибкий»), способен поступать вопреки обстоятельствам и

избранным ранее способам действия («человек волевой»), и наконец – осуществляет разные, социально-обусловленные способы действия, привязанные к различным социальным структурам и институтам («человек социально-дифференцированный»). Проявление субъектности индивида он связывает со стратегическим действием субъекта, а под самой стратегией понимает «устойчивую совокупность осмысленных, рефлексивных действий» [464, с.10]. Особенностью такой социологической трактовки субъектности (субъектность как стратегии) является то, что она ставится в зависимость от внешних условий хозяйствования, информации, доступной индивиду. Таким образом, субъектность в этой интерпретации опирается на всю ту же классическую рациональность, только в её, расширенном социологическими рамками значении.

Хозяйствование, само по себе, является действием, процессом, то есть оно проявляется в движении (а не в положении), в постоянном изменении. В этом, в частности, состоит отличие проблемы постклассического исследования становящегося экономического субъекта от всестороннего исследования, познающего «Я», популярное в период расцвета классического немецкого идеализма[1]. Метафизические поиски универсального основания науки, открытие «чистого мышления», по словам С.Н. Булгакова «субъективировали не только объект знания, превращая его в представление, но и его субъект, помещая его где-то в промежуточной области между эмпирическим и трансцендентным, посредине между да и нет» [209, с.129]. Если в исследовании естественнонаучной картины мира субъект становится «функцией мышления», его «атрибутом»; то в хозяйстве субъект «вбирает» в себя и отдельные «я», и трансцендентальное «я» и даже абсолютное «я», то

[1] Как писал Б.П. Вышеславцев «… движение в сторону абсолютного идеализма (преодолевающего субъективный идеализм) захватило тогда всех: и Фихте, и Шеллинга, и Гегеля, и Шлейермахера, и Шлегеля, и Якоби. Все они мыслили совместно». См. Вышеславцев, Б.П. Этика Фихте. – М.: Печатня А. Снегиревой, 1914. – 437 с.

есть «всеобщее (абстракция) единичного человека» [157, с.20][1]. Поиски универсального основания хозяйства, в отличие от предданного, тварного, природного мира, наталкиваются на творческую, незаконченную, становящуюся «очеловеченную природу» экономики и возникающую, в связи с этим «циклическую причинность». Таким образом, то, что называется «чистым мышлением» в отношении естественно-научной картины мира, неизбежно приводит к ограниченности, замкнутости смыслов и содержаний, не позволяющих раскрыть гуманитарный потенциал науки о разумном хозяйствовании. Несмотря на узость границ, задаваемых естественно-научными или точными подходами, которые нашли широкое применение в исследовании проблем хозяйствования, в экономической науке были по-своему адаптированы подходы к исследованию субъектности (см. Таблицу 1.1).

Таблица 1.1. Эволюция представлений об экономической субъектности в XIX-XX вв.

Ракурс научного исследования хозяйства	Характеристика субъектности	Характерные черты
[1] Хозяйство как предмет классического научного исследования	Ограниченная (моделируемая) субъектность.	Ньютоновская парадигма
[2] Хозяйство как проекция эволюционных (исторических) процессов	В едином Субъекте хозяйствования «растворяются» индивидуальные стремления людей.	Гегелевская философская школа

[1] С.Н. Булгаков даёт развёрнутую критику гносеологического индивидуализма И.Канта. «Трансцендентальный субъект знания не мирится с множественностью гносеологических субъектов, как совершенно обособленных, взаимно непроницаемых единиц, которые представляли бы собою как бы самостоятельные гносеологически миры. Такие субъекты оказались бы трансценденты один относительно другого, и это делали бы совершенно невозможным объективное, т.е. общечеловеческое, знание, а его общезначимость есть центральная идея гносеологии Канта». См. Булгаков, С.Н. Философия хозяйства / С.Н. Булгаков. – М.: Терра – книжный клуб, 2008. – С.129.

Ракурс научного исследования хозяйства	Характеристика субъектности	Характерные черты
«Маржиналистская революция»		
[3] Атомистическое представление о хозяйствовании	Хозяйство «разложимо» на атомы поведения отдельных субъектов. В свою очередь, человек есть «субъект полезности».	Математика равновесных состояний
Планирование в условиях неопределённости. Институционализм		
[4] Управленческие модели хозяйства: хаос и порядок. Различные «экономики» (плановые, рыночные).	Ограниченная индивидуальная субъектность в противопоставлении Субъекту-Рынку, или Субъекту-Плану. Коллективная субъектность.	Хаос и порядок, кибернетика
«Лингвистический поворот»		
[5] Денежная проекция хозяйства, «экономика второго порядка», финансовая экономика.	Коммуникативная субъектность.	Фрагментация экономических знаний, экономика как «текст»
Информационная революция. Постмодернизм.		
[6] Информационная проекция хозяйства.	Субъектность как характеристика (атрибут) сетевых образований.	Аналоговые, сетевые экономики
Альтернативные пути развития		
[7] Постэкономика	Творческая субъектность как движущая сила разнообразия в хозяйстве в противовес роботизации и замещению человеческого труда.	Роботизиро-ванные системы хозяйствования

Как показывает анализ эволюции представлений об экономической субъектности (Таблица 1.1), экономическое исследование последовательно уклонялось от гносеологической проблемы экономического субъекта и его субъектности. Представление о субъектности изменялось – от ограниченного рационального до коллективного, а в последнюю половину XX века оно нивелировано до характеристики (фактора) хозяйственных процессов. В XX веке исследование субъектности в экономике сводилось к изучению

психологических (бихевиоризм), правовых, либо моделируемых (поведенческих) характеристик субъекта. Субъектностью был наделён не только индивид, но также институты, государство и рынок как коллективные субъекты. В истории экономической мысли были попытки изучения трансцендентального субъекта хозяйствования (С.Н. Булгаков), однако эта ветка исследований социально-философских оснований хозяйствования не получила дальнейшего развития. В центре внимания оказались внешние проявления хозяйственной жизни, её количественные, экономические и финансовые, индикаторы. Как будет показано в дальнейшем, такой подход к описанию субъектности, по сути, превратил самого субъекта в атрибут (функцию) общественных процессов. Экономические (стоимостные) формы стали знаковыми (Л. Витгенштейн), реальность – знаками реального. На место реальных процессов хозяйственной деятельности пришли их цифровые копии, интерпретирующие человека как набор знаков, как постчеловека, не имеющего бытия.

Своеобразный эпистемологический (неклассический) поворот в изучении социально-экономических процессов связан с работами К. Маркса и его последователей, в которых модель, эксплицирующая поведение человека, была заменена представлениями об экономической действительности, которая складывалась в результате действия бесчисленных атомов-индивидуумов. По мнению В.А. Колпакова, «он (К. Маркс – прим.авт.) разрушил её натуралистическую изоляцию, создав антинатуралистическую программу не культурцентристского, а институционального типа» [340, с.144]. Наблюдение за историческими изменениями, происходящими под влиянием производительных сил, было оправдано с точки зрения гегелевской философской школы. Однако, как справедливо замечают многочисленные критики и последователи К. Маркса, в основе его теории угадывается собственная антропологическая модель –

модель «общественного индивидуума». Сам К. Маркс пишет: «… при теоретическом методе субъект, общество, должны постоянно витать в нашем представлении как предпосылка» [397].

Существенное отличие в подходе к исследованию заключается в акцентах познания экономических процессов: отправной точкой является не представление о субъекте, но – модель объективной реальности, которая формируется действиями бесчисленного множества субъектов. Вслед за моделью экономического субъекта, она также онтологизируется[1] и обретает свою абстракцию – капитал как «всеобщее, вечное естественное отношение». Он, в свою очередь, выступает как внешняя сила по отношению к человеку: только родившись, он вынужден подстраиваться под исторически сложившиеся отношения (например, смириться с существованием наёмного труда, распределения капитала, видом собственности). Экономические законы складываются не вследствие действий свободных атомов-индивидуумов, но образуются логикой материального мира капитала, который организует и, что важно, определяет сознание индивидов: «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [398, т.3, с.4]. Однако человек, поставленный вне объективной материальной реальности, которая является продуктом не его модели, но истории, логичным образом оказывается в статусе «чуждого», инопланетного элемента. Так, благодаря смене ракурса (базиса) научного исследования, обнаруживает себя узнаваемый критический концепт «отчуждения результатов труда», получивший развитие в трудах социальных философов и социологов XX века (Э. Фромм, Т. Адорно, М. Эпштейн).

[1] Этот вопрос подробно раскрывается и обосновывается у С.Н. Булгакова. См. Булгаков, С.Н. Философия хозяйства. – М.: Наука, 1993. – С.279-281.

Опередивший своё время в представлениях о хозяйственной реальности и экономическом субъекте, К. Маркс, по сути, опирался на классические представления гегелевской школы об эволюции общественных отношений. Однако они оказались ближе всех к неклассической трактовке мира хозяйствования. К. Маркс писал: «обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства»[1]. Таким образом, он обозначал факт преемственности общественного развития, которое, как минимум, заключается в том, что каждое новое поколение наследует производительные силы от предыдущих поколений.

Другой представитель неклассического подхода в экономике, Дж. М. Кейнс, вырабатывал свои представления об экономическом субъекте на основе работ Л. Витгенштейна[2]. Дж. Коатес последовательно доказывает, каким образом кембриджская школа социальной философии, и в частности, работы Л. Витгенштейна, позволили выработать иной «логико-описательный» подход в экономической методологии, что дало не столько теоретические, сколько практические результаты. Этот подход можно сравнить с альтернативным вариантом исследования действительности, которое Г. Риккерт обозначает как «прерванную непрерывность». Он пишет: «Если же желательно удержать качества, а вместе с ними и действительность, то необходимо остаться при её разнородности, но тогда нужно будет уже прервать её непрерывность. Однако при этом из действительности утрачивается всё, что лежит между проложенными понятиями границами, а это немало»[3]. В предисловии к своему основному

---

[1] Маркс, К. Энгельс, Ф. Немецкая идеология // Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. 2-е изд. – Т.3. – С.37.

[2] См., например, Галанина, К.Э. Трансформация концепта субъекта в философии Людвига Витгенштейна //Вопросы философии. – 2011. – №. 7. – С. 138-147.

[3] См. Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре. – М.: Республика, 1998. – С.63. Тем не менее, он далее признаёт, что такой подход «ближе» к реальному описанию действительности.

произведению Дж. М. Кейнс настаивает, что его интересует «поведение экономической системы в целом с её совокупными доходами, совокупными прибылями, совокупным объёмом производства, совокупной занятостью, совокупными инвестициями, совокупными сбережениями, а не просто с доходами, прибылями, объёмом производства, занятостью, инвестициями и сбережениями определённой отрасли, фирмы, или индивида»[1]. Такое объяснение не только коррелирует с критикой Дж. М. Кейнса по поводу атомистической картины мира хозяйствования (предпосылка о том, что целое развивается подобно его части), но и с представлениями о субъекте исследования после «лингвистического поворота» (Л. Витгенштейн, Б. Рассел, Д. Мур, Г. Фреге).

Оригинальность подхода Дж. М. Кейнса к представлению субъекта экономических отношений заключается в том новом вопросе, который он поставил перед экономической наукой[2]. Этот вопрос мог бы быть сформулирован следующим образом: «Предположим, что все субъекты экономических отношений, действительно, стремятся действовать рационально и оптимизируют свои решения, но достаточно ли у них информации для того, чтобы никогда не ошибаться?» Кроме того, многие такие решения (инвестиции, сбережения) принимаются людьми на основании «ожиданий» будущего, которое a priori является непредсказуемым и весьма туманным. Так, Дж. М. Кейнс предлагает иную поведенческую гипотезу для субъекта: вместо стремления к максимизации полезности, он рассматривает его психологическую склонность (к сбережению, потреблению и побуждение

---

[1] Автор. перевод, оригинал – см. Udehn, L. Methodological individualism: Background, history and meaning. – Routledge, 2002. – P.232.

[2] Можно утверждать, что это был один из тех качественных вопросов, которые профессор ИФ РАН, И.Т. Касавин (вслед за Б.С. Грязновым), предлагает рассматривать как качественную философскую проблему, вызывающую в науке принципиально новую научную рефлексию. См. Касавин, И.Т. Проблема как форма знания // Epistemology & Philosophy of Science, 2009. – №4. – С.6.

к инвестициям). Учитывая, что любые решения, принимаемые в условиях неопределённости будущего (и настоящего) являются иррациональными, имеет смысл отказаться от рассмотрения экономики с позиции индивида и перейти к более высокому уровню агрегирования. Отсюда – субъектом Дж. М. Кейнса становится агрегированный субъект, в связи с чем его теорию иногда справедливо называют институциональным индивидуализмом [141, p.230].

Если экономическая рациональность подразумевает наличие полной информации (ситуация для классического «рационального» человека), то на практике – можно считать, что все поступают иррационально и притом делают это постоянно. Отсутствие информации для экономического субъекта не является препятствием для принятия решений: действие, в рамах западной ментальности, предпочтительнее бездействия. Таким образом, сходство и различие позиции последователей классической и кейнсианской школы открывается в этих двух предпосылках о поведении экономического субъекта. Экономический субъект классической экономической школы действует в условиях полноты информации, но не все субъекты действуют рационально. Зато экономический субъект, который принимает свои решения в мире, описанном Дж. М. Кейнсом, вынужден искать оптимальные решения в условиях недостатка информации, вследствие чего его решения будут всегда не оптимальными, но – насколько это возможно, рациональными.

Установив связь между неполнотой информации и неоптимальными решениями экономических субъектов, Дж. М. Кейнс получил методологическую возможность оправдать вмешательство государства в процессы регулирования рыночных отношений. Г. Саймон[1] отмечает:

[1] Лауреат премии Шведского национального банка по экономическим наукам памяти Альфреда Нобеля 1978 года «за новаторские исследования процесса принятия решений в экономических организациях, в фирмах». См. «The Sveriges Riksbank Prize in Economic

«Основная трудность состоит в том, что свойство рациональности требует, чтобы кто-то обладал более высокой способностью просчитывать, чем все остальные, и совершенно ясно, что для всех субъектов это требование невыполнимо». Государство как централизованный институт, обладающий доступом к обширной информационной базе, способно вносить корректировки в процессы производства, сбережения, распределения и перераспределения капитала как путём прямого, так и косвенного участия в этих процессах (бюджетная и налоговая политика). Таким образом, государство представляется как «всезнающий» и поступающий рационально субъект хозяйствования, который в силу значительного влияния на экономические процессы, способен оптимизировать систему хозяйствования в периоды циклических кризисов[1].

Проблема неопределённости как условия поступков экономических агентов предопределила дальнейшую судьбу посткейнсианской традиции (Дж. Робинсон, Н. Калдор, П. Страфф). Государство отличается от других экономических субъектов долгосрочной «памятью» и относительной устойчивостью. Государство защищает право собственности, обеспечивает конкуренцию на рынках, формирует стабильные, эффективные законы денежного обращения, положительно влияет на общественные цели и предпочтения. Все эти функции (качества) позволяют ему, как коллективному субъекту, снижать уровень неопределённости в экономике, обеспечивать выполнение (защищать) договорённости (контракты) между участниками рынка. Таким образом, государство, действуя как коллективный субъект и вмешиваясь в рыночные отношения, позволяет снижать

Sciences in Memory of Alfred Nobel 1978». Nobelprize.org. Nobel Media AB 2014. Web. 7 Aug 2018. URL:// nobelprize.org/nobel_prizes/economic-sciences/laureates/1978/.

[1] В теории Дж. М. Кейнса оптимизация подразумевала ситуацию полной занятости в экономике.

неопределённость в мире хозяйствования, упорядочивает хозяйственную и социальную жизнь и создаёт условия для стабильного экономического роста.

Коллективный субъект, в целом, допустим в современной философской мысли. Согласно трактовке В.А. Лекторского, хотя «коллективный субъект не имеет структуры Я», можно говорить о коллективном мышлении, о коллективном решении познавательных задач, о коллективной памяти. Но вряд ли можно приписывать переживания коллективному субъекту (хотя индивидуальные переживания всегда коллективно опосредованы)» [366, с.156]. Вследствие невозможности выделить предпочтения и мотивы коллективных субъектов (в отличие от экономического субъекта-индивида), затруднительно говорить о механике их взаимодействия с другими участниками экономической коммуникации. Однако теория коллективного субъекта получила своё развитие. В отличие от репрезентативного индивида, который представляет собой человека «усреднённого» (методологический индивидуализм экономического мейнстрима), или типичные для макроэкономического анализа коллективные индивиды – «домохозяйства», «фирмы» (коллективный индивидуализм Дж. М. Кейнса), коллективный субъект в институционализме – это не умозрительная, но весьма подвижная экспликация субъект-объекта хозяйствования.

Эпистемологически институциональный подход открывает новые возможности для исследования феноменов хозяйствования в свете постклассической рациональности, которые недоступны при изучении экономики с классических позиций методологического индивидуализма. В.А. Колпаков даёт следующую оценку институциональному подходу: «Социально-экономические системы, являющиеся предметом анализа неоинституционалистов подобны динамическому хаосу, и институционалистский анализ направлен на анализ процесса рождения порядка из хаоса в экономике» [340, с.147]. О.И. Ананьин связывает роль

институтов с вопросами общественного воспроизводства, в основе которого лежит культура, или культурные коды. Он определяет, что «институты и есть те самые механизмы, посредством которых происходит трансляция культурных норм, их поддержание и адаптация» [166, с.46]. В пользу институционального подхода в исследовании экономики выступают многие современные экономисты[1], на их сторону встают представители неоклассического мейнстрима, Австрийской экономической школы (Ф. Хайек). К. Эрроу, проведя развёрнутый анализ экономической теории с 1940 г., прямо утверждает: «социальные институты и социальные взаимодействия имеют значение» [649, с.23].

Несмотря на качественное изменение подхода к экономическому исследованию в институционализме, коллективного субъекта следует рассматривать не только с эпистемологической точки зрения. Например, в работах С.Н. Булгакова также речь ведётся о необходимости признания трансцендентального (всеобщего) субъекта хозяйствования, носителя хозяйственной функции. Таким субъектом он признаёт человечество как таковое, «живое единство духовных сил и потенций, к которому причастны все люди, умопостигаемый человек, который обнаруживается эмпирически в отдельных личностях» [209, с.321]. Индивид подобен хозяйствующему человечеству, но это подобие не связано логикой «отклонения от среднего»: хозяйствующий человек есть неделимая часть всеобщего хозяйствующего человечества, поэтому в нём фрактально совмещено индивидуальное и коллективное. Институты, в результате эволюции социальных отношений, становятся коллективным субъектом, который в каком-то отношении начинает противостоять индивиду; между ними возникает «отчуждение».

[1] Признанием роли институтов в экономическом исследовании стало присуждение премий Шведского национального банка по экономическим наукам памяти Альфреда Нобеля сразу нескольким представителям институционального направления в экономике – Р. Коузу (1991 г.), Д. Норту (1993 г.), О. Уильямсону и Э. Остром (2009 г.).

Так, Н.А. Печерских, развивая идеи Э.В. Ильенкова, пишет: «отчуждение «людей от людей» состоит в опредмечивании воли; продукт деятельности обретает или «как бы обретает», свою собственную волю, трансцендентную воле субъекта, иррациональную для субъекта, направленную против воли субъекта, а субъекта (человек) овещняется вследствие овещнения общественных отношений» [443, с.160-161].

Экономическая эпистемология развивалась в русле общенаучных парадигм, в том числе подчиняясь идеалу теоретической науки, который, допускает заимствование методологии исследования, если она доказала состоятельность в своей области[1]. С другой стороны, отсутствие развитых собственных методов и подходов, а также критического пересмотра фундаментальных оснований, своего «жёсткого ядра» в методологии, приводится как одно из доказательств недостаточной зрелости экономической науки (Ф. Майровски)[2]. Как справедливо замечает О.И. Ананьин, разные стороны экономической реальности осваиваются неравномерно: «изощрённая техника при исследовании одних вопросов

---

[1] Имеются примеры как прямого заимствования экономики из биологии, механики, социологии, психологии, так и «обратные» ситуации: известно, что идеи Ч.Дарвина сформировались в том числе под влиянием концепции конкурентной борьбы у представителей политической экономии XIX в. и, в особенности – демографического учения Т.Мальтуса. Особенности этого социально-биологического междисциплинарного синтеза подробнее рассмотрены в работе Freeman D. et al. The evolutionary theories of Charles Darwin and Herbert Spencer [and comments and replies] //Current Anthropology. – 1974. – Т. 15. – №. 3. – PP. 211-237.

[2] В то же время в работах одного из известных методологов, У.Махлупа, можно найти подробный анализ вопроса: «действительно ли общественные науки являются науками низшего сорта» (цит по ссылке: Блауг, М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. Пер. с англ. / Науч. ред. и вступ. ст. В.С. Автономова. – М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004. – С.101). Проводя аналогию с естественными науками, он приходит к выводу, что разрыв между науками о природе и общества может оказаться не настолько очевидным. Однако в отличие от естественных наук достижения экономики находятся под пристальным вниманием общественности, так как они напрямую влияют на общественное благосостояние.

соседствует с обобщениями на уровне здравого смысла при обсуждении других, порой не менее значимых» [167, с.22]. Социально-философские споры об особенностях экономической методологии, которую ведут зарубежные и российские исследователи, как правило, затрагивают общие проблемы социальных наук: выбор между нормативной и позитивистской научной методологией (М. Блауг), эпистемологическая специфика развития науки под воздействием различных идеалов научности (В.А. Колпаков), эволюция аксиоматических моделей («рационального человека») (В.С. Автономов, Н.С. Печерских), или методологического индивидуализма в целом (Г.С. Кирдина). О.И. Ананьин вслед за зарубежными коллегами (У. Мяки, Т. Лоусон) предлагает анализ экономических онтологий.

Поиск собственных подходов к исследованию остаётся разноплановым, как и цели дальнейшего развития экономической теории. Представители экономического «мейнстрима» продолжают развивать теорию с учётом сложившейся специфики, то есть как дедуктивную дисциплину с опорой на новые достижения математики. Среди альтернативных направлений выделяется возрождение интереса к исследованиям К. Маркса как учению «постиндустриальной эпохи и пост-экономического общества» [208, с.47], а также развитию различных школ экономики – поведенческой, эволюционной, когнитивной, неоинституциональной и других. Как показывает анализ многочисленных гетеродоксальных экономических школ, проведённый экономистами и методологами (Д. Калэндер, Дж. Дэйвис, Г. Ходжсон, Д. Шифман), все они в какой-то мере разделяют предпосылки экономического мейнстрима, расширяя «защитный пояс» неоклассического учения [30]; [34]; [68]. Допуская его эклектичность и вариативность (от «рациональности» к «целевой деятельности», от «эгоизма» до «осознанного личного интереса», от «равновесия» до «устойчивого развития» [30, с.31]), альтернативные подходы к исследованию в целом двигаются в сторону

противоречивого единства с экономическим мейнстримом. Это касается и современных достижений в области когнитивных методов исследования, подкрепляемых успехами нейронаук. Среди современных философов также нет согласия, что на их основе могут быть сформированы «полноценные науки о человеке», более того – есть опасения, что развитие NBIC-технологий[1] в итоге приведёт к деградации человека, к его «расчеловечиванию», на что указывает В.А. Кутырёв [365, с. 3], и как следствие – наступлению постчеловеческой эпохи.

Разнообразие современных подходов к освещению проблемы хозяйства, и человека в хозяйствовании, компенсировалось единством гносеологического ракурса исследования, избегающего прямых вопросов о субъекте хозяйственных отношений. Благодаря этому, по-прежнему сохранилась вероятность нового «неоклассического синтеза», в особенности в связи с развитием информационно-коммуникационных технологий, облегчающих контроль и управление хозяйственной системой, автоматизирующих процессы вытеснения отдельного человека из циклов общественного воспроизводства. Несмотря на формообразующую роль «методологического индивидуализма», как экономисты-теоретики, так и практики, в XX веке продемонстрировали уверенность в существовании коллективных хозяйственных механизмов. Будь это рынок как совокупность единичных актов-решений, институты, государство, или эволюционные механизмы развития производственных сил (капитал), экономический субъект был редуцирован до рационального человека, описан как репрезентативный агент, общественный индивидуум. Развивая гипотезу о наличии субъектности в экономическом поведении, представители

[1] NBIC-конвергенция – процесс объединения достижений нано-, био-, информационных и когнитивных технологий в одно смысловое ядро. См. Schummer, J. From Nano-Convergence to NBIC-Convergence: “The best way to predict the future is to create it” // Governing Future Technologies. – Springer Netherlands, 2009. – P. 57-71.

Австрийской экономической школы поставили индивида в фокус научных наблюдений. Однако их усилия растворились в постулатах о действенности (полезности) рыночной свободы, которая стала их эпистемологической «опорой». С развитием и перформативным воздействием на хозяйствующую систему институционализма и посткейнсианства, коллективный субъект перехватил свойство субъектности у индивида. Она в коллективном субъекте проявляется в больше степени, поскольку напрямую коррелирует с объективностью пространственно-временных условий его существования, в то время субъектность экономического индивида-субъекта стала размываться. На это обстоятельство во многом повлияла техническая ангажированность, распространение технологий в самой системе экономической коммуникации. В связи с этим особую актуальность приобретает исследование коммуникативной природы экономики. Одновременно, на смену психологическим, когнитивным, инструментальным методам исследования приходят постгуманитарные, междисциплинарные, или синергетические, которые позволяют проводить анализ не столько хозяйства в целом (или функций доходности), сколько его антропологии, а следом – эволюции и становления современного хозяйствующего человека и человечества.

1.3. Субъект в условиях коммуникативной детерминированности экономических итераций

Существенной предпосылкой в исследованиях Австрийской школы является представление о пассивном (одностороннем) характере отношений в паре «человек»-«деньги». Однако, на определённом этапе развития капиталистического общества, деньги не только превратились в универсальное средство коммуникации, но и стали определять характер и цели экономических отношений, влиять на представления человека о

хозяйстве и о себе самом, в том числе как экономическом субъекте. В рамках постклассического представления о хозяйстве как саморазвивающейся системы, функция рынка вышла за рамки сугубо информационной, как её определял Ф. Хайек. Как форма рациональной коммуникации, деньги превратились не только в полноправного участника рыночных отношений, но и стали оказывать взаимно обратное влияние на видение и мотивы поведения экономического субъекта. В связи с этим проактивное предпринимательское начало экономического субъекта подверглось своеобразной аксиологической деформации. Вопросы влияния рыночных отношений и денежного обращения на участника экономических отношений, и связанные с этим социокультурные изменения, при этом оказались вне предмета современной экономической науки. Отчасти они рассматривались в социологии и социальной философии (Ж. Бодрийяр, М. Маклюэн, Ю. Хабермас). В условиях перехода к цифровому обществу, эта проблема не только актуализируется, но и требует выработки иных, постклассических, подходов к исследованию проблемы хозяйства и хозяйствующего человека.

Коммуникативный характер экономики неразрывно связан с денежным обращением, которое, в определённый исторический момент преодолело границы домашних хозяйств, и аграрных общин, и стало обретать глобальный характер. Постепенно денежные средства превратились в универсального посредника для субъектов экономической коммуникации[1]. С их помощью стало возможным сопоставлять различные категории труда, приравнивать ранее несводимые друг к другу отношения и блага. Наконец, деньги стали носителями определённой социальной информации, превратились по замечанию М. Маклюэна в «метафору» [386, с.73]. Выйдя за пределы локальных хозяйственных центров, денежные отношения начали

[1] Подробнее об эволюции денег и их значении в социокультурном пространстве см., например, исследование: Зарубина, Н.Н. Деньги как социокультурный феномен. – М.: «Анкил», 2011. – 200 с.

эволюционировать. Как описывает этот процесс С. Московичи: осязаемые деньги сначала превратились в «символические, то есть знаковые деньги рыночного обмена, а затем – в семиотические» [415, с.406]. И если «символические деньги» ещё оставались «горячим» средством коммуникации (М. Маклюэн), так как соответствовали реальной экономике, то в XX веке наблюдается их отрыв от реального хозяйствования (в том числе материальных эквивалентов, например, золотого стандарта) и переход в виртуальную сферу. Этот процесс сопровождался изменением свойства денег, выражением их качества через количество. Об этом ранее писал К. Маркс: «Количество денег становится всё в большей и большей мере их единственным могущественным свойством; подобно тому как они сводят всякую сущность к её абстракции, так они сводят и самих себя в своём собственном движении к количественной сущности» [397]. Экономическая коммуникация, выраженная на языке денег, отличается абстракцией, упрощением, и даже – искажением сущности, природы реальных хозяйственных процессов. «Так как деньги, в качестве существующего и действующего понятия стоимости, смешивают и обменивают все вещи, то они представляют собой всеобщее смешение и подмену всех вещей, то есть мир навыворот, перетасовку, подмену всех природных и человеческих качеств» [397, с.296-297].

Субъект коммуникации есть одновременно субъект социального познания: узнавая новое о себе, о мире, он обретает новые умения и навыки, которые позволяют ему противостоять вызовам постоянно меняющейся внешней среды. Таким образом, гносеологически субъект определяется на основании его отношений с объектом: «Тот, от которого исходит действие, является субъектом, тот, на которого (к которому) действие направлено, выступает в качестве объекта. При этом важно, что чаще всего субъект данного конкретного участка социального действия выступает в роли

объекта на другом конкретном участке жизни общества»[1]. В экономической коммуникации, основанной на количественных отношениях, саморефлексия, самооценка человека, также основанная на количестве, происходит в среде, чуждой гуманизма (отчуждающей и самого человека). Язык этой реальности оказывается столько же универсальным, «как язык музыки или математики» [415, с.406]. В таком случае субъект теряет статус гносеологического центра. «Движение, идущее от производственных отношений в обмене деятельностью к значащему предмету, оборачивается так, будто именно значащий предмет приводит в движение деятельность и форму общения, причём практически так оно и есть на самом деле», – такую характеристику произошедшему повороту даёт М.К. Мамардашвили [389, с.295]. Экономика становится, таким образом, не только инструментом для самоисследования рефлексирующего субъекта, но и задаёт вектор развития его отношений с другими участниками хозяйственных отношений. В этих отношениях всё сильнее проявляется взаимное безразличие, безучастность, и, как будет показано в дальнейшем – бессубъектность.

Такая ситуация характерна, например, для управления современной компанией. Для субъекта-хозяина, как правило, имеют значения количественные показатели эффективности вложенных средств. Объемы продаж, оборачиваемость, ликвидность, рентабельность собственных средств, срок окупаемости, – анализ динамики и статистики этих показателей являются первичными в принятии экономических решений. В свою очередь, воронка продаж, рыночная сегментация, – все эти маркетинговые приёмы позволяют оценивать динамику, структуру продаж, но они в какой-то мере препятствуют творческой коммуникации, не способствуют выстраиванию доверительных отношений между покупателями и продавцами. Более того,

[1] Коган, В.З. Теория информационного взаимодействия: филос.-соц. очерк / В.З. Коган; Новосиб. гос. университет. – Новосибирск: НГУ, 1991. – С.82.

потребительское доверие также приобретает количественное измерение в виде рыночной стоимости торговой марки (бренда). «Конкретная связь одного человека с другим утратила свой прямой и гуманный характер и обрела дух манипулирования и инструментальности» [549, с.120], – такую характеристику этому процессу даёт Э. Фромм. Безразличное экономическое поведение (производителя и клиента, сотрудника и руководителя, контрагентов между собой) становится условием выживаемости (конкурентоспособности) в мире современной экономической коммуникации.

Формальная рациональность и этика («буржуазная» и субстанциональная рациональность – в трактовке Ю. Хабермаса) образуют два полюса современной экономической коммуникации. Однако в коммуникативном пространстве постмодерна, где произошла подмена реальных процессов техникой коммуникации, рациональность превалирует над этикой. Чтобы подчеркнуть дегуманизирующий характер современной коммуникации, связанной с денежным обращением, бюрократизацией и обезличиванием процессов потребления и производства, Ю. Хабермас обозначает такую рациональность как техническую, или инструментальную. Субъектоцентризм, а также собственническое отношение к окружающей природе, имеет основания именно в этой рациональности.

Хозяйственная система, в которой ведущую роль приобретают информационно-коммуникационные технологии, представляется ещё более неудобной для хозяйственной деятельности индивида. В.А. Кутырёв даёт следующую характеристику этому процессу: «постмодерн перерастает в трансмодерн, когда дальнейшие успехи в производстве и экономике вступают в противоречие с жизненным миром человека как целостного телеснодуховного существа. И требуют его демонтажа» [359, с.6]. В пространстве цифровой экономической коммуникации нет места человеку,

лишь его – цифровой проекции, или цифровому двойнику (цифровой тени). Цифрового двойника можно определить, как электронный профайл человека, содержащий рационально-текстовое описание индивида. В настоящее время этот профайл составляется на основе истории действий реального человека в Интернет, которая обрабатывается на основе различных компьютерных моделей. По данным М. Линдстром 36% подростков, активно использующих Интернет, имеет как минимум 2 виртуальные индивидуальности; 7% подростков имеют по 10 индивидуальностей [374]. При этом исследователи выделяют идеального, реального и даже фейкового двойника. Они предсказывают приход технологической сингулярности, когда этот двойник станет автономным и сможет представлять интересы реального индивида в Интернет[1]. По некоторым прогнозам, увольнение персонала также будет автоматизировано: анализ дискретных данных позволяет быстрее обнаруживать неэффективных сотрудников, а расходы на процесс найма персонала сокращаются в два раза [234]. Через личный кабинет пользователя IP-телевидения происходит сбор данных о потребительских предпочтениях зрителя, благодаря чему формируются затратные и доходные статьи бюджетов Интернет-каналов. Закупки телевизионного контента циклически определяют будущие просмотры пользователей IP-телевидения. То же самое можно сказать о любых поисковых запросах товаров и услуг, которые в буквальном смысле преследуют пользователя в виде контекстной рекламы в сети Интернет.

«Иная», цифровая экономическая реальность формируется под воздействием рациональной технологической коммуникации. Этот тип коммуникации подразумевает колонизацию жизненного пространства

[1] См., например, Сушинов, Ю. В Томском госуниверситете разработают учебный курс для цифровых двойников. – [Электронный ресурс]. – 05.12.2017. – Агентство стратегических инициатив. – URL://asi.ru/news/86318/ (Дата обращения: 10.08.2018).

субъекта не только со стороны экономических, политических, или институциональных структур (Ю. Хабермас), но – и языковых алгоритмов (А. Тьюринг), самой «цифры». Однако выражать всю хозяйственную реальность исключительно логико-теоретически значит исключать «вещно-телесную» картину мира (В.А. Кутырёв), её целостность, гуманистический вектор социально-экономического развития общества. Этот вопрос требует дальнейшей социально-философской рефлексии, в частности – рассмотрения эволюции принципа рациональности как важной характеристики экономической коммуникации. Включённый в хозяйственную жизнь, человек вынужденно играет по правилам, выработанным в процессе становления современной системы общественного воспроизводства, в которой установлен приоритет материальных ценностей в самоидентификации человека. Дегуманизирующий фактор цифровой экономической коммуникации связан с необходимостью подстраиваться под новую цифровую хозяйственную реальность, как с целью биологического выживания, так и для удовлетворения потребностей. Однако, учитывая невозможность заменить духовное – материальным, удовлетворение всех потребностей становится недосягаемой целью, создавая контур бесконечной экономической коммуникации, внутри которой человек пытается найти эквивалент духовного элемента. Можно утверждать, что такой экономике необходим субъект не только проактивный (интенциональный), но сомневающийся, рефлексирующий, выходящий за границы установленных экономических ролей. Иначе – экономика устанавливается как пространство бессубъектного, в рамках которой утверждают себя концепции постчеловека и постмодернизма.

Дальнейшая эволюция денежных отношений неразрывна связана с развитием технологий, становлением «техноса» (В.А. Кутырёв), или «техномики», как её определяет Ю.М. Осипов. Этот новый качественный

этап развития экономики связан с её технологизацией, «экономика как социальное нечто всё более превращается в техническое нечто, или в техномику, а цивилизация – в некую технолизацию». В таких условиях, «человек целостно бытует в технической среде, от неё сильно зависит, становится элементом (придатком) технологических систем» [436, с.233-234]. Зависимость экономических (и денежных) отношений от технологических средств, с помощью которых они реализуются, остаётся практически не исследованной. Однако в условиях стремительной экономической цифровизации этот вопрос представляется критичным для дальнейшего развития экономической коммуникации и статусного будущего субъекта.

Подводя итог вышесказанному, можно утверждать, что современная коммуникация развивается параллельно с системами хозяйствования и, оказывает моделирующее влияние на общественное воспроизводства, превращая саму экономику − в систему рекурсивных повторяющихся интеракций. Они становятся виртуальными и всё больше технологичными, самодостаточными процессами, исключающими необходимость присутствия в них субъекта как активного их начала. Таким образом, возникает экономико-коммуникационная система для субъектной псевдо-самореализации, которая, по сути, антигуманнна, техно-детерминирована и направлена на уменьшение смыслового человеческого начала в этом процессе.

Для социально-философского анализа общественных и социокультурных явлений проблема субъекта, в своих различных аспектах, являлась одной из базовых предпосылок. В то же время в ракурсе философского исследования уже в классической западной философии в центре наблюдений находился универсальный субъект. Как справедливо замечает Н.С. Бердяев: «Греческая философия, несмотря на лозунг «познай

самого себя», стремилась к познанию единого универсального и неизменного, и отвращалась от множественного и подвижного мира»[1] [189, с.372]. В преломлении «чистой» теории (И. Кант) субъект хозяйствования идеализировался, стал глобально-действующим, усреднённым индивидом. Если для вопроса о кантовском субъекте важны условия, при которых объект отражается в нём, то в хозяйственной действительности, в пространстве непрерывной деятельности, отражение становится взаимным, а субъект и объект становятся неделимой субъект-объект системой. Универсальный подход к вопросам хозяйствования даёт возможность обрести «космическое знание труда» [209, с.66], но не позволяет охватить труд во всех его проявлениях, «от пахаря до звездочёта» (С.Н. Булгаков). Таким образом, в традиции современных экономических исследований установилось два ракурса для экспликации статуса экономического субъекта: (1) «программируемый», то есть формируемый через антропологическую модель (например, «рациональный человек»); (2) «функциональный», при которой субъектность подразумевается, как одна из качественных характеристик пространства социально-экономических отношений (хозяйствующий человек как функция общественных отношений). История социальной и экономической мысли демонстрирует ограниченность взглядов на действительность, и одновременно многоликость «экономического человека», в моделях которого проявляются политические, или культурные, детерминанты. Эти детерминанты, благодаря перформативным особенностям экономики, формируют её, создавая условия для новых форм «отчуждения». В системе хозяйствования, формируемой на таких принципах, вырабатываются условия для воспроизводства механистических, «замкнутых» коммуникативных практик, а в самой хозяйственной

[1] Н.А. Бердяев, кроме личного и безличного, выделял сверхличное, как универсальное в индивидуальном, но содержащееся «в нём», а не «над ним». См. Бердяев, Н.А. Самопознание. – М.: Азбука, 2015. – С.350.

деятельности – наблюдается отрыв от бытийного начала, переход экономической сферы отношений в информационно-коммуникативную, виртуальную. В этих условиях коллективный субъект перенимает на себя функцию субъектности, а для субъекта-индивида всё в большей мере экономическая коммуникация подменяет собой саму цель хозяйственной деятельности. Сравнение человека с «чистым листом», отказ от «врождённых идей», создали предпосылки для того, что можно назвать кризисом субъектности в системе хозяйственных отношений. Экономическая субъектность – это феномен проявления таких мотивов в человеческой (хозяйственной) деятельности, которые основываются на его внеопытном (априорном) знании, находящемся за границами навязанных коммуникативных стереотипов. Таким образом, субъектность проявляется в преодолении действующих, в данный временной период, границ статуса субъекта. Исследование причин и последствий кризиса субъектности затруднено в рамках текущей эпистемологии релевантных социогуманитарных и общественных наук. Предприняв «бегство» от «проблемы человека», как в свете «чистого» исследования универсальных процессов, так и в рамках антропологической модели, стал утверждаться особый ракурс исследования, который можно обозначить как «бессубъектность». В связи с этим представляется перспективным дальнейшее исследование экономического субъекта и субъектности в свете постклассической философии хозяйства, в рамках которой имеется возможность диалектически совместить оба представления о человеке в хозяйстве и системе хозяйствования в целом.

ГЛАВА 2. МЕТОДОЛОГИЯ ПОСТКЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ХОЗЯЙСТВА В ИССЛЕДОВАНИИ СУБЪЕКТА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

В постклассической философии хозяйства оба ракурса для экспликации статуса экономического субъекта (классический, «программируемый», и неклассический, «функциональный») находятся в диалектическом сопряжении. С одной стороны, благодаря устоявшимся экономическим отношениям, человек в хозяйстве получает всё больше возможностей (профессиональных, временных, ресурсных) воплощать и познавать в актах хозяйствования собственную становящуюся личность. С другой стороны, благодаря своей коммуникативной природе, экономика превращается в систему рекурсивных повторяющихся интеракций, в которой создаётся мнимая ситуация стабильности хозяйственной системы, якобы не требующая активного вовлечения экономического субъекта. Благодаря отлаженной работе коллективных субъектов, на определённых временных промежутках, действительно, достигалась относительная устойчивость системы общественного воспроизводства. Однако эти периоды стабильного хозяйствования неоднократно прерывались кризисами. В течение XIX-XX века, по оценкам специалистов, было зафиксировано как минимум пять системных экономических кризисов, которые приводили не только к спаду деловой активности и объёмов производства, но и кризисам во всех смежных социальных сферах, а также дальнейшей дегуманизации экономической сферы хозяйствования. После каждого кризиса вопросы взаимных отношений между субъектом-индивидом и сложившейся макросистемой экономических отношений пересматривались: на определённом этапе социально-экономической мысли кризис стал рассматриваться как неотъемлемая часть хозяйственного развития. Однако генезис и факторы

кризиса, как правило, оставались за рамками социально-философской рефлексии.

В свете развития методологии постклассической философии хозяйства, появляется возможность по-новому исследовать вопросы динамики хозяйственного развития, двойственную природу кризисов, а также – раскрыть зависимость между исторической динамикой статусов экономических субъектов и хозяйственными событиями, которые в различные временные периоды приводили к дегуманизации экономики. В этой связи получает своё социально-философское обобщение феномен «отчуждения результатов труда»: не только как социально-обусловленный результат капиталистических отношений между людьми (К. Маркс), или отношений между людьми и технологиями (Т. Адорно). Отчуждение можно рассматривать как онтологическую характеристику хозяйственного процесса, которая проявляется в результате противостояния старого и нового мира хозяйствования, а также – раскрывается в условиях, когда усилия отдельного субъекта хозяйствования противостоят ситуации экономической бессубъектности.

2.1. Социально-философский анализ специфики экономической субъектности и условий ее проявления в хозяйстве

На фоне стремительного развития специализированного философского знания (техники, религии), философия экономики является сравнительно «молодой» отраслью науки. Интерес к ней возникает в связи с ростом кризисных явлений в хозяйственной сфере, необъяснимых с позиции экономической науки, развитием тенденций глобализации, усилением антигуманных процессов в обществе, сопровождающих научно-технический прогресс. Существенные концептуальные вопросы философии экономики до сих пор остаются не освещёнными, хотя отдельные предположения уже

высказываются в работах Д. Хаусмана, А.И. Самсина, В.А. Канке. Для России эта тема не новая: основоположником философии хозяйства считается С.Н. Булгаков, – автор одноименного труда по исследованию социально-философской природы хозяйствования[1] [209]. Задачей философии хозяйства является формирование комплексной, синергетической картины мира хозяйствования[2], выработка таких подходов к исследованию экономики, которые дадут обобщающий взгляд на этот предмет исследования. Таким образом, предметом философии хозяйства становится «метахозяйство» (Ю.М. Осипов), то есть «хозяйство на уровне и с уровня метасмыслов[3] [432, с.32]. Дополним, что такое исследование, которое можно обозначить как постклассическую философию хозяйства, должно вестись с позиции синергетического синтеза гуманитарных наук [593], учитывающего современный тип рациональности научного знания (В.С. Стёпин), быть приближено к «абсолютному мифу» (А.Ф. Лосев). Сравнительный анализ гносеологических воззрений на экономику и хозяйство в свете постклассической философии хозяйства и неоклассической парадигмы (экономикс) представлен в следующей таблице (Таблица 2.1).

---

[1] Следует отметить, что труд С.Н. Булгакова имел не только научные, но и вполне прикладные цели: предложить социально-философский ответ и критику на растущую в популярности теорию К.Маркса.

[2] Особенность синергетического подхода (И.Пригожин, Г.Хакен, М.Фейгенбаум) заключается в выявлении общих закономерностей развития отдельных научных направлений и дальнейшее их приложение к другим дисциплинам. Общедисциплинарность подходов синергетики делает её схожей с учением В.Вернадского, а принципы самоорганизации – возводят к гегелевскому исследованию духовной культуры. В этом случае наследие диалектики не отбрасывается, а её смысловая механика становится частью наблюдаемых процессов самоорганизации. Подробнее см. Данилов Ю., Кадомцев Б. Что такое синергетика? // Нелинейные волны. Самоорганизация. М.: Наука. – 1983. – С. 35-48.

[3] В этом контексте философия хозяйства согласуется с синергетической парадигмой: синергетику часто называют «метанаукой», (см. Синергетика. Иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. / Хакен Г. – М.: Мир, 1985. – 424 с.) или Х-наукой (см. Данилов Ю., Кадомцев Б. Что такое синергетика? // Нелинейные волны. Самоорганизация. М.: Наука. – 1983. – С.37.

Таблица 2.1. Сравнение философии хозяйства и «экономикс»

Критерий сравнения	Философия хозяйства (синергия социогуманитарного знания)	Современная парадигма «экономикс»
Образ хозяйства	Организм	Механизм
Субъект и объект: отношения	Неразрывность субъект-объекта (Ф. Шеллинг, А. Лосев)	«Идеальный субъект» (И. Кант)
Теория-практика	Развитие праксиологии как учения о человеческой деятельности	Разделение теории и практики. Экономика как «ящик с инструментами».[1]
Отношение к хозяйственной реальности	Проект экономики, воплощаемый в реальность и циклически отражаемый в проекте будущего	Хозяйственная реальность преобразуется согласно модели (перформативность)
Характер знания	«Разнородная прерывность» (Г. Риккерт)	«Однородная непрерывность» (Г. Риккерт)
	Фрагментированная хозяйственная реальность, объединённая гуманитарным ви́дением ведущей роли личности в хозяйственной деятельности.	Фрагментированные знания о хозяйственной реальности, обращённые в однородное математизированное поле понятий и рационально действующих субъектов.
Аксиологическое измерение	«Очеловечивание» природы (С.Н. Булгаков)	«Экономизация» человека
Тип экономики	Экономика 3-го порядка (гуманизация виртуального пространства хозяйствования)	Экономика 2-го порядка (виртуализация материальной экономики)

[1] Это популярное среди практиков определение экономики принадлежит британскому экономисту и общественному деятелю, Джоан Робинсон. См. Робинсон, Дж. Теория несовершенной конкуренции. – М.: Прогресс, 1986. – 471 с.

В ходе развития новых подходов к синергии экономического знания центральным становится вопрос о субъекте хозяйственной реальности. Это должен быть такой уровень исследования, при котором субъект и объект хозяйствования не разделяются, но понимаются как целое и нераздельное. «Личность есть диалектический синтез «субъекта» и «объекта» в одном неразложимом целом», – пишет А.Ф. Лосев [377, с.277]. С.Н. Булгаков формулирует эту проблему следующим образом: «…что можно сказать о трансцендентальном субъекте, который собою обуславливает и знание, и хозяйство и к которому можно и нужно относить интегрирующую деятельность знания или хозяйства, знание и хозяйство как энергии?» [209, с.128]. Таким образом, «картезианское сомнение» в контексте философии хозяйства получает особую гносеологическую трактовку. Утверждение «я есть» («я существую») формируется в процессе хозяйствования и смыслообразующей деятельности. Это такая деятельность, которая самим фактом своего осуществления подразумевает мыслительное усилие и, соответственно, самоидентификацию. Установление факта собственного существования может трактоваться как базовая потребность современного человека, в противовес «потерянности», ставшей «грамматикой жизни», как образно отмечает исследователь современной культуры, В.А. Фортунатова. Процесс познания в хозяйственной деятельности – это не только обзор представление о мире, которые формируют опыт человека. Это выработка человеком представлений о самом себе. Чтобы осознавать собственное бытие (понимать себя живым, осознавать собственное существование), человеку необходимо наблюдать (созерцать, обозревать) «отражения» собственной деятельности. Таким образом, он получает достоверные обратные импульсы из окружающей среды, подтверждающие реальность и качественные характеристики его бытия. Исследуя признаки внешних изменений, причиной которых является его (субъекта) собственная деятельность (отсюда

становление как постклассическая характеристика «жизни»), происходит опытное наблюдение собственного «я».

Субъект как таковой есть событие: сам факт субъектности подразумевает априорное наличие рефлективного, то есть отражащего(ся) процесса. Он совершается, сбывается, через акты самопознания, которые приходится постоянно воспроизводить. Таким образом, труд из экономической категории переходит в гносеологическую, а самосознание обращается в процесс объективации духа (Н. Бердяев). Труд как форма объективации воплощает всё сомнительное, необработанное, внутренне сокрытое от человека, но дающее ему возможность наблюдать себя в процессе трудовой деятельности. Такая концепция труда позволяет решить проблему «пахаря и звездочёта» (С.Н. Булгаков), связывая труд не с его пользой, стоимостью, или связанными социальными отношениями, а с его значением для самопознания отдельного человека. Именно в этом состоит праоснова субъектного нонконформизма, суть которого раскрывается в следующих главах исследования.

В свете вышесказанного обретает новую трактовку сама экономика. Если хозяйствование, даже не предполагающее обмена и не находящееся в области экономической коммуникации, становится условием «реальности» человека, то экономика обеспечивает процессы познания, продуцируя формы для «отражения» человека посредством деятельности. В силу её социокультурного и коммуникативного детерминизма, экономика создаёт специфические условия для субъектной рефлексии. Они выражаются в унифицированных, стандартизированных формах, понятных и доступных не только индивидуальному сознанию, но и широким социальным группам. Вследствие этого экономика рассматривается не в её сути, а в её «отражении», обращая внимание на процесс идентификации субъекта, уводя от вопроса специфики его (субъекта) деятельности. Можно предположить,

что это приводит к тем или иным «отражениям», когда для одного индивида личный статус связан с размером материального вознаграждения, а для другого – размер его оплаты труда не имеет значения. Экономика представляется как особая социальная система, которая вбирает и перераспределяет материальные ресурсы для возобновляемого познания и тем самым продолжения человеческого рода: не только биологического, но и ментального (культурного и духовного). Для того чтобы сделать этот процесс непрерывным, возобновляемым и цикличным, человеку приходится вступать в экономическую коммуникацию, которая, в силу её социальной природы, имеет определённые ограничения, как ресурсные, так и пространственно-временные (подробнее об этом говорилось выше, в параграфе 1.3).

Сама субъектность для индивида, как феномен, несёт в себе потенциальную энергию, которая приводит к активной хозяйственной деятельности, при условии, что человек, совершая действие, имеет первопричиной самого себя. Она проявляется в таком «быть» (как антоним «существовать»), или таком «бытийствовать» (М.К. Мамардашвили), которое означает для субъекта – поступать из самоосновы. Наиболее заметно субъектность проявляется в профессиональной (хозяйственной) деятельности: уже на этапе выбора профессии (призвания, служения), – когда такой выбор является следствием субъектного мотива выпускника учебного заведения, а не установки его семьи, действия культурной традиции, престижности, или перспективы хорошего заработка[1]. Можно утверждать, что в подобной ситуации человек поступает исходя из себя, своего существа. Действует он так не из самого наличного «права» действовать, а вследствие наличной когитальной субъектности (Р. Декарт, М.К. Мамардашвили).

[1] Классическим примером «бытийного выбора» можно считать историю жизни Сократа, который не только не зарабатывал своим философствованием, но даже не отказался от него перед лицом смерти.

Благодаря этой способности, он понимает, что может поступать из собственного основания, осознавать ответственность за свой свободный поступок и прилагать к нему усилие. Таким образом, субъектность связана с рефлексией как «высшей формы самосознания», которая, по описанию В.А. Лекторского, выражается в том, что «субъект осуществляет анализ способов своей деятельности и явлений сознания, в том числе и своего Я». Кроме того, рефлексия возникает только «на основе овладения языком и другими средствами межчеловеческой коммуникации» [366, с.166].

В дополнение к когитальности для проявления субъектности необходимо установление пространственно-временных рамок хозяйствования, так как субъектность связана со становлением (изменением), преодолением, усилием, выходом на границу сложившегося (устоявшегося) цикла существования субъекта и последующим осмыслением произошедших изменений. В пространстве, бесконечном и безвременном, такое усилие не имеет смысла. Отсюда можно заключить, что рациональный экономический субъект, действующий в границах классического экономического исследования, не обладает субъектностью. Вопросы гуманистической, экзистенциальной природы, для рационального субъекта не обладают релевантностью при принятии управленческих решений. Единственный аспект, имеющий значение, связан с объемом доступной для субъекта информации. В экономике хозяйствующий субъект постоянно находится в ситуации неопределённости. На эту особенность обратил внимание Дж. М. Кейнс, обосновав тем самым невозможность реализовать на практике идеальные условия совершенного рынка. Незнание и неопределённость, вытекающие из осознания незнания, являются следствием того, что субъекту невозможно находиться одновременно во всех точках пространства и времени. Отсюда, как будет показано далее, неопределённость и связанная с ним риско́вость хозяйственных поступков не только неизбежны, но и

необходимы для проявления субъектных качеств индивида. Субъектность предваряется собиранием разбросанного во времени хозяйственного опыта в точку принятия решения.

Влияние экономической субъектности на экономическое развитие в целом выделял Й. Шумпетер. Однако в его интерпретации субъектность естественна, рациональна и неотделима от фигуры активного и деятельностного изобретателя-предпринимателя. Как и в других работах представителей Австрийской экономической школы, индивид-предприниматель выполняет системообразующую роль рационального организатора экономических процессов. Чем больше предпринимателей, тем ближе модельная реальность к реальности фактической, тем скорее достижение целевой эффективности всей экономической системы. Й. Шумпетер пишет, что «… предприниматель (в нашем смысле) реализует новые комбинации в различных формах организации экономики. Пользуясь этими средствами, он переводит народное хозяйство на новые рельсы. Общим для этих средств является то, что, применяя их, можно принудить субъектов статической экономики служить новым целям» [639, с.4]. В свою очередь, как сказано выше, субъектность имеет иррациональные корни, связана с самопознанием, личностным становлением, обретается при сравнении диалектически сопряжённых форм жизни индивида – его бытия и экзистенциального существования. Эти вопросы остаются за рамками концепции предпринимательства как причины экономического развития, которую развивает Й. Шумпетер: для него субъектность предпринимателя аксиоматична и калькулятивна.

Субъектность в современной экономической теории (экономикс) может быть измерена лишь с точки зрения способности субъекта рационально использовать свои функциональные качества и свойства для постоянного удовлетворения потребностей. Как справедливо отмечают российские

исследователи, эта особенность современной экономики роднит её с натурфилософией, «где вся действительность описывается с помощью одного руководящего принципа – через стихию «воды», «огня», «воздуха». Вечный круговорот этой стихии очень похож на психоэкономическую иллюзию перманентного самодвижения потребительского желания от одной трудности к другой» [261, с.83]. Отметим, что ранее представители классической экономической теории, исследуя причины капиталистической инициативы, определяли её источником такие внешние, по отношению к экономике, причины как «стремление быть замеченным» (Т. Веблен), религиозное благочестие (М. Вебер), «героическую аффектацию» и «половую конституцию» (В. Зомбарт), фетишистскую психологию (К. Маркс). По мере становления современной парадигмы экономической науки большинство факторов неэкономической и небиологической природы человеческого поведения были удалены из научного дискурса как не соответствующие позитивному вектору развития теории. Современные исследования в области поведенческой экономики подкрепляют выбранный вектор развития науки: отклонения от рационального поведения рассматривается как фактор иррациональности бихевиористской этимологии. Как справедливо отмечается критиками: «современная эгопсихология, как и экономика, рассматривает человека не с точки зрения моральности/аморальности (соотношения хороших/плохих, позитивных/ деструктивных факторов), а через функциональность (рациональное, эффективное использование) качеств и свойств субъекта» [261, с.83].

Более широкое, социально-философское понимание экономической субъектности связывает её проявление в хозяйственном поведении человека с поиском полноты бытия. Однако в отличие от культуры, которая позволяет человеку «организовать своё бытие» (М.К. Мамардашвили) и сохраняет формы жизни, достойные подражания, в хозяйстве воспроизводятся

механизмы (правовые, экономические), формы (товарно-денежные, цифровые), процессы (профессии), материальные артефакты (средства производства), которые для субъекта-индивида могут стать средствами для такого «собирания себя», а также для творения и запечатления новых образцов культуры. Таким образом, в отличие от культуры, хозяйство по своей сути – инструментально.

В неклассической трактовке субъекта – само его появление связано с коммуникативным актом. «Для неклассического подхода Я не является чем-то изначально и первично данным. Оно возникает в определённых условиях, а точнее, создаётся во взаимодействии индивида с другими людьми и вне этих отношений не существует» [366, с.180], – пишет об этом В.А. Лекторский. Если понимать хозяйствование как творческое и всестороннее преобразование природы (С.Н. Булгаков), то есть, не ограничиваться исключительно наблюдаемыми сквозь экономическую призму товарно-денежными отношениями, опосредующими процессы профессионального разделения труда, то можно утверждать, что именно в процессе хозяйствования субъектность способствует такой объективации творческих усилий индивида, которая становится сразу открытой, доступной для воспроизводства (копирования, преобразования) другими участниками. Другими словами, субъектность в хозяйственной деятельности обеспечивает масштабирование смыслов, в процессе их пере(от)дачи от человека к человеку, от индивида – к обществу, от поколения – к поколению. Коммуникативная природа хозяйствования здесь играет роль проводника символов и смыслов, которые обретаются субъектом через многочисленные акты повторения хозяйственных процессов в течение жизни, тем самым давая возможность «обрести» культуру.

Развитие материальной хозяйственной культуры, представленной в первую очередь средствами производства, не случайно считалось

отдельными экономистами (Ф. Лист, Л. Ларуш) ключевым фактором развития экономической системы. Хозяйственная практика «завязана» на материальных артефактах: конвейер Г. Форда «открыл» эпоху потокового производства и стимулировал развитие производственной инженерной мысли, персональный компьютер Б. Гейтса стал основой домашнего офиса и дал возможность многим людям работать на дому (начало развития такой экономической активности как «фриланс»[1]), стиральная машина – превратилась не просто в символ освобождения женщин от домашнего труда, но способствовала усилению гражданской роли женщин и их стремительному профессиональному росту[2]. В январе 2010 года в США впервые была зафиксировано превышение женской занятости над мужской, что, кстати, соответствовало структуре занятости в период Второй Мировой Войны, и если в 1970-х доход женщин в США составлял 2–6% от семейного, то к концу 2010 года – он достиг 40% [203].

Таким образом, при всей «материальности», хозяйствование наполнено всевозможными символами, которые могут быть осмыслены субъектом-индивидом, переработаны, собраны в мыслительную точку на временной линии хозяйствования. Этот вектор времени в хозяйственном пространстве можно описать следующим утверждением М.К. Мамардашвили: «Всё существующее должно превосходить себя, чтобы быть собой в следующий момент времени» [391]. Традиции труда и хозяйствования постепенно складываются в сложные модели праксеологии и прогнозирования будущего развития экономических механизмов, обеспечивающих, с одной стороны, преемственность трудовых поколений, с другой, – возможность им

[1] От англ.яз. «freelancer», также переводится как «свободный художник», «свободный работник».

[2] Изобретение стиральной машины и сопутствующей линейки бытовых приборов, которые освободили женщину от домашего труда, имело больше социальных последствий, чем создание Internet. Этот факт подробно рассмотрен в популярной работе Чхан, Ха Джун. 23 тайны: то, что вам не расскажут про капитализм. – М.: АСТ, 2014.

стартовать с новых оснований. Однако – они же порождают «мир растущей сложности», который требует непрестанного вовлечения и информирования об их условиях других участников хозяйствования. Так, одним из последних исследований Гарвардской бизнес-школы стало составление атласа мира экономической сложности, на котором иллюстрируется коллективный феномен сложившихся взаимосвязей между знаниями о производстве современных товаров и услуг, и глобальной специализацией стран и территорий, которые концентрируют знания и технологии для их производства (от зубной пасты до стиральной машины)[1]. Эта сложность позволяет поддерживать общемировой сложившийся стандарт жизни, но она же – требует от современного экономического общества выработки новых способов управления процессами хозяйствования, которые превращаются в процессы управления знаниями, сконцентрированными в производстве привычных предметов быта. Эта ситуация во многом была описана концепцией «общества рисков» Н. Лумана.

Кроме описанных выше условий проявления субъектности в хозяйстве (когитальность, пространственно-временные рамки, развитие материальной культуры) сила воздействия «проявленной» (объективированной) субъектности отдельного индивида на общественные процессы во многом определяется историческим моментом, фазой динамики развития общества. Субъектность проявляется в контексте и в связи с историческими событиями: чем критичнее ситуация, открывающая новые альтернативные пути развития общества (моменты бифуркации), тем существеннее влияние проявленной субъектности отдельного индивида на ход исторического процесса. В этом контексте проблема субъектности коррелирует с известной парадигмой пассионарности Л.Н. Гумилёва, которая, в современной парадигме

[1] Подробнее см. Hausmann, R. Hidalgo, C. et all. The atlas of economic complexity. Mapping paths to prosperity. Harvard university. – 91 p.

бессубъектности начинает обретать новые смыслы и коннотации[1]. Её связь с «харизмой» М. Вебера, героическими личностями А. Бергсона, а также с не менее сложной философской проблемой личности в истории (Т. Карлейль, С. Хук, Г. Плеханов, Н.К. Михайловский, Л.Е. Гринин) побуждает по-новому оценить её значение в системе противостояния личности и бессубъектного экономического мира. В отличие от пассионарности, которая в узкой трактовке сочинений Л. Гумилёва, прежде всего, связана с волей пассионарной личности, которая открывается через призму исторических и политических событий, субъектность – более сложное качественное состояние участника хозяйственных процессов. Оно может и не быть явлено через внешние признаки – события, порождённые деятельностью индивида, но оставаться его личностным переживанием.

Можно предположить, что постчеловек из техногизированного пространства экономики («техномики» Ю.М. Осипова), не имеет возможности в полной мере обрести субъектность. Текущий этап развития хозяйства, благодаря распространению информационно-коммуникационных технологий, характеризуется с одной стороны уплотнением времени, а с другой – глобализацией процессов. Виртуальные финансовые механизмы позволяют производить хозяйственные операции в мировом масштабе, а сами операции совершать практически моментально в различных мировых валютах. В постинформационном обществе экономика становится полем для самоисследования и самоутверждения человека. В современном зеркале экономической реальности индивид противостоит собственным цифровым

[1] Как справедливо утверждает С.Московичи, несмотря на многочисленные синонимы и интерпретации харизма (пассонарность) «представляет собой экстраординарные дарования и необычные силы, необходимые для того, чтобы победить инерцию привычки и безразличия. Какой же смысл может иметь столь загадочное понятие? Три четверти века никто – или почти никто – не попытался его прояснить, и о нём сейчас известно не многим больше, чем в начале». Цит.по Фрумкин, К. Пассионарность: к истории идеи // «Россия XXI». – 2001. – № 3. – С. 154.

копиям. Таким образом, в цифровой экономике получает визуализацию рефлексия человека о себе самом. Она формируется в результате исследования человеком собственного рационального текстового портрета. Цифровой антропологический портрет статичен и лишь косвенно может быть сравним с самим индивидом, находящимся в постоянной динамике. В то же время его простота и доступность для анализа делает возможным для человека выстроить диалог с самим собой, оценивая личные достижения – через наблюдение изменений в карьерном статусе, компетенциях, количестве подписчиков в аккаунтах социальных сетей, размере оплаты труда. Такой диалог есть социально приемлемая форма экономической коммуникации и не заменяет собой диалога личности с самой собой на фоне ее самоизоляции от внешних детерминаций (т.н. «эго-медийность» в трактовке А.Н. Фортунатова [540]). Таким образом, современная экономическая коммуникация формирует иллюзорно-манипулятивные «перспективы» для человеческого самовыражения. Создаётся иллюзия экономического выбора: в то время как труд, в широком понимании, обретает негативную коннотацию, бесконечные возможности в условиях цифрового хаоса делают его несоразмерным (неудобным) для человеческой природы.

Обратная сторона хозяйственных процессов и экономики как сферы для проявления индивидуальной, и коллективной, субъектности, связана с формированием коммуникативной экономической рациональности. В случае, когда участие в экономической коммуникации становится для субъекта самоцелью, можно говорить о наступлении ситуации бессубъектности. Именно здесь рождается узнаваемый критический концепт социальной философии, «отчуждение результатов труда», получивший популярность в трудах представителей политической экономии, социологии и философии.

2.2. Эволюция феномена «отчуждения» в коммуникативной экономической рациональности

Участие человека в системе производства и потребления является, по сути, продолжением одного и того же процесса общественного воспроизводства. Отсюда следует, что социально-философское исследование человека в хозяйстве (а также – мифов, конструктов и аффектов, влияющих на его решения, вкупе с различными моделями экономической рациональности), должно охватывать весь хозяйственный процесс, целиком, не выделяя отдельно поведение индивида в «потребительском обществе», или его рациональную модель как предпринимателя и производителя экономических благ. Противопоставление производства и потребления, удобное с точки зрения классической методологии, разрушает системный взгляд на человека в хозяйстве. Как было показано ранее, в научной литературе, посвящённой проблемам хозяйствования, можно наблюдать следующий парадокс: сначала человек рассматривается как разумный (рациональный) максимизатор, стремящийся максимизировать личную выгоду (сокращая издержки, внедряя новые технологии в производство), а затем – как «неразумный» (иррациональный) потребитель, который становится жертвой спекуляций (мифов-конструктов) со стороны рекламы, моды и других инструментов потребительского воздействия. Такой фрагментарный подход к исследованию сохраняется и в отношении известного критического концепта политической экономии – «отчуждения результатов труда», который представляется важным не только для раскрытия диалектики хозяйствования, но и предлагаемой концепции бессубъектности.

Результаты труда, которые являются итогом самореализации индивида (его свободной творческой деятельности) стали предметом отдельного исследования в работах К. Маркса. «Главная характеристика людей, – пишет

К. Маркс, – это их способность к воплощению (опредмечиванию) и реализации самих себя в продукте их труда» [396, с.840]. Начав с «отчуждения результата труда» у К. Маркса (от англ. яз.: «alienation»), идейно феномен «отчуждения» стремительно развился до «отчуждения каждого, в отдельности, от самого себя» [161, с.367] – как у Т. Адорно, «отчуждения» между «человеком и человечеством» вследствие «закона ускоренного производства информации» у М. Эпштейна [648, с.216], или «отчуждения людей от людей». В этой связи Г.С. Киселев пишет: «… сам человек оказывается собственным врагом, поскольку как природное и социальное (а социальность представляет собой «вторую природу») существо он противостоит себе как существу духовно-телесному, целостному. Такому человеку всё больше начинает противостоять его собственная природно-социальная сторона (наряду с объективированными результатами его социальной деятельности) [329, с.4]. Н.А. Печерских развивает понятие «отчуждения» как феномена коллективности, который проявляет себя исключительно в пространстве отношений. Он пишет: «Отчуждение «людей от людей» состоит в опредмечивании воли; продукт деятельности обретает, или как бы «обретает», свою собственную волю, трансцендентную воле субъекта, иррациональную для субъекта, направленную против воли субъекта, а субъект (человек) овещняется вследствие овещнения общественных отношений» [443, с.160-161].

Э. Фромм связывал «отчуждение» с людьми-системами (менеджеры, служащие, посредники), которые становятся жертвами манипуляций со стороны символов и вещей [547, с.412]. Политическое насилие, господство рационального мышления, замена самостоятельных личностей на абстрактные «рабочие единицы», – все эти негативные социальные явления философы и социологи так, или иначе, выводят из «отчуждения», узнаваемого критического концепта политической экономии. В работах

Э. Ильенкова выделяются также такие категории этого феномена, как отчуждение вещи, отчуждение личности, отчуждение деятельности (труда), отчуждение собственности. Отчуждение деятельности при этом определяется как ведущее. Э. Ильенков пишет: «… человек, человеческий индивидуум, рассматриваемый как субъект реального живого труда, а не как субъект морального или религиозно-философского самосознания, действительно выступает как нечто предшествующее (и логически, и исторически) всякому опыту отчуждения…» [291, с.148]. «Отчуждение» по Э. Фромму заключается в невозможности отождествлять себя с социальной группой (через участие в традициях, поддержание мифа). Во многом он связывает это с понятием «равенства», получившего обновлённую трактовку в современном капиталистическом обществе. Равенство, которое по И. Канту заключалось в том, что никто не может использовать другого человека для достижения личных целей (так как человек есть целый мир), было оправдано с точки зрения развития феномена индивидуальности. Однако к концу XX века равенство стало означать «…равенство автоматов – людей, утративших свою индивидуальность» [548, с.32]. Таким образом, Э. Фромм делает вывод, что эпоха массового производства потребовала не только стандартизации продукции, но и «стандартизации людей».

Социально-экономическая сторона «отчуждения» неразрывно связана с участием человека в системе потребления, а также с экономическим явлением безработицы. Работодатель, предъявляющий запрос на рынке труда, руководствуется спросом товарного рынка. Таким образом, сама по себе, фирма является лишь посредником между человеком-потребителем и человеком, участвующим в системе производства. В отсутствии спроса на результаты своего специального или узкоспециального труда, индивид ограничен в самореализации в выбранной профессии. По отношению к нему это внешнее ограничение, однако – оно также есть проекция коллективного

сознания потребителей. И индивид сам выступает в этой роли. Исследование коллективных потребительских аффектов и их влияния на потребительский выбор отдельного человека стало особым предметом исследований Ж. Бодрийяра («общество потребления»).

Оригинальный взгляд на проблему «отчуждения» развивается в работах Й. Шумпетера, для которого хозяйствование может находиться в разных состояниях баланса сил: в состоянии «рутинной» организации хозяйственной деятельности «отчуждение» соответствует классической ситуации, но в условиях инновационного развития «общественная производительная сила», порождённая специализацией труда, присваивается предпринимателем. Такое состояние системы, однако, не может быть постоянным, так как инновация со временем также превращается в «рутину». Таким образом, «отчуждение» не может быть окончательно разрешено в существующих пространственно-временных границах хозяйствования: такое понимание «отчуждения» прочитывается в метафизики хозяйства С.Н. Булгакова. Он пишет: «Хозяйство, как связанное с проклятьем земли, не имеет в себе эсхатологических задач, переходящих за грань смертной жизни этого века, к ней исключительно относится эта область, поэтому оно и не может завершиться в своих собственных пределах, а должно прерваться, подобно человеческой смерти …» [211, с.316].

Эволюция смыслов, вложенных в феномен «отчуждения», указывает, что в нём присутствуют нематериальные, субъективистские элементы. Это позволяет интерпретаторам трактовать «отчуждение» как символ отношений, а не как действующий социальный механизм, как это было изначально представлено в работах К. Маркса. Для него, как последователя немецкой философской школы В.Ф. Гегеля, «отчуждение» представляло собой сложный диалектический механизм, который неизбежно приведёт к перерождению (на новом качественном уровне) общественного строя. Этот

механизм был основан на вере в естественность законов общественного развития, искусственно воплощённых в жизнь, благодаря узкой аксиологической трактовке экономических поступков человека («жизнь, свобода, собственность» Дж. Локка в сравнении с «жизнь, свобода и счастье» Аристотеля).

В работах К. Маркса выделяется три аспекта взаимного отношения производства и потребления [397, с.17-37]. Во-первых, производство рассматривается как идентичное потреблению, а потребление – идентичное производству[1]. В процессе производства потребляются ресурсы, а в процессе потребления – человек воспроизводит себя самого. Так, в свете экологического кризиса проблема производства становится одновременно проблемой потребления: загрязнение окружающей среды, которое сопровождает производственные процессы, есть загрязнение области жизни человека, то есть его непосредственной, природной среды проживания и потребления (вода, воздух, почвы).

Во-вторых, связь производства и потребления определяется тем, что и то, и другое, является неотъемлемой частью единого процесса воспроизводства. Участвуя сначала в производстве продукции, человек затем потребляет произведённые блага, а после этого – снова начинает их производство. В экономической теории воспроизводство в полном смысле этого слова встречается только на макроэкономическом уровне: в этом кругообороте всё, что было произведено, потребляется. Исследование характера общественного воспроизводства, позволяет экономистам говорить

[1] На идее идентичности производства и потребления построена известная экономистам модель В.В. Леонтьева «Затраты-Выпуск». См. Леонтьев, В.В. Межотраслевая экономика / Василий Леонтьев; [Науч. ред. и авт. предисл. А. Г. Гранберг]. – М.: Экономика, 1997. – 477 с.

о сужающемся, или расширенном воспроизводстве[1]. С точки зрения хозяйства как единого организма, последствия загрязнения окружающей среды, в том числе проблема переработки мусора, является одним из вопросов общественного воспроизводства. Например, в связи с широким использованием не разлагаемых материалов, производственные (и потребительские) отходы представляют собой «потери» воспроизводственного цикла, как в форме уменьшающихся ресурсов, так и дополнительных затрат, связанных с их переработкой. В то же время в экономической теории принято рассматривать экологические вопросы как сопутствующие факторы производственной деятельности, выведенные за пределы предмета экономической теории. Однако в стоимостном выражении, последствия экологических проблем, являются отложенными во времени расходами, которые перекладываются на плечи будущих поколений[2].

По третьему аспекту производство и потребление взаимно определяют друг друга, так как они едины, по предмету и форме. Человек в системе потребления выявляет потребности и формы их удовлетворения, которые могут стать стимулом для будущего производства. Точно так же человек, занятый в производстве, определяет, каким образом будет выглядеть (какими функциями будет обладать) предмет для потенциального потребителя. Этот вопрос получил особое развитие в теории инноваций. Будущий инновационный продукт может быть создан либо в режиме «рыночной тяги»,

---

[1] Этот вопрос связан с понятием экономического роста. Как будет показано в дальнейшем, рассуждения о характере воспроизводства невозможны без использования оценочных показателей (например, стоимостных).

[2] Отдельные стоимостные оценки можно встретить в ежегодных докладах Всемирного фонда природы (WWF) или Всемирного банка. Например, приводятся следующие цифры: «обеспечив экологическую защиту 30% морских и прибрежных районов, США могут сгенерировать от 490 до 920 миллиардов долларов доходов и 150000-180000 рабочих мест на период до 2050 года». См. WWF-INT Annual Review. – Gland, Switzerland: NCP SA and Pressor SA, 2015. – 52 p. По оценкам Всемирного банка средняя ежегодная стоимость ухудшения состояния окружающей среды в экономике составляет до 5,7 годового всемирного валового продукта (в оценках 2009 года).

либо – в режиме «технологического толчка» (Й. Шумпетер, Дж. Шмуклер), то есть быть результатом запроса рынка, или результатом интеллектуальной деятельности. В практиках обучения основам инновационного предпринимательства одним из способов генерации идеи для нового продукта является исследование собственных неудовлетворённых потребностей. Сам интерес к продукту труда (в рамках производства или потребления) формирует (сокращает, или расширяет) процесс. По словам А.Г. Здравомыслова интерес сам по себе является «предельным моментом» (функцией, дифференциальным моментом) осуществляемой субъектом хозяйственной деятельности[1].

Можно выделить ещё один, четвёртый, аспект связи производства и потребления. Это рассмотрение такой человеческой потребности как личностная реализация (самореализация), то есть потребность участвовать в производственных отношениях. Отчасти самореализацию можно рассматривать как явление, противоположное «отчуждению», когда психологическое ожидание индивида от участия в процессах общественного воспроизводства соответствует его ожиданиям (идее самореализации). По словам Э. Фромма, К. Маркс рассматривает самореализацию в контексте всемирного процесса, то есть применительно ко всему человечеству: «вся так называемая всемирная история есть не что иное, как порождение человека человеческим трудом, становление природы для человека... у него есть наглядное, неопровержимое доказательство своего порождения самим собою, процесса своего возникновения»[2]. Таким образом, производство само по себе становится потреблением, а потребление (в форме самореализации) – невозможно без производства. Э. Фромм пишет: «Глубочайшая потребность

[1] Подробнее см. Здравомыслов, А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. – М.: Политиздат, 1986. – С.74-109.

[2] Подробнее см. Э.Фромм. Душа человека. – М.: "Республика", 1992. – С. 375-414

человека, таким образом, это потребность преодолеть свою отчуждённость и выбраться их тюрьмы одиночества» [548, с.24]. Творческую самореализацию он рассматривает как одну из форм преодоления отчуждённости, которая, наряду с «принадлежностью к социальной группе», позволят преодолеть отрыв человека от внешнего мира[1]. В свою очередь, самореализацию человека следует рассматривать не только как потребность, но и как основной мотив для проявления индивидом субъектных качеств.

Представление о синергетическом единстве производства и потребления[2] позволяет по-новому подойти к исследованию вопросов участия человека в системе производства и потребления, а также дать обновлённую социально-философскую характеристику диалектической паре самореализация-отчуждение. Это исследование напрямую связано с анализом свойств экономической коммуникации. К ним можно отнести – виртуальность, калькулятивность, ведущую роль информации, а также наличие ценностного измерения (отношения по стоимости), рационализирующего и дегуманизирующего отношения между людьми в процессе хозяйствования. Рассмотрим последовательно каждый из этих

---

[1] Исключая вариант, при котором внешнего мира просто не существует в том случае, если человек изолирует себя от него.

[2] Описывая, каким образом производство и потребление пересекаются, К.Маркс в то же время критикует тех экономистов, которые придерживаются точки зрения о существовании единого субъекта производства и потребления. В своих экономических рукописях он пишет: «…рассматривать общество как один-единственный субъект – значит рассматривать его неправильно, умозрительно. У одного субъекта производство и потребление выступают как моменты одного акта. Здесь нужно подчеркнуть лишь самое важное, что если рассматривать производство и потребление как деятельность одного субъекта или отдельных индивидуумов, они во всяком случае выступают как моменты процесса, в котором производство есть действительно исходный пункт, а поэтому также и господствующий момент. Потребление как необходимость, как потребность, само есть внутренний момент производительной деятельности, однако последняя есть исходный пункт реализации, а потому и её господствующий момент – акт, к которому снова сводится весь процесс». См. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии / Карл Маркс. – М.: Эксмо, 2011. – С.20.

аспектов и то, каким образом проявляется в этом контексте феномен отчуждения.

Виртуальность[1] представляет собой не только важнейший аспект бытия. Это особое качество отношений между субъектами хозяйственного процесса, возникающее вследствие пространственного и временного разрыва между моментом производства и потребления. Этот разрыв не мешает напрямую процессам воспроизводства (не считая увеличения расходов на посредничество), однако – он меняет их восприятие у субъектов производственных отношений. В массовом товарном производстве как потребитель не ощущает, не видит, не осознаёт усилий и затрат, потраченных на продукт, так и производитель не в состоянии себе представить всех людей (конечных потребителей), которые, в конечном итоге, пользуются материальными результатами его труда. Использование современных средств производства сделало виртуальность неотъемлемым, постоянным атрибутом товарно-денежных отношений. Сюда, например, относится Интернет-торговля, выстраивание деловой коммуникации с поставщиками и посредниками по удалённым каналам связи. Можно назвать множество успешных примеров из практики российского бизнеса, которые функционируют без использования осязаемых «физических» активов: это онлайн-банк «Тинькофф-Банк», цифровые порталы «Яндекс» и «Mail.ru»,

[1] В исследовании здесь и далее термин виртуальности берётся в контексте теории информационных технологий и связан с характеристикой сознания и восприятия субъекта. «Виртуальность» понимается как некоторое состояние, при котором субъект теряет различие между реальным и сконструированным (виртуальным) миром. В связи с этим «исследование различных типов виртуальных реальностей и переходов между ними выдвигает новые проблемы перед философией, относящиеся к установлению критериев различия между разными типами реальности, их роли в познавательной и практической деятельности, взаимосвязи виртуальности с категорией возможности, объяснения природы виртуальности свойствами универсума и бытия в целом». См. «виртуальность», Новая философская энциклопедия /Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В.С. Стёпин, заместители предс.: А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. – 2-е изд., испр. и допол. – Т.1. – М.: Мысль, 2010. – 741 с.

площадка электронных объявлений «Avito», социальная сеть «ВКонтакте», и компания по созданию решений в области безопасности «Лаборатория Касперского».

Психологические аспекты виртуальности связаны с ростом безразличия, как к собственному труду, так и к труду тех, кто выполнял работу, или участвовал в создании продукта. Отметим, что впервые вопрос о связи удовлетворённости трудом и его производительностью был поставлен в начале XX века Ч. Майерсом. В России, на 1-й Всероссийской конференции НОТ (Москва, 1921) об этом говорит В.М. Бехтерев. Он выступает с идеей использования сознательного интереса рабочих к труду как главного способа повышения производительности труда и способа борьбы с утомлением. По данным регулярных опросов общественного мнения, до 60% занятых в России рассматривают работу только как средство существования, то есть определяют своё участие в производственных процессах исключительно как необходимость для последующего потребления.

Виртуальность коммуникативных отношений между производителем и потребителем предопределила размытость (нечёткость) в восприятии потребностей со стороны субъекта. Это способствовало развитию инструментальных средств для изучения рынка, в том числе рекламы как средства, формирующего виртуальные представления о предлагаемой услуге (товаре). В течение XX века в теории были зафиксированы различные модели, позволяющие описать процесс формирования потребностей: например, Г. Беккера и Дж. Стиглера (зависимость потребления от накопления опыта), Я. Корнаи (модель «почти не насыщаемого спроса»). Дж. К. Гэлбрейт отмечал особую роль рекламы в стимулировании потребления: «… чем больше объём производства, тем больше стимулирование, и стало быть, тем выше потребности, которые надо удовлетворять. Такие рассуждения привели бы традиционные экономические

критерии эффективности на грань абсурда … Но, чтобы предотвратить ортодоксальные экономические воззрения от крушения, только потребитель должен оставаться конечным и высшим источником потребностей» [254, с.238].

В хозяйственной практике можно наблюдать, как качество продукта труда уступает место многообразию потребительского выбора. Как субъект-потребитель, отдельный индивид стремится разнообразить свою потребительскую корзину, а как субъект-производитель – диверсифицировать свой инвестиционной портфель. В результате, индивид вынужден воспринимать всё больше информации о качестве и вариантах исполнения потребностей, в том числе тех, которые не являются в полном смысли его собственными (т.н. навязанные, «надуманные» потребности[1]). Процесс потребления становится всё более сложным и требует временных и ресурсных усилий, как со стороны субъекта-индивида, так и коллективного субъекта. Например, специалистами неоднократно отмечалось, что сложные и запутанные процедуры корпоративных и государственных закупок значительно увеличивают транзакционные издержки. Можно предположить, что в условиях стремительного развития экономики «больших данных», информационный поток о разнообразии выбора будет всё больше подменять собой сам акт потребления.

Как потребление, так и производство оказывается за рамками персональной экологической ответственности экономического субъекта. В

[1] Э. Фромм указывает, что в концепции К. Маркса таковыми являются потребности, порождаемые капитализмом. К. Маркс по этому поводу пишет: «Таким образом, потребность в деньгах есть подлинная потребность, порождаемая политической экономией, и единственная потребность, которую она порождает... Даже с субъективной стороны это выражается отчасти в том, что расширение круга продуктов и потребностей становится изобретательным и всегда расчетливым рабом нечеловечных, рафинированных, неестественных и надуманных вожделений». См. Э. Фромм. Душа человека. – М.: "Республика", 1992. – С. 375-414.

этом проявляется отчуждение человека и его статуса как биологического индивида. Как показывает анализ хозяйственной практики, решение экологических проблем остаётся возможным только при наличии коллективной субъектности: например, целевых государственных программ, направленных на снижение негативного воздействия на окружающую среду. В сфере потребления – наблюдается «отчуждение» человека и его психологического статуса. Виртуальное (в т.ч. манипулятивное) воздействие на потребительский выбор приводит к усилению конкуренции. Отсюда – возникает угроза очередного экономического кризиса, вызванного перепроизводством. По этой же причине можно предположить, что будет возрастать роль информации в экономической коммуникации: в связи с необходимостью (потребностью) делать усложняющийся выбор среди растущего разнообразия предложения, как со стороны субъекта производства (объекты инвестиций, средства производства), так и субъекта потребления (предметы потребления).

Цифровизация экономики и развитие технологий анализа «больших данных» способствовали дискретной визуализации процессов виртуальной экономической коммуникации. При этом сама цифровая экономика обеспечила массовое производство и потребление различных форм цифрового присутствия человека. Исследование влияния технологий на восприятие человеком самого себя и себя в мире хозяйствования становится всё более популярным предметом изучения социологов и философов. Однако не менее актуальным является системный анализ «отражающей» сущности экономики, которая связана со способами и процессами отражения, возвращения субъекту потенциальных смыслов, выраженных в его деятельности. Это становится причиной нарастания бессубъектности: когда неважно, что за усилия предприняты экономическим субъектом, важнее – «обратные» процессы воздействия на субъект. Так, в современной

хозяйственной системе проявляется «отчуждение» человека и его «цифрового двойника» – проекции человеческих действий в цифровой сфере, которые существуют отдельно от человека и даже вступают в «цифровые» экономические отношения.

Информационно-коммуникационные технологии стали предметом интереса социологов, экономистов и политиков, начиная со второй половины XX века. В настоящее время разработано множество концепций информационного, постиндустриального, сетевого общества (М. Кастельс, Я. Масуда, Ф. Махлуп, Ю. Хаяши и др.). Все они, так или иначе, строят свои теории, исходя из приоритета информации в развитии средств производства, что, в конечном итоге, влияет и на сферу мышления (сознания). С точки зрения феноменологии, информация, как таковая, является чрезвычайно многозначным понятием, которое относится как к субъективной, так и материальной сфере. Количественно и качественно разные проявления «информации» противостоят друг другу, иногда даже отрицают, создавая своеобразные терминологические лабиринты. В этой связи не случайно то, что на рубеже веков возникла новая доктрина «общества знания» [182, с.188]. Она попыталась примирить эти два уровня информации, хотя к выходу из тупика эта попытка не привела. До сих пор существует несколько точек зрения, что именно считать переходом к информационному обществу – рост доли нематериального сектора в валовом внутреннем продукте (американский подход, который освещается в работах Ф. Махлупа, М. Пората, Д. Белла и других); развитие информационно-коммуникационных технологий (европейский подход, предложенный Э.С. Даффа, С. Нора и А. Минком); или сам факт большого объёма информации, который стал доступен современному обществу (об этом говорили Т. Умесао, Ю. Хаяши, Ю. Ито). Движущей силой в новой экономике стал класс квалифицированных менеджеров, а ведущую, глобальную роль, эксперты

отвели науке и образованию. Сложно отрицать роль информации в современном мире, однако, увлечённость самой информационной составляющей в отношениях отмечают многие [276]; [446]. Ещё большие сомнения вызывают заявления о переходе к новому типу экономики, ведь сам термин («экономика знаний», «информационное общество») достаточно туманен[1].

С точки зрения парадигмы капиталистического развития, в XX веке в экономике, вне зависимости от объекта товарно-денежных отношений, экономические процессы оставались неизменными. Отправной точкой в экономических решениях остались права собственности на капитал. Если в начале XX века капитал включал труд, землю и денежный капитал, то к его завершению – капиталом стала интеллектуальная собственность, или, как её именуют бухгалтеры, нематериальные активы[2]. Информация и коммуникация, в их различных проявлениях, «торгуются» сегодня на рынках наравне с нефтью и котировками на золото. Сама фирма (актив, сотрудник компании) стала информацией, или, вернее – была создана информационная проекция её стоимости (цена акции, облигации), из которых формируется поле для «наблюдения второго порядка». В этом по-новому проявляется перформативность экономики: в распоряжении экономистов оказался обширный расчётный материал, на основании которого создаётся человек-потребитель. Можно предположить, что именно этот «цифровой человек», по закону циклической причинности, станет в будущем частью экономической

---

[1] Подробнее о сравнении различных трактовок понятия «информации» и возможности их употребления в различных научных дисциплинах (в том числе в приложении к объектам живой и неживой природы) см., например, Жилин, В.И. К вопросу о многозначности понятия информации // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культура. – 2010. - №31 (212). – С.116-122.

[2] Идея нематериальных активов восходит к работам Ж.Б.Сэя, который с помощью этого понятия пытался найти место для интеллектуального труда в системе капиталистического материального производства. См. Сэй, Ж.Б. Трактат политической экономии / [Текст] / Жан Батист Сэй; пер. Е. Н. Каменецкой. – М.: К.Т. Солдатенков, 1896. – 400 с.

коммуникации. При этом количественные оценки поведения «экономического человека» делают его пребывание (существование) только более оправданным, доказанным. Таким образом, проекция идеи «экономического человека», отражаясь в социальном пространстве, создаёт дискретную среду для наблюдений.

Например, в современной управленческой практике, рассуждая о финансово-экономическом состоянии предприятия, на самом деле, анализируют его относительные количественные характеристики (ликвидность, финансовая устойчивость, рентабельность, оборачиваемость), которые рассчитываются на основании информационных агрегатов – финансовой отчётности. Степень прозрачности отчётности зависит от правил бухгалтерского учёта и может стать предметом манипуляций со стороны менеджмента компании (например, история компании Enron[1]). В свою очередь, участники рыночных отношений на её основании выстраивают собственное представление о деятельности фирмы. Это касается и экономики муниципалитета (или территории). Так, с 2012 до 2014 года в России в состав так называемых KPI (от англ. «key performance indicator») для губернаторов входил региональный балл по итогам ЕГЭ[2]. Это привело к изменению

---

[1] Американская компания, которая обанкротилась в 2001 году в результате фальсификации финансовой отчётности. Банкротство компании, повлёкшее за собой увольнение более пяти тысяч сотрудников и тяжёлые социальные последствия для всей американской экономики, были связаны не с фактическим состоянием дел в компании, а интерпретацией (информационным отражением) компании во внешней среде. Подробнее см. Enron: банкротство, которое бросает тень на финансовые устои Америки [Электронный ресурс]. // Информационный портал Finansy.ru: [сайт]. – URL: http://www.finansy.ru/tend/t020122.htm (дата обращения: 12.04.12018).

[2] Этот показатель был сформулирован следующим образом: «Доля выпускников государственных (муниципальных) общеобразовательных учреждений, не сдавших единый государственный экзамен, в общей численности выпускников государственных (муниципальных) общеобразовательных учреждений». Показатель был введен Указом Президента РФ № 1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации». Он был исключен из списка показателей для оценки региональной власти Указом от 2 мая 2014 г. № 294 "О внесении изменений в перечень показателей для оценки эффективности деятельности органов исполнительной

отношения руководства регионов к процедуре образовательного процесса, однако не с целью улучшению самого процесса, сколько его дискретного показателя. Вмешательство представителей политических сил в образование для увеличения собственного рейтинга привело к давлению на школы во время проведения экзамена. Целью воздействия стала не социальная система, а только её информационное отражение. Уже в неклассической научной парадигме любое воздействие на систему является не механическим, а взаимным, с обратной связью, а в постнеклассической – можно наблюдать, как системе управления приходится менять вектор управления с учётом процессов, возникающих в ответ на это воздействие. Как показывает российский опыт внедрения систем оценки показателей эффективности в различных областях управления (фирма, государственное управление, наука, рейтинги обучающихся), результатом становятся необратимые изменения внутри самих управляемых систем, отличные от изначальных (целевых). Как правило, в ответ на внедрение, система начинает работать только на своё дискретное информационное отражение, не перестраивая внутреннюю логику процедур, не обновляя неэффективные связи. Таким образом, внедрение показателей эффективности оказывает такое управляющее давление на систему, которое вызывает те же поведенческие паттерны, а не стимулирует к самоорганизации. В свою очередь, результаты дискретного анализа социального пространства попадают в сферу изучения теоретиков-экономистов, которые принимают коллективное субъективное за объективные действия рыночных законов. Спад интереса к информационному «товару» демонстрирует «сдувание» экономических «пузырей»: они в современной экономике развитых стран нередко сами становятся объектом инвестиций [266, с.12-13].

власти субъектов Российской Федерации, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 21 августа 2012 г. № 1199".

Превращение информации в товар приводит к деантропоморфизации самого экономического знания. Клиенты, с их особенными желаниями, историями предпочтений, становятся структурированными базами знаний (базы клиентов), которые могут беспрепятственно передаваться от поставщика к поставщику для дальнейшего использования. При этом сам клиент уже не рассматривается как «человеческий контакт», а лишь как потенциальная возможность его установления. На смену творческой экономической (маркетинговой) коммуникации приходят механические действия, – обзвоны, опросы, аналитическая обработка баз данных. Эти действия лишены «человеческого тепла» общения: экономическая коммуникация стала случайной, а не целевой (творческой). Как следствие – компаниям всё труднее выстраивать отношения со своими покупателями, потому что эти отношения рассматриваются не как акт свободной (человеческой) коммуникации, а как хаотичный перебор цифр, подчинённый правилам статистики. Охват клиентов (воронка продаж) становится шире, однако компании жертвуют своей индивидуальностью, становятся похожими друг на друга, смешиваются в пёстрой картине избыточного предложения, а иногда – намеренно следуют примерам крупных игроков на своём рынке. Они попадают в зависимость от внешнего организатора (например, агрегатора цен), подобно тому, как в Интернет-торговле Интернет-магазины сравниваются специальными сервисами по ценам, и двум-трём критериям качественного обслуживания. В результате – экономическая коммуникация Интернет-предпринимателя теряет свою творческую составляющую, превращаясь в автоматизированный, механический процесс, в котором нет места ни выстраиванию лояльных отношений между человеком (продавцом) и человеком (покупателем), ни оригинальным решениям по организации этих отношений. Более того, внимание клиента монетизируется, так как любые агрегаторы увеличивают стоимость для конечного потребителя. Эта

добавленная стоимость – плата потребителя за разнообразие продуктов, представленных на рынке. Чем выше конкуренция, тем ниже полезная ценность самого товара (услуги), так как в структуру себестоимости входят затраты на рекламу, или затраты на «внимание клиента», а давление рыночных механизмов заставляет держать цены на среднем уровне.

Очевидна дегуманизация всей социальной сферы, опирающейся на информацию-как-товар. Как указал Дж. Нейсбит: «Да, мы отправляем сообщение быстрее, но так ли уж значительно изменилось его содержание». Возьмем, например, личное творчество: Дж. Нейсбит и П. Эбурдин [420] указывают на то, что она стала более свободной. Действительно, с одной стороны, каждому стал доступен шаблон писателя: любой желающий – в состоянии назвать себя художником, поэтом, журналистом. «И если раньше «рукописи горели», а листы тетрадей истлевали, то теперь победа над временем одержана – возможности копирования и сохранения информации на съемных носителях и облачных серверах, позволяет не только беспрепятственно делиться своими мыслями со всем миром (без преувеличения), но и сохранять эту информацию в веках» [591, с.1169]. В условиях ускоренного роста информационного банка данных («информационного взрыва») ценность информации снижается (как говорил по этому поводу С. Лем: «Если у нас есть тысяча Шекспиров, то никто не будет Шекспиром» [367, с.111]), демотивирует человека к собственному творчеству, стимулируя его на покупку готового цифрового контента. Количество при этом не переходит в качество, так как информационный банк при всей его обширности включает в себя всё подряд, превращён во всемирную свалку, или контейнер для информационного мусора. При этом уникальные данные (изображения, тексты) по-прежнему остаются недоступными для всеобщего обозрения, так как их цифровой проекции пока

просто не существует, либо они глубоко скрыты за многочисленными клонами одного и того же.

Современные веб-браузеры персонализируют информационное пространство пользователя. Эта персонализация происходит путём определения и фильтрация контента[1], в соответствии с личными интересами пользователя. Лидер Интернет-сообщества MoveOn.org и общественный деятель Эли Парисер подробно освещает эту проблему в своём исследовании [113]. Она отмечает, что сегодня пользователю Интернет предлагается не та информация, которую он в данный момент хотел бы получить (изыскать), а та – которую информационный робот выбирает для него. Таким образом, информационное поле вокруг человека создают технологии, а не он сам. Взаимодействие между человеком и его информационным пространством в сети Интернет определяется прошлым опытом (следствие ранее выбранной информации), делая свободу выбора призрачной, навязывая (напоминая) ему устаревшие результаты поискового выбора.

В соответствии с теми же постклассическими принципами мышления термин «информация» стал обозначать идеологию социально-экономического устройства. Благодаря усилиям со стороны социологов и экономистов, на базе этой мыслительной площадки появилась возможность рассуждать о перспективах и направлениях развития всего социума, оправдывать конкретные социально-экономические инициативы. Под таким лозунгом, например, состоялось экономическое чудо в Японии в 60-70-х гг.: профессор Ю. Хаяши выдвинул концепцию «информационного общества» в ответ на требование японского правительства разработать стратегию экономического развития страны [60]. В тот же период, в 1964 году, в США

[1] В алгоритме Google на сегодня есть 57 элементов, отбирающих информацию специально для пользователя. См. Pariser, Eli. The Filter Bubble: What the Internet is Hiding From You / Eli Pariser. –New York: Penguin Press, 2011.

провозглашается доктрина «постиндустриализма», которая оправдала снижение занятости в производственных отраслях в пользу отрасли услуг[1], что повлекло за собой снижение физического выпуска общественного продукта и выделение сегмента занятых исключительно в этой сфере (17% в настоящее время). Та же причина может лежать за феноменом стремительного распространения гаджетов на потребительском рынке, или оправдывать повсеместное проникновение электронного правительства[2]. Общий мотив, сделать общество «более информационным», долгое время стимулировало социум (оправдывало его стремление) к дальнейшему изменению, подталкивая к тому и экономику средств производства, и обработки информации. Синонимами «информационности» как нового качества отношений являются «открытость (или прозрачность)», быстрота, удобство и эффективность. Информационная экономика рассматривается как экономика, которая позволяет экономить время, а это – базовая ценность современного потребителя[3]. Медиапространство экономической жизни не даёт возможности «вырваться» за его пределы наблюдателю, разобраться в причинах и следствиях экономических процессов, которые в полном

---

[1] Эта идея не нова: Ж.Б.Сэй видел в любом товаре прежде услугу, а в услугах – причину развития материального производства.

[2] В настоящее время в России уже создано 355 федеральных и более 2000 региональных государственных информационных систем (ГИС), и работы в этом направлении продолжаются. В ближайших планах – интеграция уже существующих государственных информационных ресурсов и предоставление на их основе сервисов гражданам и бизнесу, а также широкое использование облачных, мобильных, аналитических инструментов от отечественных разработчиков.

[3] В исследовании международной компании PriceWaterHouseCoopers меньше половины респондентов отмечают, что использование онлайн-торговли позволяет им экономить на стоимости покупок. Наибольшая выгода связывается с экономией времени, возможностью доставки на дом и круглосуточным режимом работы. См. Исследование PricewaterhouseCoopers: «Интернет торговля в России. Продвижение компаний в социальных медиа». [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. — 15.03.2010. URL: http://gtmarket.ru/news/media-advertising-marketing/2010/03/15/2538

соответствии с постклассическими принципами рациональности (С. Стёпин), развиваются именно в такой циклической связке.

Как неоднократно отмечалось социологами и философами, в XIX-XX веке происходит смещение духовного центра человеческой жизни: ведущей (нормативно положительной) провозглашается материальная сторона бытия. Однако, концентрируя внимание на телесной оболочке, человек продолжает экспериментировать со своими нематериальными образами. Нематериальным двойником человека становится его информационная (виртуальная) проекция. Таким образом, появляется виртуальный аналог духа, который, по своей сути есть антидух, то есть нечто, что «вместо» духа. На пороге XXI века, когда «информационное общество» сцепилось с «экономикой» и породило «экономику знаний», стали говорить о тотальной информатизации человека как о новом векторе общественного развития. Экономика как идеология оправдания стала «универсальным основанием», которое позволило модельно (онтологизирующе) оценивать поведение человека. При этом авторы новой социально-экономической концепции смогли провести вовне своё субъективное мнение о пользе информатизации для человека и общества в целом.

Следует отметить конвенциональный характер той истины, что информатизация является исключительно положительным социальным явлением. О. Конт и Г. Спенсер в своё время предложили аргументированное доказательство роли науки в прогрессивном развитии человечества. Их доказательство обратилось в эйфорию, которую демонстрировали М. Маклюэн и Э. Тоффлер при рассуждениях о перспективах информационного (телевизионного, коммуникативного, постгутенберговского) общества [386; 514]. Сегодня эта истина не столь очевидна и встречает множество противников. В России об этом говорит В.А. Кутырёв [357], за рубежом – Дарио Салас Соммэр [498], Э. Гидденс [221], З. Бауман [177], М. Кастельс

[319, с.27]. Все они указывает, каким образом господство информатизации ведет к «кризису идентичности человека». Соммэр уточняет, что воздействие информации приводит к созданию внутри нас «второго человека», чуждого самому человеку» [496, стр. 307]. Несмотря на сопротивление, апокалиптические доктрины «постинформационности» как последствие разрушительного влияния постмодернизма в целом, говорить о скором конце «информационного общества рано».

Информация обладает ограниченным свойством в описании окружающего мира. При переходе в цифровой формат (кодирование) мир хозяйственных отношений подвергается определённому упрощению. В таком двоичном, бинарном формате, познавать мир, легче, но возникает другой вопрос – а тот ли мир узнаёт человек, и в каком мире живёт, когда наблюдает образы виртуальной реальности. Во-первых, налицо «обеднение» смыслового и содержательного описания окружающего мира. Современные технологии обеспечивают человека широкими возможностями по созданию отдельных вкусов, запахов, визуальных образов, но не позволяют создать идентичное настоящему единое пространство бытия, в котором человек может получать «опыт». Попытки навязать реальности символическую виртуальность, опираясь на работы Ролана Барта и Жана Бодрийяра, то есть все рассуждения о «реальной виртуальности» М. Кастельса [319, с.351], следует критически переосмыслить. М. Кастельс последовательно рассуждает, что «реальность, так, как она переживается, всегда была виртуальной – она переживалась через символы, которые всегда наделяют практику некоторым значением, отклоняющимися от их строго семантического определения». Р. Барт и Ж. Бодрийяр первыми заметили, что все формы коммуникации основаны на производстве и потреблении знаков. Отсюда для М. Кастельса следует, что виртуальная реальность вполне может быть обозначена как «реальная виртуальность», которая отражает реальность

в своей символической среде. И на её базисе может быть возведена новая «вневременная» информационная культура.

Перевести чувства, идеи, эстетическое восприятие, ценности на язык цифры, значит лишить человека многообразия восприятия мира, который сам по себе никогда не был ограничен только алгоритмическим или численным описанием. Мир информации – это мир различий: чтобы существовать в этом мире, нужно найти свой признак отличия. Другими словами, чтобы бытийствовать, необходимо вписаться в систему сравнения. Например, рекрутинговые агентства разрабатывают многоуровневые системы классификации людей для сравнения их на рынке труда (уровень знания языка, образования, наличие сертификатов). Однако, чтобы войти в систему классификации, приходится упрощать образ человека до того, когда он станет неотличимым от других, классифицировать его признаки по шкале, обезличив их, лишив индивидуальных особенностей, отбросив как допущение. Как не согласиться с утверждением, что «человек из биосферы доживает последние столетия, быть может, последние десятилетия своей истории» [212, с.146]. В дальнейшем индивидуальные особенности человека будут рассматриваться как ошибка в математической модели. Математика сегодня демонстрирует удивительные возможности, когда кривая, которая не поддается анализу и кажется случайной, оказывается следствием уравнения. Некоторые делают далеко идущий вывод о том, что любая случайность в нашем мире подчиняется такому рациональному цифровому описанию, что наши собственные поступки – это то же дискретное уравнение, диссипативная структура, которая рождает новое свободное движение из хаоса. Так разум попадает в ловушку цифровой логики, признавая рациональными исключительно выводы, полученные в результате обработки информации с помощью математических методов и программных алгоритмов.

Сквозь призму информационной экономики субъективные экономические акты (действия), выполненные с использованием мобильных устройств (удалённый доступ к банковским счетам, покупка через Интернет, онлайн обучение), могут показаться сверхреальными явлениями. Это не просто продукты научно-технического прогресса, но мыслительные инструменты, вспомогательные трансцендентальные функции, с помощью которой пользователи новшеств, судят о самих себя. Исходя из смысловых установок, таких как «знание», «информатизация», «постиндустриализм», создаются новые ценностные установки. Например, пренебрегая аксиологией, устанавливаем, что дети легче осваивают новые гаджеты, чем их родители, и тем более – люди пожилого возраста, или – что покупка через Интернет гораздо выгоднее (дешевле), чем в обычном магазине. Такое «массовое, бездумное вхождение миллиардов людей в специфическое пространственно-временное экономическое измерение (осмысление) своего бытия самим этим фактом создаёт слой объективной реальности» [593, с.262]. Это, в свою очередь, делает прочнее искусственно созданные смысловые «наросты»: «понимание законов мира есть одновременно элемент мира, законы которого понимаются», – подчеркивал М.К. Мамардашвили [392, с. 106]. Таким образом, перформативность экономики оказывает прямое влияние на структуру экономической информации как смыслового поля, которое было необходимо для онтологизации самих экономических процессов.

В этой связи по-другому можно трактовать феномен «отчуждения». Приобретение дорогостоящего гаджета это не только потребность для человека: становясь обладателем технической новинки, человек отмечает свою причастность к веку прогресса, преодолевая «отчуждение» (болевой шок М. Эпштейна) от инноваций, хотя бы в роли потребителя. Время, сэкономлённое за счёт информатизации отдельных экономических процедур

ничтожно, по сравнению с тем, сколько уходит на «гаджет-зависимость» (от англ. яз. «gadget addiction»). Многочисленные исследования психологов о вреде гаджетов для детей растворяются в родительской гордости от того, как легко ребёнок осваивает продукты прогресса.

Экономическая реальность срастается с медиареальностью. Она, в свою очередь, восполняет зазор между «эмпирическим пониманием экономики и теоретически-модельным её представлением, суть которого в том, что мы должны обладать «знаниями», и, кроме того – уметь «торговать ими» [595, с.113]. Всё это дополняется рефлексией самого потребителя по поводу своего места и своей роли в этом спектакле. Ситуация закрепляется широким спектром информационных (перформативных) ракурсов, предлагаемых в сети Интернет. Здесь неизбежно можно найти ту резонансную позицию для наблюдателя, которая его глазах сделает непротиворечивым сам процесс, который наблюдается, и рефлексию по его поводу. Клиент, выражающий недовольство об оказанной услуги, не только утешается самим актом жалобы, но и автоматически создаёт «информационный портрет» компании, количественно выражаемый в стоимости её деловой репутации. Это не делает некачественную услугу невозможной в дальнейшем. В постоянном взаимодействии между клиентом и компанией вырабатывается то, что впоследствии станет стандартом (сервиса, процесса, товара) и войдёт в теоретическое поле экономической науки.

Та роль, которую сыграла экономика в становлении информационного общества, является предметом философского размышления. Перформативность экономики усугубляет глубинное недопонимание онтологии хозяйственной жизни, недоработки её «высшей гипотезы». Как результат – экономика стала продуктом домыслов, договорённостей, абстрактных моделей, из которых образовалось поле для осмысленного

существования человека. Подобрав гносеологический фильтр, экономикой можно оправдать (обосновать, описать) практически любую сферу человеческой жизни. Так случилось с информатизацией, ставшей ещё одним «наростом» («экономика знаний») на абстрактном стволе теоретического экономического знания. Экономическая реальность благодаря этим эпистемологическим «наростам» теперь разделяется на эмпирическую (экономика практиков) и модельно-теоретическую. При этом вторая – начинает активно влиять на наши повседневные представления об экономике. «Переключаясь в разные регистры (модусы) своего существования: экономический человек начинает размышлять по поводу себя, социального, а социальный, наоборот, подвергает критике экономическую сторону своего существования» [595].

Идеологический «нарост» (например, о пользе информатизации) вовлекает в активный диалог множество людей, которые самим вниманием к этой теме создают поле встречных мыслительных движений. И за счёт этого массового мышления он обретает онтологическую самостоятельность. Перформативная коммуникация образует этико-смысловое поле, которое концентрирует в себе мысли людей по поводу отношений друг с другом в области экономики. О глубинном перформативном характере современной коммуникации уже есть убедительные исследования [537]. Выражение «мыслить экономически» обретает обратный смысл: экономика начинает мыслить людьми. Здесь видится аналогия с мыслью Леви Стросса о том, что мысли думают нами, или, «мифы думают в людях без их ведома» [364, с. 20].

Таким образом, и индивид, и его отношения в системе хозяйствования, – всё это является предметом купли-продажи, а значит − элементом экономического бытия, а не только способом рефлексии человека по поводу этого бытия. Уход экономики в виртуальность есть, в этой связи, попытка этой системы сбалансировать свою протяженность и дискретность в

пространстве и времени. Однако стремление к онтологической прочности ведет к уничтожению бытия как такового. В экономике наблюдаются попытки заменить человеческое мышление искусственным интеллектом. Перебор случайных чисел приходит на смену творческому решению, бизнес-модели, показавшие свою успешность, массово и бездумно тиражируются в самых разных областях экономики (экономика франшиз). Изучая трансформации, происходящие в глобальном обществе знаний, современные социологи справедливо подмечают, что «эпоха территориальных границ и иных размежеваний сменилась эпохой сетей и потоков (ресурсных, информационных и иных)» [652, с.10]. Информационно-коммуникационные технологии обеспечивают беспрепятственный перелив между социальными, культурными и политическими системами. В этой слабости периферии общественных систем, при наличии ярко выраженного ядра, можно узнать процесс образования диссипативных структур в результате выброса хаоса во внешние среды. Это происходит вследствие предубеждения о приоритете информатизации (тотальное калькулирование) над творчеством, место которого ограничено т.н. «креативным мышлением». Попытки исключить гуманитарное (человеческое) начало, прежде всего, сознание из процесса принятия экономических решений, обрекают сами эти процессы на механическое угасание, в чём, собственно, находят отражение процессы деонтологизации. Всякий раз застывая и порождая локальные кризисы, к жизни вызываются новые и новые искусственные «наросты», которые позволяют привлекать человека к их сознательному освоению. Люди не перестают размышлять над своим положением, скорость этих размышлений увеличивается, заставляя искать всё новые горизонты для выхода из кризисов.

Быстрое развитие систем связи, размеров информационных носителей, ускорения обмена сообщениями и тиражирования производственных

технологий, без должной рефлексии, делает де-антропоморфизацию – повсеместным явлением в «информационной» экономике. Прозрачное информационное поле тиражирует любые успешные модели экономического поведения, и как следствие – делает его однородным. Реклама, финансовые рынки, системы страхования порождают множество полезных решений, которые копируются во всех областях социальной жизни. В результате угасание экономической реальности напрямую сопряжено с попытками её информационного оживления и придания ему разнообразия. Цифровая проекция человека (тотальная шифрация) в информационном пространстве приводит к плоскому восприятию человеком самого себя, делает для него затруднительным поиск творческого (нестандартного) решения. Информационно-коммуникационные технология превращают человеческую деятельность в дискретную (квантовую). Зеркало виртуального мира в этом смысле ещё более кривое, но его искажение иной природы.

Информационное общество – это общество, которое создаёт зеркало самого себя, отражение материального, когда материя должна была быть отражением духовного. Но материя возобладала над человеком и как следствие – отразило в виртуальное пространство своё подобие. Экономическое моделирование и IT-прогнозирование соответствуют идеологии и праксиологии. Привнесение идеи в реальное пространство и подстраивание этого пространства под идею (рейганомика), или глубокий математический расчёт, исходящий из потребностей общества и человека, и выявление наиболее динамически важных точек роста (индустриализация советской системы, прогнозирование наиболее важных трендов развития общества на годы вперёд). Экономика, легитимирующая информатизацию общества и объединяющаяся с ним в понятии «экономика знаний», превратила «знание» и «информацию» в новый эквивалент стоимости. Отдавая приоритет информационному началу перед гуманитарным

(творческим) – она ускорила явления «хаотического рассеяния», связанные с выравниванием (однородности) структур экономического пространства. Информация, которая сначала рассматривалась как характеристика бытия, превратилась в информацию как смысловое наполнение человеческого сознания. Информатизация, как положительное явление прогресса, вслед за экономизацией, стала идеологией оправдания. Можно предположить, что этот процесс, достигнув предела, перекинется на другие области мыслительной деятельности – например, «экономику эмоций» [611]. Потенциал их воздействия на социальное поведение ещё только становится предметом научной рефлексии.

«Экономика эмоций» может быть интерпретирована как следующая стадия развития невещественной (виртуальной) экономики. Можно выделить несколько ключевых аспектов, которые не только характеризуют процессы, происходящие в границах экономики эмоций, но и связывают их с глобальной культурой постмодернизма. Во-первых, следует отметить изменяющееся отношение к самому труду. Труд и субъективность в этой ситуации становятся частью (компонентом) капиталистического производства (С. Шавиро): в оборот вводятся такие понятия, как «человеческий капитал», «социальный капитал», «ресурсы культуры», «интеллектуальные ресурсы», «культурный бренд», «бренд территории» и пр. Творчество как один из важных аспектов трудовой деятельности человека заменяется «креативностью». В отличие от творческого акта, креативность направлена на создание «продукта» (товара, услуги), обладающего потребительской ценностью и имеющего сравнимые (сопоставимые) отличия. Креативность, как справедливо отмечается исследователями далека от «акта Божественного творения» и, скорее, связана с личной потребностью к самореализации [298]; [573]. «Креативность» и «автор» логически соединяются правовым механизмом собственности: креативность есть

компетенция, позволяющая автору создавать произведение, которое является результатом его интеллектуальной деятельности и становится его личным активом (имуществом) с момента создания (авторское право) или соответствующей регистрации (ноу-хау, промышленная собственность). В современной глобальной экономической культуре, если писатель теперь и не автор («смерть автора» – Р. Барт) и с нами говорит не он, а «язык» (С. Малларме), он, как минимум, собственник, чьё произведение приносит доход.

Эмоции отождествляются с некоторыми символическими образами, организующим визуальное пространство. «Эмоциональный прагматизм» современной экономики проявляет себя в тотальной визуализации (т.е. плоскостном, двухмерном изображении) любых феноменов, в том числе и тех, что относятся к области сознания. Сюда можно отнести не только эпистемологические особенности экономики, в которой для исследования сложных явлений по-прежнему применяется язык цифр и сопоставимых категорий, но и свойства современной материальной продукции. В условиях перепроизводства в этом «обществе изобилия» (Дж. К. Гэлбрейт), где мало времени и много вариантов выбора, продукция и люди должны быть «сопоставимы» (как по цене, или по заработной плате, так и по характеристикам, или компетенциям), сразу привлекать внимание (бренд товара и личный бренд), а все скрытые смыслы выведены наружу (быть упакованными). Визуальное восприятие процессов существенно облегчает проблему выбора, одновременно обесценивая качество, внутреннее содержание, лишая человека возможности «культурного созерцания» (И.А. Ильин). В этой связи кино как «грубое искусство с очень большой силой воздействия и с простым механизмом», вся видеопродукция не только становятся локомотивами продаж, но и органично связывают отдельные отрасли современной культуры и экономику.

Экономическая социальность, основанная на визуализированном мышлении, порождена специфической экономической культурой и не позволяет сконцентрироваться на человеке. Например, современный визуализированный образ учёного – это Альберт Эйнштейн. Его знаменитый фотопортрет, где он показывает язык (1951 г., автор – А. Сассе), отпечатан на одежде и разнообразной сувенирной продукции[1]. Нарочитый символизм, контрастность презентации являются необходимыми условиями продажи и вносят в повседневность отчётливый императив: контраст между телом и образом. Как отмечает Ф. Джеймисон, «эстетическое производство сегодня встроилось в товарное производство в целом» [54]. Нарождающийся из креативности эстетический капитализм предлагает вполне конкретные продукты для получения эмоционального переживания. Речь идёт не столько о рекламе, привлекающей внимание, или вещах, дающих статусы (Ж. Бодрийяр), сколько об опредмечивании эмоциональной жизни человека, возможности прожить «эмоции» через доступные процессы «обладания», «приобретения», «использования». Так, например, чтобы почувствовать себя счастливым, предлагается датский стиль жизни «хюгге». Этот культурный феномен воссоздания атмосферы датского уюта описывается как «приятные и высоко ценимые повседневные ощущения безопасности, равенства, личной целостности и спонтанного социального потока» [82]. В пространстве экономики «хюгге» – это поток определённой товарной продукции, предназначенной для хобби, домашнего быта, кулинарии, которая имеет определённую стоимость и входит в соответствующие списки и инструкции. Сюда же относится растущая в объёмах индустрия праздников и выходного дня, готовых решений для хобби и жизни на природе и множество других «креативных индустрий» или направлений для создания «экономики

[1] Этот ряд может быть логически продолжен: для «интеллектуалов» – образ Сократа, для архитекторов – статуя Давида Микеланджело, символом художника стал автопортрет Сальвадора Дали.

душевности» [426, с.292], «бизнеса в стиле фанк», как его определили шведские экономисты, К. Нордстрем и Й. Риддерстрапе.

Экономические отношения обретают иной смысловой стержень: им становится коммуникация. Акценты смещаются с результатов (удовлетворение голода, решение проблемы безопасности) на процесс (уютная жизнь, доступное хобби, «удобное» транспортное средство). Таким образом, экономика легитимируется как бытийно оправданное пространство для «второго рождения» человека, его квази-духовного становления. Манипулятивная сущность такой подмены может быть скрыта и воспроизводиться с помощью массового повторения одних и тех же социокультурных стереотипов.

Экспликация эмоций и соответственно анализ, рефлексия переходят в сферу виртуального, в социальные сети, в мир «неявной социальности». Если трансгуманизм, проникающий в область биомедицины, обнаруживает свою «производственную» необходимость (возможность улучшения когнитивных, эмоциональных, вообще – социальных качеств человека), то эмоциональный модус экономического субъекта можно воспринимать не как следствие мутации сознания, а как технологически детерминированное «качество реакции» на внешние раздражители. Такая трактовка открывает двери для дальнейшего развития нейроэкономики. Здесь субъект, принимающий хозяйственные решения, из идеального рационального субъекта превращается не в homo sapiens, на что выражает надежду Р. Талер [505], а в «машину», чьи реакции предсказуемы и автоматизированы, и даже кантовские эстетические суждения обращаются для него в детерминированные экономическими условиями.

Виртуальность в цифровой экономике напрямую связана со стандартами «механической коммуникации», в которой технологии играют роль не только и не столько эффективных инструментов достижения

результатов, сколько способствуют легитимации алгоритмов целерациональности. Этот процесс сравним с поиском конвенциальной истины в условиях развивающегося релятивизма. Для экономики в XX веке в качестве такого критерия утвердилась калькулятивность, которую М. Вебер утверждал в качестве одного из отличительных признаков современного капиталистического духа [216, с.49]. Развивая его мысль, М. Каллон определяет, что калькулятивной становится вся среда: комбинация технологий, оборудования, людей» [26, p.1236]. Умение рассчитывать наиболее подходящие выходы из сложившихся ситуаций является не только разумным, но, в определённых ситуациях, единственно возможным способом выживания для экономического субъекта.

Калькулятивность наглядно отражает потребность в определении места человека, вообще, и в частности – его субъектности в системе экономических отношений. Предложенная К. Марксом, формула «товар-деньги-товар», в современной хозяйственной практике превращается в громоздкую, многослойную структуру взаимоотношений. Здесь человек выступает не только по одну или другую сторону сделки (продавец и покупатель), но также может включаться в цепочку посредников, страхователей, архивариусов, обработчиков информации о сделке. С прогнозными параметрами связывается экономическая динамика развития государства (рост ВВП, темп роста инфляции), а также личное богатство частного лица (рентабельность на вложенный капитал. Не умаляя роли численных методов анализа, следует обратить внимание, что измеримые изменения в экономике являются следствием качественных процессов. Усложнение математических моделей не способствуют решению проблемы экономических предсказаний, и периодически в среде ученых-экономистов поднимается вопрос о пересмотре самого научного подхода к исследованию. Об этом говорили, в своё время, такие влиятельные экономисты, как Й. Шумпетер,

основоположник теории инновационного развития, на фрагментарность экономических теорий указывают М. Блауг и В. Полетрович. Эта проблема поднимается многими российскими экономистами, которые предлагают выработать новые подходы к изучению экономики: информационный [420], системный. «Производство научных знаний должно непосредственно интегрироваться в процессы принятия экономических и политических решений», – замечает социолог У. Бехманн [334, стр.15]. В рамках информационного подхода М. Кастельс пытается дать объяснение изменениям, происходящим в экономике в конце XX века (возрождение конкуренции малых фирм и корпораций, организации межфирменных сетей и глобальных деловых сетей): эти процессы видятся ему как «новая организационная логика, соотнесенная с текущим процессом технологических изменений, но не зависящей от него» [319, с.158].

Наряду с виртуальностью и калькулятивностью, экономическая коммуникация неразрывно связана со стоимостью. К. Маркс пишет: «В прямом соответствии с ростом стоимости мира вещей, растёт *обесценение* человеческого мира» [396, с.830]. Человек порождает (отражает) вовне мир овеществлённой стоимости, этот «антидух» капиталистической эпохи. Стоимость для рационального, калькулятивного субъекта более понятна, чем духовное человеческое начало, исследование которого осталось предметом исследований философии классического периода. В стоимости отсутствует томящая, трудноразрешимая для мысли загадка человеческого бытия. И в то же время стоимость обладает философской природой, является виртуальным двойником, «овеществлённой» тенью (проекцией) человека, которая возвращается к нему в роли господина (одна из форм «отчуждения»).

По природе своей стоимость нематериальна, в цифровую эпоху она становится виртуальной. Для её созидания человек постоянно совершает выход на пределы, подобно средневековым торговцам, которые расширяли

рынки сбыта и поставок, отправляясь в странствия. Так материальное поглощает человека, замещая его нематериальное духовное начало нематериальным антидуховным отражением. Стоимость становится виртуальной, иногда ничем вещественно не подкреплённой. Она определяется не столько издержками производства, сколько «репутацией, смыслами, ассоциациями, представлениями, мифологией, позитивным мышлением и прочими субстанциями нематериального свойства» [278, с. 449–451]. В США доля такой, виртуальной экономики, составляет 80% против 20% реального производства [574, с.442].

Как показывает социально-философский анализ коммуникативной природы экономики, современная экономическая коммуникация, отличается свойствами калькулятивности, виртуальности, ценностного измерения, порождает множественные проекции экономического субъекта. В многочисленных зеркалах, продуцируемых экономикой (экономика знаний, экономика эмоций, информационная экономика) отражаются различные статусы субъекта: цифровой, ценностный, биологический, психоэмоциональный, и другие. В этой ситуации феномен «отчуждения» эволюционирует, отражает процессы расщепления единой природы субъекта. В отношении «отчуждения» самого себя для индивида следует подчеркнуть тему субъектности, а не отражения. Это проявляется, например, в императивности экономической реальности, которая вынуждает личность находить для себя определённые ролевые ниши (маски), позволяющие обеспечить трансцендирование субъекта не за счёт преодоления экономических «правил игры», а за счёт дистанцирования от самого себя. При этом степень погружённость в ту, или иную роль, есть суррогат порогового преодоления диктата реальности: «Я» как потребитель, «Я» как производитель, «Я» как субъект управления (менеджер), «Я» как собственник и хозяин.

Таким образом, в виртуальном пространстве экономической коммуникации «отчуждение» проявляет себя в тесной связи с расслоением внутренней природы индивида-субъекта, умножением его проекций, полученных в результате отражения в хозяйственной реальности. Эта авторская расшифровка «отчуждения» в определённой степени перекликается с описанием «отчуждения» в работах современных социологов: например, с концепцией Т. Адорно, который заявляет об «отчуждении человека от самого себя», а среди российских учёных – близким является описание Г.С. Киселёва. В то же время в предлагаемой концепции природа «отчуждения» имеет не социальные, а гносеологические корни: она связана с субъективным восприятием человека своей хозяйственной деятельности. В предложенной выше, гносеологической трактовке труда, воспроизводство прямо связано с познанием индивидом самого себя. Оно осуществляется через наблюдение внешних (по отношению к самому субъекту) актов хозяйственной деятельности. Таким образом, феноменологически, предлагаемая концепция «отчуждения» может быть объяснена как система социальных зеркал, через которые человек имеет возможность познавать различные аспекты своего хозяйственного бытия, производить разностороннюю рефлексию своего поведения, и тем самым – «отчуждать» собственные проекции себя как субъекта. В этой связи, в контексте развития методологии постклассической философии хозяйства, можно говорить о множественности статусов экономического субъекта.

Делая первый шаг в сторону бессубъектности, экономика выходит за границы социальной и личностной рефлексии, превращаясь в «противостоящее» человеку пространство (обновлённая трактовка «отчуждения»), суррогат природы. В результате «освоение» экономики становится бесконечным процессом, непрерывным поиском идеалов благоденствия, которые всегда находятся «где-то за горизонтом». Ментально

индивид становится «заложником» исторических процессов (а также – рыночных сил, алгоритмов сетевого пространства взаимодействия), границы его личной ответственности за собственные хозяйственные действия сужаются, как и его творческая роль в преобразовании общественной жизни. Именно в таких условиях раскрывается феномен бессубъектности.

2.3. Феномен бессубъектности в гнозисе экономических отношений

Бессубъектность представляется не самостоятельным, но ситуационным феноменом, связанным с ракурсом оценки предмета исследования. Как говорил М. Фуко: «До конца XVII века человек не существовал. Как с лёгкостью показывает археология мысли, человек – это изобретение недавнего времени. И, возможно, скорое ему придёт конец» [551, с.404]. Постмодернистская бессубъектность («смерть автора») провозглашённая Р. Бартом, в этом контексте совпадает с нарастанием бессубъектности экономических процессов, что косвенным образом характеризует их онтологический характер, результат эволюции отношений человека с реальностью. Субъектность и бессубъектность меняются местами. Существование бессубъектного ракурса в оценке человеческой деятельности позволяет говорить о существовании «чёрных дыр» в классической онтологии, которые оказались несводимы к доводам логики, науки, и не могут быть следствиями «проекта Просвещения».

Проблема «авторства» выходит на пределы собственно филологической науки, становится междисциплинарной, позволяет по-иному интерпретировать бессубъектное пространство экономики, которая, будучи проекцией товарно-денежных отношений является пространством коммуникации. Можно выделить и проследить смысловую связь между общественно-экономическими формациями К. Маркса и дискурсивными

формациями М. Фуко[1]. Язык по природе своей социален, а значит – «безличен», поэтому с читателем разговор ведёт «не автор, а язык как таковой; письмо есть изначально обезличенная деятельность» [177, с. 385]. Этот лингвистический взгляд на субъект даёт экономической рефлексии дополнительные коннотации, поскольку взятая в широком понимании «проблема авторства» является корнем, сердцевиной феномена релятивной, утрачиваемой субъектности. Р. Барт пишет, что «только язык даёт индивиду полноценную возможность объективировать свою субъективность и сообщить о ней партнёрам по коммуникации; с другой стороны, язык предшествует индивиду, преднаходится им; до и независимо от индивида он уже определённым образом организует, классифицирует действительность и предлагает нам готовы форы, в которые с неизбежность отливается всякая субъективность» [177, с.25]. «Лингвистический поворот» сыграл важную роль в раскрытии бессубъектности. Структурализм и семиотизм, поворот от вещей к отношениям, от образов и чувственных восприятий как условий мысли к знакам и субстанциональности самой мысли – ознаменовал завершение этапа рационализации мира. Человек, представленный в работах К. Маркса в виде совокупности общественных отношений, обоснование первичности общества над индивидом у Э. Дюркгейма, возникновение структурно-функциональной методологии, – всё это дало толчок к преобразованию представлений о мире. Как отмечает В.А. Кутырёв, мир стал состоять «не из вещей и атомов», но «форм, функций и отношений». «Вещи – результат пересечения отношений и сами бытием не обладают. Субъект же растворился в связях и формах» [356].

Бессубъектность в какой-то степени является проблемой коммуникации, вызванной невозможностью воспроизвести процессы

[1] Подробнее см. Кутырёв, В.А. Философия постмодернизма: Научно-образовательное пособие для магистров и аспирантов гуманитарных специальностей. – Нижний Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2006. – С.17.

взаимодействия человека и социума в рамках хозяйствования. Однако на практике эта проблема парадоксально приводит к изменению не только отношений человека и хозяйства, но и самого человека. В свете исследований перформативности в экономике утверждается наличие взаимообратной связи между теорией и практикой экономической деятельности. Однако сама эта связь особенная. Как показывает М. Каллон, она подобно тому, как формула «Блэка-Шоулза», благодаря её успешному использованию на практике, формирует вокруг целый «мир» экономической коммуникации [25, pp. 335-336]. Критерий успешности (полезности) практического применения экономической модели становится критерием её истинности. Таким образом, «полезные» теоретические утверждения не только дают качественное новое представление об экономике, но они «включаются» в само пространство наблюдения, меняют, формируют, участвуют в её воспроизводстве.

Признавая ведущую роль личности для воспроизводства механизмов хозяйствования («экономика знаний», инновационная экономика), сам индивид оказывается вне ракурса научного исследования. «Человек есть проводник, приёмник, а не субъект мысли», – так характеризует новую роль человека в постмодернистском мире В.А. Кутырёв [356, с.19]. Человек распознаётся через призму институтов и его общественного статуса (человек институциональный), «учитывается» при разработке государственных экономических регуляторов (неокейнсианство), растворяется в «относительных» мифах (А.Ф. Лосев) о самоорганизующейся силе рынка («неоавстрийское течение»), или общественных процессов (неомарксизм). Ещё один ракурс исследований связан с созданием антропологической модели, с появлением в дискурсе наук о хозяйстве «экономического человека». Как было показано ранее рациональное поведение, которое преимущественно направлено на оптимизацию хозяйственных процессов, становится, в итоге – «перевёрнутой» моделью «разумного эгоизма»

(Б. Спиноза), своеобразной вариацией на тему «калькулирующего мышления» (М. Хайдеггер). Появление множества альтернативных теорий экономического исследования воодушевило отдельных экономистов на разговоры о «возвращении» человека в экономику. Однако философско-антропологический анализ подходов институциональной, поведенческой, неоавстрийской экономики, позволяет, как будет показано, только расширить классификацию феномена бессубъектности в науках о хозяйстве. Во многом это связано с развивающимися процессами цифровизации, которые вошли в «противоход» нарастающим гуманитарным тенденциям в экономике.

Хозяйственные процессы организуются и исследуются «вокруг» человека, под лозунгами «для человека», однако – степень осознанного вовлечения индивида в экономику нивелируется. Феномен «отчуждения результатов труда» (К. Маркс) обретает новые коннотации: до «отчуждения каждого, в отдельности, от самого себя» [161, с.367], «отчуждения между «человеком и человечеством» вследствие «закона ускоренного производства информации [648, с.216], или «отчуждения людей от людей», которые становятся жертвами манипуляций со стороны символов и вещей [547, с.412], и даже отчуждения человека и его «цифрового двойника» – проекции человеческих действий в цифровой среде, которые развиваются отдельно от человека, благодаря искусственному интеллекту[1]. Таким образом, бессубъектность в психологической проекции обращается в безразличие: конкуренты готовы к полному экономическому уничтожению друг друга, работодатель – проявляет безразличие к сотрудникам и клиентам. Вместо

[1] В литературе встречается множество уточняющих и качественных трактовок «отчуждения», чаще всего они подаются с точки зрения «гуманистического» (этического) подхода, то есть как причина негативных процессов в современном обществе. Среди них тотальное политическое насилие, господство рационального мышления, вследствие чего исчезают самостоятельные личности, а появляются абстрактные «рабочие единицы». См. Чепьюк, О.Р. Социокультурные феномены в условиях экономической самоорганизации / О.Р. Чепьюк // Философия и культура. – № 5. – 2016. – С.683–688. – DOI: 10.7256/1999–2793.2016.5.19243.

живых людей менеджмент современной компании предпочитает наблюдать их «цифровые проекции», выраженные в размерах «воронки продаж», «частоте кликов», «переходов», лишаясь возможности испытывать эмоции от общения и творческой коммуникации. В определённых ситуациях безразличием оборачивается и толерантность, не только вследствие неспособности человека при(по)нять другие взгляды и практики, но и отказа от этого понимания, отстранение от самой проблемы различия, которая становится незначимой на фоне более серьёзных проблем[1].

Можно выделить различные формы бессубъектности, природа которых заключена в гносеологических аспектах развития хозяйствования. Во-первых, это сетевая бессубъектность как мнимое представление о существовании единого субъекта, который является воплощением (суммой векторов) отдельных индивидов. Развитие информационно-коммуникационных технологий и технологий анализа «больших данных» позволяет в прямом смысле «визуализировать» действия сетевого (коллективного) субъекта. Усилия «открытых» сообществ (open-source, wiki) демонстрируют мощь и силу информационных массовых потоков, объединённых и доступных для бесплатного пользования для всех пользователей. В маркетинге привычными стали понятия портрета «массового потребителя», «массового зрителя», получаемые путём «наложения» (пересечения) действий (мнений) отдельных индивидов. В образовании – набирают популярность сетевые формы обучения, то есть обучение группой, через обмен мнениями, информацией, оценками, установление истины через непрерывной процесс всеобщей коммуникации. По некоторым прогнозам, даже операторы платёжных систем смогут определять сущность человека: какими деньгами расплачиваешься, такой ты

[1] О толерантности как форме безразличия пишет В.А. Лекторский. См. Лекторский, В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. –М.: Эдиториал УРСС, 2011. – С.25.

человек. Цифровизация промышленности и всего хозяйства отдельными экономистами уже обозначается как «четвёртая промышленная революция» [630], которая, по оценкам глобального института McKinsey, к 2036 году позволит автоматизировать 50% всех рабочих мест [577, с.9]. Следует согласиться, что эти процессы будут сопровождаться «дегуманизацией и обезличиванием» [630, с.12] хозяйственных отношений, растущим «отчуждением», если управление экономикой останется в прежних аксиологических координатах.

Экономическая трактовка сетевой бессубъектности тесно связана с теорией «эффективного рынка». Любые экономические решения основываются на определённом объёме информации. В условиях «эффективного рынка» все участники обладают полной информацией о происходящем. Однако на практике такая ситуация трудно достижима: иррациональность и неэффективность сопутствует принятию экономических решений. В этом контексте вера в существование саморегулирующихся рыночных механизмов, что отличает, и одновременно «роднит», неоавстрийскую школу с экономическим мейнстримом, есть вера в существование (воплощение) такого единого субъекта: и потому то, что неизвестно (недоступно) одному, перекрывается (дополняется) знанием остальных участников экономического пространства коммуникации.

«Вершина» сетевого субъекта – человечество, ещё до появления теории информационной эффективности, становится частью дискурса о хозяйстве, в особенности в контексте теории прогресса. Психологические аспекты восприятия индивида сетевой бессубъектности колеблются от ощущения себя «винтиком большого механизма» до причастности к «великому» (ньютоновская вариация «стоя на плечах гигантов»). «Масса – это средний человек. Таким образом, чисто количественное определение – «многие» –

переходит в качественное» [430], – определяет этот процесс Х. Ортега-и-Гассет, добавляя, что «масса» – это всегда «посредственность».

Сетевая бессубъектность связана с понятием свободы и ответственности. Индивидуальное переживание сетевой бессубъектности характеризуется следующими словами Н.А. Бердяева: «Когда учат о необходимости прогресса, о законе прогресса, то совершают ложную объективацию творческих актов человека. В этой объективации свобода исчезает в необходимости» [189, с.361]. Развитие технологий принятия решений на основе анализа больших данных (нейросетей), актуальная тема значимости искусственного интеллекта в управлении и будущем развитии общества, в определённой степени связана с «уходом» человека от ответственности за приятие решений. Один из самых известных теоретиков управления, П. Друкер пишет: «Через несколько сотен лет, когда историю нашего времени будут описывать как историю далёкого прошлого, весьма вероятно, что самым важным событием, по мнению этих историков, будет признано не развитие технологий, не Интернет и не электронная коммерция, а беспрецедентное изменение условий человеческого существования. Впервые − без преувеличений − у значительного и быстро увеличивающегося числа людей появляется выбор. Впервые им приходится управлять собственной жизнью самостоятельно. А общество абсолютно к этому не готово» [40, p.8]. В результате развития сетевой бессубъектности – возникает парадокс, который можно сформулировать как противопоставление апатии беспомощности отдельного человека против растущих неограниченных возможностей человечества.

Мышление (продуцирование идей) как первичное действие по отношению ко всей хозяйственной деятельности может быть основано не только на свободной причинности, но и метафизических конструктах, манипулятивных моделях, облегчающих восприятие, автоматизирующих

реакцию и упорядочивающих хозяйственную деятельность. Такое неосознанное принятие решений (выставление оценок), которое в различных вариациях может быть модой, стереотипом, неосознаваемой установкой, является вариацией мифического мышления, и о котором Леви-Стросс писал: «мифы думают о людях без их ведома» [364, с.21].

Бессубъектное мифологизированное пространство характеризуется ограниченностью рецепторов познания окружающего мира и является одновременно творческим де-катализатором, в особенности, когда мифическое «они» («они решают», «они сделают») становится оправданием невмешательства, безучастного наблюдения за происходящим вокруг, в т.ч. экологическими бедствиями, воспринимаемыми как норма жизни. Мифы как понятный «скелет» мира, дают ощущение безопасности, освобождают человека от необходимости проведения дополнительного анализа происходящего, что снижает роль критического мышления. Аксиоматичность мифа задаётся всё тем же калькулирующим мышлением, из-за чего сам разум становится «фетишем», который скорее «принимается на веру, чем интеллектуально переживается» [569, с.30].

По статистике наивысшая степень неудовлетворённости встречается как раз среди тех профессий, которые считались наиболее популярными в период самоопределения школьников (к таковым в последние годы, например, относятся профессии «экономиста», «бухгалтера», «юриста»). Можно утверждать, что такие мифы-конструкты относительно будущего профессионального трудоустройства, несмотря на негативный социальный опыт, продолжают формировать «модельно-рациональные» установки, то есть являются аффектами (Б. Спиноза). Имея в основе идею рационального выбора профессии (например, приоритет будущей заработной платы, или личный успешный профессиональный опыт), они формируют поле неосознанного выбора направления и формы участия молодого поколения в

системе общественного воспроизводства. Таким образом, экономическое содержание мифологической бессубъектности наилучшим образом выражается в широком распространении рационального мыслительного выбора.

Мифичность современного экономического знания связана с его гносеологией (т.н. «мифы от гнозиса», или «мифотворность гнозиса» в трактовке Ю.М. Осипова), феноменом экономического сознания[1]. К примерам гносеологических мифов можно отнести существование «свободного рынка»: полемика о противостоянии рыночных и государственных механизмов управления хозяйством долгое время определяло вектор экономических исследований. В то же время большинство современных рынков регулируется, и эти нормы можно рассматривать как различные формы ограничений (например, в области потребительского права, требования соблюдения минимального размера оплаты труда, правила торговли). Другим примером является представление об эгоистичных мотивах поведения агентов экономических отношений. Многочисленные примеры социального предпринимательства демонстрируют мотивационную возможность организации экономики и хозяйствования, основанную на природных человеческих качествах, отличных от эгоизма. Несмотря на то, что теория «фиаско рынка» (А. Пигу, А. Сен, У. Бомол, Дж. Стиглиц) была разработана ещё в начале XX века, отход от гносеологического мифа об универсальности рыночного механизма управления до сих пор остаётся в экономическом мейнстриме, хотя исследования ограниченной рациональности человеческого поведения (Г. Саймон, Р. Талер) и сложность

[1] Развивая тему мифического устройства экономики, Ю.М. Осипов, пишет «Экономика реализует себя как особого рода социально-осознаниенное счетно-решающее устройство, в котором действующими элементами служат индивидуальные экономизированные сознания, а общей действующей матрицей – экономизированная ноосфера». См. Осипов, Ю.М. Экономика как есть (откровения Зоила или Судный день экономизма). – М.: ТЕИС, 2017. – С. 79.

современных хозяйственных отношений (включая бюрократизацию, транзакционные издержки) способствуют плавному пересмотру современных подходов к рыночному управлению.

Третью форму бессубъектности можно обозначить как бессубъектность калькулятивную, или инструментальную. Она имеет гносеологическую природу, и проявляется, когда калькулятивное мышление индивида подменяет собой его творческую самореализацию. Разновидность инструментальной бессубъектности – софистика, когда целью искусства споров стало достижение победы в споре, а не установление истины. Растворяясь в связях и формах, структурно-функциональной стороне мира (Э. Дюркгейм), индивид обращается к механической коммуникации, различных технологиям организации процессов. С точки зрения экономики, такая деятельность не создаёт добавленной стоимости. Сюда можно отнести спекуляцию на финансовых рынках, постоянное перераспределение прав собственности на уже созданный общественный продукт, а также развитие социальных технологий, предназначенных для рационального решения самых разных общественных и социальных проблем [315], и в итоге вовлекающих человека в процессы, участие в которых заменяет собой цели, им самим поставленные. Классическая причинность подменяется детерминацией интенциональности, а современный мир оказывается миром «поверженной детерминированности» (Ж. Бодрийяр). Проблема истины заменяется «хитростью разума», творческое мышление – *креативностью*, которая нацелена на соединение скрытых сил природы для достижения произвольных целей. Э. Морен пишет: «…Не существует науки о науке. Можно даже сказать, что вся научная методология, полностью обречённая на избавление от субъекта и рефлективности, культивирует это затемнение самой себя» [413, с.31]. В этом случае важным для современного человека является только вопрос: «работает это, или нет». Под лозунгами

инновационного развития, происходит массовое создание «технологий без науки», однако фундаментальные проблемы (экология, энергетика) остаются без решений.

Технологичным становится не только процесс производства, но и потребления, который ассоциируется с жизнью. Свободным потребление можно назвать лишь в том случае, когда устанавливается связь между предметом потребления и внутренним состоянием субъекта. И никак не то, в котором потребление подразумевает установление связей между опосредованным отражением субъекта в объекте. Так, задачей современных технологий продаж является установление ассоциаций между рекламируемым товаром и субъектом: товар (услуга) создаётся как «зеркало» для отражения индивида, а сам процесс потребления сводится к поиску собственных отражений.

Показательным в этом отношении является переходный период российской экономики, последовавший после периода приватизации. Приватизация в России должна была «породить» класс «эффективных собственников», ответственных субъектов-хозяев основного капитала, созданного народным трудом в советский период. «Эффективный собственник», по сути, представлял собой теоретический конструкт – антропологическую модель ответственного преобразователя и владельца распределённого народного благосостояния, который должен был взять на себя труд и ответственность за сохранение и преобразование капитала в новой российской экономике. Однако такие категории как «труд», «свобода» и «ответственность», будучи культурным кодом модерна, к концу XX века подвергаются трансформации, в том числе под влиянием контркультурной доктрины гедонизма. Акционирование, стремительное развитие корпоративной управленческой культуры, приводит к изменению формулы эффективного владения капиталом. Речь идёт не о классическом

предпринимательском хозяйствовании по примеру нижегородского купца Н.А. Бугрова, который в одиночку (с одним только приказчиком) управлялся многоотраслевым хозяйством[1]. Инвестиционные фонды, брокерские конторы, предлагают самые различные варианты размещения частного капитала в акциях компаний, избавляя акционеров от напряжённых усилий эффективного собственничества, подменяя живой хозяйственный процесс – одной тривиальной операцией, связанной с калькуляцией ожидаемой доходности на вложенный капитал. Стремительное развитие консалтингового бизнеса в конце XX века связано с растущим спросом на такое «бессубъектное собственничество».

Экономические модели, почерпнутые из естественных наук, сулили новые интерпретации хозяйственного бытия, которые коррелировали с нарочитой объективацией экономической действительности, её устраненности от личностных усилий. Нечто похожее проходило и на уровне исследований человека, когда благодаря бихевиоризму у него были отняты какие бы то ни было «движения души», возвышенные чувства, и всё было сведено к психофизиологическим реакциям. Непознаваемость, закрытость человека-объекта для экономической науки превратили его в «холодную статую», или математическую модель, где лишь формальные (внеэмоциональные) признаки были призваны раскрывать содержание. Формальное легко считается и, возвращаясь обратно к предмету счёта (перформативность), превращает его ещё в более застывший истукан. Примером может служить повсеместное внедрение в практику управления персоналом (организацией) ключевых показателей эффективности (от англ. KPI, key performance indicators), с помощью которых система стратегического управления организацией и достижения поставленных целей, становится

[1] Был бы купец, а товар есть. Звёздные часы Бугровых, Рукавишниковых, Морозовых. – Родина – №817(8). – от 01.08.2017. – [Электронный ресурс]. – URL: https://rg.ru/2017/08/03/rodina-kuptsy.html

прозрачной и исчисляемой. Однако, несмотря на утверждение об использовании качественных показателей эффективности, наряду с количественными, на практике – преимущество отдаётся тем критериям оценки работы персонала, которые легко встраиваются в многофакторную финансовую модель организации и могут быть исчислены, исследованы в динамике, в сравнении со средними, нормативными значениями. Как результат – внедрение систем ключевых показателей эффективности приводит к изменению самой сути бизнес-процессов организации: так, педагогов оценивают по научной работе, а не качеству преподаваемых дисциплин, в работе сферы услуг на первый план выходят показатели времени оказания услуги (часто в ущерб качеству). Работа начинает выполняться формально, краткосрочные цели становятся первичными по сравнению с теми, которые дают долгосрочный результат. А.Ф. Лосев в своих рассуждениях о недостатках повсеместного распространения математики писал: «Может быть самое большое зло логистики (прим. автора: математической логики) заключается в том, что никак нельзя свести понятие на число, что понятийные связь отнюдь не есть просто числовые связи, что разрабатывать только числовым образом исходные понятия (даже и самые правильные) – это ещё не значит строить логику. Число относится к бытию … Понятие же вовсе не есть бытие просто. Это – отражение, осмысление бытия, а не само бытие» [378, с. 400].

Таким образом, прозрачность (понятность) управления, которая достигается путём повсеместной рационализации процессов и целей хозяйствования, затрудняет цельное понимание происходящего, интуитивное творческое. Вскрывается амбивалетность экономики как «гуманитарно-математической» дисциплины, в которой человеческое воспринимается не как потенциал для трансцендирования, а как материал для эксплуатации и

потребления. Рациональное мышление приводит к «зацикливанию» в кругу однородной коммуникации.

Современная эпистемология дополняет эту проблему отношением знания к той реальности, в которой человек существует. Информация, выделенная в особый онтологический феномен, образует новое пространство, обозначаемое как «общество знаний», в котором человек обнаруживает своё место в поисках собственного «текстового», или информационного отражения. Таким образом, в информационном-коммуникационном пространстве оказывается под вопросом не только объясняющая (эпистемологическая) роль субъекта (как предпосылки для теоретического исследования), но и положение самой личности, возможность её существования вне рамок всепроникающего информационного поля. Может ли субъект существовать вне предметного мира, если измерением мира и самого субъекта становится информация в различных своих воплощениях (потребительских, управленческих)? Рассмотрение этих эпистемологических проблем позволяет не только включиться в междисциплинарное исследование информационных процессов, протекающих в обществе знания, но и критически переосмыслить процессы, происходящие в бессубъектной экономике, которая благодаря своей денежно-универсальной природе становится интегратором и акселератором информационно-коммуникационных процессов.

Бессубъектность, в определённом смысле и в разной степени, но всегда, есть антисубъектность. Наличие динамики бытия без присутствия в нём субъекта – признак антидинамики, или, контрдинамики, т.е. движения, направленного на аннигиляцию смыслов. В этом контексте современная экономика представляется как пространство антисубъектности, ведь целенаправленное избегание «человека», его деонтологизация становится основным мотивом экономических отношений. Рекурсивность

коммуникативных механизмов есть их неотъемлемое свойство (Н. Луман). Бессубъектность одновременно с этим является важным движущим мотивом для развития экономико-коммуникативной техносферы. В области эпистемологии сохраняется необходимость преодолеть парадоксы самой экономики, которая востребует «мифы» для конструирования собственной научной картины мира и при этом рационально воздействует на личность. Люди начинают обретать прочность в своей онтологии не в социальных связях, не в коммуникативных (экономических) достижениях и озарениях, а внутри себя. С точки зрения кантовской онтологии это всепобеждающий субъективизм. Таким образом, парадоксально, но уход от экономики есть возвращение этой самой экономике её внутренней энергии, устранение процессов распада её антропологической природы. Новая экономика – экономика эмпатии, экономика совести, может состояться лишь при интрасубъективации прежних субъектов экономического действия.

Бессубъектность в её постмодернтисткой интерпретации («смерть субъекта») переходит на новый уровень: сегодня бессубъектность отражает замыкание индивида на самом себе, без учёта субъектных контекстов с обществом и с Другими, которые формировали классического «устойчивого» субъекта. Она становится характеристикой хозяйственной системы, когда субъект-объект воспроизводят не себя, а свои прошлые отражения. Это не оказывает преобразующего влияния на экономическую систему. Образование и медиа формируют отражения о взаимодействиях с объектами, которые не являются результатами личностного опыта. К тому же имеет место домысливание, возникают ошибки ассоциации (Б. Рассел). Отказ от личностного восприятия мира отчасти является добровольным. Преодоление отдельных форм бессубъектности лежит в пробуждении человеческого осознанного, и путь его лежит «изнутри-наружу». Таким образом, в современной экономической и коммуникативной ситуации будущее

определяется новым статусом личности и её рефлексией по поводу императивов со стороны общественного сознания. Нонконформизм лежит в поле внутренней мотивации, которое способно перформативно изменять вектор дальнейшего развития общественных сил. Это пробуждение может быть массовым, или свойственным только элите общества (Х. Ортега-и-Гассет). Самосовершенствование, самопознание, саморазвитие должны подразумевать не только навыки реализации экономических инициатив, но и навыки противодействия навязанным принципам, декларирующим бессубъектность как нравственный принцип. Однако им противостоит – техносфера. Если социальная форма движения личности сопровождается осмысленным размышлением, постижением самой себя, ростом самосознания, то в техносфере происходит игра, усвоение, отражение и отрыв от реальности. Вот почему эта проблема составляет сегодня особый предмет для масштабного философского исследования. В отсутствии чёткой системы общественно признанных взглядов по основным проблемам человеческого бытия, техносфера представляет конвейер форм «иной» жизни. Новая когнитивная ситуация породила угрозы для человека со стороны «умного и неживого тела».

На протяжении исторического периода (начиная с эпохи географических открытий) можно наблюдать эволюцию выявленных статусов субъекта хозяйствования[1]. При этом выделяются следующие фазы этой эволюции: (1) рождение статуса, его (2) институционализация, (3) тиражирование, (4) рассеяние и (5) распад. Природно-биологический статус субъекта хозяйствования складывается в период общинно-аграрной формы хозяйствования. Ассоциация человека с его землёй обоснована не только его

[1] Подробнее о статусах субъекта как предпосылки исследований в философии хозяйства см. Чепьюк О.Р. Экономика без человека: генезис пустоты. Н. Новгород: Экономика без человека: генезис пустоты: монография / О.Р. Чепьюк. − Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2020. − 209 с. – С. 51-72.

биологическими потребностями, но и потребностями в личной безопасности. Институционализация статуса наблюдается в период расцвета естественных наук, когда сначала И. Ньютон определяет человека как биологический вид, и достигает своего пика утверждения в XIX веке, сначала с Мальтузианской теорией (1798), а затем – основанном на ней дарвинизме (1871). Они поставили во главу угла ограниченные ресурсы территории человеческого обитания, логически связав демографические и материальные ресурсы, и в итоге приравняв человека к биологическому виду. В современный период природно-биологический статус де-сакрализован, что способствовало длительному пренебрежению экологическими проблемами, заменяется новыми типами субъектов, порождаемых трансгуманизмом. Человеческое тело, обременённое регулярными биологическими потребностями и природой приговорённое к распаду, рассматривается теперь как вынужденный проводник в мир материи. По аналогии с техникой оно подлежит трансформации и совершенствованию, например, на основе современных биотехнологий. Так появляется феномен «человека самосозданного» (М. Маклюэн). Отсюда экологические проблемы в современной капиталистической системе хозяйствования не могут быть решены, поскольку они «вынесены» за скобки самого хозяйствования, вместе с самим природно-биологическим статусом субъекта.

Гуманистический статус субъекта хозяйствования складывается в эпоху Просвещения. Проект «Человека» получает развитие и распространение в период расцвета классической немецкой философии, когда развиваются основы рационального мышления. В этой, рационализированной форме, гуманистический статус субъекта хозяйствования предопределяет понимание экономического человека. При этом человек, как субъект хозяйствования, становится не просто центральной, но эгоцентричной идеей рационального хозяйствования. Таким

он предстаёт в работах первых политэкономов, вынужденных оправдывать эту форму рациональности существованием общественных механизмов (например, рынка у А. Смита), которые в совокупности приводят к общественному благу. Антропологическая катастрофа (М.К. Мамардашвили, В.А. Лекторский) совпадает по времени с распадом гуманистического статуса субъекта хозяйствования.

Социальный статус субъекта хозяйствования проявляется в период расцвета капиталистической формы хозяйственных отношений, индустриализации, развитием рынка и денежных отношений. В работах К. Маркса социальная природа хозяйственных отношений раскрывается в феномене «отчуждения результатов труда», у Ж. Бодрийяра приобретает форму овеществления экономических отношений. К началу XXI века социальный статус субъекта находится в фазе рассеяния.

Коммуникативный статус экономических отношений развивается с середины 60-х гг. XX века, в связи с усилением процессов глобализации (Дж. К. Гэлбрейт), развития международного разделения труда, становлением сетевого общества и, как следствие – усилившейся монетизации. Это период становления глобальной экономической культуры, которая становится проводником смыслов, в том числе через артефакты. Экономический субъект, опираясь исключительно на коммуникацию, становится заложником деловых регламентов и сложившихся профессиональных правил ведения хозяйствования. Объявленный «носителем знаний», субъект хозяйствования вовлекается в процессы трансфера технологий, которые с 90-х гг. XX века объявляются основным конкурентным преимуществом в экономике.

Цифровой (виртуальный) статус субъекта хозяйствования находится в фазе институционализации, и напрямую связан с развитием цифровой экономики, с опорой на математические алгоритмы (А. Тьюринг) языков

программирования. Появляются первые примеры цифрового субъекта хозяйствования (цифрового двойника).

Переход от стадии институционализации к стадии тиражирования сопровождается «поворотом» от субъектности к бессубъектности (по аналогии с «языковым поворотом»), переходом от смыслового содержания хозяйственной деятельности (самовыражение человека) к внешним формам (символам). Особенность предлагаемой системы классификации периодов общественного развития заключается в том, что учитываются взаимное пересечение эволюции статусов, которые в один временной период могут находиться в различных фазах. Основываясь на предложенной системе, можно выделить следующие этапы социально-экономического развития общества.

Эпоха первооткрывателя-путешественника (до середины XVII века) характеризуется преодолением материальных границ, расширением ареала обитания человека как индивида (смысловая часть впоследствии распалась до человека как «биологического вида»). Определяющими характеристиками этого периода является отделение субъекта хозяйствования от земельной собственности как определяющей всю его хозяйственную деятельность. Исторически они связаны с освоением европейской цивилизацией новых материков, продвижением на восток Евразии. Реальный выход за пределы общины, деревни, «отрыв» от земли, сопровождает трансцендентное преодоление сложившегося образа жизни, унаследованного от поколений. Поворот, сопровождающий переход от субъектности к бессубъектности связан с отношениями между хозяйствующим человеком и землёй. Она становится не столько сакральной кормилицей домашнего хозяйства, сколько выгодным вложением денег, способом сохранения и накопления капитала. Так в экономической истории появляется «земельный рантье»: об его «эвтаназии» Дж. М. Кейнс объявит только в начале XX века. К концу этого

периода в протестантских обществах зарождается капиталистический дух (М. Вебер). Зарабатывание денег становится не только личной потребностью (природно-биологический статус субъекта), но разновидностью добродетельного вида деятельности человека. Таким образом, в сфере рыночного хозяйствования гуманистический статус субъекта преобразуется, обрастая новыми чертами, характерными для второго исторического периода – субъекта-индустриализатора.

В 1798 г. закрывается Ост-Индийская компания, а в Англии в 1788 г. происходит первый экономический кризис, связанный с перепроизводством. Он открывает накопившееся противоречие – между сложившейся системой экономических отношений (замкнутых в границах государственных территорий) и стремлением хозяйствующего человека преодолевать эти границы через распространение результатов своего труда. Так, катализатором экономических процессов в эпоху субъекта-индустриализатора становится разделение труда. Субъект хозяйствования преодолевает границу производства для собственных нужд, когда он являлся хозяином всего процесса создания продукта (от замысла до артефакта). В это же время развивается и институализируется социальный механизм – рынок, который обеспечивает посредничество между всеми участниками товарно-денежного обмена. Поворот от субъектности к бессубъектности наилучшим образом отражён в феномене «отчуждение результатов труда» (К. Маркс). Перестав быть собственником всего творческого процесса, попав в ситуацию институционализации рынка средств труда (усугубившейся в связи с индустриализацией), отдельный человек (ремесленник, профессионал) перестаёт играть ведущую экономическую роль и как следствие – покоряется власти капитала, который становится воплощением бессубъектных сил хозяйствования.

Время индустриализатора сменяется эпохой эффективного собственника, который впоследствии получит известность как предприниматель (Й. Шумпетер, 1910). Стремительный научно-технический прогресс в конце XIX-начале XX века позволил открыть многогранный организаторский талант многих ярких личностей (Т. Эдисон, Н. Тесла, русские купцы-старообрядцы, Г. Шлиман, Ф. Нобель, Г. Форд), которые смогли проявить свои пассионарные качества через создание новых предприятий, проявление личной инициативы. В отличие от ремесленника и домашнего хозяйства, предприниматель наиболее полно реализует свою идею без опоры на конкретную профессиональную специализацию. Напротив, разделение труда и научно-технический прогресс становятся для него инструментами для самореализации. Поворотный момент на этом этапе связан с усилением роли денег как средства коммуникации. Инвестиции в предприятия для собственников становятся не столько способом реализации собственных идей, сколько сохранения капитала как автономной бессубъектной силы, не имеющей человеческого (личностного) измерения. Постепенно на смену предпринимателям приходят финансисты: в этот же период в экономической теории начинают преобладать математические методы исследования (Д. Рикардо).

Открытие эпохи финансового капиталиста начинается с 1929 года (Великая депрессия), кризиса, который сделал явным противоречие между финансово-денежной системой золотого стандарта и нового стандарта хозяйствования – связанного с превращением предпринимателей в финансовых капиталистов. В этот период на исторической сцене начинает себя ярко проявлять коллективный хозяйствующий субъект, «государство-капиталист». Благодаря плеяде талантливых экономистов начала XX века, в арсенале государственной системы управления появляются финансовые инструменты, устанавливаются основы новой мировой денежно-кредитной

системы: Бреттон-Вудская конференция 1944 г. окончательно утверждает отмену золотого стандарта. После очередного бессубъектного поворота, для экономического субъекта инвестиции в деньги (а не в материальный капитал) начинают конкурировать с другими формами вложения. Появляется институт финансовых рынков и профессиональных финансистов. На фоне разрушения статуса субъекта как биологического вида, его потребности становятся лишь способом для манипуляции (развитие инструментов маркетинга и рекламы). В свою очередь, стимулирование потребления становится фактором экономического роста, что приводит к формированию потребительского общества (Ж. Бодрийяр).

Возможности алгоритмизации хозяйственных процессов (А. Тьюринг) к началу XXI века открыли новый потенциал хозяйствования, раздвинув материальные границы в область производства нематериальной продукции (с 1990-х гг. наблюдается экспоненциальный рост заявок на защиту интеллектуальной собственности). Социологи заявили о появлении общества знаний. Материальный и финансовый капитал становятся ресурсом для создания нематериального капитала (знания, информация, виртуальные денежные средства), которые начинают всё больше определять положение (а вернее - отражение) человека в формирующемся сетевом виртуальном мире. Субъектность в настоящее время определяется способностью человека преодолевать как социальные статусы (потребление), так и денежные (феномен виртуальных денег), превращая их не более чем в средства для поиска себя. В обществе информационного изобилия, постмодерна и тотального релятивизма обращение к самому себе (саморазвитие), формирование личностной онтологии, становятся ведущими (опора) для формирования новой формы субъектности. В этих условиях цифровая публичность (блоги, социальные сети) становится вынужденной (навязанной), но необходимой для обозначения самого себя как субъекта

хозяйственной деятельности. Риск развития бессубъектности связан с тем, что цифровой портрет человека, основанный на логико-цифровых алгоритмах, будет предопределять творческую инициативу.

Основной особенностью предложенной системы исторической периодизации, является опора на псевдоаприорность, которая лежит в основе статуса хозяйствующего субъекта. Статус субъекта рассматривается как псевдоаприорное знание, которое определяет рефлексию субъекта над самим собой. В такой постановке можно обнаружить парадокс: не рефлексия определяет статус, а, наоборот, статус определяет рефлексию. Это связано с тем, что для последующих поколений, статус предыдущих эпох является навязанным экономическими системами и институтами, а не является результатом личной рефлексии. Переход от одной эпохи к другой не является линейным: он не связан с проявлением нового статуса субъекта, но является результатом пересечений различных статусов, сплав которых и рождает новые экономические явления (общество потребления, монетизация культуры, общество знаний). При этом в каждый период, с регулярностью, можно выделить моменты «поворота». Преодолевая границы (земля, труд, инициатива, деньги), хозяйствующий субъект создаёт условия для закрепощения от безличностных хозяйствующих сил и социально-экономических механизмов. Они устанавливали новые границы, трансцендирование за пределы которых становилось задачей следующих поколений. В истории можно привести примеры, когда такое преодоление было естественным и вынужденным, как условие выхода из экономического кризиса (1788 г. − в Великобритании, 1929 г. − «Великая депрессия»). Можно предположить, что это преодоление было связано с проявлением экономической субъектности хозяйствующего индивида.

Экономическая субъектность – это феномен проявления таких мотивов человеческой деятельности, которые основываются на внеопытном

(априорном) знании. Она проявляется в преодолении действующих, на данный временной период, границ статуса хозяйствующего субъекта:

1. Эпоха географических открытий (до индустриальной революции): первооткрыватель, путешественник, преодолевающий границы традиционных мест поселения и страны проживания.
2. Эпоха индустриализатора: преодоление индивидом границ понимания своего труда (разделение труда).
3. Эпоха собственника: стимул владеть не только тем, что досталось по наследству, преодоление рефлексивных границ личных инвестиционных целей.
4. Эпоха финансиста: преодоление границ «формы» участия в создании прибавочного капитала (формы инвестиций).
5. Эпоха «цифрового человека»: преодоление материальных и социальных (денежных) границ участия в общественном воспроизводстве.

Все перечисленные формы преодоления статуса экономического субъекта лежат в области свободы, «второго рождения» (Р. Декарт), феномена «сверхчеловеческого» и «воли к власти» (Ф. Ницше), характеризуя которые М.К. Мамардашвили пишет: «человеческое в нас это осадки стремления к сверхчеловеческому; если бы не было стремления к сверхчеловеческому, то не было бы и человеческого» [390, с.100]. Экономической субъектности противопоставляется ситуация бессубъектности. Это феномен отсутствия априорных мотивов в экономическом поведении, опосредованных текущим представлением о себе как субъекте экономических отношений, отсутствия априорной реакции человека на его осознание собственного статуса как субъекта экономических отношений в условиях коммуникативной текучести.

В постклассической философии хозяйства получают воплощение такие феномены как проблема необратимости, циклическая причинность; под воздействием стоимостного мышления наблюдается трансформация экономического «времени», а устойчивость системы общественного воспроизводства – ставится в зависимость от структурного разнообразия хозяйственной культуры. Такой ракурс исследования позволяет рассуждать о дальнейших путях развития. Как будет показано далее, способность человека к творческой самореализации становится условием устойчивого развития хозяйственной системы, а экономический субъект может теперь рассматриваться как «источник» её открытости, причина процессов самоорганизации.

В свете работ по философии хозяйства, благодаря возрождению социально-философских методов исследования, имеется возможность с новым оптимизмом говорить об экономике, как о более широком пространстве хозяйственных отношений. Феномен «отчуждения», который стал своеобразной аксиомой для оправдания многих социальных негативных явлений и теперь рассматривается как естественная часть общественного процесса (вследствие «перформативности»), усугубляя (и одновременно воспроизводя в общественном сознании) произнесённую однажды мысль о якобы естественной вражде человека и человека (Т. Гоббс), преодолевается, благодаря изменениям, трансформациям, человеческому творчеству. Однако для этого сама экономика должна рассматриваться не как поле бессубъектного, но пространство живых, меняющихся субъектов, движимых не только рационально-эгоистическими мотивами, но и гуманитарной мыслью, мыслью «о человеке» и «для человека». Заново обретённые гуманитарные подходы к экономическим исследованиям, которые в свете постклассической рациональности утверждаются как «идеальный взгляд на объекты», позволяют возродить вопрос о «субъектной» экономике, её

методолого-гносеологических оснований, а также – современной роли человека (субъекта) в системе общественного воспроизводства.

Актуальность вопроса субъекта и его статуса в научном исследовании представляется критичным не только в контексте дальнейшего развития социогуманитарных наук. Современное экономическое положение человека обретает новое социокультурное значение. В традиционных обществах оно сводилось, скорее, к вопросам безопасности и комфорта. Сегодня – это положение напрямую влияет на саморефлексию, самооценку индивида по поводу его собственных действий, а также его места в системе общественных отношений. Экономическое положение становится нечто большим, чем просто удовлетворением потребностей, это уже вопрос самоопределения, самосознания, то есть задача гносеологическая, вопрос «существования» и воспроизводства самого субъекта. Материальные ресурсы потребляются и осваиваются с целью не столько «выживания» в физическом (биологическом) плане, но «выживания» субъектного. Однако логика экономических отношений, капиталистического развития, создаёт особое пространство экономической коммуникации, в котором отсутствует социально-философская рефлексия исходных предпосылок. К ним относятся (1) формализующая отношения, рационализация экономического поведения; (2) перформативность экономической реальности; а также (3) широко известный феномен отчуждения, берущий своё начало в работах К. Маркса и развитый в трудах мыслителей XX века.

Техносфера и развитие современного постчеловеческого «мировоззрения» приводят к нивелированию значения усилий отдельной личности в общей онтологической картине. Экономика, перформативно реализующая актуальные модели человеческого поведения и, соответственно, позволяющие им управлять, активно включилась в воспроизводство условий бессубъектного существования индивида.

Экономические институты перехватили у традиционного субъекта-индивида некоторые важнейшие качества субъектности: рефлексию, мотивацию, трансцендирующее усилие по формированию перспектив развития самого себя и окружающей реальности. В то же время психология человека, ставшая предметом компьютерного анализа, превращается в проводника технических суггестивных импульсов в сознание. Указанные процессы подпитываются глубинной, имплицитной враждебностью личности по поводу отчужденных и отчуждающих экономических процессов. Это непринятие «эго-медиумом» навязанных ему внешних коммуникативных условий способствует ускорению их деградации.

Эти обстоятельства приводят к новому и еще не отрефлектированному в науке феномену отчуждения человека от навязанного ему со стороны экономики формату внешнего, эксплицитного поведения. Это не самоотчуждение в традиционном его понимании. Коммуникация, будучи технологически обеспеченным процессом информационного взаимодействия, начинает восприниматься именно как механистическая технология, а не как способ становления (самореализации) личности. Артикуляционные, текстовые формы освоения повседневности ничем не затрагивают глубинных, нонконформистских слоев личности. В результате индивид становится носителем «социально приемлемых лэйблов», втихомолку посмеиваясь над наивностью социальных правил. Отсюда – многочисленные андеграундные течения – от киберпанка до шокирующих перформансов, от бессмысленных перформансов до демонстративного отказа от участия в соцсетях. Человек научился уживаться с чуждыми ему ролями, формируя пространство «лукавого гуманизма» (А.Н. Фортунатов).

Технологии социально-психологического воздействия (в рекламе, торговле, менеджменте) не дает индивиду полностью определяться в отношениях с миром хозяйствования. В свою очередь, поведенческая

экономика не только предлагает системное описание нерациональных решений людей, но и даёт конкретные рецепты корректировки человеческого поведения в самых разных областях – от образования и здравоохранения до общественной безопасности. Реализация этих корректировок, как правило, возлагается на институты[1]. Возникает множество гибридных проявлений специфической экономической субъектности: биржевые и инвестиционные фонды, группы, классы. Их суть состоит в узурпации важнейших свойств классического субъекта-индивида. Такая множественная субъектность, которая по сути своей является отчуждённой субъектностью, отрицательной величиной, утверждает бессубъектность как «нормальную» альтернативу для одиночки-индивида, беспомощного и беззащитного. В этих условиях потребность в сугубо человеческих, онтологических условиях становления отдельной личности всё больше возрастает.

[1] Руководствуясь выводами, полученными на основании исследования экономического поведения людей и их низкой склонностью к самоконтролю, Р.Талер в 1994 году сформулировал конкретные рекомендации по организации института пенсионной системы, основанные на подталкивании людей к благоразумным действиям в отношении их собственных пенсионных средств. Подробнее см. Thaler, R.H. From homo economicus to homo sapiens //Journal of economic perspectives. – 2000. – Т. 14. – № 1. – PP. 133-141.

ГЛАВА 3. КВАЗИОНТОЛОГИЯ КРИЗИСНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Изменение естественнонаучной картины мира ставит философию хозяйства перед новыми проблемами хозяйственной онтологии. В постклассической науке экономика представляется как саморазвивающаяся, эволюционирующая во времени система, в которой важную роль для понимания механизмов развития играет взаимодействие между частью и целым. Её исследование опирается на обобщённое представление о живой и неживой природе, обществе и человеке, в научный дискурс вводятся междисциплинарные понятия и феномены, которые позволяют по-новому осмыслить те вопросы, которые рождались в период классической научной рациональности. Современное междисциплинарное знание формируется благодаря общности исследуемых проблем (а не объекта и предмета) [222, с.54], где на место идеологии научного прогресса и «жажды будущего» приходит идея «органичного существования», как его определял П. Флоренский [536, с.28-33], или ко-эволюции в определении Н.Н. Моисеева [411, с.86]. Однако прямое копирование усматриваемых закономерностей и аналогий (как это понимается некоторыми авторами, создающими концепты в рамках синергетической парадигмы) может привести к деконструкции для выявления (наименования) частей, целого, механизмов взаимодействия самой социальной системы, а следом – к расслоению устоявшегося понятийного аппарата. С одной стороны, не выстроив полноценный диалог с многовековой традицией философии, современная естественнонаучная парадигма изменяет подходы гуманитарного исследования, в процесс исследования искусственно вводятся дефиниции, принадлежащие к понятийному аппарату естественных и точных наук[1]. С другой стороны,

[1] Этот метод внедрения междисциплинарных понятий уже нашёл как своих сторонников, так и критиков. Следует согласиться, что прямое копирование законов естественных наук,

использование междисциплинарных понятий и синергетических подходов позволяет сформировать новые феноменологические «окна» восприятия, которые позволяют изучать проблемы хозяйствования с точки зрения «врождённой идеи» (Р. Декарт), а также сформировать доказательную базу разрушительного влияния бессубъектности на систему общественного воспроизводства.

Проблема кризиса многогранна. В периоды кризисов философско-методологическая рефлексия обостряется, заставляя пересматривать не только системы ценностей, но также – сложившиеся стереотипы знания и действия. В то же время понимание кризиса как характеристики социокультурного пространства жизни должно быть уточнено, так как иначе – оно может стать перманентным. В интерпретации Э. Гуссерля кризис европейских наук зиждился на парадоксе: «их неспособности исполнить свое призвание (свою телеологическую функцию): дать нормативное руководство более высокому человеческому типу, который как идея должен был развиться в Европе исторически» [148, с.6]. И причина тому – в неспособности наук выработать понимание субъекта, его намеренное исключение из всех изучаемых процессов, в потери значимости наук для «вот-бытия» человека. Э. Гуссерль дал следующую характеристику этому кризису: «Науки всего лишь о фактах формируют людей, заботящихся лишь о фактах» [253, с.20]. Современные финансово-экономические кризисы не сопоставимы по масштабам ни с Великой депрессией, ни с происходящими

и перенос их в область наук гуманитарных, может оказаться «игрой ума», «собранием фактов», и привести к заблуждениям. Сила естественных наук состоит в комбинировании мощи математики и экспериментального анализа явлений, что обыкновенно находится вне плоскости гуманитарных интересов. С другой стороны, многие открытия естественных наук зиждились на разрешении вопросов бытия. Идеи о глубокой связи между философскими и физическими законами неоднократно высказывали Н. Бор, Э. Шрёдингер и другие представители негуманитарной науки. Можно предположить, что знание, пропущенное через фильтр философского аппарата, может транслироваться (быть заимствованным) в другие научные дисциплины. Однако этот вопрос требует дальнейшего исследования.

ранее циклическими спадами деловой активности. Глобальный капиталистический рынок связал людей в один хозяйственный клубок отношений. Отсюда – исследование кризисов на принципах, утверждённых позитивистской наукой, то есть без понимания субъекта кризиса, индивида, делает научные выводы экономической науки неактуальными для «вот-бытия» человечества, не дает человеку установить «правила для себя самого, для всей своей жизни [148, с.22]. С одной стороны, получив статус инструментальной дисциплины, освобождённая от идеологической составляющей политической экономии, современная экономикс не обладает достаточными эвристическими свойствами для описания реальных процессов общественного воспроизводства. С другой стороны, экономическая наука по-прежнему определяет состояние хозяйственной системы, и повседневная экономическая жизнь людей является продуктом её методологических и аксиологических установок, утверждаемых как виртуальные основания хозяйственной жизни. Ю.М. Осипов справедливо замечает: «Всякому делу, всякому хождению, как нетрудно догадаться, предшествует проект, сидящий поначалу как бы в ничто, и только потом — в итоге свершения дела — может обратиться в полноценное нечто». Путь к нечто здесь лежит через ничто … Ничто принимает самое активное участие в реализации бытия, и, что наиболее знаменательно, без этого ничто бытия просто нет — по крайней мере, как бытия динамического. Виртуальность — необходимый момент-атрибут бытия» [432, с.58]. Причина кроется в коммуникативной природе экономики: в течение последних двух поколений возникла и утвердилась «вторая реальность», символическая, виртуальная, заменяющая саму действительность и выдающая себя за нее. В результате экономические кризисы, внешне кажущиеся непреодолимыми «вершинами», или «безднами» в жизни миллионов людей, в экономической теории принимают вид стадий существования, проявлением цикличности экономического

развития, утверждающими внешнюю прочность экономической квазионтологии.

3.1. Антиномия инноваций и гуманизма в экономическом бытии

Наблюдение за причинами экономического подъёма привело учёных (Ф. Лист [375]; Н. Кондратьев [338]) к формулировке понятия «инновация»[1] (Й. Шумпетер [638, с.25]; Г. Менш [95]). Многочисленные интерпретации этого понятия, сформулированные специальными международными рабочими группами («Руководство Осло» [474]; «Руководство Фраскати» [290]), говорят о его терминологической размытости[2]. Его приходится регулярно переосмысливать, то обновляя типологию нововведений, то расширяя его на тему «диффузии» (Фримен [51]). С 1940 года только одной теме «диффузии инноваций», было посвящено более чем 4000 зарубежных публикаций в области поведенческих наук [119]. Однако массовость публикаций, скорее, говорит о нерешенных проблемах: феномен инновационного общества исследуется через результаты применения

---

[1] Само понятие «инновация» впервые появилось в научных исследованиях культурологов (прежде всего немецких) ещё в середине XIX века и означало введение (инфильтрацию) некоторых элементов одной культуры в другую. При этом речь обычно шла о внедрении европейских способов организации производства и жизнедеятельности в традиционные (архаичные) азиатские и африканские общества.

[2] В российской практике и теории так и не сложилось единого мнения относительно понятия инновации. В одном из наиболее известных словарей указано, что «Инновации – это нововведения в области техники, технологии, организации труда и управления, основанные на использовании достижений науки и передового опыта». См. Райзберг, Б.А. Лозовский, Л.Ш. Стародубцева, Е.Б. Современный экономический словарь. – 4-е изд.– М.: ИНФРА-М.– 2003. Согласно Федеральному Закону «О науке и государственной научно-технической политике» «Инновации – это введенный в употребление новый или значительно улучшенный продукт (товар, услуга) или процесс, новый метод продаж или новый организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях» См. Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» от 23.08.1996 N 127-ФЗ (в ред. от 03.12.2011). Для целей настоящего исследования будет принято понятие инновации, сформулированное в классических трудах Й. Шумпетера как основоположника современного технологического подхода в изучении инновационных экономических систем.

технологий, то есть феноменов, возникших внутри техно-ориентированного общества. Здесь возникает «проблема наблюдателя», которая в постнеклассическом духе трансформирует понятие инноваций, и их роли в экономических процессах, когда люди уже стали частью этих процессов.

Философская интерпретация инноваций – вопрос, который не получил должного исследования в социально-философской литературе. Является ли «инновация» – чем-то новым, и какова связь этого понятия с процессами обновления и становления мира. Заметим, однако, что анализ этого вопроса в контексте метафизики (Гегель, Аристотель, Парменид, Геркалит), требует переосмысления в границах современной науки, в частности – теории относительности (А. Эйнштейн). В.Ф. Гегель пишет: «Глубокомысленный Гераклит выдвинул понятие... становления и сказал: бытие столь же мало есть, как и небытие, то есть … всё течёт, то есть всё есть становление» [238, с.69]. Аристотель принимает «серединную позицию», утверждая, что возникновение абсолютно иного невозможно, но возможен переход некоторого нечто в свое иное. В споре двух школ древности по вопросу о существовании бытия и небытия был сделан важный вывод, что мир меняется и это «меняется» означает возникновение и уничтожение различий. Результатом становления, по В.Ф. Гегелю, является растворение противоположных начал, «бытия» и «ничто», он пишет: «Становление, таким образом, оказывается безудержным движением ... оно есть некое исчезающее, подобно огню, который потухает в самом себе, пожрав свой материал» [238, с.228]. Становление предполагает, что мир не будет таким, какой есть, но вследствие возникновения и уничтожения различий мира, которые уже были. Обновление предполагает рождение различий, которые ранее не существовали: такая модель мира (мира обновляющегося) – это не только «хорошо забытое старое», но и то, чего ещё не было. Явление «инноваций» в этом смысле, с одной стороны, принадлежит к «миру

становления», так как любая инновация – это результат исторической эволюции, переходов от одного способа творческого освоения материального мира к другому с целью удовлетворения базового перечня человеческих потребностей (А. Маслоу). С другой стороны, «инновации» содержат в себе определённую «новизну» (мир обновления): она заключается в «открытии» законов мироустройства (научные открытия), которые ранее человечеству были неизвестны (недоступны). Но для онтологического существования этой «новизны» требуется ввести мерило – «наблюдателя» (человека), и тем самым – воспроизвести пространственно-временную структуру, в которой позиция наблюдателя имеет значения (И. Кант, А. Эйнштейн).

С точки зрения наблюдателя (человек, человечество) предданный мир скачкообразно «открывает» свои возможности для материального воплощения человеческих идей (открытие энергии атома, новых материалов, генетического устройства биологического мира и т.п). Если «наблюдатель» отсутствует, можно попасть в смысловую ловушку, что в мире возможно всё, и если человек сегодня не знает «как», то это только «вопрос времени», которое в классической научной картине мира, абсолютно. Отсюда получаем иллюзию «тотальной» инновационности мира, постоянного предвосхищения научных открытий, всесильности (неограниченной мощи) науки: ожидания человечества от науки превышают её текущие «способности» удовлетворить эти ожидания. Однако здесь нет противоречия, так как человечество не ограничено рамками поколения. Так в «жертву» будущему прогрессу (счастью) «приносится» жизнь отдельного человека, а с другой стороны – исчезают «инновации»: на неограниченном, абстрактном временном промежутке они – лишь «становление», и не имеют никакого отношения к миру «обновления».

Несколько иначе эти вопросы раскрываются в неклассической научной картине мира. Чтобы говорить о «новом», требуется разделить все явления на

те, что совершались раньше и будут после: то есть необходимо ввести временную шкалу, разделяющую мир на прошлое, настоящее и будущее. И здесь можно провести аналогию с действием «светового конуса» теории относительности (Г. Минковский). Даже если имеет место «неповторяющееся различие», события вне «светового конуса», следует называть одновременными, у них не может быть развития, или обновления. Таким образом, «новизна» в «инновациях» может существовать только в оформленном временном пространстве, у которого есть подобная «световая» шкала. В экономике это пространственно-временное измерение создаётся «стоимостью». С помощью вектора стоимости можно оценить влияние «инноваций» на изменение производственных сил: в конечно счёте, это проявляется в повышении производительности, то есть снижении затрат и усилий на удовлетворение потребностей человечества. Вне этой стоимостной «стрелы времени» инновации теряют свой онтологический статус, сливаясь с бесчисленными проявлениями движения мира, который «потухает сам в себе» (В.Ф. Гегель).

Приведённые рассуждения позволяют предположить, что феномен «инноваций» стал следствием становления и утверждения «стоимости» (К. Маркс) в экономической онтологии, а также осознания человечеством своей роли «наблюдателя» научных процессов (развитие теории науковедения, инноватики). Изучение динамики стоимости позволяет сделать ещё несколько выводов относительно позиции «наблюдателя». Она не постоянна: напротив, оценка стоимости инноваций ведётся через призму будущей стоимости, приближаясь к предельно допустимой. Экономическое время сжалось в одной точке как перед большим взрывом: в настоящей рыночной стоимости уже отражены будущие стоимости. Всё остальное-спекуляции (или флуктуации у точки равновесия), где речь ведётся только о перераспределении прав собственности на созданные материальные и

нематериальные блага. Уже измерено многое, что можно было бы измерить. Инновации – это то, что в наименьшей степени подлежит оценке, так как она ещё не состоялась, это сверхбудущее экономики, которое определяется (по аналогии со скоростью света) – общей информационной прозрачностью (осведомлённостью) относительно будущего развития экономических сил (конкуренции, технологии, политики).

Ещё одной причиной (следствием) выделения процесса «инноваций» стало само осознание производительной силы научной мысли, а также изучение динамики (скачкообразной) перехода от одного этапа общественного производства к следующему. Таким образом, инновации проецируют в реальность идеи человека, для которого это ещё один шаг в познании природы и самого себя. Проявляя себя в «мире стоимости», они, тем не менее, являются не только феноменом чисто экономической природы. Их причины лежат вне области финансовых и экономических отношений, они связаны со сменой научной парадигмы (Т. Кун[1]), или технологического уклада (С.Ю. Глазьев, Д.С. Львов), последующей их «диффузией» в обществе (К. Фримен), и решающей роли человека-предпринимателя в этих процессах (Й. Шумпетер). Однако, попадая в сферу социально-экономическую, инновации превращаются в уникальное конкурентное преимущество, позволяющее завоёвывать существующие, или создавать новые рынки сбыта, то есть они дают определенную экономическую силу, напрямую влияют на общественное воспроизводство: таким образом, связывается экономический рост и цикличность развития (Г. Менш, Н. Кондратьев[2]). В связи с этим отдельные экономисты усматривали в

---

[1] Т.Кун определял научную парадигму как «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и способы их решения». См. Кун, Т. Структура научных революций. – М: Прогресс. – 1977, с.120.

[2] Н.Д. Кондратьев об этом писал, что: «Перед началом повышательной волны каждого большого цикла, а иногда в самом начале её наблюдаются значительные изменения в

инновациях прямое влияние на экономический рост (Р. Солоу, экономисты-неокейнсианцы, Дж. Хикс [566] и Р. Харрод[1] [563]). Отсюда «инновации», посредством переосмысления их двигательной силы, превратились в смысловой нарост, по типу «постиндустриального общества», на который правительства многих стран возлагали надежды как на стимул для экономического развития. С определённого этапа термин «инновации» («инновационный») стал понятием, дополняющим реальность, утверждающим её в символическом мире. «Быть инновационным», участвовать в «инновационных процессах», принадлежать к «миру инноваций» стало не только модным, но и необходимым для того, чтобы «состояться» в быстро меняющемся мире, чтобы соответствовать «духу времени», или хотя бы не отстать от него. В этот период даже «мудрость сменилась «адекватностью» и «актуальностью», то есть постоянным вниманием к социальным новациям» [471, с.14].

Следует отличать использование понятия инноваций как коммуникативного конструкта от инноваций как «синдрома новизны» (новизны, во что бы то ни стало), который, следует согласиться, является отчасти следствием «постмодернисткой аккультурации» [455, с.15]. Инновации понимаются как символ возрождения (спасения) экономики, то есть стали основанием для утверждения экономической квазионтологии

хозяйственной жизни общества. Эти изменения обычно выражаются … в глубоких изменениях в технике производства и обмена (которым, в свою очередь, предшествуют значительные изобретения и открытия), в изменения условий денежного обращения … См. Кондратьев, Н.Д. Большие циклы конъюнктуры. – М.: «РАНИОН». – 1928.

[1] В этих исследованиях указывается, что технические преобразования (нововведения) создают потенциал для экономического роста за счёт «сбережения труда, либо в сбережении капитала». Благодаря этому увеличивается производительность труда и капитала, а также сокращаются транзакционные издержки См. Харрод, Р.Ф. К теории экономической динамики = Towards a dynamic economics: Новые выводы экономической теории и их применение в экономической политике / Пер. с англ. И. К. Дашковского; Под. ред. Л. П. Куракова; М-во образования Рос. Федерации. Ассоциация российских вузов. – М.: Гелиос АРВ. – 1999. – С.25

[598]. В немалой степени это убеждение сформировалось на основании моделей экономических циклов, анализа периодов роста и кризисного состояния экономики – т.н. «длинные волны» Н. Кондратьева [338], циклы К. Жюглара [516] и Дж. Китчина [75]. Как правило, кризисы предшествовали экономическому росту, а сам рост базировался на внедрении новых технологий. Неоднократное повторение этого сценария в истории стало обоснованием для создания инновационной экономики – такой области деятельности, благодаря которой кризисы будут преодолеваться быстрее, а экономический рост будет увеличиваться, не испытывая временных спадов.

После кризиса 1973 года, «инновации» стали точкой притяжения капитала, инфраструктуры, лидерских инициатив и даже сформировали новую область научных исследований («инноватика» как наука и образовательная дисциплина[1] [170]). Однако парадокс инноваций заключается в том, что с одной стороны – их появление подчинено определённой логике (цикличность экономического развития), о чём говорилось выше, а с другой – являясь результатом непредсказуемой творческой деятельности людей, полностью нельзя быть уверенным в исключительно положительном результате. Продвижение инноваций в обществе сопровождается не только созиданием, но и разрушением системы отношений, которые поддерживали воспроизводство устаревших технологий. При этом определение «устаревший» не обязательно подразумевает негативный, или неэффективный способ экономической коммуникации, хотя именно так трактуется сопротивление инновациям с точки зрения технократии. Й. Шумпетер, который считается одним из базовых авторов инновационной экономики, прямо сравнивает появление инноваций с «созидательным разрушением» [638].

[1] В 20-х годах прошлого века стали изучаться закономерности технических инноваций (нововведений).

Можно отследить вполне очевидные стандарты рационализации экономических состояний. Их топос основан на мире технологий, и это содружество не случайно. В соответствии со справедливым замечанием Ю. Хабермаса, оно способствует, с одной стороны, «институализации господства», а с другой, – формированию его «непознаваемости», политической отнесенности за границы человеческого любопытства [554, с.52]. Здесь явственно проступает онтологическая роль модели не как наглядного изображения феномена, но как программирующего этот феномен «внешнего» воздействия. Взятые вместе, эти процессы перестают восприниматься как элементы целостной структуры. В результате прибыль, которая формируется без участия человека, финансовые пузыри и быстрорастущие рынки вторичных ценных бумаг, материально воплощают деонтологизацию мира хозяйствования.

Экономика знаний стала ответом на кризис статуса науки в обществе постмодерна. В результате науке самой понадобилась «опора», которая была найдена в идеологически оправданной формуле, что «знания являются фактором конкурентоспособности современной компании». Ф. Хайек так определяет роль информации: «экономической проблемой общества является не то, каким образом распределять накопленные ресурсы … это проблема заключается в использовании знаний, которые не даны никому в своей полноте»[1]. Однако следует выразить сомнение, что экономика знаний повышает значимость и роль образования, что существует прямая зависимость между уровнем образования и квалификации населения отдельной страны и уровнем её производственных сил (на это есть соответствующие социологические исследования [118; 143]). Это заблуждение сыграло важную роль в становлении международного рынка

[1] Цит. (перевод с англ. яз.) Hayek, F. Individualism and economic order. – University of chicago Press, 1948. – PP.77-78.

дистанционного обучения, перехода образования на рыночные рельсы, о чём будет сказано позже. В условиях непрерывного и повсеместного увеличения производительности труда всё большая часть населения занята в сфере услуг. В свою очередь, работники производства, благодаря развитию робототехники, в меньшей степени нуждаются в фундаментальных, расширенных знаниях и умениях, переходя от роли «мастер-на-все-руки» к «наблюдателю и контролёру» производственных процессов. Эта роль требует от них соблюдения организационных процедур, процедур стандартизации, не требуя задумываться о «содержании», технологии выполняемых операций и не имея возможности их воспроизвести собственными силами в случае необходимости.

В результате мы наблюдаем два противоположных явления:

1) дальнейшая механизация производства (развитие технологий) деквалифицируют труд, создавая условия, при которых один работник может быть свободно замещён другим. Об этом неоднократно писали представители современной политико-экономической мысли [22; 96];
2) возможность получения высокопрофессионального, узкоспециализированного образования доступна не всем, требуется приложить немало усилий, чтобы попасть в класс высокооплачиваемых специалистов. Эти специалисты сами становятся объектом «купли-продажи» на свободном рынке технологий, так как технологии и знания, как правило, неотделимы от своего носителя (изобретателя, автора идеи).

Эти процессы происходят со стороны рынка «предложения» и в целом отражают тренды капиталистической экономики, в которой как было показано ранее «мир стоимости» становится символическим хаосом. Более замечательными с нашей точки зрения являются процессы, происходящие со стороны рынка потребителей, где ключевыми ценностями становится – пристрастие к техническим новинкам (в т.ч. статусным новинкам, таким как

«iPhone»), а также утоление постоянно растущего информационного (гаджетизация) и «эмоционального голода» (медиаэкономика, порождаемая медиареальностью [536, с.13]). С этой стороны экономика знаний выступает как процесс производства и продажи информации и эмоций, предназначенных для потребления современного человека, для которого «цифра» и «медиа» стали удобным способом (ареалом) осознания («бегства от») самого себя – одной из базовых потребностей человека, невнесенных в пирамиду А. Маслоу в период индустриализации материальных форм бытия. Универсальная коммуникативная природа экономики позволила *посягнуть* на удовлетворение нематериальных человеческих потребностей, которые обнажили духовную пустоту современного человека в результате мирового духовного кризиса (Н. Бердяев), «потери корней» (М. Хайдеггер).

Если в метафизической традиции жизнь должна ставить цели экономической науке, а наука – «освещать путь жизни» (Н. Михайловский), то экономика, совершив свой постмодернистский поворот, проецирует в жизнь то, что можно обозначить как «вторая реальность». Она утверждает происходящее в «вот-бытии» (Э. Гуссерль) как продукт собственной квазионтологии, как результат деонтологизации экономического пространства коммуникации. Этот процесс сопровождается борьбой гуманистического и антигуманистического начал в способах и методах экономического управления. Результатом является глобализация (пространство-время нивелируется), технологизация мышления (калькулятивность), виртуализация человека (формирование цифровой проекции человека-потребителя и человека-предпринимателя). Модельно-теоретическая реальность информационной экономики формирует повседневные представления индивида о самом себе, что сужает границы его внутренней свободы.

Оборотная сторона этих процессов состоит в размытости не только межсубъектного пространства, но и личностного пространства каждого конкретного субъекта, стремительно теряющего какую бы то ни было возможность «второго рождения», внутреннего озарения и трансцендирования за пределы установленных (квази)рамок бытия, поскольку на каждое вопрошание уже заранее заготовлен технологически обеспеченный ответ. Именно здесь кроятся истоки кризисности экономики, которая, лишив человека возможности на ошибку, на сомнение или на эскапизм, утратила собственную, заложенную в ней императивность в отношении адресата, объекта, или активного контр-субъекта этой коммуникации. Отсюда угасание экономических процессов становится «естественным» продолжением кризисной экономической «квазионтологии».

В современной системе хозяйствования субъектность и бессубъектность сосуществуют в одной временной плоскости. С одной стороны, хозяйственная культура становится всё более разнообразной: по сравнению с XIX веком, сегодня широко диверсифицированы профессиональные отрасли и сферы приложения личностных усилий. Механическое освоение всего багажа знаний и культуры, скажем, заключенное в Александрийской библиотеке, занимает несоизмеримо больше времени, чем средняя продолжительность человеческой жизни. С другой стороны, постмодернистский поворот, изменившееся восприятие жизненных процессов, а также сама экономика создали множественные «ловушки» для сознания современного человека. Критикуя идеологические установки, распространяемые в обществе в начале XX века, немецкий философ культуры, А. Швейцер, писал, что «современный человек почти полностью находится во власти сил, стремящихся отнять у него доверие к собственному мышлению» [631, с.5]. Идеологический распад совпадает с нарастанием бессубъектности в экономике, которая к настоящему моменту

представляет множество возможностей для экзистенциального проживания, не требующего идеологий, но и не свободного от него.

До середины XX века время, затрачиваемое субъектом-индивидом на труд, который ему требуется для поддержания биологической формы жизни, противопоставляется свободному времени. Поэтому Дж. М. Кейнс утверждает, что по мере развития экономической системы человеку будет предоставлен избыточный досуг. На подобные предсказания решается Б. Франклин, утверждая, что четырёхчасового рабочего дня будет достаточно, а также К. Маркс, который ждал того дня, когда общественное устройство предоставит каждому время «утром охотиться, после полудня ловить рыбу, вечером заниматься скотоводством, после ужина предаваться критике… – [не делая никого] в силу этого охотником, рыбаком, пастухом или критиком»[1]. Дж. С. Милль прямо противопоставляет культ досуга культу труда. Он пишет, что в будущем «будет столько же возможностей для всякого рода умственной культуры, морального и общественного прогресса, сколько будет места совершенствованию Искусства жизни» [203]. Однако если в творчестве представителей классической мысли *время* было неотъемлемым атрибутом субъекта в соответствии с положениями классической философии, то сегодня «свободное время» превратилось в аксиологический фантом, который служит идеологическому, манипулятивному формированию отношения человека к реальности. Здесь кроется негативное определение свободы как отсутствия обременений, что является антигуманным концептом по своей сути.

В книге «Теория праздного класса» (1899) Т. Веблен описывал досуг как признак элиты. Однако то, что раньше относилось к досугу (искусство, спорт, наука, социальное служение, филантропия), сегодня само собой считается работой (творческим трудом). Исследование креативной

[1] См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. – С. 447.

экономики[1] как области товарно-денежных отношений по поводу купли-продажи результатов творческой деятельности, начинается с 2000-х гг[2]. Несмотря на общее замедление мировых темпов экономического развития, в последнее десятилетие наблюдений (2006-2016 гг.) этот выделенный сектор мировой экономики находится в постоянном росте. Оценки этого роста разняться в зависимости от статистических методов, классификаций и географии: на интервале 2000-2005 года этот рост составил 8,7%, и более того был усреднённо-глобальным явлением, не ограниченным рамками отдельных территорий. Даже в развивающихся странах креативные индустрии имеют потенциал для обеспечения 5% роста валового внутреннего продукта [56, p.iiii], и уже создают рабочие места для 1% жителей Земли [79, p.15]. В условиях перепроизводства товарной продукции, креативность становится не только характеристикой предложения, но и спроса на труд. Возрастная структура занятости в креативных индустриях отличается большой долей вовлечения молодёжи: в производстве креативных 3% ВВП 19,1% занятых – это люди в возрасте от 15 до 29 лет, во всех других отраслях этот показатель составляет 18,6% [79, p.18]. Эмоциональность и открытость, сопутствующая молодым людям, вкупе с повышенной склонностью к предпринимательской активности, говорит о значительном потенциале

---

[1] «Креативную экономику» трактуют следующим образом: это «целостная концепция взаимодействия между культурой, экономикой и технологиями в современном глобализированном мире, в котором преобладают символы, тексты, звуки и изображения». См. Creative Economy Report 2008: The challenge of assessing the creative economy towards informed policy-making. – 2008. – 333 p.– URL: http://unctad.org/en/Docs/ditc20082cer_en.pdf (13.04.2018). – P.8.

[2] Перечень сегментов и отраслей креативной экономики Великобритания, которая одной из первых начала работу над созданием «карты креативных индустрий» включает как минимум 13 направлений, в т.ч. рекламу, искусство, телевидение и радио, архитектуру, производство программного обеспечения, видеопродукцию, музыку, театральное искусство (перфоманс), дизайн, печать, видео игры, моду и разнообразные ремесленные производства. В исследовании международной компании Ernst and Young выделяется 11 секторов. См. Cultural times: the first global map of cultural and creative industries, EY, 2015. – P.15.

креативной экономики – как в области спроса, так и предложения рабочих мест.

Освобождение человека от труда происходит под давлением автоматизации и роботизации, которые, как последовательно доказывает Х. Брейверман, являются результатом предшествующего дробления труда на операции[1]. Научный подход к организации и контролю труда, предложенный А. Тейлором, и затем зафиксированный – Г. Фордом (фордизм), привёл не к усилению разнообразия и сложности, но к упрощению действий, выполняемых человеком и наступившей общей деградации труда [22, pp.316-325]. Развивая концепцию «отчуждения» К. Маркса, Х. Брейверман на многочисленных примерах показывает, что это «отчуждение» связано с общей системой капиталистического производства, которая нацелена на повышение эффективности (прибыльности) на вложенный капитал и углублением специализации[2]. Не столько автоматизация привела к этой деградации, сколько сама идея процессной специализации, которая заключалась в разделении сложной операции на простые. Сначала такие операции выполнялись вручную, теми же людьми, а затем – автоматизировались. Идея механизации и рационализации труда имеет много общего с языковыми алгоритмами А. Тьюринга и, действительно, способствует повышению эффективности товарного производства, которая на практике выразилась к концу XX века в небывалом росте масштабов производства и как следствие – затоваривании. Так, например, ежегодно

---

[1] В работах А.Смита этот принцип последовательно и подробно описан в отношении разделения труда при цеховом производстве булавок. См. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: «Соцэкгиз», 1962. – 684 с.

[2] Концепция «отчуждения» как результата противостояния совокупной воли «всех», к которой приводит специализация, и воли отдельного индивида развивается также в работах Э.Ильенкова (конкретно-всеобщее), Н.А. Печерских (социальная производительная сила). См. Печерских, Н.А. Субъект. Собственник. Хозяин / Под ред.А.П. Мозелова. – Спб.: Наука, 2003.– С.165.

шведские производители сжигают тонны нераспроданной одежды, стоимостью более, чем 4 млрд. евро[1]. Такая ресурсная расточительность во многом связана с тем, что узкий научный контроль за производством (А. Тейлор) сделал производимый продукт «ничьей» ответственностью, при том что ценность материальных ресурсов и затрачиваемого труда по его обработке нивелируется. В отношении человека – изменившаяся логика труда привела к тому, что работник стал не только выполнять более упрощённые операции, но и перестал «осознавать» процесс производства целиком, участвовать в концептуализации того продукта, который ему приходится только исполнять. Цельное восприятие трудового процесса остаётся за менеджментом современной организации, представители которого предпочитают ориентироваться на количественные характеристики производственного процесса. Обезличенные процессы производства превалируют над желанием отдельного человека воплотить результаты своего труда в производимом продукте.

Одновременно контрнаступают процессы индивидуализации труда, которые специалисты связывают с распространением фриланса[2]. Экономика фриланса есть экономика репутации, а именно – символов, брендов и так называемого социального капитала, то есть постмодернистской символической реальности. Количество публикаций, образовательных курсов, семинаров и информационных ресурсов демонстрируют небывалый рост интереса к этой теме. «Мы являемся исполнительными директорами

---

[1] H&M ежегодно сжигает тонны новой одежды в Швеции, сообщили СМИ. – [электронный ресурс]. – РИА новости. – URL: https://ria.ru/world/20171122/1509329305.html (дата обращения: 12.07.2018).

[2] Согласно исследованию Европейского форума независимых профессионалов (European Forum of Independent Professionals, EFIP), с 2000 года количество независимых работников в Европе выросло на 82%. См., подробнее исследования – например, Сизова И.Л., Хусяинов Т.М. Труд и занятость в цифровой экономике: проблемы российского рынка труда // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2017. Т. 10. № 4. С. 376-396.

наших собственных компаний, под названием «Я.Inc». Чтобы делать бизнес сегодня, наша самая важная работа – стать маркетологами, продвигающими бренды самих себя»[1], – этот известный тезис получил распространение и поддержку с развитием технологий Web 2.0. Прежде чем получить заказы на удалённое выполнение услуг (монетизировать бренд), человеку требуется создать в цифровой среде свой профессиональный образ, и как правило – не один. Цифровое «портфолио», брендирование человека, по аналогии с продуктом, а также многочисленные количественные характеристики популярности бренда в сети (количество подписчиков, загрузок, «лайков», цитирований) – новый вид капитала, который нарабатывается по цифровым неолиберальным законам. Этот цифровой неолиберализм позиционируется как современное политическое и экономическое пространство нерегулируемого рынка, индивидуальной ответственности, автономии и свободного выбора [120]. Креативность [11], широкое использование средств социальных медиа [99], самопродвижение и выстраивание долгосрочных отношений в сети Интернет (связей, социальных «друзей», партнёров и клиентов), становятся ключевыми факторами успешности пост-неклассического субъекта-персонажа цифровой реальности. Законы новой экономической технореальности находятся в стадии становления: утверждаются новые показатели экономической успешности, например, такие как – ожидаемая доходность на репутационный капитал [52; 98]. Этот капитал может быть эксплицирован через призму «внимания», так как быть замеченным в цифровом хаосе – это уже успех. Репутационный капитал в Интернет имеет, как правило, цифровое измерение, как и «персонаж», с которым он ассоциирован. Связь между персонажем и человеком

[1] Перевод с англ.яз.; оригинал: «We are CEOs of our own companies: Me Inc. To be in business today, our most important job is to be head marketer of the brand called You». See Peters, T., 1997. The Brand called You. Fast Company. – URL://www.fastcompany.com [accessed May 2015].

устанавливается на принципе «частной собственности» (авторское право), и человек может «владеть» многочисленными цифровыми копиями. Этот капитал должен непрерывно нарабатываться, и требует от человека регулярного обновления контента, то есть – постоянного присутствия в сети (онлайн). Таким образом, становление новой хозяйственной технореальности основывается на принципах капиталистической системы, для которой возможность самозанятости через Интернет – является, с одной стороны, утверждением принципов индивидуализации, свободы рынка и частной собственности, а с другой – антикризисным решением на нестабильность и неопределённость рынков рабочей силы. Экономический субъект-индивид должен проявлять «гибкость» и адаптивность под любые изменения: такое же требование в пост-фордистской экономике предъявляется продуктам. Это стимулирует к развитию образовательную систему, к которой предъявляются требование обеспечить предложение услуг по обучению людей «в течение всей жизни» (life-long learning) [8]. Одновременно – в этих процессах находят отражение реалии постмодерна: новый хозяйственный мир неотделим от технических средств, обеспечивающих его существование, а «цифровые двойники», принадлежащие реальным людям и действующие в его пространстве – борются за «различия» как основную характеристику цифрового «персонажа». Различие в техно-экономике становится основным фактором конкурентоспособности.

Трансформация трудовых отношений не в полной мере повлияла на изменение фактической длительности рабочей недели. Смелое предсказание А. Азимова в 1964 г., что в XXI веке человечество станет «по большей части расой, обслуживающей машины», и у этого будут «серьёзные ментальные, эмоциональные и социологические последствия» сбывается не полностью. Он считал, что к 2014 году миллионы людей будут тонуть в море «вынужденного досуга», а «работа станет самым прекрасным словом в

словаре» [6]. Однако в 1980-х годах статистикой было отмечено, что сокращение средней рабочей недели остановилось: экономический рост привёл к увеличению не свободного времени, а продукции (затоваривание)[1]. В Австралии, Австрии, Англии, Испании и Норвегии рабочая неделя перестала укорачиваться, а в США – она выросла: через 70 лет после принятия в Америке закона о 40-часовой рабочей неделе три четверти работников трудилось здесь более 40 часов в неделю[2] [203].

Таким образом, к XXI веку труд становится более разнообразным, менее интенсивным, но оттого – не менее длительным. Это также связано с изменением структуры потребления, в которой с конца XX века стремительно нарастает доля услуг (получает своё развитие концепция товара как услуги). Само потребление становится не дискретным, точечным, а растянутым во времени. Благодаря действию онлайн-систем, покупки через Интернет совершаются 24 часа в сутки, 7 дней в неделю. Это, в свою очередь, влияет на конкуренцию, которая также становится для предпринимателя непрерывной, круглосуточной. Стандарт «непрерывного потребления» затормозил процесс сокращения рабочей недели: для общения с потребителем работнику требуется также быть круглосуточно доступным. Такая работа отличается меньшей интенсивностью и напряжённостью, однако она требует от людей, напротив, ещё большего ментального

---

[1] Под данным Американского бюро статистики труда, средний работник должен проработать всего 11 часов в неделю, чтобы произвести 50 рабочих часов в неделю в 1950 году. На фоне статистического роста покзателей производительности труда, 40-часовой рабочий день сохраняется во многих странах, в том числе – США. См. Erik Rauch. Productivity and the Workweek. – URL:// http://groups.csail.mit.edu/mac/users/rauch/misc/worktime/ (accessed 14.07.2018)

[2] Многие аналитики связывают высокий доход на душу населения в США с более высокой производительностью труда (объём производства на одного работника). Однако в докладе ОЭСР было установлено, что по сравнению с другими промышленно развитыми странами более высокие доходы в США «в значительной степени обусловлены различиями в общем количестве отработанных часов на душу населения», а не различиями в объёме производства в час.

присутствия на работе. Подобную экономическую занятость затруднительно отделить от свободного времени. Исследование Гарвардской бизнес-школы, показало, что благодаря современным технологиям руководители и специалисты в Европе, Азии и Северной Америке проводят от 80 до 90 часов в неделю «за работой либо «следят» за работой и остаются на связи». Согласно исследованию специалистов Южной Корее, из-за смартфонов средний работник трудится дополнительные 11 часов в неделю [203]. Эти данные можно сравнить с оценками экономиста и историка, Дж. Шор. Она указывает на тот факт, что праздничные дни составляли в средневековой Европе не менее одной трети года: в Испании они длились пять месяцев, а во Франции – шесть. Таким образом, крестьянин работал ровно столько, сколько ему было необходимо, чтобы прокормить себя и свою семью. «Жизнь текла медленно, – пишет Дж. Шор. – Наши предки, может, и не были богаты, но у них было предостаточно свободного времени» [127].

С другой стороны, увеличение свободного времени не способствует напрямую расширению возможностей для проявления субъектности индивида: чтобы себя «занять» в свободное время от человека требуется определённое «усилие», осознанный выбор формы досуга, отличный от потребления. Л. Витгенштейн пишет: «Вечно живёт тот, кто живёт в настоящем. Наша жизнь так же бесконечна, как наше поле зрения безгранично» [225, с.182]. Высвобождение свободного времени представляет собой определённую иллюзию, так как праздная деятельность остаётся той же, что и трудовая, или творческая деятельность, взятая в противоположном аксиологическом измерении. Ж. Бодрийяр отмечает, что в условиях симуляций, время производства и время досуга символически сравниваются между собой: «всякий труд сливается с обслуживанием – с трудом как чистым присутствием / занятостью, когда человек расходует, предоставляет другому своё время… Производится ли при этом что-нибудь или нет – не

имеет значения по сравнению с этой личной зависимостью» [197, с.67]. В соответствии с трактовкой философии хозяйства труд подразумевает всякое хозяйствование, в том числе – занятие искусством, творчеством и отсюда – включает само потребление в его текущем смысле, которое в современной экономической системе рассматривается едва ли не как основной механизм для роста валового внутреннего продукта. Выходной день больше не мыслится вне экономики, вне сферы потребления. Исследования немецких социологов показали, что максимизация благополучия современного человека связана с уменьшением роли не только работы, но и потребления в повседневной деятельности [203]. В этом контексте современные социальные доктрины Франции и Германии демонстрируют примеры, где социальные пособия начинают выполнять функцию не стимулирования к труду, а к эскапизму.

Постмодернистский поворот, за которым последовала трансформация понятий ответственного хозяйствования (эффективный собственник), свободного времени и труда, ознаменовал перерождение феномена экономического «отчуждения». «Отчуждение» стало онтологическим процессом, следствием отсутствия гносеологического мужества субъекта, неспособного преодолеть социальные ограничения, накладываемые на него экономикой, цифровизацией, социальной средой. Постепенное развитие экономических систем (моделей) привело к экспликации внутренней отчуждённости человека от перспектив самореализации в границах товарно-денежного восприятия условий своей жизни. Античеловечность «отчуждённой» реальности состоит в том, что индивид не в состоянии увидеть даже саму возможность своей индивидуальной человеческой самореализации. Происходит реализация сценария антропологической катастрофы: среди нас появляются те самые «иносущества, зомби, с которыми у «человека исторического» нет ничего общего и в которых он не

может узнать самого себя, а может лишь – при случае – «вернуть билет» [389, с.189]. В.А. Лекторский связывает антропологическую катастрофу с развитием технологической цивилизации: она способствовала не только экологическому кризису, но и кризису в межличностных отношениях, «утилитаризация которых привела к отчуждению между людьми и между поколениями, к выпадению из культурных традиций, утрате мысложизненных ориентиров и потере самоидентификации» [366, с.35]. «Отчуждение» непосредственно связано с трансгуманизмом, о чём пишет В.А. Кутырёв [359; 357]. Техно-человек (пост-человек), который приходит на смену био-человеку, использует приборы и технические устройства для совершенствования своего тела, а современная наука прилагает усилия для того, чтобы окончательно стереть границы между сознанием и искусственным интеллектом. Однако этот, новый, человек оказывается в полной зависимости от созданной им техногенной цивилизации. В таких условиях естественная природная среда обитания человека представляется ему ещё более чуждой.

Таким образом, актуальность отчуждения связана с его безальтернативностью. Единение (с окружающей средой, с социальной общностью, с природной средой обитания) становится невозможным (то есть, недопустимым, недостижимым, неприемлемым) именно в связи с отсутствием гуманистических смыслов, которые прокладывали бы пути этому единению. В этом смысле современное отчуждение многоаспектно и социально безальтернативно. Его наличная тотальность и всеобъемлемость есть следствие фантомности, хрупкости, заведомой недостижимости социального идеала.

Субъектоцентризм, превалирующий на протяжении истории классической европейской философской мысли, после отказа от идеала гуманизма, оказался основан на обыкновенном индивидуализме,

самозамкнутом, автономном и интровертном. Таким образом, «разумный эгоизм» экономического человека, атомистическое представление об экономической системе, явились следствием классической эпистемы. В неклассической философии «Я» всё больше связывается с «Другим». «Я существую не потому, что Мыслю и сознаю, а потому что отвечаю на обращённый ко мне призыв другого человека» [366, с.17], – объясняет эту неклассическую эпистемологическую установку В.А. Лекторский[1]. – «Для индивида возникает возможность вступить в коммуникационные связи, формировать вместе с другими людьми те или иные сообщества. Коммуникация не предопределена и запрограммирована. Вместе с тем лишь через отношения с другими индивидуальность формируется и свободно самореализуется». В этом контексте «отчуждение» для субъекта-индивида коренится в этом неприятии Другого как элемента собственной онтологии. Не случайно в современной экономике всё чаще говорят о необходимости эмпатии (к потребителю, контрагенту, партнёру, сотруднику) как важнейшем условии успеха. В свою очередь, именно социальные предприниматели по всему миру демонстрируют не только высокий уровень эмпатичности (предлагая услуги для лиц с ОВЗ, услуги по уходу за больными, или создавая рабочие места для людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации), но и интенсивную коммуникацию внутри своего сообщества. Социальные предприниматели – не только публичны, открыты, но даже демонстративны в своём обращении к другим участникам экономических отношений, они выступают с конкретными предложениями о том, «как изменить мир[2]».

---

[1] В.А. Лекторский указывает на русского философа М.Бахтина как автора размышлений о Диалоге и ситуации «вне-необходимости», которые близки к описываемой В.А. Лекторским неклассической диалектике «Я» и «Другого».

[2] Книга «Как изменить мир» является одним из бестселлеров, содержит множество историй успеха современных социальных предпринимателей. См. Борнштейн, Д. Как изменить мир. Социальное предпринимательство и сила новых идей. М.: Альпина Паблишер. – 2012. – 499 с.

В условиях отказа от субъектоцентризма, с одной стороны, затруднительно призывать к возвращению субъекта-индивида. Однако сегодня, в преддверии четвёртой промышленной революции, вопросы о роли и месте человека в онтологии становятся актуальными как никогда. С одной стороны, разочарование в человеческих возможностях сформировать самого себя, которое стало следствием всей социальной истории XX века, привело к девальвации гуманистических смыслов социального поведения, идеалов Добра, Справедливости, Истины. Самостановление человека замкнулось на него самого, отбросив социальный идеал как ненужный фантом. С другой стороны, появились призывы к созданию общества постлюдей, чьи биологические и интеллектуальные способности могут быть усилены техническими и информационными средствами. Особенно остро эти сопряжённые процессы заметны в экономике. Формируется особая среда контрсубъектности, которая в концентрированном виде представлена в экономике, и которая подразумевает рекурсивное формирование условий для вытеснения на периферию социальности гуманистических ориентиров в жизни человека.

3.2. Категория риска в аксиоматике экономической теории и практики

Случайность – важнейший элемент онтологии. Стремление избежать рисков, снизить их негативное влияние на жизнь человечества, а также иметь возможность спрогнозировать и спланировать будущее, по-прежнему остаётся энергетическим центром, подпитывающим социальное движение, является вариацией для оправдания «созидания государства» (О. Шпенглер), государственного вмешательства в рыночные процессы (Дж. Кейнс). Исторически слово «риск» входило в европейские языки (прежде всего, в итальянский и испанский языки) в связи с открытием возможностей мореплавания, которое позволило раздвинуть границы хозяйственных систем

многих европейских государств. Таким образом, риск и возможность – два диалектически сопряжённых явления для предпринимателя эпохи географических открытий. Риск связан с действием, делом, движением. Он – побочный продукт деятельности отважных людей[1], движимых к границам хозяйственного бытия и за его пределы. Однако с тех пор аксиология рисков претерпела значительные изменения, особенно рельефно проявляющиеся на фоне изменения благосостояния общества – от терпеливого сношения, до глубинного страха, что наше «гарантированное и спокойное существование может быть нарушено» [285, с. 440]. В современных социальных доктринах присутствует стремление низвести феномен риска до уровня потребительского инструмента, «альтернативного» бытовому комфорту, однако лишь подразумевающему, «оттеняющему» и утверждающему его. В XX веке, по мере роста экономики и развития методов и средств сбора и обработки информации, а также технического прогресса, борьба с рисками превратилась в технологически детерминированный процесс. Риск стал познаваемым фактом, подлежащим изучению, калькуляции, измерению: он – «продукт вероятности возникновения опасности и серьёзности (масштаба) его последствий» [21, p.382], то есть риск «объективный» [652, с.1]. Американский экономист Ф. Найт, убеждённый в возможности измерять и калькулировать риски с помощью статистических и математических методов, заложил основы современного рационального механизма управления рисками[2]. Количественные методы оценки рисков сложились в развитую теорию риск-менеджмента, широко применяемую в настоящее время

[1] В словаре В.И. Даля «рискованье, риск – отвага, смелость, решительность, предприимчивость, действие на авось, наудачу. Рискователь – рискующий … отважный человек». См. Даль, В.И. Толковый словарь живого великого русского языка. В 4 т.– М., 1955. – Т.1. – С.96.

[2] См. Найт, Ф. Понятия риска и неопределённости. – Альманах THSIS, 1994. – №5.

финансовыми институтами, организациями и государственными органами управления.

Экстремальность, рискóвость стали неотъемлемыми атрибутами потребительской стихии. Однако здесь риск неявно подразумевает личную безопасность. Стремление избежать вопросов об онтологичности риска является вполне оправданным в контексте деонтологизации современной реальности. Её безрисковость означает её без(с)мысленность – внечеловечность. Мысль о том, что риски всё же существуют и неизбежны, упорядочивает реальность: она становится осмысленной и очеловеченной, её горизонты расширяются ровно до тех пределов, какие человек ставит самому себе как человеку, как мыслящему и действующему существу. Риск сам по себе – один из многих сугубо человеческих жестов, подразумевающих попытку прорваться к бытию сквозь пелену несуществования. В этой связи «иерархия рисков», возникшая в цивилизационной парадигме конца XX века, делает само собой разумеющимся перенос акцентов с личной ответственности человека за его собственное и общественное развитие на глобальную (без)ответственность, где риск деперсонифицирован, а значит, деонтологизирован, лишён своей человеческой сущности. Обезличенность риска, превращение его в предмет исследований рискологии, в конечном итоге лишь усиливает фундаментальные основы опасностей, с которыми столкнулось человечество: их дегуманизированность и технологическую сущность. Чтобы избавить человека от сопутствующей неопределенности, предлагались социальные концепции глобального переустройства жизни, вводились в практику экономические (страхование, хеджирование[1]),

[1] Хеджирование (от англ. *hedge* — страховка, гарантия) – это использование одного инструмента для снижения риска, связанного с неблагоприятным влиянием рыночных факторов на цену другого, связанного с ним инструмента, или на генерируемые им денежные потоки. См. Шарп У.Ф., Александер Г.Дж., Бэйли Дж.В. Инвестиции. – М.: Инфра-М, 2001. – 1028 с.

правовые и организационные механизмы (моделирование, прогноз и планирование). До середины XX века в обществе господствовал научно-технический оптимизм относительно возможностей создать условия для непрерывного экономического роста и роста общественного благосостояния. Широко постулировалось, что наука позволяет прогнозировать, планировать, и как следствие – защищаться от рисков.

Человеческая деятельность, направленная на борьбу с рисками, порождает потребность в получении новых знаний, чтобы преодолеть вновь возникшие и порождённые человеческой деятельностью опасности, неопределённости и неясности. Одной из альтернатив обезличиванию индивида (нарастания бессубъектности) стала концепция «устойчивого роста (развития)», предполагавшая потерявшему себя индивиду «выгодную» компенсацию этой потери. Таким образом, произошёл перевод онтологии рисков в область исключительно интеллектуальных (научных) усилий. Однако хозяйственная реальность не укладывается в запроектированные схемы. У научно-технического прогресса есть обратная, иррациональная сторона: прогресс ведёт к экспоненциальному росту новых рисков. Вернее, не «рисков» в их изначальном смысле, а «неудобных непредсказуемостей», которые ставят под сомнение целесообразность затрат на сложные экономические схемы, управленческие обоснования избранных стратегий развития, человеческие ресурсы. Деятельность, направленная на борьбу с этими псевдо-рисками, порождает потребность в получении новых знаний, чтобы преодолеть вновь возникшие и порожденные человеческой деятельностью опасности, неопределенности и неясности. Страх становится фундаментом для новой экономической реальности: готовность принимать как данность нарастающие угрозы. К началу XXI века риски для современного общества были названы главной опасностью: «Сегодня государствам угрожают риски и опасности, а не враг», пишет Э. Гидденс

[241, с.35]. Более того, социологи, наконец, приходят к убеждению, что источником рисков является не какая-то «другая», внешняя среда, а само общество. И деятельность этого «общества рисков» (У. Бек, Г. Бехманн), по сути, бесперспективна: она порождает «решения, также порождающие риски» [84, p.23].

В то время как в социологии продолжается рефлексия относительно возможностей создания универсальной теории риска (или невозможности таковой [587, с.11], в среде экономистов, менеджеров и политиков нарождаются новые инструменты риск-менеджмента. Сфера человеческого бытия, чья аксиология в значительной степени базируется на избегании любыми способами ситуаций риска и неопределённости – это и есть отчасти современная экономика. Отсюда – изначальный, прометеевский риск сведен к переживаниям биржевого брокера, «заученно впадающего в дежурную истерику при изменении котировок» [603, с.74]. В сфере финансовых отношений риск становится предметом для спекуляций.

Непредсказуемость становится дефицитной в обществе упорядоченных смыслов. Возрастание нетерпимости к рискам и угрозам мотивирует участников хозяйственной деятельности отказываться от долгосрочных хозяйственных проектов[1], и тем самым делает саму хозяйственную жизнь похожей на фрагментарную мозаику. О приходе в эпоху постмодерна краткосрочного сознания на смену долгосрочного говорит социолог З. Бауман. Он выражает это следующим образом: «для наших дней наиболее характерна внезапная популярность множественного числа… Сегодня мы

[1] Долгосрочный хозяйственный план в среднем составляется на 10-15-летний временной промежуток. Планирование на более длительный срок считается нецелесообразным в силу действия непредсказуемых факторов рыночной конъюнктуры. В хозяйственной практике коммерческих предприятий распространено среднесрочное планирование (сроком на 3-5 лет). См. Райзберг, Б.А., Лозовский, Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. - 6-е изд., перераб. и доп. - М.: ИНФРА-М, 2011. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_67315/ (доступ к ресурсу: 30.07.2018).

живём проектами, а не Проектом» [179, с.73]. Особенно эта тенденция стала заметна в трудовой деятельности: «…Лозунгом дня стала «гибкость», что применительно к рынку труда означает конец трудовой деятельности в известном и привычном для нас виде, переходе к работе по краткосрочным, сиюминутным контрактам либо вообще без таковых, к работе без всяких оговоренных гарантий» [180, с. 30]. Об уплотнении времени в современном обществе говорят многие исследователи, которые связывают эти изменения с развитием виртуального пространства денег (Ж. Бодрийяр), информационных технологий (Э. Гидденс), появлением «общества спектакля»[1] (Г. Дебор).

Если рассматривать вопросы «общества рисков» в рамках эпистемологии, то обращает на себя внимание господство детерминизма и рационального подхода. Современная концепция управления рисками основана на нормативном прогнозировании, оценке возможных отклонений от детерминированной модели будущего развития общественной системы, выработке методов управления рисками (страхование, диверсификация, хеджирование, уклонение), а затем – отслеживании результата (например, посредством сравнения плана и факта)[2]. В рамках господствующего в экономической науке рационального отношения к проблеме, риск несёт

---

[1] Г. Дебор пишет: «Тогда как циклическое время было временем неподвижное иллюзии, переживаемой реально, врем зрелищное является временем трансформирующейся реальности, переживаемым иллюзорно». См. Дебор, Г. Общество спектакля. – М.: Логос, 2000. – С.37.

[2] Следует отметить, что с середины XX века представление о риске стали более сложными, значимым стал человеческий фактор в рисковых ситуациях. Однако прикладное использование социально-психологических подходов остаётся фрагментарным. Рациональный количественный подход позволяет системно подходить к вопросам риск-менеджментам в современных организациях, поэтому на практике ему отдаётся предпочтение. Подробнее об альтернативных теориях риска см., например, исследования М. Алле, лауреата Премии Шведского национального банка по экономическим наукам памяти Альфреда Нобеля 1988 г. «за вклад в теорию рынков и эффективного использования ресурсов». См. Алле, М. Поведение рационального человека в условиях риска: критика постулатов и аксиом американской школы // Thesis, 1994, №5.

заведомо негативную окраску. Страхование, хеджирование, уклонение от риска, таким образом, превращаются в субъективацию умозрительных моделей. Субъекту, погруженному в искусственную среду (объявленную тотальной и «самой главной»), даётся возможность создать самому себе иллюзию личного, человеческого акта (жеста) в связи с непоправимостью и детерминированностью «рисковой модели» развития экономики. Аксиология риска заложена, таким образом априори в такую модель, и человеку предлагается относиться к феномену риска отрицательно. Неоднозначность социологического понимания самой возможности создания универсальной теории риска, обратно пропорциональна тенденции в экономической среде, где «риск-менеджмент» становится эталонной моделью поведения. Требуется не столько социологическое, сколько философское понимание проблемы риска: именно её философское осмысление ещё не завершено.

Вопросы о том, что именно считать риском в сложной, самоорганизующейся системе, возможно ли добиться абсолютной детерминации системы, и что является первопричиной отклонений в её развитии, часто становятся причиной противоречий экономических теорий. Стратегии «управляемого хаоса», распространяемые не только на область политического и социального, но и на экономику, демонстрирует не декларируемый пересмотр базовых принципов «рискового управления». В такой формулировке проблематика «общества рисков» приводит нас в область синергетического подхода и возможности его применения к социально-экономическим системам [581]. Если говорить о риске, как о вероятности отклонения фактического результата от ожидаемого (именно так трактуется риск в большинстве современных концепций), то такое отклонение неизбежно в гармонично развивающихся живых системах, так как периоды детерминированного развития перемежаются периодами хаоса. Более того, хаос выступает как некая «творческая сила» [202], способная

создать новый порядок и способствует самоорганизации системы на микроуровне. Став детерминированной и безрисковой, в понимании современного риск-менеджмента (то есть без отклонений от ожидаемых значений), социально-экономическая система, обнаруживает свою неустойчивость, так как детерминированная система проявляет низкую устойчивость к внешним воздействиям.

Опираясь на подобное синергетическое представление о системе хозяйствования, в экономической науке появляется шанс выбраться за пределы «одномерных» рисковых моделей, имеется возможность совершить переход от точечного, как бы «плоскостного», двухмерного наблюдения за риском к его пространственному измерению. Это, в свою очередь, переводит характеристику риска из оценочной категории в онтологическую, безусловную. В социально-экономической системе (предприятие, национальная экономика, общество, политическая система) интерес представляет не оценка последствий однократно свершившегося действия, а устойчивость системы к изменению окружающего мира, в котором случайности неизбежны, так как они являются частью неумолимого хода жизни. Подобным образом для биологических систем важна способность нормально функционировать под воздействием целого ряда частот. Сердечный тон или дыхательный ритм не сводится к точным периодичностям, которые можно описать простейшими физическими моделями. Преобладание одной частоты может воспрепятствовать адаптации системы к изменениям, так как живые организмы должны гибко реагировать на быстроменяющиеся и непредсказуемые обстоятельства. «Общественное будущее детерминировано не прошлым, а создаётся через «вдруг-события» и «со-присутствие» отдельных суверенных индивидов» [350, с.209], – отмечает эту особенность постмодернистского представления об обществе С.А. Кравченко.

Человечество как мощная геологическая сила (В.И. Вернадский) не только преобразует, но и создаёт новые риски. Любое научное открытие создаёт точки бифуркации в хозяйственной системе, и как следствие – стимулирует переход к новым состояниям: они обеспечивают непрерывный рост неопределённости[1], которая, в свою очередь, даёт толчок к новым изменениям – во всех областях жизни (среды), социальной, политической, экономической. Риск порождается «социальным фактом» (Э. Дюркгейм), в том случае, если считать природу частью социума, «внутренней природой» постиндустриального общества [13, p.27]. Так, всего через несколько лет после аварии дирижабля Цеппелина «Гидденбург» (1937 г.) произошло изменение всей парадигмы воздухоплавания (в том числе – развитие индустрии самолетостроения). Чернобыльская авария (1986 г.) затормозила распространение атомной энергетики и одновременное – стала причиной для создания альтернативных технологий выработки энергии. Наиболее крупным событием, вскрывшим кризис современной энергетической системы, называют аварию на нефтяной платформе в Мексиканском заливе (2010 г.). Таким образом, крупные экологические кризисы техногенного характера, приводят к смене технико-экономической парадигмы развития, которая, в свою очередь, порождает «новые окна уязвимости» [229, с.150].

В. Соловьёв писал: «Естественные производительные силы не безграничны, народ рано или поздно съедает землю, если не перейдет от первобытного, хищнического хозяйства к искусственному или рациональному» … Эта «уже наступившая беда не есть частное и случайное явление, а роковое следствие общего… стихийного процесса, который,

[1] Вопрос о различии риска и неопределённости получил наибольшее развитие в работах Ф. Найта. Он обратил внимание, что в отличие от рисков, воздействие которых может быть «просчитано» и «проанализировано», в том числе с использованием математического аппарата, неопределенность является феноменом, который трудно прогнозируется. Однако его действие на хозяйственную систему отрицать невозможно.

несомненно, будет ускорен беспечно-хищническим отношением населения к природе» [495, с. 433; с. 438]. Развитие атомной энергетики повысило интенсивность экономического развития, однако – оно поставило перед обществом новые вопросы о последствиях человеческой деятельности на окружающую природу. Открытие возможностей генно-модифицированной продукции для решения проблемы всемирного голода озаботило медиков, усматривающих в этом вред для здоровья. Повсеместное проникновение информационных технологий привело не только к новым возможностям в области образования (дистанционное обучение), управления, общения, но и создало агрессивную коммуникативную среду, негативное влияние которой на человека ещё только начинает изучаться. Добавим к этому следующий вердикт: «сегодня практически любое состояние человека, от физиологического до высокодуховного, сопряжено с необходимостью использования технических средств усиления воспринимающих/передающих свойств личности, то есть в конечном итоге сводится к коммуникации. Человек в этой изнурительной погоне за технологически обусловленными идеалами волей-неволей обречен на аутсайдерство, на одиночество, на проигрыш», – считает А.Н. Фортунатов [539, с.465]. Попытки экономистов создать безрисковую финансовую систему привели к формированию специфически-буферного виртуального пространства, призванного «гарантировать» спокойствие и комфорт триумфаторов риск-менеджмента. Создан рынок вторичных ценных бумаг, повсеместно внедряется практика хеджирования. Она вызывает к жизни новые виртуальные финансовые рынки. Как результат – финансовые риски не только не уменьшились, но их воздействие многократно усилилось, так как новый рынок создал условия для роста спекуляций с ценами на финансовые активы. В то время как математически было доказано, что финансовые риски управляемы, повсеместное внедрение предложенной рациональной практики управления,

вызывало неэффективное перемещение капитала. Попытки побороть финансовые риски привели к оттоку капитала из реального сектора экономики, способствовали усилению виртуализации современного экономического пространства. Согласно данным Банка международных расчётов, с 2008 по 2010 г., совокупный объем деривативных контрактов составлял $600 трлн, а в 2011 г. - почти $650 трлн. Для сравнения общая стоимость мирового ВВП составляет $70 трлн.[1]. Таким образом, производные ценные бумаги рассматриваются не как инструмент управления рисками, а как возможность для инвестиционного дохода. По оценкам отдельных специалистов формирование рынка производных ценных бумаг, не обеспеченных реальными активами, а лишь опосредующих финансовые отношения по управлению рисками, стало одной из причин мирового финансового кризиса 2008 г.

Такой «узко-точечный», рациональный подход к социальному, культурному и психологическому феномену риска не только может привести и, как закономерность, приводит к всплеску новых опасностей, он еще и не всегда выдает однозначные пути принятия экономических решений. Так, до сих пор в среде экономистов политические риски выглядят «всемогущественными» на фоне предметно изученных и даже относительно управляемых – финансовых рисков. Степень влияния политических рисков на эффективность бизнеса высока: политические риски составляют в среднем 40-50% доли от ставки дисконтирования (одно из экономических измерений риска) инвестиционных проектов, реализуемых в России [587, с.3]. При этом политические риски представляются экономистам по большей части непредсказуемыми и не управляемыми, так как они порождаются трудно

[1] Подробнее см. Сафонова, Т. Как деривативы стали финансовым оружием массового поражения. – Электронное периодическое издание «Ведомости» (Vedomosti). – 12.09.2012. – https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2012/09/12/kak_derivativy_stali_finansovym_oruzhiem_massovogo.

прогнозируемыми событиями сложной социально-коммуникационной среды. В свою очередь, их последствия не могут быть заранее нейтрализованы с помощью существующих инструментов: от политических рисков невозможно уклониться, их нельзя застраховать, и тем более – хеджировать.

Политический акт, через который проявляется наступление рискового случая, в экономическом измерении представляется неизбежным. А в таком случае является ли он риском в его экономической, или социологической, трактовке? Если изменение налоговых ставок нельзя предсказать, то можно ли считать рост налогов риском для бизнеса? С точки зрения ценностного (стоимостного) подхода повышение налоговой ставки говорит о снижении степеней свободы внутри национальной экономической системы: налоги являются инструментом перераспределения общественной стоимости. И риском следует считать не вероятность наступления такого события, а угрозу снижения устойчивости экономической системы по отношению к воздействиям внешней среды (глобальной экономики). Таким образом, для современной организации изменение налоговой ставки является не риском, а свершившимся актом изменения условий внешней среды. Степень устойчивости бизнеса к таким колебаниям во многом зависит от его собственной «микроструктуры». Последствия такого влияния не могут быть количественно измерены, и не поддаются изучению, так как зависят от неопределенно большого количества факторов. Эти факторы формируют внутреннее устройство бизнеса. Изменение налоговой ставки может вызвать цепочку реакций, в результате которых можно будет наблюдать самоорганизацию бизнеса (реорганизацию), или диверсификацию товарных рынков. Таким образом, здесь не идёт речи о «риске», а скорее, об адаптации системы к внешним изменениям.

Вот почему изучение проблемы влияния налогов на малый бизнес с помощью традиционных статистических инструментов не способно дать

ответ, какие законодательные инициативы в области налогообложения повысят эффективность бизнеса. Необходимо по-новому подойти к проблеме: вопрос не в том, как снизить налоговые риски для бизнеса, а как создать условия для появления бизнеса, который будет устойчив к внешним налоговым «рискам». Другими словами, негативная аксиология, заложенная в традиционном «риск-менеджменте», как мировоззренческом принципе, который разделяет значительная часть практиков и экономистов-теоретиков, может смениться позитивным, созидательным вектором, в котором устойчивое развитие не есть панацея или альтернатива опасностям, а наоборот, органично вбирает их в себя и успешно с ними справляется.

Представление о рисковости и турбулентности хозяйственной реальности, а также сопутствующая негативная аксиология, способствовала не только сокращению горизонта планирования, но и появлению множества проектов-симулякров, сокращению срока полезного использования производимой продукции. Отчасти – это фактор снижения качества. При сложившемся подходе к проблеме рисков, исключающих творческие возможности человека в управлении рисками, усилия общества будут уходить на «умножение голов гидры» (создание новых рисков), либо на их констатирующее-рациональное изучение. Синергетический подход к изучению рисков демонстрирует, что управление рисками требует иного понимания проблемы, что решение лежит за гранью статистических, математических и рациональных методов измерения, или расчетов. Требуется комплексный взгляд, не исчерпывающийся точками зрения экономистов, социологов или политологов. Можно предположить, что проблема управления рисками может быть разрешена путём возвращения к исконно-гуманистическому пониманию рисков. Речь идёт не о локальной борьбе с отклонением от нормы, а созданием самоорганизующейся системы. При этом новая система угроз, о которой говорилось выше – это

парадигмальный вызов привычным основам существования современного общества: неустойчивость системы может привести либо к хаосу, либо к новому порядку.

Фетишизация рисков в экономической реальности распространилась на другие сферы существования социума, и поэтому экономизация восприятия риска как онтологического феномена и есть одна из первых гносеологических проблем, требующих своего переосмысления и преодоления. Здесь наблюдается классический разрыв между фактом реальности и его субъективным освоением: риск как онтологический вызов трансформируется в экзистенциально непреодолимую проблему, будучи воспринятым в экономических категориях хеджирования, минимизации, жесткой взаимосвязи затрат и последствий.

Усилия современного общества направляются на рациональную борьбу с неизбежным и неопределенным, в то время как для их изучения имеется возможность перескочить в область гуманитарных подходов. Современное «рисковое поведение» утрачивает важную компоненту – «метафизическую интуицию» [286, с.46], позволяющую предвосхищать вероятные сценарии развития экономических событий. В результате возникает метафизический хаос, предшествующий наступлению рисковой ситуации. Гуманитарология, например, вполне безапелляционно ставит вопрос о том, что обеспеченность стабильного и «сытого» настоящего не решает духовные, глубинные проблемы человеческого бытия. Они иррациональны в технократически-линейном смысле, иногда не поддаются математическому описанию, и потому так долго не попадали в поле изучения экономиста или социолога.

«Колонизацией будущего» назвал борьбу с рисками Э. Гидденс [241, с.39]. Действительно, современное общество постоянно устремлено вперёд. Ведя борьбу с рисками, которые не дают современному человеку жить детерминированной (плановой) жизнью, он поступает так, будто сам

является бессмертным. Неизбежность смерти умалчивается, или затрагивается вскользь в постмодернистской философии. Эта мысль хорошо сформулирована Э. Золя: «Мы больше не верим в бога, но зато верим в собственное бессмертие!» [285]. Постмодернистская идея создания общества без риска перекликается с поисками утраченного рая, своеобразным «родовым признаком человека разумного» [478, с.64], или «психологическое переживание и психологическая трансформация хилиазма» [187].

«Коллективное бессознательное» первобытного общества давало возможность каждому своему члену чувствовать себя причастником вечности, за счёт неделимости от самого общества, отчасти полной потери индивидуального «я», которая, по сути, была «последней буквой социального алфавита» [169, с.175]. Действие закона рассеяния (распространения массового «общественного сознания») привело к нарастанию личностного «я» (атомизация «социального улья») заставило индивида в одиночку столкнуться с «болезнью к смерти» (С. Кьеркегор), или «бытия к смерти» (М. Хайдеггер). С этой точки зрения позитивизм стал играть ту же роль, что и миф в сознании родового общества. Сравним: мифическое мышление как постоянное и устойчивое отрицание смерти и вера в научно-технический прогресс, который когда-нибудь обеспечит людей «кнопкой бессмертия». При этом как в пространстве мифа, так и в пространстве современного общества – время абстрактно[1], а жизнь отдельного человека есть неделимый атом единого организма рода (человечества). Умирание атома незаметно для всего организма, который продолжает существовать как целое. В

[1] «Поколения людей составляют единую и неразрывную цепь», – пишет Э. Кассирер. – «Прежние поколения жизни сохранены в перевоплощениях, душа предка в омоложенном виде переходит в новорожденного. Настоящее, прошедшее и будущее свободно и беспредельно переливаются друг в друга». См. Кассирер, Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры // Философские науки, 1991.– № 7.– С. 109. Об этой же способности мифического сознания трансформировать время пишет Ф.Т. Михайлов, О.М. Фрейденберг.

мифическом мире существует множество возможностей воскреснуть, как правило, в иной ипостаси – духа, предка, потомка, тотема, тем самым продолжая участвовать в земной жизни (Э. Кассирер, Л. Брюль). Современная наука генерирует не меньшее количество вариантов – криогенный сон[1], перемещение сознания в виртуальное пространство (нейрокомпьютерные интерфейсы), перерождение в теле киборга, или собственного тела-клона, и многие другие технологии реализации идей трансгуманизма.

В отличие от члена родового общества, который обретал бессмертие за счёт осознания себя частью единого бессознательного, современный человек отчасти осознан в собственной личности, оно уже эволюционировало от «cogito ergo sum» (Р. Декарт) до «эго» (Э. Гуссерль), и нуждается в ответах на множество вопросов, в том числе на вопрос о смерти и самой её возможности. Можно сказать, что современный человек, подобно своему предку – члену родовой общины, также начинает искать защиты в соединении с «коллективным бессознательным». Однако после тысячелетий действия закона рассеяния оно преобразилось, стало пространством «бессубъектности», сознанием «толпы». «От доиндустриальных природных бедствий риск отличается тем, что его истоки надо искать в решениях, которые принимаются не индивидами, но целыми организациями и политическим группами, – пишет У. Бек. – «В «Обществе риска» за риски ответственны люди, фирмы, государственные учреждения и политики» [350, с.305]. В активном словарном запасе современного человека нередко употребление местоимения «они», которое обозначает некое сообщество людей, облечённых властью и грузом ответственности за хозяйственные

[1] Начало современного этапа развития крионических обществ датируется независимым выходом из печати в США в 1962 году книг Роберта Эттингера «Перспективы бессмертия», впоследствии получившей большую известность и переведенную на многие языки мира. См. Эттингер, Р. Перспективы бессмертия, М.: «Научный мир», 2002.

решения. В такой ситуации индивид может оставаться спокойным (безразличным) за своё будущее, так как будучи частью бессубъектного пространства, он не несёт персональной ответственности за происходящее. Специалисты по психологии риска указывают, что число руководителей, способных адекватно действовать в условиях чрезвычайных ситуаций, не превышает 0,5% от их общего числа [229, с.159]. Любые риски в этом случае становятся раздражающим фактором, напоминающем человеку о собственной смерти, перед которой современная наука, при всех её достижениях, остаётся бессильной. А пока – высшим приоритетом «безрисковости» является стабильное потребление и удовлетворение «нарастающих потребностей».

Сам факт «нарастания» потребностей говорит о насущной потребности в риске. Таким образом, еще один риск, не учитываемый в современных экономических и социальных теориях, состоит в том, что современное общество материального и интеллектуального потребления детерминировано в своем развитии разветвленной системой социокультурных и социально-экономических стереотипов, выросших и «окостеневших» на априорном страхе человека перед будущими рисками. Например, высшим приоритетом экономической науки является обеспечение сохранности псевдоценностей или даже антиценностей, взятых в их социокультурной трактовке, – стабильного потребления и всеобщего удовлетворения. Однако синергетический подход подсказывает, что нужно не обеспечивать определенность, а выращивать «умные» и устойчивые хозяйственные системы.

«Для человечества катастрофы имеют великое обучающее значение» [499, с.53], – писал П.А. Сорокин. Негативная аксиология рисков и неопределённости, которые изначально сопровождали предпринимателей и активных преобразователей хозяйственного мира, а также попытки

рационально калькулировать и «перекладывать» антирисковые управленческие решения на вычислительные системы, отражает процессы нарастания бессубъектности в хозяйственной практике управления. Однако неопределённость – качественное состояние такой организации жизни, в которой присутствует плюрализм возможностей, для «воображения, созидания, поиска» (И. Валлерстайн). К тому же динамика развития современного информационного общества риска говорит о нарастании угроз и вызовов, а также появлении «множества новых возможностей в форме бифуркаций» (И. Пригожин). Речь, стало быть, идёт не о том, чтобы во внешнем мире не было рисков и случайностей, а в том, чтобы человек (общество, хозяйство) были готовы к этим вызовам. Духовный рост, самосовершенствование становятся общечеловеческой потребностью на фоне миража коллективного (бессубъектного) управления растущими рисками. Риск или случай, в соответствии с традициями русской философской мысли, является для человека благом: благодаря нему человек имеет возможность духовно расти. Таким образом, повышается внутренняя самоорганизация человека (хозяйства), которая позволяет ему бороться с ежедневными вызовами внешней среды и пользоваться новыми открывающимися возможностями для деятельного преобразования мира.

3.3. Концепции экономического роста и кризиса в символическом измерении бессубъектности

Проблема экономического роста является краеугольным камнем современной капиталистической системы. Базовый постулат современной экономики гласит, что её основной задачей является обеспечение бесконечно растущих потребностей на фоне ограниченных ресурсов. Английский экономист, Р. Харрод, охарактеризовал его значимость следующим образом: «Экономический рост является основной целью. Он определяет

экономическую политику в целом» [62, p.77]. Измеряемый в численном выражении, экономический рост является неустойчивым: периоды стремительного бума сменяются экономическими и финансовыми кризисами, или застойными явлениями, как регионального, так и глобального масштаба. Аксиома экономического роста, с одной стороны, зиждется на формуле непрерывного прогресса, который должен способствовать росту всеобщего (мирового) благосостояния. С другой стороны – требование непрерывного роста есть отчасти результат кейнсианской революции, которая превратила потребление в способ поддержания производства, в сферу, равную ему по значимости. Необходимость роста можно обосновать, например, неограниченной алчностью владельцев капитала, теорией прогресса, или растущей численностью населения (вариации на тему мальтузианства). Однако экономическое бытие структурно более разнообразно, оно, скорее, исторично, в нём «царит направленность становлений, а не протяжённость ставшего» [634, с.52]. В этой связи экономический рост в свете постнеклассической рациональности имеет характерные особенности, затрудняющие его классическое идеальное восприятие как линейной абстрактной модели непрерывного роста (по аналогии с моделью «рационального человека»).

Во-первых, экономический рост, как правило, подлежит измерению в стоимостных (количественных) единицах[1]. А стоимость, сама по себе, выражает сложный экономический процесс, то есть она обнаруживает себя в протяжении (становлении), а не как абстрактная, квазифизическая единица.

[1] В настоящее время для измерения экономического роста применяется так называемая система национальных счетов, набор показателей экономической деятельности. Согласно официальному документу, регламентирующему применение системы, она представляет собой «статистическую базу, включающую в себя всеобъемлющий, систематизированный и гибкий комплекс макроэкономических счетов, используемый для разработки политики, анализа и научных исследований». Подробнее см. Система национальных счетов, 2008 [Текст] / Европейская комис. [и др.]. – Нью Йорк: ООН, 2012. – с.2.

Рост характеризуется через систему установленных экономических показателей, которые в символическом мире стоимости становятся объектом манипуляций и злоупотреблений, в том числе в контексте пропаганды (критики) социально-политических программ. В этой связи можно согласиться с отдельными экономистами, что исследование динамики натуральных показателей (например, роста энергопотребления, или добычи сырья) в большей степени характеризует изменения в процессах производства и потребления[1]. Выбранная единица измерения должна характеризовать (отражать) развитие общественных процессов на конкретном этапе технологического развития.

Во-вторых, экономический рост характеризуется прерывистыми (дискретными) скачкообразными переходами экономики от одного технологического уклада к другому, сопровождающийся кризисами и циклами (Й. Шумпетер, Н. Кондратьев, Г. Менш). Этот рост, скорее, выражается аттрактором, чем линейной функцией. Попытки временного стимулирования экономического роста за счёт монетарной политики воспроизводят символический экономический процесс, который заканчивается перераспределением прав собственности на капитальные активы. Возможна ситуация, когда реальное производство деградирует, в то время как финансовый сектор демонстрирует виртуальный экономический рост. Иначе обстоит дело в результате технологического (инновационного) развития, когда материальное воплощение получает сила творческой мысли (Й. Шумпетер).

---

[1] Подробнее см., например, исследования Л. Ларуша, который на большом количестве примеров демонстрирует несовпадение тенденций роста западной экономики в стоимостном и натуральном выражении. См. Ларуш, Л. Физическая экономика как платоновская эпистемологическая основа всех отраслей человеческого знания. – М.: Научная книга. – 1997. – 125 с.

В-третьих, одновременно с развитием производственной базы материальной цивилизации, возрастает антропогенная нагрузка на природную среду. Так, в городах улучшение усреднённых бытовых условий сопровождается снижением качества питьевой воды, воздуха, обеднением жизненного пространства, сокращением парковых и природных зон. Если выразить эти потребности в стоимостном выражении, то наблюдается не рост, а регресс, не увеличение всеобщего благосостояния, а – напротив, совокупное обнищание населения. Стоимость общественных благ не просчитывается в экономических моделях, что говорит не в пользу последних. В денежно-символическом мире качество товара уступает место разнообразию его форм. В обществе происходит непрерывная сегментация (расслоение) по виду потребления, стоимости и набору потребительской корзины.

Таким образом, экономический рост, индикаторами которого являются увеличение валового внутреннего продукта, национального дохода и других макроэкономических показателей, следует коренным образом отличать от понимания развития экономики как системы. Рост масштабов производства может, напротив, говорить о кризисе, упадке: подобно составу, у которого отказали тормоза, и для которого единственный шанс на спасение – продолжать движение. Капиталистический мир устремлён к непрерывному (символическому) росту капитала, в то время как общество сталкивается с угрозой нарушения экологического баланса. Попытки «встроить» в экономическое сознание человека установки социальной ответственности (беречь не возобновляемые ресурсы, осуществлять регулярные отчисления в специализированные фонды для решения экологических проблем) не укладываются в парадигму непрерывного экономического роста. Природа до сих пор находится по ту сторону предела, она противопоставляется хозяйственной деятельности человека. Экологические программы стали

неотъемлемой частью государственных экономических программ развития, однако дилемма о распределении экологических рисков между бизнесом и государством остаётся неразрешённой.

Но экономический кризис усиливает перформативность экономики, порождая многоликие отражения «экономического человека», развивая и углубляя проблему «методологического индивидуализма». При этом, сам по себе, экономический кризис обезличен: трудно предъявить претензию всему обществу, создавшему финансовую пирамиду из ипотечных ценных бумаг в США, повлёкшей за собой ощутимые социальные последствия. При осуществлении рисковых сделок с денежными средствами, которые были доверены инвестиционным фондам и фондам страхования, рядовой специалист-аналитик вряд ли способен постоянно держать в голове тот факт, что он распоряжается будущей пенсией, или резервными накоплениями реально существующих домашних хозяйств. Сложно представить, что судьба отдельной семьи, может быть осознаваема даже самым ответственным работником финансового сектора. Другой пример – всякая успешная спекулятивная сделка для другого участника рынка может оказаться поражением. Таким образом, коммуникация означает не обмен смыслами, а технологически обеспеченную размытость ответственности, как следствие, этическую невнятность экономических субъектов, в любую секунду готовых скрыться за типовыми рекламными фразами и штампами. Очевидный фрейдистский мотив таких изменений усиливает общую направленность на безусловное господство в сознании и реальности экономических принципов существования человека. Всё это ведёт к политико-психологической подчиненности человека экономическим процессам.

Деонтологизация бытия, о которой часто упоминается в различных исследованиях по социальной философии [538], как паллиатив, обернулась новой формой искусственности – квазионтологией, которая с помощью

коммуникативных техник вовлекает в свое пространство и время человека. Так, начало кризисов (в частности, в современной России) «традиционно» знаменуется чередой драматических банкротств предпринимателей, переходя в дальнейшем в стадию «рутинного» социально-экономического процесса. Этот процесс, как правило, сопровождается привычными апокалиптическими ожиданиями, готовыми в любую минуту, при благоприятной возможности, смениться радужными надеждами и восторгами по поводу полноты жизни. В результате трагические личностные события совершаются в момент перехода от реальной жизни к виртуальной, или перетока энергии от драматизма бытия к невыносимости переживаний. Так, утрата человека в реальности переходит в символическую стадию. Примечательно, что начало эпохи постмодерна, который вытеснил на периферию человеческого бытия саму объективную реальность, стартовала вместе с экономическим кризисом 1973 года.

Мистификация и мифологизация кризисных явлений обретают очертания коммуникативных конструктов. «Великая депрессия» в США стала «исходной точкой» для современной «экономической мощи» страны. Кризис 1973 года, кроме постмодернистского импульса, дал толчок к развитию «экономики знаний». Все эти конструкты влияют не только и не столько на понимание исторических процессов, сколько формируют будущие представления о развитии экономических отношений, определяют (оправдывают) сами эти отношения. Следует констатировать императивный характер экономических состояний (моделей), формирующих ткань экономической квазионтологии. Опираясь на имена и понятия, с помощью многочисленных эвфемизмов экономическое пространство становится относительно управляемым. Например, таким устойчивым эвфемизмом для российской экономики стало понятие «переходного периода» («периода реформ»), который парадоксально затянулся на несколько десятилетий [164,

с.37-47]. В западной политической экономии – до сих пор жив призрак «мальтузианской теории»[1]. Её следствием стал распространённый миф о «золотом миллиарде», который до сих пор собирает как сторонников, так и противников[2].

Не последнюю роль в развитии кризиса сыграло становление инновационной экономики (экономики знаний). Благодаря усиленной научно-технической деятельности, информатизации, секьюритизации и глобализации, происходит «зачищение» социально-экономического пространства, устраняются любые барьеры (исторические, мировоззренческие, политические, национальные), которые препятствуют диффузии инноваций. «Экономика» и «инновации» взаимно подкрепляют, оправдывают существование друг друга. Для развития инноваций необходима ещё большая концентрация и секьюртизация капитала (венчурные фонды), устранение протекционистских барьеров на пути денежных потоков, почти оправданное создание финансовых пузырей[3]

---

[1] Т. Мальтус позже переработал свою теорию, отошёл от идеи связи между численностью населения и количеством продовольствия. В своей обновленной теории он связывал рост населения с увеличением возможностей занятости. Для нормального развития баланс между потреблением и производством должен был соблюдаться, иначе – гибель неизбежна.

[2] Подробнее см., например, Кара-Мурза, С.Г. Концепция «золотого миллиарда» и Новый мировой порядок [Электронный ресурс] // Сергей Георгиевич Кара-Мурза о культуре, истории, экономике и политике России. – 1999. – URL: http://www.kara-murza.ru/books/articles/oro1.html (дата обращения: 17.11.2016).

[3] «Согласно определению Киндлбергера (одно из первых и наиболее популярных определений) под «пузырём» на финансовом рынке обычно понимается «резкий рост цены актива или набора активов в течение продолжительного времени, когда первоначальный рост цены создает предпосылки для её последующего роста и привлекает новых инвесторов, которые заинтересованы больше в росте стоимости актива, чем в использовании потенциального дохода от инвестирования. За таким ростом цены, как правило, следуют пересмотр ожиданий и резкое падение цены, что часто является причиной возникновения финансовых кризисов». См. Дробышевский, С.М. Анализ возможности возникновения «пузыря» на российском рынке недвижимости / Дробышевский С. М. [и др.]. – М.: ИЭПП, 2009. – 136 с.: ил. – (Научные труды / Ин-т экономики переходного периода; № 128). – С.10-11.

(например, кризис «дот-комов» 2000 года [460]). Многие современные IT-компании, в большей степени созданы благодаря усилиям маркетологов и финансистов, обеспечивших выход компаний на IPO (первичное публичное предложение акций на фондовом рынке), а не прорывным технологиям. С другой стороны, благодаря инновациям, экономике якобы обеспечивается «экономический рост», что подтверждено ещё одним набором экономических моделей (Р. Соллоу, Дж. Хикс, Р. Харрод).

Пространство и время трансформируются под влиянием информационно-коммуникационных технологий и глобализации, ставя человека в зависимость от начала работ бирж в Нью-Йорке, или Сингапуре. По результатам исследования Всемирного Банка [147], возможности, предоставляемые Интернет-экономикой колоссальны, однако человечество пока не имеет возможности ими воспользоваться в полной мере. Это связано с отсутствием как материальных (необходимы капитальные вложения), так и личных усилий. Сама коммуникация превращается в виртуальное взаимодействие, где обязательные посредники – гаджеты – начинают диктовать собственную этику отношений. Окружающая человека действительность становится «умной» («умный дом», «умный бытовой прибор», зубная щётка с выходом в интернет), пряча под этим эпитетом свой целенаправленный технологизм и идеологию господства (обезличивания, оболванивания).

«Каждая культура стоит в глубоко символическом отношении к материи и пространству, в котором и при посредстве, которого она стремится к реализации», – пишет О. Шпенглер[1] [**Error! Reference source not found.**,

[1] Подобную мысль высказывает и М.Мамардашвили: он пишет, что «прежде чем в социальном пространстве что-то случится, в умах, в мыслительной области ума, должно произойти понимание процессов, причём такое понимание, что процесс получает символическое описание». См. Мамардашвили, М.К. Философские чтения / Мераб Мамардашвили.– СПб.: Азбука-классика, 2002.

с.358]. Современная экономическая мысль, рождённая в недрах европейского мироощущения, как и современная западноевропейская цивилизация, зиждется на идее времени, постоянного движения (развития, роста, прогресса). В этом смысле русская культура ещё не осознала себя полностью, поэтому западная идея непрерывного экономического роста ей, возможно, не столь органична[1]. Так, Д.И. Менделеев, определяя экономический рост как «развитие «блага народного», писал, что его мерой является «рост и общность распространения нравственных начал и внешнего благосостояния», которое «зависит очень сильно не только от прав граждан, но и от обязанностей, определяемых убеждениями, обычаями и законами» [404]. В свете этой традиции сочетается совокупный рост нравственного и внешнего (количественного) благосостояния, а экономический рост обретает не символическое (Ж. Бодрийяр), а качественно гуманистическое измерение.

Неизбежная виртуализация, оторванность человека от реального мира, наконец, различные проявления трансгуманизма, ведущие якобы к «улучшению» его природных качеств, а на деле лишающие его возможности сопротивляться императивам, в конце концов, приводят к тому, что квазибытие оказывается по-настоящему «пустым местом», отсутствующей структурой, не имеющей ни оснований, ни возможностей для своего продолжения. В таких условиях трудно ожидать, что экономика способна выйти из ловушки кризисов путём «самолечения» (самоорганизации). Скорее, современное общество, поколение за поколением, обречено на переживание одних и тех же, повторяющихся ошибок, причина которых скрывается за матрицей «виртуальной» экономической реальности. Эта реальность ежедневно воссоздаётся участниками всевозможных свободных рынков, играющих заранее расписанные роли (финансистов, инвесторов, аналитиков и т.д.). Благодаря этому человек наблюдает стремительное

[1] Это мнение высказывали, например, О. Шпенглер, Н.Я. Данилевский.

ускорение и без того быстро меняющегося вещественного мира и одновременно – «отчуждение» (отставание) тех, кто не может назвать себя «успешным», чьё временное измерение не соответствует времени экономическому. В этих условиях кризис, скорее, связан с дефицитом мысли, чем дефицитом (ограниченностью) денежных ресурсов. От развития гуманитарной мысли (мысли о человеке) в любом контексте (экономика, право, культура) будет зависеть способность человечества «прервать» затянувшийся в мировой истории период господства экономических кризисов. Сама идея «гуманитарной экономики» (Э. Шумахер) по-прежнему находится в процессе становления[1], хотя и была объявлена «революционным взглядом на экономическую структуру западного мира» [638, с.4].

Задача сбалансированного экономического роста не может быть решена за счёт действующих рыночных законов (например, конкуренции), или целиком возлагаться на государство. Теория государственного управления (как и большинство вопросов экономической науки) до настоящего времени остаётся в границах классического Ньютоновского научного подхода[2]. Он сводится к необычайной значимости акта прогнозирования для управления экономикой. Уйти от детерминизма для экономистов означает признать невозможность управлять сложной системой хозяйственных отношений. Тупик, в котором находится современная экономическая наука, хорошо выразил Д. Хаусманн: «Глядя на экономику разных стран в настоящее время можно обнаружить … широко распространённое сомнение, что кто-нибудь знает, как восстановить

[1] Появление самой идеи гуманитарной экономики связывают с именем британского экономиста Эрнста Шумахера, который с 1973 года стал публиковать серию статей цикл своих работ под общим заглавием «Малое прекрасно. Экономика, в которой люди имеют значение».

[2] Управление экономикой в настоящее время неразрывно связано со знанием основных параметров её развития, которое сравнивается с идеальной моделью. В этом смысле теория управления всё еще остаётся в рамках классической науки Ньютона, в которой «любое отклонение от идеальной модели является следствием нашего незнания о нём».

процветание без отягчающего бюджетного дефицита, как восстановить рынки в государствах с контролируемой экономикой, не вызвав при этом экономического коллапса, или облегчить продолжающееся страдание большинства так называемых развивающихся стран. Не только непрофессионалы сомневаются в экономистах, но экономисты сомневаются в самих себе» [64, p.21].

Следует отметить, что теоретические предпосылки экономического роста остаются спорными. Так, М. Кастельс пытался связать источники роста и производительности в информационной экономике с развитием технологий (знанием): для этого он прибегает к обширным статистическим данным [319, с.98-101], однако в итоге – приходит к противоречивым результатам. Он заключает, что взрывной рост производительности в экономиках отдельных стран компенсируется спадом активности традиционных фирм и стабильно низкой производительностью в сфере услуг. Ф. Фукуяма связывает рост с растущей эффективностью организации труда (рационализацией экономической жизни), которая позволяет непрерывно расширять рынки сбыта [553]. Однако расширение западных рынков возможно только путём экспансии внешних (незанятых) рынков, которое сопровождается падением замещаемого импортом национального производства. Таким образом, можно говорить лишь о временном росте капиталистического производства, вектор которого направлен вовне, на завоевание (освоение) внешнего пространства. И этот рост имеет обозримые пределы. Й. Шумпетер связывает экономический рост с активной деятельностью инноватора-предпринимателя, внося в экономическую теорию угасающий элемент субъектности. Теория инновационного развития Й. Шумпетера согласуется с идеей поступательного роста сложности И. Пригожина[1]. Так, Й. Шумпетер

[1] В.С. Стёпин определяет процесс усложнения как постоянную перестройку целостности системы. Всякий раз, при выходе на следующий уровень сложности, в системе

пишет: «экономическое развитие связано с переходом народного хозяйства от одного уровня, который считался точкой равновесия, – к другому» [638, с. 3]. Эти рассуждения коррелируют с синергетическим понятием «аттрактора». Отсюда – изменения в экономике можно разделить на те, которые вызваны адаптацией, то есть колебанием у точки равновесия, и развитием: «как бы не эволюционировала система, она непременно придёт к состоянию хаоса и симметрии» [456, С.177]. И дальше продолжит флуктуировать около аттрактора. Развитие обусловлено выведением хозяйственной системы из состояния равновесия под воздействием внешних сил. Изменение экономики имеет не плавную, даже не волнообразную динамику (Н. Кондратьев), а скачкообразный переход от одного состояния к другому, который можно сравнить с революционным изменением. В истории экономики можно выделить несколько вполне ощутимых скачков[1], каждый из которых сопровождался кризисом и как следствие – усложнением мировой экономической системы. В.С. Стёпин определяет процесс усложнения как постоянную перестройку целостности системы. Всякий раз, при выходе на следующий уровень сложности, в системе изменяются принципы взаимодействия между частями и целым, «процесс перехода од одного типа саморегуляции к другому» [486, с.12]. Флуктуации (колебания) порождают бифуркации (они же – «перерыв постепенности» [238, с.258], «скачок», «переход в новое качество»), а эволюция рассматривается как последовательность неустойчивых положений системы. Необратимость и неравновесность системы становятся причиной нового порядка, изменения

изменяются принципы взаимодействия между частями и целым, «процесс перехода од одного типа саморегуляции к другому». См. Стёпин, В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность //Вопросы философии.– 2003. – Т. 8. – С. 12.

[1] Здесь выражение «скачкообразные» означает прерывистость, схожую с тем, что Де-Фриз назвал в биологит – мутацией. В физике, по словам Э.Шрёдингера, она напоминает квантовую теорию, где аналогичным образом не наблюдается промежуточных ступеней между двумя соседними энергетическими уровнями.

(саморазвития), то есть свободного поведения системы. Н .Бердяев, предчувствуя эти законы развития общественной жизни, пишет: «Высшая точка развития не только в органических телах, но и вообще в органических явлениях, есть высшая степень сложности, объединённая неким внутренним деспотическим единством» [186]. Рассмотрение истории экономических (и финансовых) кризисов в свете постнеклассической рациональности позволяет проследить динамику развития сложности современной системы хозяйствования, в которой кризисность и бессубъектность становятся сопряжёнными явлениями.

«Мир стоимости», о котором здесь идёт речь, развивается по подобию «живой системы», для которой ведущей является – творческая роль хаоса. Лоренц показал, что хаос – это обозначение внешне трудно различимых процессов, которые, на самом деле, развиваются по некоторому правилу. Описать это правило простым математическим языком довольно сложно, как и уловить последовательное поведение системы. Открытый Лоренцем хаос при всей своей непредсказуемости являлся столь же устойчивым, как «шарик в лунке»[1]. Локально такая система – непредсказуема, глобально – она устойчива. Как пишет Д. Глейк, «хаос вызывает к жизни вопросы, которые плохо поддаются решению традиционными методами, однако позволяют сделать общие заключения о поведении сложных систем. Все первые теоретики хаоса чувствуют, что поворачивают вспять развитие науки, следовавшей по пути редукционизма – анализа систем как совокупностей составляющих их элементарных объектов… Они верят, что ищут пути к анализу систем как целого» [245, с.6]. Аналогично в экономической среде

[1] Информация, которая на самом деле случайна, остаётся произвольно «разбросанной», а хаос – детерминистский и созданный по некоему образцу – стягивает данные в видимые формы. Можно добавить шум в эту систему, покачать, хорошенько разболтать её, помешать движению внутри неё – всё равно, когда возмущение уляжется и мимолетные факторы исчезнут, система вновь вернётся к своему прежнему беспорядочному состоянию.

происходит планомерное приручение хаоса, который позволяет увидеть экономическое бытие как единую когнитивную структуру и обнаружить эту замещающую духовное, природу «стоимости». Антикризисное решение, связанное с формированием рынков «вторичного капитала» имело свои последствия, связанные с закреплением «символического» (постмодернистского) могущества капитала над реальными хозяйственными процессами («финансомики» в интерпретации Ю.М. Осипова[1]). Эта виртуальность также добавляет сложности всей системы управления экономикой и увеличивает её транзакционные издержки[2]. Они увлекают человека в управление громоздкой экономической и финансовой системой. Сама иллюзия управления происходящим в экономической среде периодически наталкивается на кризисные явления, которые порождаются стремительно растущей де-антропоморфизацией экономического пространства.

Этот тезис можно развить в контексте космического плюрализма К. Поппера. Он различает три мира – физический мир, который объективен, мир сознания, который субъективен, и различные проявления человеческого знания, создаваемого людьми. Ильенков предлагает в качестве такого третьего мира – «мир стоимости», который является идеалистическим

---

[1] Ю.М. Осипов описывает этот процесс следующим образом: «Постмодерн – наличие некоего верха экономики, её счётно-финансовой надстройки, однако способной к такому самобытию, при котором она навешивает на всё и вся свои собственные экономические, а лучше уже сказать, супер-экономические, ярлыки, которые воспринимаются этим всё и вся как если и не родные, то как бы абсолютно ему необходимые». См. Осипов, Ю.М. Эпоха Постмодерна. В трех частях. – М.: ТЕИС, 2004. – С.49.

[2] Понятие «транзакционных» («трансакционных») издержек было введено в научно-деловой оборот Р. Коузом. Под ними он понимал издержки общества, которые оно несёт при выборе организационных форм предпринимательских структур и различного типа предприятий. Подробнее см. Coase, R.H. The nature of the firm //Economica. – 1937. – Т. 4. – №16. – PP. 386-405.

отражением мира вещей[1], созданных человеком. Стоимость обладает математической размерностью, что делает её удобной единицей исследования в контексте науки о самоорганизации.

В настоящее время выделился целый пласт экономических исследований, которые проводятся в русле новой научной парадигмы. Как правило, речь идёт о тех ветках экономической науки, которые уже исчерпали традиционные инструменты для решения своих проблем. К таковым, например, относится проблема прогнозирования рынков капитала: наиболее интересным представляется здесь исследование Э. Петерса [426], в котором были предложены методы анализа фондовых рынков на основе фрактальной геометрии Мандельборта.

Для поддержания контроля и управляемости необходимо масштабное вовлечение людей. Это возможно благодаря современным средствам массового производства, тотальному проникновению в нашу жизнь средств массовой информации, а также – единым стандартам экономического образования, основанным на парадигме капиталистической экономики. И именно эта ментальная экспансия экономизма вызывает к росту «смешение», однородность, усреднённость. Обращенность сознания на экономику наталкивается на перформативный, «наращённый» слой реальности, который призван выступить «буфером» между реальными коллизиями (производство, добыча) и их искусственно созданными «знаниевыми» воплощениями» (котировки, фьючерсы, курсы валют). Перформативность, стало быть, важное качество экономического бытия – в том смысле, что этой своей стороной она обеспечивает связь этого модуса реальности с человеком, а,

[1] Ильенков, таким образом, формулирует антиплатоновскую точку зрения. Платон показал, что идеи предшествуют вещам. Ильенков утверждал, что вещи предшествуют идеям. Если Платон предполагает, что мы создаем вещи, опираясь на независимую от сознания форму, как на модель, то в трактовке Ильенкова – идеальное, напротив, абстрагируется от них.

следовательно, живёт по законам перформативности, зависит от них. Отдельные технологические достижения были продуктом ума индивидов, не вовлечённых в экономические процессы с самого начала. То есть источник экономического роста-толчка лежал далеко за пределами экономики, в области научного творчества и развивался по собственным законам. В то же время экономика как система легко воспринимала эти результаты научно-технологического прогресса, облекая его в стоимость.

Отметим, что введение социальной информации в «консервативные» экономические процессы, особенно в периоды кризисов, способствовало оживлению стагнирующих товарно-денежных процессов, во всяком случае, их переформатированию, обновлению. Классическая «маленькая победоносная война» – суть формулировка идеи создания диссипативных структур за счет «выброса» хаоса во внешнюю по отношению к экономике среду. И поскольку военные действия в данном контексте превращаются в экономический, а не политический инструмент, возникает неизбежный вопрос об онтологической прочности всего экономического каркаса реальности (раз уж он требует столь серьезных и радикальных средств для собственного упрочения). Историческое развитие любой системы – это наиболее вероятное развитие, «интеграл прошлого» [196, с.93]. Однако в любой момент возможно появление т.н. точки бифуркации, после которой система переходит в иное состояние, не выводимое из прошлого. Проблема появления этой точки – загадка, не разрешимая для математики, но понятная в контексте гуманистической традиции. Собрать всё, заново сцепить, «припомнить» способен только человек, но только если он сам сделает усилие, сам себя соберёт, станет проводником свободной причинности. И это именно то, что вызывает удивление в хаосе однородных структур – индивидуальность, вырывающаяся за рамки шаблонов, творческая деятельность отдельного человека.

Начиная с конца XX века экономика знаний стала представлять собой конвейер бесчисленных форм бытия, которые от материальных (дом, машина, одежда) трансформировались к нематериальным, шаблонам виртуального присутствия и футлярам для социальной жизни. «Эта «футлярность», или – шаблонность наблюдается повсюду. В футляры одеваются молодые люди поколения «Y» («Z»), которые «постят» в социальных сетях, скрываясь под маской придуманных образов – от визуальных (аватарка), до поведенческих (сетевой троллинг). Шаблонам подчинился и общественный институт образования: чтобы сделать образование доступным для большей части населения, оно стало рассматриваться как очередная «заготовка» по выбору шаблона для будущей социальной жизни (компетентностная модель профессий)» [591]. Э. Фромм описывает этот процесс во взаимосвязи с развитием конформизма, то есть (не)осознанного восприятия установленных стандартов жизни[1].

Такое «бегство от мышления», постоянно рассчитывающее (калькулирующее), противостоит осмысляющему [557, с.103] (М. Хайдеггер), в этом прагматизме исчезает «различие между мыслью и действием» [569, с.30] (М. Хоркхаймер). Инновационность и «шаблонирование» «бессубъектной» экономики знаний, стало быть, являются диалектически сопряженными процессами. Так, шаблон может быть применён к любому

[1] Э. Фромм описывает это следующим образом: «Человек становится, как говорят, «от девяти до пяти», частью армии рабочих или бюрократической армии клерков и управляющих. У него мало инициативы, его задачи предписаны организацией данной работы, и существует мало различия даже между теми, кто на верху лестницы, и теми, кто внизу. Все они выполняют задачи, предписанные структурой организации, с предписанной скоростью и в предписанной манере. Даже их чувства предписаны: бодрость, терпимость, надежность, чувство собственного достоинства и способность без трений вступать в контакт с другими людьми. Развлечения тоже сходным образом заданы, хотя и не так жестко. Книги выбираются книжными клубами, фильмы и зрелища — хозяевами театров и кинотеатров, которые оплачивают рекламу. Отдых тоже унифицирован: в воскресенье автомобильная прогулка, сбор у телевизора, партия в карты, дружеская вечеринка». См. Фромм, Э. Искусство любви: Исслед. природы любви / Эрих Фромм; Пер. с англ. Л. А. Чернышевой. – Минск : Творч.-произв. центр "Полифакт", 1990. – 77 с.

человеку, и это не зависит от его личных качеств (как сказал бы современный дизайнер, «натянуть шаблон»). Другое дело – идеал, до которого придётся дорасти (или – «дотянуться»). Иллюстрацией этому тезису служит пример с игрой слов, где одна приставка меняет содержание: «герой» и «супергерой». «Герой» – это не шаблон, который применим к любому из нас, герой – это образ человека, к которому нужно стремиться. Другое дело – шаблон супергероя, щедро распространяемый «фабрикой грез». Шаблоны, становясь популярными (тиражируемыми) символами становятся точкой притяжения массового спроса. Материалистический образ мышления постиндустриальной эпохи штампует супергероев различной формации. Быть похожим на супергероя – не так сложно, так как большинство супергероев становятся таковыми случайно, они только приобретают новую внешнюю форму (суперсилу), оставаясь внутренне с теми же человеческими проблемами, которые их мучили в период бытийности обыкновенными гражданами общества. Парадоксально, но супергерой облачён в стандартные одежды, сотканные в виртуальном пространстве. Это активно демонстрирует молодежь: делиться в публичных дневниках (блогах) и в пространстве социальных сетей о любых достижениях, стало не только привычкой, но и популярным трендом.

Примером молодёжной культуры, которая опирается на рынок форм (мода, дизайн виртуальных образов), является культура хипстеров. Девиз этой субкультуры, «нам на всё наплевать», эхом отражает пустоту форм, которые она порождает. Как отмечают исследователи-культурологи [92], в стиле этой контркультуры преобладает эклектика, ориентация на модные сетевые и технические тренды и новинки-гаджеты. При этом обозримые в социальном пространстве осколки молодежных культур, по нашему мнению, нельзя отнести к контркультуре, которая, по словам П.С. Гуревича, способна стать «ядром возможной будущей культуры» или «механизмом культурных

новаций» [252, с. 119–122]. Для этого у молодёжных субкультур отсутствует содержание. Субкультура хипстеров «не оставляет молодому поколению ничего, кроме одержимости модой, фальшивой индивидуальности и потребительства» [59], которые подаются и покупаются в соответствующих сегментах.

Для более возрастных сегментов, образ супергероя соотносится с идеалом жизни «успешного человека». Обратим внимание на завершённость понятия «успешный». Этимологический анализ слова «успеха» связывает его со словом «спелый» [526], то есть созревший, зрелый, завершённый. И если философия есть наука, которая находится в непрерывном поиске путей спасения, путей преодоления себя как человека в поисках «полноты бытия» [391], то экономика предлагает простой и универсальный рецепт достижения «полноты» (завершённости, зрелости). Он сводится к выбору и применению к самому себе шаблона успешного человека, путем покупки-продажи необходимых атрибутов. К таковым можно отнести образование, карьеру, web-представительство, продукты культуры. Общественные институты выстраиваются таким образом, чтобы поддерживать и обеспечивать человека на его пути к модели «успешного». Этот путь, который не легче, или проще, а который доступнее, обеспечивает современная экономика. Сама экономика, таким образом, покидает сегмент материальной жизни социума (снижение материального качества), переходя в сферу производства суррогатов духовности. Для удовлетворения потребности «сложиться как человек» ресурсы черпаются (перемалываются) из культурного и исторического наследия, богатство которого обеспечивает конвейерное воспроизводство серии шаблонов (профессия, статусы, потребительские ценности).

По-новому звучит вопрос о том, что такое человеческая память и можно ли её сравнить с компьютерной памятью. Человеческая память избирательна. А искусство, к которому еще недавно принадлежали такие

занятия, как писательский труд, публицистика, или поэзия, являлась той вневременной тканью всечеловеческой памяти, в которой сохраняли в веках лучшие произведения. Можно сказать, что искусство служило материей для сохранения лучших событийных воспоминаний для того, чтобы можно было воспроизводить нашу жизнь в той мере, какой она стоит того, чтобы она «жилась»[1]. Если ещё полвека назад социальная роль «журналист», или «писатель», были сравнимы с ролью «герой», для достижения которых нужен труд, то сегодня блоггерство и сетевое писательство – это шаблон, который может примерить каждый заурядный член социума, и даже учиться для этого не обязательно, достаточно иметь как можно больше сетевых подписчиков. Последнее можно обеспечить, воспользовавшись инструментами сетевой рекламы, то есть современными средствами производства.

У. Бек, характеризуя стремительные изменения, вносимые прогрессом в социальное пространство, отмечает: «Система координат, в которой протекали жизнь и мышление в эпоху индустриальной модернизации — оси пола, семьи и профессии, вера в науку и прогресс — начинает расшатываться» [1, p.15]. Здесь следует вернуться к вопросу о сущности «экономики знаний», инновационной экономики. Если присоединение эпитетов не даёт возможности найти ответ, то можно ли определить их как «культурный феномен»? Новый стиль производства обеспечивают систему потребления всемирного культурного наследия путем конвейерного производства культурных шаблонов с целью последующей их продажи и потребления. «Употребить» культурный шаблон – значит примерить его форму на себя. При этом шаблоны создаются максимально удобными для

[1] Здесь цит. по М.К. Мамардашвили: «… то, что в нашей исторической памяти сохранилось в виде экземпляров жизни и мысли или экземпляров искусства, литературы, – не предмет потребления … а органы, посредством которых и через которые только и может воспроизводиться наша жизнь в той мере, в какой она стоит того, чтобы она “жилась”». См. Мамардашвили, М.К. Философские чтения / Мераб Мамардашвили. – СПб.: Азбука-классика, 2002. – С. 109.

потенциального потребителя. Непонятные значения стираются, или искажаются, а идеал или идея (любые вечные истины), которую хранил культурный сосуд (художественное произведение), за ненадобностью (или непонятностью) удаляются. Такой подход к культуре называют ценностным. Критики этого подхода (О. Шпенглер, М. Хайдеггер) также обращают внимание, что культура – это «явление», то есть нечто, находящееся за пределами психологического отношения человека, живущее своей жизнью [535]. Человеческая психология подвержена влиянию (отсюда появление «второго человека» Соммера), а культура – должна оставаться обернутой в традиции вечности, чтобы стать «органом» для воспроизводства достойных «экземпляров жизни» [391].

То, что в XX-XXI веке, через экономику, в мир искусства ворвался коммодифицирующий фактор «стоимости», можно заметить по тем беспорядочным, хаотичным потокам различных направлений, которые создают эклектичный океан культурной продукции. Если раньше говорили о течениях, то теперь – о дизайне, который есть не что иное, как всё тот же шаблон. Дизайнерское искусство было сведено к технике копирования и применения готовых форм. Таким образом, человек всё дальше уходит (отдаляется, дистанцируется) от искусства как от смыслообразующего феномена. Глобализация, секьюритизация, коммодификация, в совокупности, обеспечили материализацию многих научных идей, которые оказывают преобразующее воздействие на социальную сферу человеческой жизни. Шаблон «успешного человека» является одним из самых популярных нематериальных товаров, который массово тиражируется в медиальной среде. Проблема коммодификации, как отмечают исследователи, «это в значительной мере проблема инверсии между субъектом и объектом… Концептуальное различие между вселенной людей и вселенной вещей становится культурной аксиомой в середине XX в., хотя обеспокоенность

товаризацией «людских атрибутов» – труда, интеллекта и т.д. – проявляется в истории западной мысли на протяжении нескольких веков [184, с.69].

Онтологически значимые события (войны, неурожаи, банкротства) стали осознаваться через призму их экономических последствий. Общество постепенно приучилось следить за падением котировок на базовые ресурсы, замечать скачкообразное изменение цен на деривативы, наблюдать за ценами на углеводородное сырьё: регулярность и подробность, с которой эти вопросы освещаются в медиапространстве, выводят их на первый план, оставляя «за кадром» события, их вызвавшие.

В рамках сугубо экономического дискурса обсуждение любого кризиса тесно переплетается с количественными данными: экономисты говорят о росте инфляции, безработицы, анализируют диспропорции в развитии мировой торговли. В лавинообразном потоке экономической (количественной и производной, аналитической) информации трудно разглядеть оборотную сторону кризиса, – общие болезненные тенденции, поразившие человечество вследствие отмены «императивного статуса общечеловеческих ценностей» [539, с.48]. По аналогии – круги на воде порождаются однажды брошенным камнем: каждый последующий кризис связан с предыдущим, нерешенные вопросы одного поколения перекладываются на плечи другого. Такова, например, проблема растущего глобального долга [215], который сначала был «скрыт» под лозунгом «рейганомики» [555, с.88], а затем – превратился в кризис, вызванный деривативами и мировой финансовый кризис 2008 года. Однако предложения препятствовать дальнейшему разрастанию виртуальной финансовой системы путём введения ограничений (например, налог Тобина) пока не находят поддержки. И этот факт, скорее, говорит не об экономическом, а идеологическом кризисе мирового сообщества, нежелании разбирать однажды возведённую «вавилонскую башню» долгов.

На примере ипотечного кризиса, можно увидеть, что роль экономических моделей в упрочнении виртуальной экономической реальности весьма высока. Феномен рационализации экономических состояний общества является актуальным коммуникативным дискурсом: «на слуху» якобы успешные модели игры на биржах, фигуры невзрачных экономистов-предсказателей, в одночасье превратившихся в провидцев и «гуру», благодаря своим эпатажным прогнозам. Не последнюю роль играет пропаганда экономического преуспевания. Существуют вполне очевидные стандарты рационализации экономических состояний. Их топос так или иначе базируется в соседстве с миром технологий, и это содружество отнюдь не случайно: в соответствии со справедливым замечанием Ю. Хабермаса, оно способствует, с одной стороны, «институализации господства», а с другой, – формированию его «непознаваемости», политической отнесенности за границы человеческого любопытства [554, с.52].

«Человек, с его микрокосмосом, пал жертвой «аппаратного наблюдения»: с помощью матрицы экономических отношений стали оценивать его социальное, культурное, политическое поведение. В таком контексте человеку приходится по-новому бороться за существование, так как в рамках рационального мира истинно только то, что может соответствовать математическому рациональному знанию. Отсюда человек либо белковое углеродное существо (химическая), либо набор психологических характеристик, либо компетенций (новая образовательная модель). В любом случае, чтобы «существовать» в контексте экономики, быть ею «воспринимаемым», индивиду требуется создавать свою виртуальную проекцию. В этом смысле преобразуется понимание человеческой свободы: человек лишается свободы быть неопознанным «цифрой», невнесённым в базы данных (базы клиентов, поставщиков, базы рекрутов для агентств по поиску персонала)».

Экономические и финансовые кризисы являются неотъемлемой частью современной хозяйственной жизни. Борьба с экономическими кризисами вошла в состав экономических программ и государственных стратегий развития, а также международных финансовых организаций. Их неизбежность, циклическая периодичность, обоснована в экономической теории, затвердев как аксиома («длинные волны» Н. Кондратьева, циклы К. Жюглара и Дж. Китчина), исходная точка отсчёта (оправдание) для каждого нового витка развития экономической системы. На протяжении периода конца XIX- начала XXI века кризисы фиксировались более двадцати раз; многие из них, – Великая депрессия (1929-1933), Азиатский кризис (1997), финансовый кризис (2008), стали частью мировой истории, так как имели глобальные социокультурные последствия. Социально-философские причины кризисов связывают с противостоянием духовного и материального мира. «Гедонистический образ жизни, насаждаемый системой» [182, с.651], несоразмерное давление современных технологий на гуманитарную сферу, болезненный переход к постиндустриальному обществу с его «деятельностным преобразовательным вектором по отношению к природному и социальному вектору» [416, с.45] создают парадоксальные условия для «всевозрастающего удовлетворения всевозрастающих потребностей» [517, с.38]. О связи финансовых кризисов и кризиса духовных ценностей предупреждают Д. Белл, Э. Тоффлер, Ж. Бодрийяр, Г. Зиммель, эти идеи также развиваются в работах российских учёных, в том числе – В.Л. Иноземцева, В.С. Стёпина, Г.Л. Тульчинского.

Несогласованность производства, ориентированного на непрерывный рост и обеспеченного массовым потоковым производством, и спроса, предъявляемого со стороны общества, на протяжении XIX-начала XX века неоднократно приводили экономику индустриальных стран к стагнации. Это базовое противоречие капитализма с позиции К. Маркса было вызвано

присвоением и прибавочной стоимости, и совокупного производимого продукта. Однако в его основании не только капиталистический способ производства, который приводит к отчуждению результатов труда, но и распространение «безразличного» (механического) участия человека в сложных производственных процессах. В период индустриализации производство всё больше замыкается не на субъекте-потребителе (на том, для кого творится продукт), или субъекте-производителе (авторе, творце продукта), а на самом процессе производства. Ведущими становятся абстрактно-количественные вопросы снижения себестоимости, технологическая оптимизация, усреднение и ускорение процессов производства, доставки, и даже – потребления.

Широкую (мировую) известность получил американский экономический кризис 30-х гг. XX века (Великая депрессия), который сопровождался не только перепроизводством, но и последовавшим за ним ростом безработицы. Выход из этого системного кризиса стал возможен благодаря вмешательству в экономику государства (Дж. Кейнс)[1]. Последовавшее за этим перераспределение доходов стимулировало платёжеспособный спрос на товары широкого потребления, массовое предложение которых было обеспечено конвейерным производством. Таким образом, экономический рост был «искусственно» обеспечен ростом спроса. С этого момента, как справедливо замечает Н.Н. Зарубина «замкнулся круг, превративший социально детерминированное хозяйство в имманентно детерминированную экономику, безразличную к социальным задачам» [280,

[1] Этот процесс сопровождался пересмотром концепции рыночной экономики А. Смита и появлением кейнсианства. Основные идеи Дж. Кейнса (активная государственная политика, контроль за ценами, размерами заработной платы, обеспечение пособий и развитие кредитования) легли в основу политической программы Ф. Рузвельта. До 70-х гг. XX века этот подход превалировал над другими программами развития и позволил обеспечивать экономический рост и социальную стабильность в странах Западной Европы.

с. 65]. Взаимозависимость производства и потребления трансформирует эти процессы изнутри: производить следует то, что можно реализовать, а потреблять (в силу развитой и растущей в сложности специализации) – приходится только то, что предлагается производителем. Ж. Бодрийяр даёт следующую оценку этому феномену, заключившему в себе формулу замкнутой бессубъектности: «Этот процесс сам по себе и сам для себя. Он не ориентируется больше ни на потребности, ни на прибыль. Он представляет собой не ускорение производительности, а структурную инфляцию знаков производства, взаимоподмену и убегание вперёд любых знаков, включая, разумеется, денежные знаки» [197, с.74].

В этот период начинается новое развитие концепции маркетинга, направленное на изучение потребительских предпочтений и обеспечившее соответствие предложения и спроса. Вслед за производством, происходит трансформация потребительской сферы в соответствии с законами постмодерна: потребность перестаёт быть вызванной одной естественной (например, биологической) нуждой, но сама становится потребностью, а также – привычкой, модой, самоцелью. Таким образом, размываются границы между нуждой, желанием человека и навязываемым стандартом жизни. Развитие социально-психологических механизмов потребительского общества (Э. Фромм), макдональдизация жизни (Дж. Ритцер), переход к потреблению символов (Дж. Бодрийяр), – все эти характеристики новой потребительской стихии современного мира хозяйствования свидетельствуют о скачке в развитии капиталистической системы. С одной стороны, благодаря нему сохранилась парадигма экономического роста, с другой стороны – сам экономический рост перестал быть связанным с реальными процессами, замкнувшись на символическом потреблении и тем самым расширив поле экономической бессубъектности.

Новое понимание денег, которые к 1971 г. окончательно перестали иметь привязку к вещественному (материальному) «золотому стандарту», привело к их универсализации, отчуждению от реальных материальных хозяйственных процессов. Развитие виртуальной финансовой системы обеспечило новые возможности накопления капитала, которые связаны не с реальными хозяйственными операциями, процессами, происходящими в социальной и культурной среде, а с постмодернистской игрой – спекуляцией, обращением знаков и символов. Так, по оценкам французского исследователя, Р. Пассе, ежедневные мировые объёмы спекулятивных сделок (1 300 млрд. долл.) в пятьдесят раз превышают суммы торговых операций и почти сравнялись с совокупными валютными резервами всех национальных банков мира (1 500 млрд. долл.) [178, с.97]. С одной стороны, благодаря такому развитию механизмов фондовых рынков у владельцев капитала появилась возможность максимально быстро осуществлять вход и выход из объектов капитальных вложений. С другой – такое хозяйствование, опосредованное финансовыми операциями, становится коммуникационно «холодным» (М. Маклюэн, Рисмен, Ж. Бодрийяр), не требующим эмоционального вовлечения и сводящим процессы владения к математическим рациональным операциям. А по сути − оно становится бессубъектным. Через развитие института фондового рынка, пенсионного страхования и страхования жизни, происходит привязка будущего благосостояния граждан западных стран к финансовым рынкам. Таким образом, замыкается цикл денежного обращения, отныне не привязанный ни к реальным производственным процессам, ни к альтернативным эквивалентам («золотой стандарт»), но ставший самодостаточным и бессубъектным. Так формируются симуляционные отношения, когда «все знаки обмениваются друг на друга, но не обмениваются больше ни на что реальное» [197, с.52].

Кредитный «маховик», запущенный в 70-е гг. XX века, обеспечил скачкообразный рост банковского и потребительского кредитования и как следствие – расширение границ сформированной финансовой системы. Она становится по-настоящему глобальной. Это обеспечило становление новой финансово-символической реальности, в которой денежно-кредитные отношения «задают» темп и направление реальной хозяйственной жизни[1]. В обществе утверждается ориентир на достижение максимума (прибыли, заработной платы, эффективности, полезности, удовлетворения), не обеспеченный реальным вкладом в экономику. Рост мирового долга, не ограниченного ничем, кроме договорённостей между странами, входящими в мировую финансовую систему, является, по мнению специалистов, основной причиной последовавших в начале XXI века мировых кризисов [215]; [262]. Падение азиатских валют, российского рубля в 1990-х гг., демонстрирует мощь глобальных спекулятивных финансовых механизмов, борьба с которыми методами денежно-кредитной политики (М. Фридмен) лишь усугубляет экономическое положение в национальных экономиках.

В конце XX-начале XXI века, когда рассеялся потенциал расширения товарных рынков, связанный с вовлечением в капиталистическое производство и потребление стран постсоветского пространства, произошли новые финансовые кризисы (например, кризис 2008 года). Они стали преддверием следующего «скачка» экономического развития – становления информационной экономики, экономики знаний, сетевой экономики.

---

[1] Теория временной стоимости денег предписывает рассчитывать выгоды от участия в предприятии (проекте) посредством прогноза (ожидаемых) будущих денежных потоков. В условиях эффективного рынка настоящая стоимость стремится к своему прогнозному (будущему) значению. Таким образом, источники роста могут быть только там, где неизвестно о возможностях оптимизации производства (расширения рынков сбыта), где происходит мыслительный выход за пределы хозяйственной системы. Отсюда – финансовая прибавочная стоимость может быть извлечена только из ситуации «незнания», неопределённости. Будущее, настоящее и прошлое стоимости в символическом пространстве постмодерна стягивается (уплотняется) в одну точку момента рыночной оценки.

Сетевые представления о хозяйственной реальности (пищевые цепочки, транспортные сети, финансовые сети) востребуют технологию как необходимого посредника в хозяйственных отношениях. Новыми факторами экономического роста на современном этапе общественного воспроизводства становится ускорение хозяйственных процессов, что приводит к искажению темпоральных характеристик потребления и производства. Быстрым (динамичным) в жизни современного человека становится всё: употребление пищи (фастфуд), обучение, изменения в профессиональной сфере, перемещение его личных сбережений, законодательство, определяющее правила и договорённости хозяйственного взаимодействия, методы хозяйствования и сама мода. Так, главный дизайнер General Motors прямо утверждает, что основная цель дизайнерского отдела заключается в «ускорении» устаревания производимой продукции: «В 1943 г. средний период владения автомобилем составлял пять лет; сегодня (1991 г. – прим. автора) – два года. Мы сможем считать, что добились цели, когда он сократится до одного года» [10, p.93]. На смену экзистенциальному переживанию момента поребления приходит дискретная «копилка» жизненных впечатлений (потребление эмоций). Эти процессы, наблюдаемые в хозяйственной сфере, обеспечены развитием информационно-коммуникационных технологий, ростом информации и информационных потоков, которые, как пишут исследователи, «обретают некую самостоятельность по отношению к реальности, её как бы замещают, становятся параллельной реальностью (ирреальной реальностью), и, что самое важное, будучи «невесомыми», доминируют над «весомой» реальностью, её определяют…» [436, с.234]. Таким образом, информация становится не просто ресурсом, в его экономическом понимании, но – новым кодом технологически обеспеченной экономики, определяющим все остальные, в том числе главенствующие в XX веке денежно-финансовые

процессы. Этому в немалой степени способствует наступление технологий «block-chain». Это информационное общество есть «информатизированное промышленное общество, детерминированное рыночной экономикой» [190, стр. 29]. М. Кастельс прямо утверждает, что «без новой информационной технологии глобальный капитализм был бы сильно ограниченной реальностью», а сам «информационализм связан с экспансией и обновлением капитализма» [319, с.41].

Технологии как специфическая подсистема информации влияет на качественные характеристики мира хозяйствования, прежде всего – темпорологические и пространственные. Мир экономики – нелинейный, со множеством ответвлений, онтологизирующий экономическую информацию, превращает её в социальные механизмы. Современная технологически обеспеченная хозяйственная среда оборачивается комплексом технологических фильтров, интерпретирующих экономические решения и поведение человека. Возможности для самореализации и самопознания индивида становятся в зависимость от этих фильтров. При этом сама информация, не имея чёткой социальной референции, превращается в некую «субстанцию», подменяющую собой бытие. Человек не «вопрошает» (Ю. Хабермас) о мире, а сам становится элементом коммуникативных технологий. Современная экономика, определяемая логикой такого информационного и технологического взаимодействия, становится в хозяйственном отношении не просто быстрой, а – моментальной, что для человека, живущего в определённом биологическом ритме, является неестественным. «Соответствие динамики внутренней реальности индивида скоростям информационных потоков становится важнейшим фактором включённости сознания субъектов коммуникации в эти процессы», – такую характеристику даёт современной коммуникации А.Н. Фортунатов [538, с.60]. Управлять такой экономикой, с помощью исключительно человеческих

усилий становится не только сложно, но и невозможно, вследствие чего постоянно взывает к жизни новые технологические и программные методы обработки и анализа данных. Отсутствие пространственных границ виртуального пространства востребует новые стандарты экономической и финансовой безопасности, а также – образования (грамотности) населения. Парадоксальным образом роль знаний в этих условиях снижается, что даёт основание исследователям говорить о зарождении пост-информационного общества, общества «*не*-знания», которое погружено в «самую разнообразную, как истинную, так и ложную или частично достоверную информацию, гуляющую сегодня в средствах массовой информации и в сети Интернет» [248, с.66].

На протяжении XX-XXI века капиталистическая система хозяйствования развивалась в согласии с императивом непрерывного экономического роста, расширяя не только материальные (индустриализация, углубление специализации, глобализация товарных рынков), но и нематериальные сферы обращения (виртуализация финансовой сферы), в итоге проделав путь – до технологически обеспеченной реальности, технологического «нечто», «техномики» (Ю.М. Осипов), техносферы. Каждый скачок развития сопровождался не только ростом сложности экономики, что свойственно для самоорганизующихся систем, но и – её отрывом от «реальных», бытийных процессов, утверждением пространства бессубъектных отношений, всё меньше требующих личного человеческого участия (вовлечения). Эта деонтологизация хозяйствования проявляется в развитии феномена «отчуждения» (К. Маркс, Э. Фромм, Т. Адорно) – от отчуждения результатов труда в силу развития углублённой специализации, менеджеризации (Ю.М. Осипов), механизации производства, превратившего человека в безразличного участника (наблюдателя) процесса хозяйственного творчества, до отчуждения в потребительской сфере – в

которой размываются границы между личным и навязанным желанием потребления. Становление спекулятивно-финансовой экономики привело к отчуждению человека от процесса инвестирования (эффективного собственничества), а технологической экономики – от самого процесса хозяйствования, в результате чего экономическая активность стала сначала неудобной (в силу изменения темпоральных и пространственных характеристик), а затем – неестественной для человека.

Социально-экономические процессы, которые длительное время программировались на принципах упрощённого, плоскостного «методологического индивидуализма», воспроизводят хозяйственную систему, которая зависима от множества экзогенных факторов, и не является в полной мере целостной, законченной. Экономика – это лишь одна из областей человеческой жизни, где происходят подобные необратимые изменения. Однако только в экономической сфере кризис парадоксальным образом создал предпосылки для утверждения квазионтологии, безусловного господства экономической реальности. Финансовые и экономические кризисы стали неотъемлемой частью экономической жизни, утверждаясь как необходимый этап поступательного развития хозяйственной системы. В то время как развитие и рост самоорганизующейся системы является производным от творческого потенциала формирующих её элементов (индивидов), глобальная экономика, вследствие неосознанного вхождения в экономическую коммуникацию миллиардов людей, ставится в зависимость от императива непрерывного экономического роста. При этом с позиции когнитивной лингвистики экономический кризис трактуется в экономическом общении как болезненное состояние хозяйства, которому требуется постоянное лечение [339]. Ответственность человека за его собственное и общественное развитие переносится на глобальную (без)ответственность («общество риска», мифическое «они»), где риск

деперсонифицирован, а значит, деонтологизирован, лишён своей человеческой сущности.

Таким образом, технологизация экономического пространства идёт параллельно с его дегуманизацией, формированием постчеловеческих условий хозяйствования, в которых возможности для продолжения экономической жизни человека имеются лишь в информационной оболочке его «цифровых двойников». Эта среда по-новому инициирует вопрос о самопроявлении человека в социальном мире, о том, достаточны ли традиционные ориентиры (героизм, служение обществу, социальная ответственность и т.д.) для его «второго рождения». Стремление человека к благу, к материальному благополучию внутри экономической системы, развивающейся на принципах бесконечного роста и растущей неопределённости, оборачивается наращиванием всё большего количества условий, которые постепенно выталкивают человека на периферию экономических процессов. Индивид становится автором и одновременно жертвой экономического детерминизма, главная черта которого состоит в том, что он провозглашает античеловечность как фундаментальную ценность. Последствие происходящего в качестве антропологического фактора развития современного общества имеют значительный потенциал для дальнейших исследований постклассической философии хозяйства.

ГЛАВА 4. ФЕНОМЕН ЛИДЕРСТВА И БЕССУБЪЕКТНАЯ ЭКОНОМИКА: ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ ГРАНИЦЫ ПРОТИВОРЕЧИЙ

В социально-философских исследованиях роль личности в преодолении общественных проблем, поиске путей выхода из кризисов, имела первостепенное значение. Вслед за Б. Спинозой, который определяет свободу как познание и освобождение от собственных аффектов, Н.Г. Чернышевским, И.А. Ильиным, К. Марксом, определившими историю как пространство для (само)реализации человечества, можно говорить о возрождении вопросов свободы и этики, гуманитарных аспектов лидерства в пространстве хозяйства. В свете постклассической рациональности она сводится к исследованию вероятности влияния человека на вектор развития системы общественного воспроизводства. Преодоление бессубъектного лежит в области личного, индивидуального познания и осознания происходящих процессов, которое затем реализуется в поступках (свободно-причинной деятельности). Учитывая выявленные особенности сложившейся системы хозяйствования (виртуальность, коммуникативный характер, ведущая роль информации и ценностно-ориентированный вектор измерений), лидерство не ограничено пониманием его активно-деятельностной природы (западно-американская трактовка), его психологическими аспектами, или исключительной значимостью в решении политических проблем. Социально-философская трактовка лидерства, таким образом, выходит за пределы устоявшихся стереотипов: лидерство представляется как один из путей возвращения субъекта производства и потребления в поле зрения экономических и общественных наук, но субъекта не рационального, а свободного от влияния установок безрискового поведения, технологических фильтров и различных коммуникативных конструктов.

4.1. Лидерство как акселератор экономической самоорганизации

Кризис, порождённый утратой субъектности и сопутствующие процессы «отчуждения», прокладывающие временную пропасть между человеком и хозяйствующей системой, имеет онтологические истоки. Их причиной является не столько «атака» современных технологий, сколько искажение первообраза Хозяйства как области ответственного творческого преобразования природы. Цели этого преобразования выходят за границы материального: природа преобразуется для того, чтобы человек освободился от её многовекового владычества, для личной самореализации (природа как отражение человека) и самопознания. Посредством хозяйствования человек способен не только перерабатывать ресурсы и потреблять их в новой, удобной для себя форме, но и «творить культуру» [196, с.173], то есть создавать новое, отнюдь не стихийно природное, но своё, человеческое. Осмысление экономики, как среды для созидания, а не потребления, позволяет иначе сформулировать популярные экономические вопросы, в том числе проблему выбора хозяйственного строя. В этом контексте он становится лишь инструментом для построения устойчивой системы экономических отношений. В современных условиях наблюдается «искажение» хозяйства, его превращение в пространство бесконечной коммуникации. Эту коммуникацию можно выразить следующим образом: «Экономическое, по самому своему существу, восходит к обмену, однако не просто к обмену, а к обмену-оценке – обмену всем и вся, к оценке всего и вся» [432, с.90]. Здесь взаимодействия людей осуществляется не столько для целей созидания законченного продукта (процесса), сколько для самого участия в нескончаемых актах обмена (принадлежность к экономической коммуникации). Отметим несколько специфичных особенностей этого процесса.

Во-первых, человек создаёт любой актив (в том числе нематериальный) с перспективой в дальнейшем обменять его на другой актив. Так, например, недвижимость более не является центром притяжения семьи (символом семейных ценностей), это один из консервативных способов сохранения накоплений, финансово-инвестиционный актив [266; 387], в том числе – альтернатива пенсионных накоплений.

Во-вторых, в своей хозяйственной деятельности человек ориентирован исключительно на внешние (по отношению к нему самому) ценностные качества. Товар как предмет общественного обмена обращён в ценности, предъявляемые другими (клиентоориентированность). Не случайно в индустрии кинобизнеса, которая стала одной из самых рентабельных, художественное кино, как форма искусства, уступает место массовому кино-аттракциону, кинокомиксу [135; 477]. Планируется не только сценарий, но эмоции будущего зрителя, отбираются те из них, которые являются наиболее востребованными на медиарынке.

В-третьих, становление человека определяется его возможностями приобретения (обладания). Экономика продуцирует многочисленные возможности (формы) для современного человека обрести уверенность в собственном существовании, подобрать гносеологические основания для своего «Я». И. Фихте пишет: «Кто сознаёт свою самостоятельность и независимость от всего, что вне его, – а чтобы прийти к такому сознанию, надо действительно сделать себя независимым ни от чего через самого себя, – тот не нуждается уже в вещах как в опоре для своего «я» [534, с.33-34]. В потребительском обществе «овеществление», объективация внешнего в хозяйственном поведении человека, вступает в противоречие с его собственной интенциональностью, желанием «выразить» себя.

Таким образом, экономика и коммуникация обоюдно составляют две границы смыслообразующего пространства, в котором имеет шанс родиться

человек, потенциально преодолевающий эти границы. И каков этот человек, представляется очень важным в дискурсе гуманитарных наук. Если раньше фрактальность могла подразумевать подобие Богу, то теперь – человек есть отражение множества других людей, составляющих «интерсубъективный мир» (Э. Гуссерль). Божественное начало, как первооснова для формирования пассионарной личности (Н. Гумилёв), которая способна «выйти» на трансцендентные рубежи экономического пространства, фигурировала в работах большинства русских философов конца XIX-начала XX века (Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, С.Л. Франк, А.С. Хомяков и другие). Надежда на то, что божественное духовное начало будет компенсировать стремление человека к богатству и тем самым сформировать образ полезной для общества личности, нашла отражение в работах А. Смита. Он неоднократно заключает, что богатство – это не самоцель»: «Природа устроена таким образом, что то, что осуждается совестью и нравственными чувствами, то вредно и для общества» [483, С. 72]. Эта позиция была подкреплена его последователями. Например, Ф. Бастиа писал: «…Я верю, что тот, кто устроил материальный универсум, не устранился от организации социального мира. Я верю, что ОН соединил и заставил действовать в гармонии свободных людей так же, как и молекулы… Я верю в то, что непобедимая социальная тенденция состоит в постоянном приближении людей к общему моральному, интеллектуальному и физическому уровню, причем этот уровень постоянно и безгранично повышается. Я полагаю: все, что необходимо для непрерывного и мирного развития человечества, – это чтобы данная тенденция не нарушалась, чтобы не нарушалась свобода этого движения» [1]. Критик позитивной экономической науки Дж. Кейнс, напротив, высказывался о сдерживающем факторе традиционной морали. Однако при

[1] См. Бастия Ф. Цит. по Keynes G.M. The end of laiser-faire // collektiv writings of D. M. / Keynes. – 1926.– Vol. 9.– P. 28.

более глубоком анализе работ западных мыслителей оказывается, что в их основании заложена одна и та же идея о важной роли творческого духа как двигателя общественных процессов. Освобождение творческой энергии (от греха и пороков, или от идеологических призм), которая обеспечивает воспроизводство хозяйственной и культурной общественной жизни зависят от внутренней работы самого человека, его волевых качеств. Для отдельных учёных отбор норм хозяйственной жизни подчинён закону социальной эволюции (Ф. Хайек[1]), для кого-то – они результат программного, осознанного общественного воспитания. Спор о роли государства, о пользе его целевого вмешательства (или невмешательства) в хозяйственные процессы, таким образом, выходит на новые рубежи, возобновляя его на новом, постгуманистическом уровне.

Исследование этической стороны лидерства в западной философской мысли разбилось на два течения: личная нравственная ответственность предпринимателя разрабатывалась П. Козловски, Р. Лей, институциональная этика[2] исследовалась Х. Штайнман, А. Лер, П. Ульрих. Лидерство может принимать различные формы в зависимости от особенностей исторического и культурного развития страны: предпринимательство[3], купечество, хозяйственность, фермерство, изобретательство. В экономическом и бытовом

---

[1] Традиции и система нравственных принципов Ф. Хайека выполняют схожую роль, что «невидимая рука» А. Смита. В этом смысле можно сказать, что концепция Ф. Хайека есть неклассическая интерпретация идей А. Смита в свете теории эволюции.

[2] Институциональная этика, не отрицая роли личных усилий, определяющую роль связывает с институтами, соответствующими структурами и процедурами. Обе альтернативы различаются тем, следует ли ожидать этического поведения от отдельных индивидуумов (предприятий) или следует контролировать эти процессы посредством соответствующего оформления институциональных рамок. Подробнее см. Хоман, Карл. Экономическая и предпринимательская этика / Карл Хоман, Франц Бломе-Дрез // Политическая и экономическая этика: [пер. с нём. С. Курбатовой, К. Костюка]. – М.: Фаир-Пресс, 2001. – С. 177-348.

[3] Изучение феномена предпринимательства в США началось в 60-х гг. XX века: впервые на него обращают внимание Мильтон и Фридман.

дискурсе эти понятия части подменяются менее привлекательными дефинициями: «капиталист», «фабрикант», «коммерсант», «менеджер». Тем самым нивелируется принципиальное гуманитарное отличие самой «предпринимательской функции» (личной инициативы и воли в её реализации), которая остаётся ощущаемой в жизни, но трудно облекаемой в традиционные научные понятия. Однако в свете постклассической рациональности предпринимательство представляется тем самым «потоком энтропии» (И. Пригожин), который компенсирует рассеяние (усреднение) хозяйственных процессов, способствующих развитию кризисных явлений. Массовое предпринимательство (и другие формы лидерства) способствуют поддержанию разнообразия внутри хозяйственной культуры, что, как было показано ранее, способствует повышению устойчивости самой системы общественного воспроизводства.

Пространство коммуникации, которое образуется вокруг личности лидера, чей высший нравственный идеал заключён в божественной идее, не ограничивается его личной (внутренней) духовной организацией. Лидер обладает таким набором психических свойств (волевые качества, дисциплина), которые позволяют ему не просто «овеществлять» свои идеи, но продуцировать в общество новые хозяйственные процессы. Примером может служить феномен социального предпринимательства [90; 532], влияние которого на общественное воспроизводство (в особенности, концепцию устойчивого развития) сейчас активно изучается[1]. В теории встречается множество определений феномена: социальный предприниматель представляется как агент изменений в социальном секторе (Дж. Диз), как руководитель, создавший баланс между моральными

[1] Общепринято определять социальное предпринимательство как такую форму деятельности, которая направлена на решение социальных и экологических проблем путём обеспечения товарами (услугами), которые прямо, или косвенно, могут стать причинами изменений в обществе.

императивами и жаждой прибыли (Дж. Боши), как менеджер процесса достижения результата с тройным эффектом – экономическим, социальным и экологическим (Дж. Робинсон). Социокультурной особенностью социального предпринимательства является высокая степень осознанности поступков самих социальных предпринимателей, создающих организации на принципах финансовой устойчивости, с целью решения сложных социальных проблем на своих территориях проживания. Особенностью предпринимательства в целом, и социального предпринимательства в частности, является создание новых возможностей и ситуаций (новых хозяйственных связей и нередко – процессов), которые находятся за рамками существующих возможностей. Выходя из роли субъекта арбитражных сделок[1], предприниматель становится наиболее близок к определению новатора, и даже – художника.

Напротив, люди, не обладающие дисциплиной, не способные на преодоление, или жертвы, в хозяйственной жизни предпочитают выполнять заранее определённую роль. М. Кастельс связывает это с потерей идентичности, которая становится главным «источником смыслов». По этому поводу М. Кастельс пишет: «Люди всё чаще организуют свои смыслы не вокруг того, что они делают, но на основе того, кем они являются, или своих представлений о том, кем они являются» [319, с.27]. Духовное начало является исходной точкой любой деятельности человека, в том числе материальной. Следствием разрыва духа и материи является творческий кризис, обеднение, выхолащивание действительности, быта и всей социальной реальности, создаваемой человеком посредством хозяйственной деятельности. Этот тот момент, когда свободный и полезный для развития человека труд превращается в его *работу*. Время, затрачиваемое человеком на работу, становится для него как бы «потерянным», что порождает теории

[1] В экономике арбитраж представляет собой несколько логически связанных сделок, направленных на извлечение прибыли из разницы в ценах на одинаковые или связанные активы в одно и то же время на разных рынках.

о необходимости сокращения рабочего времени ради гипотетической свободы времяпрепровождения. Радость мастера от творческого труда уходит в прошлое: на смену приходит радость пленника, получившего свободу от нелюбимой работы (и автоматически попадающего в плен потребления). Такое отношение к труду вытекает из классической интерпретации экономического поведения. Наиболее ясно её выразил Дж. Бентам: «стремление к труду не может существовать само по себе, это псевдоним стремления к богатству, сам же труд может вызвать лишь отвращение» [15, p.435].

Преобразующее влияние личности проявляется в форме её участия в хозяйственных процессах – как хозяина, лидера, дизайнера, автора (философа, писателя). Ю.М. Осипов, развивая идеи С.Н. Булгакова, отмечает, что хозяйство неотделимо от *хозяина* – его субъекта: «в философии хозяйства всё восходит к человеку как хозяйствующему субъекту, который не просто участвует в экономических отношениях, но метафизически стоит за (над) ними своими духовными потребностями личностного саморазвития» [434, с.127]. Именно такие люди, «герои» [542, с.248], с высокой степенью пассионарности (Н. Гумилёв), становятся причиной различных преобразований, альтернатив изменения процессов воспроизводства общества и хозяйственной культуры, при сохранении их внутреннего содержания. В рамках экономического процесса, как живой системы, если система не усложняется, то она подвергается рассеянию. Это наблюдается в отсутствии личностей, способных видоизменять хозяйственную действительность, предлагающих множественные альтернативы. Лидерство в хозяйственной деятельности, которое приобрело, например, форму предпринимательства, является не просто компиляцией процессов организации бизнеса, это обоюдный процесс познания личности самой себя, через живую деятельность, лучшее понимание окружающего мира и своего

места в нём. Отсюда следует согласиться, что предпринимательство одновременно является ценностью жизни, воплощая, «кроме деловой жизни, вопросы личного бытия» [273, с.66]. Каждая личность самостоятельно выбирает формы самовыражения, проявления своей лидерской позиции, а иногда – совмещая несколько. В русской истории лидерство в хозяйственной практике тесно связаны с политической, общественной жизнью, активной гражданской позицией: это феномены старообрядцев-купцов, основателей работных домов и приютов (купцы Бугровы) [607], жизненный путь писателя-гуманиста В.Г. Короленко.

Исследование жизненного пути пассионарных личностей, внёсших заметный вклад в преобразование хозяйственной жизни, по-новому раскрывает утверждение о том, что лидерство опирается не на внешние основания, но имеет осознаваемый лидером «внутренний компас». В.Г. Короленко, пережив разочарование в том, что «Глас народа» есть «Глас Божий», в существовании народа «единого и неразделимого, с одной физиономией», тоже приходит к этому решению: «Совесть – единственный хозяин поступков, а кумиров не надо» [345, с. 71]. Совесть, этот «Божественный закон внутри нас», вызывавший удивление И. Канта, оказывается тем самым ориентиром лидерства, который объединяет нижегородских купцов-старообрядцев, антропологическую философию В. Соловьёва, яркого и деятельного В.Г. Короленко.

Социально-философская загадка феномена лидерства заключается в личностных способностях человека оказывать перформативное влияние на окружающую действительность. При этом насколько это влияние сильно, не способен предсказать и сам лидер, поскольку историческая ткань хозяйственной жизни формируется в самом процессе их взаимодействия. Здесь по-новому встаёт вопрос о взаимном влиянии бытия и сознания. По свойству сохранять память о происходящем материальная культура подобна

химическому веществу: она отражает необратимость случившихся экономических процессов[1]. Это бытие, как результат «инкорпорирования необратимости в материю» [458, с.79], задаёт вектор изменения сознания лидера (видение), который способен изменять бытие посредством изменения сложившихся хозяйственных процессов. Таким образом, бытие и сознание в лидерстве вступают в синергетическое взаимодействие как два «модуса протяжения и мышления», где природа параллельна с сознанием (М.К. Мамардашвили). Эта параллельность возникает внутри самой личности, в той мыслительной зоне, которая ранее была обозначена как «свобода между импульсом и реакцией» (С. Кови).

Осознанная хозяйственная деятельность человека не только оказывает «оживляющее» воздействие на «мир вещей» и процессов. Свобода человека становится условием «трансцендентности» мира хозяйствования. То, что не имеет вектора в природном мире (обречено на гибель, разложение, распад), обретает значение в экономико-социальном пространстве отношений (коммуникации). «Вещи» и процессы, отражённые в сознании человека, становятся не только ценными, но они обретают иное назначение и логику действий. Они создаются, обмениваются, используются в быту и на производстве, воплощая тем самым идею экономической категории полезности, с их помощью «творится» культура. Таким образом, являясь частью этого предметного мира, человек в то же время – его необходимый и базовый «элемент», источник смысла, благодаря которому рождается природный мир «второго порядка». Участвуя в процессах хозяйствования, которые классики экономической мысли предпочитали разделять на

[1] И. Пригожин сравнивает такую необратимость с образованием снежинки. Он пишет: … «химические процессы производят продукты сохранят память о необратимых последствиях, которые привели к их образованию». См. Пригожин, И. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – С.79.

производство и потребление, человек объективирует собственные идеи. Многие из них имеют над(не)природное происхождение. С другой стороны, в хозяйстве человек опирается на созданный им мир, и это касается не только удовлетворения физиологических потребностей. В опоре на мир вещей и процессов формируются представления человека о социуме, об окружающем его пространстве, а также о самом себе. Расширение границ предметного мира (экономизация), а также процессы «объективации» (например, как рационально организовать процесс хозяйствования) приводит к замыканию субъект-объекта на предметно-вещественной стороне хозяйственной реальности. «Индивид не только продаёт товары, он и себя чувствует товаром», – отмечает эту тенденцию Э. Фромм [549, с. 121]. Не он (субъект) наполняет жизнью, делается «источником», смыслоорганизующим элементом хозяйственной системы, а «вещи» и процессы – в которых он ищет смысл, пытается обрести себя, подчиняясь причинно-следственным связям «природы второго порядка».

Такое диалектическое «напряжение», возникающее в субъект-объектных отношениях, можно рассматривать как одно из свойств современной экономической коммуникации. В этом контексте кризис хозяйственной системы определяется как периодическое нарушение баланса сил сопряжения субъект-объектных отношений. Бессубъектный предметный мир и мир процессов становятся замкнутой системой, в которой неизбежно рассеяние. «Открытой» её делает включённая (осознанная) деятельность человека, позволяющая выйти из «причинно-следственных» связей природного мира и мира вещей. В цифровой экономике этот процесс ускоряется, так как человек становится «заложником» своего «цифрового двойника».

В свете постклассической рациональности человек интерпретируется не только как познающий субъект, но и как участник любых процессов

взаимодействия: не только как объект и субъект взаимодействия одновременно, но и как «объект, вложенный в субъект», и наоборот. Внешние феноменологические проявления этих отношений определяются тем, что всякий раз, осуществляя хозяйственную деятельность, человек не только воздействует на экономику, но и сам изменяется под воздействием обратной связи, в результате изменения совокупного хозяйствующего субъект-человечества («София» С.Н. Булгакова). Однако это воздействие определяется не в классическом смысле (причинно-следственных связей). Оно подобно тому, что как, изменяясь, организм воздействует на клетку, которая является частью организма, а процессы, происходящие в клетке, влияют на организм, частью которого она является. Более того – трудно установить первоисточник этого взаимодействия. Влияние человека на экономику, вероятно, меньше, чем влияние экономики (как внешней среды, о чём упомянуто выше) на антропологические характеристики индивида. Отсюда – «общественным сознанием» следует (в новом постклассическом ракурсе) называть не то сознание, посредством которого человек анализирует последствия своих экономических поступков. Если субъект «творит мир по своему усмотрению» [432, с.70], то не творит ли он его по своему подобию. Общественное сознание можно рассматривать как устроенное по фрактальному признаку: сознание отдельного человека есть одновременно общественное сознание, в смысле их подобия.

«Чудесный источник жизни дробится в индивидуальных сознаниях, сохраняя повсюду свою тождественность и единую свою природу», – пишет С.Н. Булгаков [209, с.60]. И если «отчуждение» есть такое условие деятельности человека, при котором в процессе хозяйствования он не узнаёт себя как творца, а сам мир кажется ему чуждым (посторонним), то – происходит, не просто отрыв субъекта от объекта, а формируется постклассическая форма бессубъектности. В ней индивид отделён от

общественного сознания, оставаясь при этом его частью. Таким образом, возникает модель взаимного отражения и одновременно «отталкивания», когда и человек, и общественные институты не являются взаимодополняющими элементами целого.

Единый субъект хозяйствования, который в лучших традициях метафизики был исследован С.Н. Булгаковым [209], подобен самому человеку, или правильнее – проявляет *фрактальность*[1] во всех тех единицах хозяйственных действий, из которых он состоит. Математики, а также исследователи финансовых рынков неоднократно показывали [441, 277], что в зависимости от того, каким образом визуализируется хозяйственная деятельность – можно обнаружить её пространственное самоподобие (фрактальные формы), или статистическое самоподобие во времени (фрактальные временные ряды). Однако и временная, и пространственная форма экономики есть лишь визуализация сложных явлений, которые при первом рассмотрении кажутся случайными и хаотичными, а на самом деле – отражают процессы самоорганизации.

Фрактальность (ср. «монадность» – Г. Лейбниц) как онтологическое свойство мирового хозяйства[2] открывает возможности для социально-

---

[1] Определение фрактала, данное Б. Мандельбротом, звучит следующим образом: "Фракталом называется структура, состоящая из частей, которые в каком-то смысле подобны целому". См. Мандельброт, Б. Фрактальная геометрия природы. – М.: Институт компьютерных исследований, 2002. – 656 с. Дефиниция фрактала стоит в одному ряд с дефиницией природы. В математике фрактал есть аттрактор (предельное множество) порождающего правила (информационного процессора). Пример фрактала в природе – лёгкие человека, очертания облаков, геометрия деревьев, листьев и лепестков цветов. См., например, Петухов, С.В. Геометрия живой природы и алгоритмы самоорганизации. –М.: Знание, 1988, с.17.

[2] Начиная с конца XX века фрактальная теория приобрела статус общенаучного подхода. Х.Ю. Варнеке по этому поводу отмечает: «Поскольку между фракталами, с одной стороны, и структурой многих природных явлений, с другой, существует тесная связь, неудивительно, что фрактальная геометрия проникла уже во многие области науки. К ним относятся: физика, химия, биология, статистика, астрономия, метеорология и экономика»

философского исследования, а не только вопросов поддержки спекулятивных сделок на финансовых рынках [441], исследования нелинейности в экономических процессах [277], или многочисленных схематичных концептов менеджмента, которые «вписывают» свойство фрактальности в классические модели экономической реальности [321; 301]. Фрактальность означает представление о системе хозяйствования как «мягкой», неустойчивой, находящейся в непрерывной эволюции, крайние состояния которой остаются устойчивыми и неизменными, а внутри – обнаруживают самоподобие, бесконечное повторение самого себя. Такое описание включает диалектический закон «отрицания отрицания» В.Ф. Гегеля [238], которое в диалектическом материализме нашло отражение в законе развития общества по спирали [643, с.134].

Коллектив в этом случае выступает в роли фрактальной организационной структуры, – например, артели, в которой один, или несколько человек, имеют возможность распространить свою практику ведения хозяйства на множество связанных между собой людей. Особенность артелей состояла в их хозяйственной самостоятельности, при равном участии всех членов в управлении делами[1]. В то время как общество представляется бесформенным, бессубъектным пространством, жизнь любой ассоциации (артели, сообщества) основано не просто на нравственных ценностях, или непрерывной коммуникации между членами сообщества, но на «взаимозависимости» (Дж. Дьюи). Эта зависимость возникает вследствие

См. Варнеке Х.Ю. Революция в предпринимательской культуре. Фрактальное предприятие: Пер. с нём.яз. – М.: МАИК «Наука/Интерпериодика», 1999, с.154.

[1] Дж. Дьюи, анализируя политическую и социальную жизнь американского общества, также обращает внимание на особую роль сообществ в развитии общества. Он пишет: «Человеческие существа соединяются в процессе своей деятельности так же непосредственно и бессознательно, как атомы, звездные скопления и живые клетки; и так же непосредственно и бессознательно, они расстаются и взаимооталкиваются». См. Дьюи, Дж. Общество и его проблемы / пер. с англ. И.И. Мюрберг, А.Б. Толстова, Е.Н. Косиоловой. – М.: Идея-Пресс, 2002. – С.111.

осознанного выделения целей совместной хозяйственной деятельности. Хотя в СССР роль коллективного инициативного творчества оценивалась выше вклада отдельного индивида, история многих отечественных предприятий показывает, что они начинались с показательной деятельности одного человека (героя, подвижника), «одержимого» идеей, носителя новых хозяйственных процессов. Можно обнаружить множество подобных примеров, когда из небольших инициативных групп формировались будущие промышленные гиганты, а в случае с С.П. Королёвым – целая отрасль. в истории российских заводов и целых отраслей[1]. Здесь следует согласиться с Й. Шумпетером, который утверждал, что «история промышленности связана с людьми, с их энергией воли и действия – этой сильнейшей и блестящей реальности хозяйственной жизни» [640, с.11].

Отличительные черты природы лидерства заключаются в возможности фрактальной организации окружающей хозяйственной действительности. Это происходит благодаря созданию человеком новых хозяйственных процессов и распространению их через обучение, подражание, вдохновение личным примером. «При этом субъектом инноваций может быть только свободный индивид, оторвавшийся от представлений и правил своей общности, заново и самостоятельно осваивающий мир, наперекор природе и старым обычаям», – пишет В.А. Колпаков [341, с.14]. Так, социальные предприниматели задают тенденции и способствуют зарождению самых разных движений (хозяйственных практик), которые затем распространяются по всему миру, о чём имеется немало практических подтверждений [90, с.118]. В этой связи экономисты могли бы поставить перед собой вопрос не о

[1] Такова история В.И. Туманова, основателя первой в СССР золотодобывающей артели (1956 г.), изобретателя радио изделий Грибского, создавшего артель «Радист» (1928 г.) – ныне завод ОАО «Измеритель», или всей советской космической отрасли, которая началась с Группы изучения реактивного движения (1931 г.) под руководством С.П. Королёва.

том, как удовлетворить безграничные потребности при ограниченных ресурсах, а о том, как создать условия, благоприятные для реализации внутренней человеческой жизни – будь то творчество и труд, коммуникация и познание, частная собственность и предпринимательская инициатива. Процессы потребления, накопления и распределения, экономических благ при этом следует рассматривать как прикладную математическую задачу, решение которой позволяет обеспечить функционирование системы. Однако постановка этой задачи должна быть выполнена на новом уровне научного понимания, которое допускает сочетание детерминистического начала социально-экономической системы и свободной творческой воли человека. До сих пор не доказано, что управление такой системой потребует меньше издержек, чем существующие подходы. Однако в настоящее время имеется достаточно доказательной базы для признания таких систем более устойчивыми, благодаря их близости к естественным природным системам [456].

Лидерство основано на особой мотивации в человеческой деятельности, которая способствует преодолению границ «отчуждения», то есть это потребность в преодолении «отчуждения», как правило – через трансформацию мира (и себя). Полного преодоления не получится никогда, но этот вектор – есть данность социального мира лидерства. Его можно изучать, вырабатывать навыки лидерства, но с точки зрения диалектики хозяйства следует признать факт самого его существования. Современная экономическая теория рассматривает лидерство исключительно в смысле предпринимательства, но затем – через методологическую призму экономикса, мотивация лидера сводится, как правило, к достижению материальной выгоды (получению максимальной прибыли). Однако прибыль компании – это относительная мера лидерства: не всякая прибыль характеризует преодоление «отчуждения», она – лишь числовая

характеристика конкурентной позиции группы людей (компании). Выиграть у конкурентов не значит преодолеть «отчуждение», так как преодоление означает трансценденцию существующих границ хозяйствования, а любое конкурентное положение это и есть положение внутри таких границ. С другой стороны, история инноваций, выхода вперёд наиболее значимых компаний есть как раз пример «выхода на новые границы» экономики.

Современное лидерство, как и многие экономические явления, переживает атаку «бессубъектного». Вместо личности на первый план выходит «технология организации процессов». Следует заметить, что в условиях перепроизводства (в том числе средств производства), вопросы организации бизнес-процессов, действительно, представляется актуальным, содержащим резервы роста эффективности. Принципиальную роль в этом играет коммуникация, налаживание взаимодействия, в том числе связей и партнёрских сетей. В этих условиях лидерство, как феномен, упрощается до человека-посредника, у которого таких связей много, благодаря чему и вопрос организации процессов упрощается. Однако лидерство опирается не только на «свободу» (в её западной – С. Кови, или русской философской традиции – Н. Бердяева), заложенную в человеке, но и тот прообраз, голос совести, который воплощает вектор воздействия на окружающую среду и людей. В этом смысле именно культурная и духовная жизнь определяет направления, в которых лидеры «двигают» хозяйственную систему. «Оргуправленческая позиция состоит в том, чтобы делать историю», – определяет Г.П. Щедровицкий [461, с.7]. Такое определение, с одной стороны, совмещает два западных подхода к определению предпринимательской этики как индивидуальной и институциональной, а с другой, – трактует личность шире, не ограничивая понимание этики только «этикой порядка» [568, с.177]. В трактовке западной философской мысли предпринимательская этика является частью механики хозяйственной жизни,

определяет порядок действий, основанный на принципах (данных извне, или воспитанных личностью). Такое определение рождено в русле исследований, основанных на антагонизме этики и экономики (морали и хозяйства). Это противопоставление изначально обозначает экономику (хозяйство) как антиэтичную (антиморальную) область жизни. Две противопоставляющие силы сводятся к равновесию, делаются попытки обоснования рациональности такого поведения (например, принцип эффективности Дж. Нэша). Однако экономика сама по себе является областью жизни, в которой эта этика может зародиться, в том числе в процессе взаимодействия личности и окружающего мира. Экономику в этом случае можно трактовать как бытийную сферу, сквозь которую не просто являет себя этическое сознание отдельных индивидов, но оно проходит все необходимые для того этапы рождения, становления и воспитания.

Контрагент бессубъектности как антоним лидера есть человек, лишённый права на непосредственное действие, на то, чтобы здесь и сейчас, без посредничества, создавать мысль и мир вслед за ней. Удовлетворённый химерами обратных связей (гармонией и стабильностью виртуального мира хозяйствования), без импульсов в адрес экономики [598], он во(у)влечён в процессы, превращаясь в процессуализированного бессубъекта. Отсюда – лидерами не рождаются и не становятся, лидеры «делают себя сами», переживая свободу личного выбора. Современная американская теория лидерства (Уоррен Дж. Беннис и Роберт Дж. Томас, С. Кови) утверждает, что лидеры всем обязаны только себе самим: лидерство определяется выбором, который люди совершают [19]; [335]. Таким образом, роль воспитания, или генетики, в становлении лидера условная. Во многом детерминизм здесь связан со страхом (ситуация безрисковости), так как лидерство, порождаемое собственным выбором, означает ответственность, которая исчезает, когда

деятельность человека представляется лишь продуктом биологии, общества, или истории[1].

Форма собственности, механизмы управления, методы финансирования, правила рыночного сегментирования, позиционирования товаров и услуг, – вот далеко не полный перечень факторов, которые определяют эффективность хозяйственных операций. Человек, который не просто вовлечён в хозяйственные процессы, или встроен в экономику, но до сих пор является основным благополучателем и инициатором производства и потребления, только условно причисляется к факторам экономического развития. В истории экономической мысли влияние человека на экономику оценивалось через его предпринимательскую ролевую активность (Австрийская школа), как автора инноваций (Й. Шумпетер), иррациональное поведение (Д. Каннеман). Однако личность, эта «человеческая», гуманитарная величина, до сих пор не «укладывается» в современную парадигму рационализма. «Выхолащивание духовного начала в научной интерпретации экономического поведения объясняется как сложностью его формализации, так и определённой идеологической традицией», – констатирует эту проблему С.Ю. Глазьев [244, с.66]. Система оценки человека заведомо исключает культуру и духовность из системы активных факторов, влияющих на онтологию, хотя встречаются единичные попытки включить «показатель» пассионарного поведения человека в математические модели [288]. Сама гуманитаристика не вполне справляется с переработкой новых явлений хозяйственной жизни. Она «застыла на уровне констатации, поверхностного скольжения по современной фактографии, оценочных суждений, ностальгии по прошлому» [542, с.248]. Перспективы применения

[1] Представление об особой роли связей, потоков и процессов, является центральной идеей когнитивной экономики. Однако в отличие от политической экономии, человек в когнитивной экономике не столько «подчинён» объективной реальности, сколько просто в ней отсутствует.

гуманитарных подходов в экономике (например, в форме гуманитарного реализма, или экологической экономики) неоднократно констатируются [23]; [77]; [101]; [346]; [543]; однако – они не раскрыты полностью в методологическом аспекте и остаются на уровне утверждений. Отчасти это связано с особенностями гуманитарной эпистемологии.

Исследование лидерства и его роли в общественной жизни, как правило, испытывало влияние идеологии, или методологии: например, «методологического индивидуализма» в политической экономии, этики в бизнесе, психологизма в американской теории лидерства. Таким образом, сложилось два гносеологических взгляда на экономику: формирование картины хозяйственной реальности, состоящей из атомов рациональных индивидов, а с другой – наблюдение за бессубъектными процессами общественного воспроизводства, поиски логики «коллективного разума» и «безличных сил» (М. Блауг). Совместив эти два крайних положения в экономической эпистемологии (коллективное и атомизированное представление о хозяйстве), а также современные представления о сложных самоорганизующихся системах, можно обнаружить, что лидерство является той силой, которая порождает фрактальные структуры в хозяйственных процессах. Таким образом, для того чтобы «разглядеть» человека, наблюдаемые хозяйственные явления должны быть развёрнуты во временной процессной перспективе. Человек, осуществляющий хозяйственную деятельность, проявляет себя в процессе, исследование которого проводится по его дискретному количественному результату (прибыль; динамика активов), в том числе в нематериальной форме (результаты интеллектуальной деятельности). Однако экономика может рассматриваться как часть непрерывного процесса развития человеческой культуры, воплощающей в себе бесчисленное множество взаимосвязанных процессов-актов. В этих повторяющихся действиях, которые представляют собой

спиралевидный процесс развития, возобновляется экономическая жизнь, и в них же обнаруживается фрактальное устройство. Фрактальность отражает способность общества «запоминать» (воспроизводить) процессы, которые были преобразованы (или впервые введены в хозяйственную практику) отдельными личностями. Кроме того, процессы, обнаруженные на малых масштабах (личность, семья), повторяются и на макроуровне (общество, экономика).

Опираясь на мотив «быть», а не «существовать», индивид-субъект своим действием (хозяйствованием) не только оказывает влияние на самого себя (проявление субъектности можно рассматривать как акт самопознания), но и способен создавать (творить) новые процессы и циклы хозяйственной деятельности, которым подражают, повторяют и тем самым обогащают хозяйственную культуру. Она может быть интерпретирована как поле различных форм и способов воспроизводства субъектных качеств участников хозяйственного процесса, включая правовые, культурные и экономические (средства производства) способы для творческого преобразования природы. Основатель компании «Ашока: новаторы для общества», Уильям (Билл) Дрейтон, организовал некоммерческий фонд поддержки социальных предпринимателей[1], который стал флагманом движения социального предпринимательства и чей опыт стал перениматься во всех странах мира. Японский предприниматель, Момофуко Андо, предложив лапшу быстрого приготовления работающим в послевоенной Японии согражданам, явил миру пример осознанного и успешного стремления разрешить одну из насущных человеческих проблем – проблему голода. Его растворимый суп из лапши

[1] Фонд был создан в 1980 г. в г. Вашингтон (США). Первым его стипендиатом стал предприниматель из Индии. В настоящее время Фонд ведёт свою деятельность более чем в 60 странах и поддерживает более 1800 стипендиатов. В 25 региональных представительствах фонда в Африке, обеих Америках, Азии, Европе, на Ближнем Востоке работает 160 человек. Подробнее см. Bornstein, D. How to change the world: Social entrepreneurs and the power of new ideas. New Delhi: Penguin Books, 2005. – P.47.

был признан в Японии самым главным изобретением XX века, а лапша Cup Noodle, продававшаяся в водонепроницаемой чаше из пенополистирола, стала одним из самых популярных продуктов на планете[1]. Отсюда вклад Г. Форда заключается не только и не столько в изобретении конвейера, сколько в процессе такой организации производства, при которой сама эта организация может быть подвержена анализу и оптимизации (цель которой – сокращение времени производства и снижение затрат человеческого труда), а Б. Гейтс – является основателем домашней трудовой деятельности, в т.ч. фриланса (домашнего офиса)[2]. Как конвейер, так и программное обеспечение для домашнего офиса, хоть и являются культурным символом инженерного процесса или информационного общества, сами по себе дискретно отражают развитие хозяйственной культуры.

Человек своей деятельностью обеспечивает разворачивание процесса во времени. При этом он может только выполнять роль, то есть делать то, что делали до него другие (поддерживать процесс), либо, реализуя свои личностные качества (творческий труд) преобразовывать (улучшать, модернизировать, оптимизировать) существующие процессы. В этом случае хозяйство можно воспринимать в узком, или широком смысле. В узком смысле – хозяйство представляет собой такие процессы, постоянное возобновление которых обеспечивает непрерывную передачу от поколения к поколению способов производства и потребления. Выращивание зерновых культур и продажа хлеба – это процессы, которые возникли на заре цивилизации, и они могут быть исследованы через набор инструментов

---

[1] См. Дударева, Е. С чувством исполненного голода. – Ведомости. – 22.01.2007. [Электронный ресурс] – URL:// https://www.kommersant.ru/doc/735547 (Доступ к ресурсу: 12.07.2018).

[2] Сам Б. Гейтс даёт исключительно положительную оценку этому процессу: «Это потрясающе – из мира, где о компьютерах мало что слышали, и они были очень сложными, попасть в мир, где их используют каждый день. Это мечта, которую я хотел осуществить. Очень многое оказалось таким, как я и ожидал».

(технологии и методы), то есть дискретно, либо путём наблюдений, куда движется вектор преобразования процесса (от очагового земледелия, к генной инженерии, от домашней печи до цехового производства и современных пекарен). Во втором случае можно увидеть, как разворачивается во времени этот процесс, и какие части процесса остаются повторяющимися, а какие – преобразуются. Те части процесса, которые постоянно подвергаются преобразованию, и могут представлять интерес для экономической науки, а вернее – те поворотные точки, которые видоизменяли процессы в их содержании (а не по форме). Так, в результате урбанизации городские жители практически утратили не только свою причастность к выращиванию хлеба, но и к земледельческому труду. Как следствие – ценность хлеба у современного человека иная, чем у фермеров Средних веков, которые соизмеряли темпы своей жизни со временем посева и жатвы. Вопрос продовольственной безопасности является не проблемой домашнего хозяйства, а государства. По сравнению с обезличенными силами рынка государство обладает более «длинной памятью».

Если предметом исследования становится хозяйственный процесс, а не эволюция самих производственных мощностей, то можно обнаружить, что многие процессы как таковые остаются неизменными, несмотря на значительные технологические изменения. Например, процесс обмена текстовыми сообщениями, или написания писем – изменился технологически: сократилось время передачи сообщения, количество сообщений многократно увеличилось. Однако изменилось ли содержание писем? Можно ли сказать, что электронный обмен сообщениям обогащает (изменяет) процесс сам по себе и человека, который неоднократно повторяет в жизни? Напротив, имеются исследования, подтверждающие глубинное изменение культуры письма, снижение грамотности, замену текста цифровыми визуальными образами. В свою очередь, для современной

организации, процесс обмена электронными сообщениями, повлиял на саму управленческую систему, сделав её более прозрачной («плоской» [239, с.185]), что стало одним из факторов перестройки управленческих практик. Эти изменения в процессе зеркально отражают историю человеческой культуры как результат взаимодействия человека, технологии, и процесса. При этом затруднительно выявить, что является первичным, так как причинно-следственные в «живых системах» имеют иную логику: «само человеческое действие не является чем-то внешним, а как бы включается в систему, видоизменяя каждый раз поле её возможных состояний» [493, с.113].

Или другой пример – издательское дело, которое претерпело изменение от рукописного копирования духовной литературы до возможности каждому заниматься само изданием в Интернет (в т.ч. блоггерство)[1]. Благодаря распространению грамотности, а также развитию современных средств книгопечати, и магазинов электронных книг, большее количество людей получило возможность воплощать своей жизнью процессы литературного творчества. Таким образом, процесс литературной деятельности, в том числе в своём экономическом смысле, начинает жить жизнями большего количества людей. При этом снова следует отличать богатство форм литературной деятельности (блоггерство, дневники) от богатства содержания. Можно задастся вопросом – произойдёт ли в конце концов такое усреднение литературных процессов, при котором общество не в состоянии будет выявлять и отличать гениев от посредственности, и качественная литература будет «поглощена» многочисленными клонами, а значит

[1] Именно такие возможности представляют современные многопользовательские платформы, такие как http://lulu.com, которые сводят на одной электронной площадке запросы читателей, начинающих писателей, а также издательства, которые тем самым повышают эффективность процессов отбора.

литературная деятельность как форма хозяйственной деятельности, в которой человек мог бы «найти себя», подвергнется рассеянию.

Индивид, как представитель человечества, оказывается замкнутым в системе калькулирующего мышления, допускающего престижность потребления, оправданное стремление к физиологически высокому жизненному уровню, благополучию в жизни, которое, по словам Х. Ортега-и-Гассет неразрывно связано с самой «жаждой жизни» [431, с.174]. В то же время окультуривание, гуманизация экономического роста может стать ориентиром для программ социально-экономического развития. В этой области лежит обновлённая трактовка «отчуждения», как невозможности человеку «догнать» ускользающее, убегающее экономическое время. В этой связи сохранению подлежат не традиционные формы, а традиционные смыслы. Традиции могут сохраниться в эстетике чувств, однако – поставленные на конвейер массового производства, они теряют свои гуманистические смыслы. Культура, как набор устойчивых хозяйственных процессов, набор готовых «ответов на вопросы, которые ставит перед нами мир» (Х. Ортега-и-Гассет), даёт возможности воплощать в хозяйственной жизни наше видение с помощью дисциплины (воли), опираясь на совесть и страсть к делу. По словам П. Флоренского, «любая культура представляет целевую и крепко связанную систему средств к осуществлению и раскрытию некоторой ценности, принимаемой за основную и безусловную, т.е. служит предметом веры». Особенность современной экономической культуры является её глобальность и, связанная с ней, растущая усреднённость.

Эволюция хозяйственной системы сопровождается непрерывным созданием её новых форм, «наростов», зарождением новых хозяйственных отношений, но это влечёт за собой издержки в виде глобального распространения «экономизма», в том числе его проникновение в неэкономические сферы общественных отношений. За счёт этой экспансии

происходит развитие самоорганизуйющеся хозяйственной системы, но в то же время – наблюдается постоянное преобразование хозяйственной культуры, иногда качественное изменение форм экономической и общественной жизни, в том числе безвозвратное «забывание» этих форм, замещение одних форм другими, иногда менее предпочтительными с точки зрения гуманизма. Экономика капитализма развивается в сторону всеобщей «глобализации», когда все участники глобального рыночного производства «сольются» в едином экономическом пространстве. Обратной стороной процессов глобализации стало повсеместное распространение капиталистической идеи, которая замещает альтернативные «зародыши цивилизаций иного рода» [282, с.418]. Об интеграционной функции капитализма говорил Ф. Энгельс, И. Валлерстайн, С.Ю. Витте прямо указывал на космополитичность идей политической экономии [228, с.2].

Критика диалектического материализма со стороны К. Поппера [452] обнажила разное понимание степени открытости общества и её роли в историческом развитии. В то время как К. Поппер критиковал исторический подход, он, по сути, опирался на форму открытого общества. К. Маркс рассматривал атомизированное капиталистическое общество, где процессы циклически замкнуты на перераспределение прав собственности на капитал. Эта спорная дилемма была проанализирована представителем американской философской школы прагматизма, С. Хуком. С одной стороны, он отмечает, что историзм, действительно, «не замечает альтернатив в развитии общества, действие множественных причинных процессов в историческом процессе и роли человеческих идеалов в определении будущего». В то же время и подход К. Поппера «поверхностный», не учитывает достижений диалектики [69, p.149]. Эта дискуссия в логическом основании идентична описанному ранее спору технических и фундаментальных аналитиков, которые параллельно своим коллегам-гуманитариям имеют дело не с тонкой тканью

исторических событий, но с цифровой визуализацией рыночных отношений. Речь идёт о новом определении детерминизма, «детерминизма с пониманием неоднозначности будущего и с возможностью выхода на желаемое будущее. Это – детерминизм, который усиливает роль человека» [330, с.36].

В современном информационном обществе происходит процесс непрерывной генерации, «упаковки» в новые формы многовековых хозяйственных процессов. Эти формы предусматривают возможность масштабирования (массовая хозяйственная культура) на основе компиляции хозяйственного опыта прошлых поколений. Человеку в этом отводится роль «апробатора», «испытателя». Отсюда глобализация – это не только распространение транснациональных корпораций, а вовлечение людей в те хозяйственные процессы, которые ранее были доступны лишь отдельным группам (сословиями, слоям, кастам, профессиональным сообществам). Высшая степень глобализации будет достигнута, когда человек будет вовлекаться в любую усреднённую форму деятельности (писатель, инженер, учитель), в том числе благодаря тонкой информационной настройке экономического пространства. Однако глобализация развивается по пути «упрощения» модели хозяйственного поведения. Только в такой форме «каждый» сможет воплотить любой процесс в своей жизни. Отсюда глобализация родственна общественной энтропии[1] (К. Леонтьев, Н. Бердяев), так как форма хозяйственной жизни упрощается, усредняется, умаляется до уровня среднестатистического, единицы сознания толпы. К. Леонтьев в книге

[1] В русской философской мысли Н.Бердяев одним из первых использует понятие энтропии применительно к законам общественной жизни. Однако он утверждает, что её автором следует считать русского философа XIX века, К.Леонтьева. См. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьевич: очерк из истории русской религиозной мысли; Алексей Степанович Хомяков / Николай Бердяев. - Москва: АСТ: Хранитель, 2007 (Ульяновск: Ульяновский Дом печати). – С.166. Для объяснения причин экономических кризисов XX века на энтропию «опирается» критик англо-американской модели капитализма, Л.Ларуш. См. Ларуш, Л. Физическая экономика как платоновская эпистемологическая основа всех отраслей человеческого знания. – М.: Научная книга. – 1997. – Т. 260. – С.22-36.

«Средний европеец как идеал и орудие всемирного уничтожения» он последовательно и подробно исследует примеры «вторичного смесительного упрощения» в европейском обществе, которое считает предсмертной неизлечимой болезнью. К. Леонтьев связывает это со «смешением» (ассимиляцией), то есть распространением единообразного стиля жизни «среднего европейца». Унификация, эгалитарность, равенство, – вот что оказывается смертельно для общества. В союзники он призывает Дж. С. Милля, который видит причиной ассимиляции общественное мнение (или «мнение собирательной бездарности») и общую современную рутину; а также В. фон Гумбольта, который обличает государство, подавляющее своеобразие отдельной личности. Для К. Леонтьева причина ассимиляции заключается в уклонении общества от естественно-природных законов. Миросозерцание К. Леонтьева, которое во многом предвосхищает Ф. Ницше, может быть выражено устами его литературного героя: «Нам есть указание в природе, которая обожает разнообразие, пышность форм; наша жизнь по её примеру должна быть сложна, богата. Сквозь этот процесс просвечивает социальный закон конечности, временности, «обречённости», замкнутой на себя (изолированной) системы, в том числе хозяйственной. Он характеризует её неумолимый распад, признаком которого является нарастание «внутреннего» хаоса, выравнивание неоднородности структур. Этот процесс атомизации (рассеивания, распада, фрагментации) изолированных социальных (хозяйственных) систем сопровождает их превращение в структуры однообразные, однородные. Как следствие, такие системы становятся неустойчивыми к внешнему воздействию, так как количество их потенциальных изменений (адаптаций к новым условиям) стремится к минимуму. Состояние однородного хаоса отлично от «творческого» беспорядка, который характеризует дифференциацию (разнообразие), «пышность форм» (К. Леонтьев) открытой социальной (хозяйственной)

системы, находящейся в состоянии самоорганизации (И. Пригожин). Эволюционные процессы в обществе (хозяйстве) направлены в сторону их усложнения, а сама социальная система – находится в состоянии непрерывного обмена (знания, ценности) с окружающим миром, следствием чего может быть её экспансия (расширение границ вовлечения людей в социальные процессы). Это статистически создаёт больше возможностей для поддержания сложившихся социальных связей и творческой деятельности людей, их образующих. Новые связи, как и новые формы (институты, союзы, предприятия, домашние хозяйства) создают больше возможных (вероятных) состояний системы. Благодаря этому повышается адаптивность (гибкость) хозяйственной системы к внешним изменениям, её «живучесть», устойчивость к внешним воздействиям.

В этом контексте деятельность отдельного человека, который реализует себя не в одиночестве, а в обществе приобретает становится онтологически значимой. Именно через человека, его свободную творческую деятельность, которая создаёт варианты изменений системы (от целеполагания до реализации новых способов производства и ценностей потребления), «открываются» новые пути развития всей совокупности людей, то есть новых качественных состояний системы (состава, структуры, формы). Главный элемент разнообразия есть личность, она «выше своих произведений» [373, с.152]. Н. Бердяев развивает эту мысль следующим образом: «Страсть к равенству и к смешению влечёт общества и культуры к смерти» [186, с.162]. Для него этот процесс связан с миром буржуазности, который есть «царство социальной обыденности, царство большого числа, царство объективации, удушающее человеческое существование» [187, с.440]. Таким образом, деятельность лидеров – личностей, способных

перевернуть, трансформировать, усложнить и обогатить нашу жизнь, противостоит идеалу массового, усреднённого человечества[1].

Один из сторонников глобализма, К. Омаэ, сравнивает современный мир с глобальной сценой, которая, однако, остаётся рынком («фанки-деревней» – К. Нордстрем). Для иллюстрации этого глобального подхода он приводит в пример супермаркет в Токио, где «можно найти продукты со всего мира: лимоны из Испании, мясо ягнёнка из Новой Зеландии, итальянские оливки, британские сосиски и так далее» [426, с.65]. Глобализация сопровождается размытием национальных границ: современный человек с готовностью оплачивает «американское рождество», празднует «китайский новый год» и «День взятия Бастилии». Индустрия развлечений и выходного дня, однако, демонстрирует шаблонность (единообразие) сложившихся моделей потребления: выходной день современного человека не существует вне системы потребления. В этом, более широком смысле, экономика охватывает практически все социокультурные процессы, в том числе – образование, науку, искусство, в которых средства производства (производственные силы) обеспечивают поддержание сложившихся хозяйственных процессов.

Способность общества поддерживать развитие хозяйственных процессов (воспроизводство), также выражается в развитии производственной материальной базы (производственные мощности), и в этом правы Л. Ларуш, Ф. Лист [219]. Однако это отражение дискретно, оно воплощает результат прошлого. В момент появления технологии она

---

[1] Ещё дальше в своих мрачных прогнозах идёт Дарио Салас Соммер: «Ценностная сфера составляет стержень личности, основу её бытия: «на том стою и не могу иначе» – такой личностью трудно манипулировать. Легче управлять человеком, у которого система ценностей определяется его обыденными интересами и потребностями, для которого не существует идеальных объектов служения и почитания. Не такой ли человек нужен для будущего тотального порядка?» См. Соммэр, Д.С. Мораль XXI века / Д.С. Соммэр.–М.: Издательский дом «София, 2004.

устаревает, так как моментально становится для кого-то деталью будущего, более сложной технологии (продукта). Если момент появления технологии не сопровождается обогащением хозяйственной жизни, то, затвердев в одних и тех же действиях, акт хозяйственной жизни подвергается усреднению (рассеянию). Принципиальную роль в этом играет человек и характер его участия в процессах. Сами по себе технологии и мощности «мертвы» без процессов, как процессы «мертвы» без человека, который возобновляет их в течение своей земной жизни. Вот почему в обществе, где утрачена субъектность, такую значительную роль приобретает не комплексное (всесторонне развитая личность), а непрерывное образование, образование, длиною в жизнь («lifelong learning»). Расширим этот процесс до такого набора действий, обучение и совместное повторение, которым обеспечивает передачу хозяйственной культуры (устойчивого набора действий) во времени, от поколения к поколению. Именно в процессе совместной хозяйственной (экономической) деятельности людей старшего и младшего возраста обеспечивается такая преемственность, которая делает более вероятной реализацию уже существующих сценариев развития, снижая вероятность (но не исключая) такого развития событий, при котором произойдёт изменение хозяйственного устройства (например, переход от частной собственности к государственной, и обратно). Хорошей иллюстрацией этого явления в социологии можно назвать закон ротации (циркуляции) элит (В. Парето) [440, с. 269-272], в образовательной и производственной сфере – наставничество [609, с.1653].

Возобновление процесса может быть поддерживающим, когда личность выполняет кристаллизованную роль (лесничество, военная служба), разрушительным (например, стать симулякром), или преобразующим, когда отдельная личность, или группа людей, творчески воплощает себя в этом процессе, и посредством некоего коммуникативного акта распространяет

изменённый процесс в обществе. Товарно-денежные отношения являются одной из форм такой коммуникации. Они позволяют «утвердить», приучить общество к изменённому процессу, сохраняя сам процесс как таковой. Его фрактальная структура разворачивается во временной перспективе, показывая, как суть процесса остаётся прежней, изменяются только его формы. Изобретение и последующее распространение бытовой техники в развитых странах облегчило домашний труд, но не избавило от него совершенно. Зато характер домашнего труда поменялся. Сначала он освободил человека от рутинных действий с помощью механики, а затем – перерос в (бес)сознательное нанесение вреда здоровью за счёт повсеместного распространения бытовой химии, вплоть до – перспективы тотальной технологической зависимости (концепты «умного дома»).

Товарно-денежные отношения являются универсальной формой, обеспечивающей жизнь хозяйственному процессу. Деньги обладают уникальной природой, так как они формируют коммуникацию между различными социокультурными феноменами, они обеспечивают их воспроизводимость в материальной среде. Но деньги обладают и другой размерностью (как показано ранее), они способны подменять собой воспроизводство культуры: спорт ради спорта, наука ради науки, образование ради образования, культура ради культуры и здоровьесбережение ради здоровья будущих наций. По сути, речь идёт о распределительной функции финансов. Но когда в сфере распределения деньги извлекаются из спорта, науки, образования, здоровья, культуры, теряется возможность воспроизводства самих этих общественных феноменов. В России до недавних пор сохранялись сообщества учителей, спортсменов, культурных деятелей, медицинских работников, которые были рождены вне экономизма и увлечены своим призванием. Они желали отдавать, воплощая в жизни своё призвание, и поддерживая его своим

примером. Человек, увлечённый потреблением (которому нечего отдавать) неосознанно разрушает культурное наследие: ему нечего сказать в этом поле, он хочет его «потреблять». Экономика, основанная на идее «чистого от врождённых идей» человека, представляет возможность потребления, подобно Мидасу, который превращал всё в золото одним прикосновением: чудесным образом мир делался золотым, однако – бесполезным. В процессе человеческого труда произошла подмена процесса ожидания жизни (вот куплю – и тогда жизнь станет лучше) и собственно самой жизни (живу уже сейчас).

Далеко не каждая пассионарная личность способна оставить свой след в истории, запечатлев в экономической «памяти» именно ту форму реализации хозяйственного процесса, которую она показывала примером своей жизни. Так же многие научные открытия могут остаться «открытиями для себя», исчезнуть, вместе с их творцом. В дискурсе исторических наук эта проблема взаимодействия хаоса и порядка (детерминизма и антидетерминизма) раскрывается в теме «роли личности в истории». Маятник мнений раскачивается от представления истории как «волн случайностей» (Х. Фишер), до выявления конкретного перечня «героев в истории» (С. Хук, Р. Арон). «Память» хозяйства избирательна (иногда хаотична), она не зависит от количества последователей и их способности передавать свой опыт деятельности, а подчинена истории, «божество которой произвол» [209].

М.К. Мамардашвили писал: «Те экономические процессы или явления, зависимости, которые мы можем вывести объективно, внешним взглядом, в действительной истории – и мы так должны уже потом строить свой внешний взгляд – могли и не стать причинами (мало ли кто торговал до капитализма!), если им не был дан смысл, … где они проработались определённым образом, оказались осимволизированы и феноменально

воображены. Лишь тогда такие процессы могут на себе концентрировать человеческие энергии и стать мотором исторического движения, исторического развёртывания во времени определённых процессов» [393, с.153]. Фактически роль личности в экономике служит тем самым «процессом», наполняющим смыслом хозяйственные транзакции, выводя их за пределы «дурной бесконечности» повторяемых, бессмысленных событий.

Аналогичным образом в математике показатель Хёрста позволил оценивать «память» на сегменте статистических наблюдений. С другой стороны, есть множество примеров, когда лидерство получило продолжение не в процессах хозяйственной жизни, а в форме символа. Нужно заметить, что «память» не берётся на абсолютном промежутке времени, вырванном из контекста исторического развития, напротив – это та память, которая уходит корнями в прошлое, то есть в процессах воплощается зародившееся ранее. Настоящее ценно тем, что видоизменяет процесс, давая ему новое дыхание, продлевая его. Отсюда следует, что любая инновационная деятельность представляет собой видоизменение исторически сложившихся хозяйственных процессов. В этом проявляется временная фрактальность экономики. Такая преемственность и мутаций идей от поколения к поколению давно изучается в науке (Т. Кун, М.А. Розов). Однако в экономике – такие исследования редкость, как правило, они сводятся к анализу архетипов (К. Юнг), используемых в брендинге и рекламе [176], [349], [294], которые, по-своему, отражают хозяйственные процессы. Исследование временной фрактальной структуры хозяйства сводится, таким образом, к вычленению древних первообразов хозяйственных процессов, а также тех смыслов (в т.ч. архетипов, традиций), которые первоначально они несли. Подобным образом в науке срабатывает «иммунитет парадигмального сознания» (С.Н. Курдюмов), позволяющий защитить знание от разнообразия непрофессиональных мнений [330, с.209]. Парадигмы хозяйственного

развития подобным образом должны основываться на некоей идее хозяйственного процесса и его материального воплощения. Развитие материально-хозяйственной базы (в т.ч. средств производства) позволяет «размножить» процесс, позволить большему количеству людей быть вовлечённым в него (в роли потребителя, производителя, или предпринимателя), однако – сама по себе, технология, не несёт существенной смысловой (идейной) нагрузки.

Процессное описание хозяйства имеет свои недостатки. С точки зрения эпистемологии, процессы не так легко поддаются анализу, особенно в контексте современной калькулирующей экономической науки. Для их исследования требуется междисциплинарность, усилия нескольких наук. Например, угасание академической среды, которое дискретно может быть выражено в снижении качества гуманитарных исследований, будет обнаружено, когда проявится этот результат. Однако, когда негативный результат обнаружен, простое поддержание процесса рискует превратиться в симулякр. Определяющую роль в этом играет сам человек, который способен сознательно, или бессознательно, повторять однажды сложившуюся традицию (процесс). Далее будет показано, как этот тезис может быть развёрнут в контексте образовательной среды и её развития в условиях информационного сообщества.

Человеческая сущность и субъективность создаётся самим человеком в зависимости от того, как мы существуем, какой делаем выбор и как действуем в окружающем мире. Подобным же образом наша субъективность не была чем-то постоянным, ей нельзя было дать точное и окончательное определение. Она непрерывно создавалась, постоянно развиваясь как результат нашего образа жизни. Бессубъектность и персонализм образуют две границы современной экономической культуры. И то, и другое является гранями одного состояния человека, не способного выйти за пределы бытия,

образуемого экономической квазионтологией. Иное наблюдается в среде тех людей, которых общество обозначает как своих лидеров. Они своим личным деланием (поведением), усилием, выбором, иногда даже только высказываниями, продуцировали то, что можно обозначить, как «точки бифуркации» в системе общественного воспроизводства. Такое поведение, которое можно определить, как творческое и «свободное» (от мифов-конструктов), в то же время опирается на традиции (мифы-архетипы), формирующие ткань исторической действительности. Через миф-архетип и традицию, дела людей, как ушедших, так и живущих сегодня – объединены всеобщим хозяйством, которое последовательно преобразует природную «слепую силу» (Н.Ф. Фёдоров) в силу «живоносную».

Новации и традиции, как два противоборствующих начала в современном человеке, создают напряжённое диалектическое противоречие. Однако его результат может быть непредсказуем, вследствие «бегства» человека от осознанного мышления. В пространстве бессубъектного личность поглощается стандартной ролью (потребителя, предпринимателя, профессионала), присоединяясь к усреднённому анонимному сознанию толпы. Слияние человека с толпой, в том числе посредством усреднения ценностей, сокрушает личную ответственность, лишает её индивидуальности, а в экономике – вследствие роста влияния «массового человека» наступает кризис. В этих условиях сохранение традиционных, сложившихся форм хозяйствования, в том числе вопросы его воспроизводства, зависят от того, насколько отдельные личности (лидеры) и целевые группы будут способны развивать традиции с привнесением нового, созидающего случайность, опираясь на свободное личное творчество, а не стандартные схемы, или усреднённые ожидания. А это зависит, в свою очередь, от наличия количества пассионарных личностей (Л. Гумилёв), а также возможностей для их реализации в пространстве экономики. Её темпы

роста, обозначаемые как желаемый рост стоимости производства, следует, напротив, сократить (искусственное сдерживание), либо – выработать новые правила жизни в условиях непрерывно меняющейся реальности, в русле синергетического подхода. Такие вопросы могут стать предметом исследования в контексте образовательной среды, которая предусматривает возможность исследования, творчества, стимулирует познавательные процессы.

4.2. Экономическая гуманитарология в системе воспроизводства общества знаний

В истории политической экономии хозяйство как смыслообразующий феномен замыкается между двумя крайностями: путь преобразования (пересотворения) мира, создание земного рая (экономический универсум, Хозяйство как Божественная София), или путь экономикса как инструмента для реализации эгоистического человеческого начала, и потому – порождающего негативные коннотации. Однако, как было показано выше, хозяйство представляет собой область для реализации самого человека, постижения себя, проявления «третьего измерения», отличного от материальной культуры и мысли её организующей. В этом расширенном контексте философии хозяйства, усилия по оптимизации экономической системы имеют смысл лишь в той мере, в которой большее количество людей имеют возможность не только опробовать свои творческие силы, но и осознать последствия своих поступков (в том числе их нравственное, или безнравственное начало), и явить миру свой выбор как осознанные субъекты экономического действия. Мировое хозяйство, или национальная экономика, в этом смысле есть зеркало совокупных действий человечества. В связи с тем, что в современной экономике растут процессы рассеяния (глобализация), распространяется модель «экономического поведения»,

человек стоит перед выбором – считать это частью своего бытия и тем определять своё сознание, или, преодолевая видимое (выходя на границы), создавать собственное представление о хозяйственном устройстве и заниматься его деятельностным (в пределе - локальным) преобразованием. Изучая экономические явления, человек исследует последствия сложившихся договорённостей об условиях хозяйственных отношений, которые были созданы предшествующими поколениями экономических субъектов. Если физический материальный мир только преобразуется человеком, то законы экономического развития являются следствием достигнутых соглашений между участниками протекавших ранее экономических процессов. Таким образом, экономический субъект одновременно создаёт (перформативно устанавливает) экономические законы, участвует в их реализации, а потом – испытывает их последствия на самом себе. При этом способности отдельного человека к изменению мира определяются не только его возможностями влиять на других (лидерство), но и готовностью к само изменению (рефлексия). А этому неизбежно предшествует самопознание, трансцендирование за пределы временного потока, осознание и преодоление замкнутости экономической коммуникации.

В отличие от этих ориентиров, которые задаются траекторией философии хозяйства, история экономической науки – это последовательный уход от анализа гуманистической проблематики хозяйствования, а также роли человека в этих процессах. Попадая в зависимость от эволюционных и парадигмальных трендов, значительная часть экономистов, стоявших у истоков экономической науки и оказавших влияние на формирование современной экономической мысли (А. Смит, Д. Рикардо и многие современные представители т.н. «экономического мейнстрима»), не

подвергали основательному анализу используемые методы[1]. Выработка собственной методологии экономической науки встречается в отдельных работах западных социальных философов конца XIX века – например, Дж. С. Милля, впервые предложившего рассмотреть особенности подходов в исследовании экономической науки, также в дальнейшем эти вопросы исследовались Д.Н. Кейнсом, К. Менгером, М. Фридменом, Дж. Хиксом. Как последовательно доказывает М. Блауг, современная экономическая методология опирается на фальсификационизм К. Поппера, или верификационизм Дж. С. Милля [195, с.31]. Таким образом, экономические исследования оказываются «запертыми» в рамках «нулевых гипотез», для подтверждения которых используется статистический аппарат, логические умозаключения, а также набирающие популярность мыслительные эксперименты, проводимые с помощью компьютерного моделирования. Они, по выражению Ф. Майровски, превращают экономику в «машинную», «киборг-науку» [107]. Среди «нулевых гипотез» (аксиом), абсолютных предпосылок (Р.Г. Коллингвуд) экономической теории выделяются методологический индивидуализм, рациональность и спонтанная координация рынком. Именно эти предпосылки, по мнению авторитетных современных экономистов, таких как Ф. Хан, Дж. Бьюкенен [93, p.5], являются практически аксиомами экономического знания[2]. А модель

---

[1] М. Блауг формулирует их позицию следующим образом: «они просто не видели необходимости формулировать их (методологические принципы – прим.автора) в явном виде, вероятно, полагая, что такие очевидные вещи не нуждаются в защите. См. Блауг, М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. Пер. с англ. / Науч. ред. и вступ. ст. В.С. Автономова.– М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004.– С.108.

[2] В широкий спектр экономических категорий методолог У. Мяки включает также следующие: нехватка, предпочтение, ожидание, деньги, рынок, фирма, цена, верование, рациональность, выбор, благосостояние, равновесие, оптимальность, вероятность, редкость, информация, стратегия, конвенция, контракт, разделение труда, обмен, координация, механизм. Именно эти категории редко уточняются в трудах экономистов, становятся базой для дальнейших логических рассуждений. Подробнее см. Mäki, U. Ontology: What? Why? Where? // The Economic World View. Studies in the Ontology of Economics. – Cambridge, 2001.– P.4.

рационального индивида, который всегда стремится к максимизации прибыли и минимизации издержек, является едва ли не базовой гипотезой, преодоление которой, как справедливо замечает В.А. Колпаков, стало ключевым вопросом для дальнейшего развития экономической науки. Как было показано ранее, не менее важное влияние на экономическую теорию оказывает система верований (мифов-конструктов), на которые она опирается. Таким образом, экономика представляется одновременно проектом идеальной реальности и её незаконченным воплощением в действительности.

«Объективно в мировой жизни царит бессмысленность, но дух призван вносить в неё смысл», – пишет Н.С. Бердяев [187, с.414]. Один из путей нового переустройства экономики связан с обращением к внутреннему миру человека, личности, чей дух соразмерен с культурой и самосознанием общества. Экономика обладает уникальной особенностью – предмет экономики есть проект, то есть незаконченный образ будущего хозяйственной реальности, он находится в непрерывном становлении, а его исследование подразумевает вмешательство (перформативность) и изменение предмета науки под воздействием этого вмешательства. Изучая экономику, неизбежно её проектирование (посредством исследовательской, преподавательской и практической деятельности). В отличие от физического (естественного) мира, не созданного человеком, хозяйственная реальность творится человеком, она сама – продукт его культуры и науки и находится в зависимости от представлений о нём. Не случайно Т. Веблен, который одним из первых выступил с критикой экономической методологии А. Смита, призывает к созданию экономики как теории «кумулятивно разворачивающегося процесса» [166, с.11], правила которой определяются этапом эволюционного изменения. Следует допустить, что эти правила могут коренным образом меняться на каждом таком этапе (что нарушает принцип

актуализма). В этом смысле наиболее близко сравнение процесса «сотворения» экономики с искусством, о чём, как показывает О. Ананьин [165], неоднократно говорили сами экономисты, разделявшие экономику на чистую науку и её прикладное применение. В истории экономической мысли представление об экономике как искусстве мы находим в трудах первого методолога экономики, Д.С. Милля, а также – Д.Н. Кейнса[1]. Примером реализации такого подхода являются работы Ф. Листа, или Л. Ларуша: в своих исследованиях они рассуждают о желаемом состоянии экономики, уходя от подробного анализа её текущего положения, так как это положение является временным.

Указывая на эту особенность экономической науки (предмет науки как *проект* хозяйственной реальности), подчёркивается, во-первых, стремление многих экономистов уподобить хозяйство природе, составив собственный свод законов естественного развития хозяйствования (отсюда – развитие натуралистических подходов); во-вторых, неизбежную идеализацию (математическую) и идеологизацию (социально-культурную) как желаемый прообраз (отсюда методологический плюрализм); наконец – динамику самого предмета, постоянно меняющегося в результате творческой активности человека и человечества. Хозяйственная реальность есть воплощение совокупной энергии всего человечества и одновременно – отражение его духовно-нравственных процессов (М. Вебер). Таким образом, экономисты вынуждены изучать либо промежуточное состояние хозяйственной системы (как один из этапов проекта), либо – предлагать её

[1] В письме к Р. Харроду (1938 г.) Д. Кейнс формулирует это разделение следующим образом: «Экономика – это наука мыслить в терминах моделей в сочетании с искусством выбирать модели, релевантные в современном мире... Хорошие экономисты редки, поскольку дар использовать "бдительное наблюдение" для выбора хороших моделей, хотя и не требует высокоспециализированных интеллектуальных навыков, оказывается весьма редким». См. Блауг, М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. Пер. с англ. / Науч. ред. и вступ. ст. В.С. Автономова. – М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004.– С.146.

желаемое состояние, которые воплощаются в конвенциальных истинах, различных формах договоренностей о правилах взаимодействия в хозяйственной системе, «видениях» (Й. Шумпетер). Такой ракурс исследования позволяет избежать необходимости определять характеристики хозяйственной реальности, зеркалом которой должна быть экономическая наука. На этом утверждается хозяйственная система как постоянный меняющийся продукт культуры, а сама экономика, действительно, может быть сопоставлена с искусством.

Выделим несколько направлений (см. Табл.4.1) дальнейшего развития науки о хозяйстве:

1) экономика как результат междисциплинарного синтеза; формирование междисциплинарной платформы экономико-психологического, или экономико-социологического знания;
2) реконструкция экономической науки на принципах постгуманитарного знания;
3) развитие экономической науки как отрасли культуры (искусства).

Таблица 4.1. Сравнительный анализ направлений развития науки о хозяйствовании

Критерии	Реконструкция на принципах постгуманитарного знания	Экономика как междисциплинарный синтез
Направление	Гуманитаризация виртуального пространства экономической коммуникации	Виртуализация материального производства
Планирование	Субъект-ориентированное, в контексте политической реальности	Объект-ориентированное, в контексте этапа общественного воспроизводства
Материальное производство	Совершенствование производства на принципах экологичности, безопасности, устойчивости	Поиски оптимизации производства на принципах ресурсосбережения, поиска новых источников
Труд	Как целевая функция организации коммуникации	Как один из ресурсов, подлежащих оптимизации
Цифровизация	Условие для организации творческих условий труда и	Условие для перехода к новому технологическому укладу

Критерии	Реконструкция на принципах постгуманитарного знания	Экономика как междисциплинарный синтез
	сохранения культурного наследия	
Культура	Форма для организации экономических процессов	Один из продуктов, включённых в процессы товарного обмена

Современная экономическая наука тесно связана с развитием западной культуры. Глобальное слияние товарных рынков Запада, Азии и постсоветского пространства не привело к ответному синтезу экономикса и политической экономии. Хотя возможность синтеза была предметом исследования российских экономистов на рубеже XX и XXI века [486]; [570]; [454]; [444], он не состоялся – отчасти в связи с кризисом экономического «мейнстрима», отчасти – в связи с преобладающей ролью российских экономистов с инженерным образованием[1]. В российской экономической науке наблюдается позиция «догоняющих», или «учеников», произошёл неаргументированный отказ не только от школы политической экономии и многоплановых исследований советских экономистов, но и исследований хозяйства, представленных в работах русских философов конца XIX века. Возрождение российской экономической мысли происходит постепенно, и в настоящее время представлено незначительным количеством самобытных экономических школ: таких, например, как лаборатория «Философии хозяйства» Ю.М. Осипова, или управленческая гуманитарология В.М. Шепеля.

Пути трансформации западной экономической науки во многом связаны с пересмотром модели «рационального человека», которая при это

[1] Подобная ситуация наблюдалась в период «маржиналистской революции», а также в 1930-е гг., когда в экономику переходят инженеры, математики и физики: это может служить объяснением той роли, какую физико-математические науки приобрели для неоклассического направления исследований. В России – это одна из причин, по которой преподавание экономики сразу «ставится на рельсы» математического аппарата и не подвергается переосмыслению.

должна оставаться центральной в экономической эпистеме. Такова, например, позиция В.А. Колпакова [342, с.55], или В.А. Автономова, который считает «наиболее пригодной» модель из социальной психологии [158]. Последователи бихевиоризма, институционализма, продемонстрировали возможности синтеза экономической науки и психологии, экономики и социологии. Практические результаты исследований поведения людей на экономические процессы (т.н. поведенческая экономика) с 2001 года неоднократно отмечались премией Шведского национального банка по экономическим наукам памяти Альфреда Нобеля [140]. В 2002 году за использование психологических исследований в экономике премией были награждены основоположник поведенческих финансов, психолог Д. Канеман и В. Смит. Наиболее известная работа Д. Канемана выполнена в соавторстве с А. Тверски. В ней были установлены когнитивные основы для общих человеческих заблуждений в использовании эвристик, а также развита «теории перспектив»[1]. В 2005 году – Р. Ауманн и Т. Шеллинг предложили «расширенное понимание природы конфликтов и сотрудничества при помощи теории игр». В 2013 году премию получили Ю. Фам и один из ведущих специалистов по поведенческой экономике, Р. Шиллер[2]. В 2017 году – Р. Талер, за изучение экономического поведения и того, какую роль психология играет в экономике (в области ценообразования, финансового планирования). Р. Талер указал на перспективы дальнейшего развития экономической науки, которые связывает с эволюцией «Homo

[1] См. Kahneman, D. Prospect theory: an analysis of Decision under Risk / Daniel Kahneman, Amos Tversky// Econometrica, XVLII. – 1979.– PP.263-291.

[2] В соавторстве с Дж.Акерлофом, Р.Шиллер написал книгу «Как человеческая психология управляет экономикой», в которой они прямо указали на особенности человеческого поведения, которые оказывают влияние на макроэкономические процессы. См. Шиллер, Р. Spiritus Animals, или Как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма / Р.Шиллер, Дж.Акерлоф. – М.: Изд-во «Юнайтед Пресс», – 2010. – 273 с.

economicus» в «Homo sapiens», изучением ошибок, эмоций и поведения человека в экономических процессах [505].

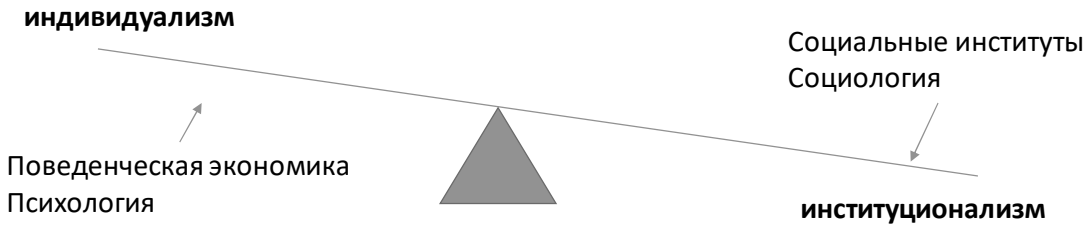

Рисунок 4.1. Альтернативы развития междисциплинарного синтеза

Разнообразный синтез экономики и психологии (поведенческая экономика), экономики и социологии (институционализм) – Рисунок 4.1, опирается на утверждение о размытости границ социогуманитарных наук и общности проблем «фрагментации» знаний об обществе и механизмах его воспроизводства. Однако этот синтез осуществляется с учётом сохранения основного тренда капиталистического развития и связан с «встраиванием» психологических моделей в существующие модели экономикса. Устраняя разрыв между теорией и практикой экономического исследования через сближение описания «экономического человека» с его реальным прототипом, программная функция управления хозяйственными процессами остаётся в рамках предыдущих парадигм – кейнсианства (требующего вмешательства системы в управление процессами), или либерализма (веры в рыночную саморегуляцию).

Искать экономику в психологии, социологии и других социогуманитарных науках – значит отвергать существование экономики как самостоятельной области исследования, усиливая разрыв между онтологией и гносеологией хозяйствования. Эволюция антропологических аспектов хозяйствования – остаётся за рамками психолого-экономического или социо-экономического синтеза: обратная связь между экономикой и её культурно-ценностным (экономизация, монетизация) воздействием на человека

оказывается вне исследования. Человек в поведенческой экономике «берётся» в контексте хозяйствования, уже погружённым в экономическую коммуникацию, без возможности трансцендирования за пределы с ним происходящего. Таким образом, даже порождённая синтезом психологических и социологических наук, новая экономика остаётся дисциплиной, не имеющей «культурного контекста», как будто она «действует в мире, который не определяется культурными феноменами и сам их не создаёт» [515, с.25].

Фрагментации социогуманитарных знаний противостоит концепция целостного, органического восприятия хозяйственной деятельности, связанной с воспроизводством не только биологической оболочки человека, но и самого Человека. В противоположность механицизму современной западной науки, с его отвлечённо-математическим стилем мышления, для отечественной гуманитарной традиции характерны представления о цельности личности, процессности, соборности. Элементы этой системной позиции в исследовании раскрыты в историософской концепции Н.Я. Данилевского, научных исследованиях И.И. Мечникова, теории этносоциогенеза Л.Н. Гумилёва, наконец – в софийности хозяйства С.Н. Булгакова. Этот принцип цельности, многообразия и целевой детерминации в познании раскрывается в русской традиции гуманитарной науки.

Перспективы развития гуманитарного концептуализма, раскрывающего внутренние ресурсы экономики, в западном мире связаны с работами выдающегося британского экономиста, Э. Шумахера. По оценкам отдельным специалистов их можно назвать «революционным взглядом на экономическую структуру западного мира» [638, с.4]. Среди современных российских исследователей следует отметить работы Е. Сабурова [475], предложившего, с неолиберальных позиций, актуализировать политическую

экономию, или В. Шепеля, сделавшего попытку дать гуманитарное описание управленческой науки, человековедческой компетенции менеджера [632]. В то время как гуманитарная позиция в экономических исследованиях всё ещё «дробится», она, согласно В.А. Фортунатовой, отличается «гибкостью, подвижностью, но в то же время ярко выраженной эмерджентностью, обусловливающей появление новых свойств и качеств, которых у прежней гуманитарной системы не было» [544, с.374].

Гуманитарный концептуализм позволяет вместо описания физических моделей экономических процессов, исследовать экономику в терминах сознания и диалога (Э. Кассирер). Истина как продукт социального действия рождается только в диалоге: «Нет другого способа понять человека, кроме изучения его жизни и поведения. Однако то, что мы при этом обнаружим, не может быть описано одной-единственной простой формулой. Неизбежный момент человеческого существования – противоречие» [314, с.14]. На смену объективной реальности экономических процессов, которые строятся на аксиоматике и дедукции, приходят гуманитарные состояния экономики как системы «социальной организации» [638, с.27]. Гуманитарные объекты обретают «экономическую маркировку» [544, с.386], что даёт возможность исследовать не только экономические процессы, опосредующие процессы воспроизводства общества, но и изменения в культуре и антропологии. Немаловажным остаётся и социальный контекст экономического знания, который раскрывается через дальнейшее развитие философии хозяйства, и в частности – её антропологическую функцию. По словам М.М. Скибицкого, «её цель – посредством очеловечивания экономической жизни придать гуманный смысл существованию человека, превратить его экономическое бытие из средства выживания в способ самореализации, самоутверждения» [482, с.15]. Так, например, феномен социального предпринимательства до сих пор не укладывается в современную исследовательскую парадигму и

вызывает множество разночтений у теоретиков [607]. Оперируя определением Э. Шумахера, поведение социальных предпринимателей является *не*экономическим: социальные предприниматели не ставят «денежную прибыль» своей целью, но саму хозяйственную деятельность, благодаря которой – решаются социальные проблемы. В России социальное предпринимательство имеет собственные исторические корни: работные дома, открытые нижегородскими купцами в конце XIX – начале XX века, «дома трудолюбия», которые содержали купцы Вятской губернии и где мальчики из бедных семей могли получить не только кров, но и профессию сапожника или скорняка, денежная помощь купечества больницам и гимназиям тому подтверждение [607, с.108]. Таким образом, можно говорить о культурном контексте социального предпринимательства, исследование которого не связано с когнитивными особенностями принятия экономических решений, но оперирует нечётким аппаратом «эмоций», человеческой совести и обращается к экономической гносеологии. Хозяйственная деятельность для личности есть, кроме всего прочего, акт познания самой себя, а также самовыражения и самоидентификации. Известный немецкий экономист и философ П. Козловски, обосновывая единство экономики и этики, предложил следующий хозяйственно-этический императив: «Поступай так, чтобы твоя хозяйственная деятельность соответствовала двойственной функции экономики – эффективному снабжению людей благами и предоставлению им возможности самореализации» [338, с.311].

Другим важным аспектом гуманитаризации экономики является развитие аксиологии хозяйствования. Аксиологические аспекты экономики тесно связаны с вопросами сохранения устойчивой биосферы. В рамках существующей парадигмы экономикса в воспроизводстве ресурсной базы не учитываются невосполнимые затраты флоры и фауны, ежегодное ухудшение

общемировой экологической ситуации. Такие экономические механизмы не могут быть созданы в рамках существующей экономической эпистемы: расходы на восстановление природной «мастерской» не отражаются на балансовых счетах глобальных корпораций, или в государственных бюджетах, а математические функции оптимизации рассчитываются на краткосрочных прогнозных интервалах, которые рассчитываются не более, чем на один человеческий век[1], и тем более – не учитывают временного интервала в несколько поколений.

Субъект-центрированный гуманизм, превалирующий в классической научной мысли, привёл к формированию «собственнической» позиции субъекта-индивида к окружающей его, природной среде обитания. В.А. Лекторский объясняет эту возникшую связь следующим образом: «Другая важная черта традиционного гуманистического идеала – это представление о том, что освободить человека, снять его зависимость от внешних сил, создать условия для его творческого самоопределения можно лишь путем овладения окружением, начиная от природы, включая социальный мир и кончая телом самого человека. Т.е. если свобода – это не просто свобода выбора из уже существующих возможностей, а снятие зависимости от того, что внешне принуждает человека к тем или иным действиям, что диктует ему эти действия или даже порабощает его, то как способ достижения свободы понимается овладение окружением» [366, с.17]. Глубокий экологический кризис, который в настоящее время является одной из главных мировых проблем, служит примером такого инструментального отношения. В.А. Лекторский пишет по этому поводу: «Представляется, что природа существует лишь постольку, поскольку ею нужно овладеть,

[1] Сценарные долгосрочные прогнозы развития начали составляться с 70-х гг. XX века и ограничиваются 50-летним интервалом. В России прогноз долгосрочного развития составляется на 20-летний период. См. Киблицкая, Т. Долгосрочное прогнозирование: сравнительный анализ и обзор опыта применения // Научный вестник ИЭП им. Гайдара. – №5, 2015. – С.37-47.

поставить под контроль, сделать как бы продолжением и частью самого человека» [366, с.18]. Таким образом, одним из направлений дальнейшего развития философско-хозяйственной мысли может стать развитие ко-эволюционной экономической парадигмы (Н.Н. Моисеев). Трудности её реализации связаны с текущим методологическим кризисом экономической мысли: любая попытка «скалькулировать» стоимость восстановления биологической массы будет скомпрометирована.

Одним из признаков современной науки является её открытость к новому, к возможности пересмотра своих теорий в свете новых данных, контекста и смены парадигм. Более эклектичный подход в экономике, связанный с использованием гуманитарного концептуализма, потребует не только применения дедуктивной логики, но и понимания процессов формирования убеждений, антропологии, физиологии, организационного поведения. Одна из таких областей – образовательная, приобретает особое значение.

Экономическая наука, наряду с другими социогуманитарными отраслями знания (социология, педагогика, культурология), становится всё более замкнутой, непрозрачной, со своим, узко-специфическим инструментарием, и субъектом (субъект-объектом) исследования. В этой ситуации актуальны именно междисциплинарные подходы: новые научные смыслы рождаются на стыках наук – там, где удаётся преодолеть барьеры разрозненности, где сам исследователь становится медиатором, умело балансирует на границах различных дисциплин, сохраняя равновесие, благодаря единству цели исследования. Рассуждая о позитивной экономической науке, М. Фридмен пишет: «построение гипотез является творческим актом вдохновения, интуиции, изобретения; его суть заключается в обнаружении чего-то нового в знакомом материале. Этот процесс надо обсуждать в психологических, а не логических категориях; изучать по

автобиографиям и биографиям, а не трактатам о научном методе, и стимулировать его с помощью афоризмов и примеров, а не силлогизмов или теорем». В условиях нарастания бессубъектности в общественных и экономических процессах, такой целью может быть сохранение гуманистического тренда, исследование условий социальной жизни, способствующей (препятствующей) сохранению (выживанию) и развитию гуманизма и человека как явления.

На границе пересечения социогуманитарных дисциплин, занятых исследованием проблем хозяйствования, зарождается междисциплинарное направление – экономическая гуманитарология как система знаний, адаптированных для принятия решений в области хозяйствования и способствующих гуманистическому развитию общества, созданию условий для гармоничного развития личности. В этом направлении область исследований экономической науки расширяется. Меняется её ракурс исследования, связанный с постклассическим представлением об онтологии экономического явления. Парадигмальные сдвиги в экономической теории, как правило, связывают с логикой экономических явлений, которые выявляются и эволюционируют в границах, очерченных областью исследования. Однако, в отличие от законов физического мира, экономические законы являются не предзаданными: они находятся в непрерывном становлении. Отсюда – факторы эволюции в экономической науке могут иметь совершенно различную природу. Это может быть не только эволюция представлений о каком-либо явлении (смена эпистемы), но также – фактическая трансформация самой природы явления, в том числе в результате действия циклической причинности (экономической перформативности, раскрытой в работах М. Каллона). Меняется не только сознание экономического субъекта, но эволюционирует сам мир

хозяйствования, аллегорично превращая экономическое исследование в погоню за собственной тенью.

Экономический субъект в классический период (Приложение 1) – это деятельностный творец-собственник, который рассматривает весь природный мир как «биологическую массу», доступную для преобразования под его нужды и задачи. Это глубокий индивидуалист и его гуманизм «разумно эгоистичен» (Б. Спиноза). Субъект в этот период статичен, имеет заданную антропологическую модель: мотивационную – рациональность, (экономизм), общественную – продукт «культуры», или «общественных отношений». Экономическая субъектность в классический период представлена концептом рационального индивида. Он ведом личными эгоистичными интересами, действует в идеальном мире, где практически отсутствует проблема неопределённости и недостатка информации. Рациональные индивиды как атомы идеального газа, сталкиваются друг с другом, воплощая в жизнь идею «войны всех против всех» (Т. Гоббс). Конкуренция между участниками обмена согласуется с теорией естественного отбора (Ч. Дарвин). Слабые и менее приспособленные уходят, лучшие и наиболее эффективные – выживают. Это условие выживания требует выработки новых методов хозяйствования. Они есть инструменты адаптации к изменяющимся условиям. В этот период в экономической науке приживается смитовская концепция «рынка» – механизма, который обеспечивает достижение равновесия и эффективности общей системы хозяйствования. Классический мир хозяйствования близок по своим характеристикам к природному, поэтому такую парадигму обозначают как натуралистическую (В.А. Колпаков). Обратим внимание, что классическое направление исследования рождается в определённом контексте, а именно – в связи с оправдание капитализма и свободной конкуренции. В работах многих политэкономов прослеживается убеждение в полезности рыночного

механизма. Равновесие обеспечивается единством экономической «рациональной» природы человека. И этот вывод впоследствии «укрепляется» математическими моделями идеального мира экономики (А. Маршалл, Дж. Вальрас).

Неклассический период для экономического субъекта связан не только с утверждением новых субъектных форм, к которым можно отнести коллективного субъекта (Дж. М. Кейнс), но также – изменением представлений о сфере познания субъекта. В границах экономического исследования появляются вопросы, которые впоследствии станут основой современной поведенческой экономики, – например, насколько связана деятельность экономического субъекта с его личными (индивидуальными) представлениями об экономической реальности (проблема осведомлённости субъекта в работах Дж. М. Кейнса). В этот же период обнаруживается, что экономические законы тесно связаны с их имплементацией. Экономический закон утверждается в идеализированном представлении о реальности как результат несложных математических операций. Однако благодаря всепроникающей экономизации и распространению товарно-денежной логики отношений на новые области социальной жизни (коммодификация), он онтологизируется как закон квази-реальный, до тех пор, пока эволюционирующая ткань хозяйственной реальности не укажет на его ложность (фальсификационизм К. Поппера), или воспримет как новую область своей фактичности (перформативность М. Каллона). Однако, как верно замечает Й. Шумпетер, «ни великая мысль, предлагающая рассматривать экономику как результат изменений окружающей среды, ни допущение имманентного экономике – «органического» развития не в состоянии справиться с многочисленными фактами, ждущими своего объяснения». Для этого представителям периода неклассической рациональности в экономике по-прежнему требуется субъект. Однако

экономический субъект Дж. М. Кейнса и К. Маркса – это концепт, взятый «в скобки», вынесенный за пределы исследования, но ещё остающийся в пределах видимости исследователя. Предприниматель Й. Шумпетера всё больше напоминает «традицию», субъекта, как этическую рамочную установку, функцию, с помощью которой мир хозяйствования открывается через призму отношений активных (предпринимателей) и неактивных (квазистатичных капиталистов и статичных работников). Объективированная атомизированная картина мира хозяйствования неоднородна и непостоянна, вследствие чего рассмотрение экономики через действия её субъектов невозможно. Государство как всезнающий субъект (субъект-план в советской экономической школе, государство-контроллёр рынка в кейнсианстве) решают проблему «иррационального» поведения индивидов-субъектов через прямое вмешательство в хозяйственные процессы.

Неклассический период завершается вместе с распадом Бреттон-Вудской системы денежного обращения (1944 г.), когда в экономической политике всё большую популярность получает монетаристской концепция – управления денежно-кредитной сферой (М. Фридман). В мире происходит оформление рынков капитала (финансовых рынков), которые постепенно не только освобождаются от рынков реального производства, но и начинают оказывать влияние на реальные производственные процессы. Субъект (в том числе коллективный) постепенно «растворяется» в денежно-кредитных отношениях. В экономике завершается «лингвистический поворот», который приводит к утверждению доминирования финансовых отношений над реальным производством, причём в глобальном масштабе. В этот период экономика представляется как саморегулируемая система, поэтому вмешательство «всезнающего» коллективного субъекта, государства, должно быть ограничено мерами контроля за денежным обращением.

В 60-70 е гг. руководители стран с рыночной экономикой находятся в поисках оптимальных моделей для построения экономической политики. Практика показывает, что политические решения не могут быть отделены от экономики (экономический кризис 70-х гг.). Пересмотр экономической теории приводит к тому, что проблема экономического субъекта связывается с проблемой наблюдения. Экономическое поведение, наблюдаемое исследователем – это наблюдение «второго порядка», результат отражения субъектных качеств индивида в определённых экономических условиях. То есть это поведение, всегда взятое «в контексте». Одна из ветвей экономического исследования направляется в сторону экономической синергетики. Если всякое наблюдение – это лишь «узкий» факт, который не даёт возможность дедуктивных обобщений, то требуется индукционная гипотеза, которая позволит дать хоть какую-то его трактовку (многочисленные теории «экономики развития», например, Р. Солоу). В период постклассической рациональности на первый план выходят вопросы индукции экономического знания, проблемы обобщения и генерализации гипотез об экономическом поведении субъекта. Представители чикагской школы утверждают, что для того, чтобы экономическая политика стала эффективной, «агенты» должны знать, в чём суть экономической политики и становится рациональными участниками. Начинается выработка методов «программирования» экономического субъекта. Неэффективность существующих моделей управления связывается с тем, что человек «не укладывается» в систему рациональных ожиданий, которые возможно программировать на основе количественных, технически обеспеченных средств.

Таким образом, можно выделить три возможных дальнейших направления развития экономической мысли.

Во-первых, это дальнейшее обобщение представлений об экономическом поведении человека с целью «программирования» его рациональных реакций. Потенциал «рационализации» поведения индивида не исчерпывается современными методами политической агитации. Он связан с развитием идей управления неосознанными реакциями человека на стимулы экономического поведения. Благодаря поведенческой экономике происходит своеобразный возврат к атомизму. Субъект представляется иррациональным участником экономических отношений в силу особенностей биологии (психологии человека). В связи с этим – имеется возможность управления хозяйством на основе воздействия на его поведение. Эти представления существенно эволюционировали – от узкой эгоистично-рациональной модели субъекта до многофакторных моделей экономического поведения. Культурные и когнитивные аспекты поведения экономического субъекта включаются в такие причинно-следственные модели на правах условия, а их интеграция (сборка) осуществляется с использованием современных математических методов обработки (например, с применением методом машинного обучения). Именно это направление в экономическом исследовании Ф. Майровски справедливо обозначил «наукой о киборгах».

Вторым направлением остаётся намеченный в работах К. Маркса путь экономического исследования, связанный с изучением абстрактного движения капитала, бестелесных экономических сил. Лишённый своего онтологического обоснования (например, в традиции гегелевской школы), капитал и стоимость изучаются в абстракции макроэкономических показателей и действии общественных институтов. Этот подход, действительно, позволяет констатировать критическое состояние системы общественного воспроизводства (Т. Пикетти), наблюдать волнообразное движение экономических циклов, или обсуждать роль институтов в

экономической жизни. В пользу институционального подхода в исследовании экономики выступают многие современные экономисты, на их сторону встают представители неоклассического мейнстрима, и даже Австрийской экономической школы.

На фоне этих двух альтернатив, предлагается выделить и третье направление, которое берёт своё начало в работах С.Н. Булгакова. Он говорит о необходимости признания трансцендентального (всеобщего) субъекта хозяйствования, носителя хозяйственной функции. Таким субъектом он признаёт человечество как таковое, «живое единство духовных сил и потенций, к которому причастны все люди, умопостигаемый человек, который обнаруживается эмпирически в отдельных личностях». Индивид подобен хозяйствующему человечеству, но это подобие не связано логикой «отклонения от среднего»: хозяйствующий человек есть неделимая часть всеобщего хозяйствующего человечества, поэтому в нём фрактально совмещено индивидуальное и коллективное. Вопросы экономики и организации хозяйства, таким образом, переходят в плоскость не рационально-математическую, или институциональную, а – скорее, антропологическую. На первый план новой программы экономического исследования (обозначенной ранее как экономическая гуманитарология) выходит актуализация гуманистического потенциала современных систем хозяйствования, обеспечения ими приоритетных возможностей в формировании перспектив развития человека и общества. Одним из основных вопросов экономического исследования становится вопрос создания условий для проявления субъектности.

Направление экономической гуманитарологии можно рассматривать как набор принципов, способствующих изучению условий гармоничного сосуществования бессубъектного, институционального, общественного (как результата исторического развития системы общественного

воспроизводства) и современного, живого, субъектного, индивидуального. В определённом смысле эта задача является парадоксальной, своеобразным вызовом для научного сообщества, которое требует консолидации усилий представителей различных наук. Особенно актуальным это направление становится в условиях цифровизации и роботизации, изменения структуры труда, трансформации профессионального мира будущего. Для решения этих вопросов актуальными становятся социально-философские методы исследования, позволяющие дать разностороннюю оценку общественным процессам и роли человека в современной экономике.

4.3. Модельно-теоретическая реальность образовательного пространства как область воспитания экономической субъектности

На протяжении истории понимание роли образования в обществе менялось: от различных взглядов античных философов на возможность научения добродетели (Аристотель, Платон, стоики), до споров об определении ведущей роли практического, или теоретического знания (схоластика и Новое время). Философия французского Просвещения, которая возвела на идеальную высоту ценность самостоятельного суждения личности (основа гражданского общества), а также дальнейшее развитие этой идеи в трудах представителей немецкой классической мысли (И. Фихте, И. Кант) укрепило связь между свободной личностью и знанием[1], а также утвердило мысль о зависимости между уровнем образования людей и развития общества в целом. Нравственность, как третья составляющая в этой связи, которая была неразрывно связана с самой свободой и образованием (в т.ч. его

[1] Связывая образование и состояние «морального мира», И. Фихте определяет, что «одно из внутренних определений человечества состоит в том, что оно свободно творит из себя... отпечаток разума», что «истинная цель его существования – все же не разумное бытие, а разумное становление чрез свободу». См. Фихте, И.Г. Основные черты современной эпохи / Фихте; Пер. с нём. Л.М.; Под ред. Н.О. Лосского. – Санкт-Петербург: Д.Е. Жуковский, 1906. – С.80

воспитательная функция в трактовке В.Ф. Гегеля) со временем уступила место прагматизму социального института образования. Он стал восприниматься как необходимый механизм для воспроизводства общества, путём сохранения и передачи культурных и хозяйственных процессов от поколения к поколению (М. Вебер). При этом роль образования в развитии нравственных качеств отдельной личности в XX веке сменилась[1] установкой на образование как средства утверждения своего места в обществе («социальный лифт»), способа избежать растущих рисков, и наконец – как «товар» [328, с.38-77], или капитал, который может быть оценён, в том числе описан в количественных оценках (как функция прироста будущих доходов). Так, П. Джарвис различает четыре подхода, которые описывают то или иное измерение «обучающегося общества». При этом роль образования в становлении гуманного общества (С. Рэнсон) обозначается как идеалистическое, «футуристическое». Более реальными сегодня считаются такие концепции образования («планирующий», «рефлексивный» и «рыночный»), которые развивают прагматическую функцию образования как института, помогающего человеку приспособиться к социальной жизни.

В обществе знаний образование становится одним из основных факторов интенсификации процессов воспроизводства. Совокупность ресурсов, формирующихся по результатам образования, трудно идентифицируемы. В ходе обучения формируется такие продукты человеческого развития, которые могут быть описаны понятиями инициативы, решительности, тяги к открытиям, сознательной деятельности. Можно указать на прямую зависимость экономики от образовательной сферы, и одновременно – на существование обратной связи (экономика монетизирует образование). Современные образовательные технологии,

[1] Подробнее см. Jarvis, P. Globalization, the Learning Society and Comparative Education // Comparative Education, 2000. – Vol. 36. – №3. – P. 346.

образовательные товары и услуги, производят новый род ценностей, который определяется как личностная конкурентоспособность, или индивидуальная траектория профессионального роста, представленная в виде сценариев будущего.

Несмотря на прагматическую функцию современной образовательной системы, образование по-прежнему может рассматриваться как «буферная зона», «поле компромисса» между экономикой как технологизированной этичностью и человекоразмерными потребностями. Они проявляются в интенциях, вопросах, образовательных установках (доктринах и приоритетах), которые в той или иной степени удовлетворяются со стороны существующей системы образования. Отсюда следует, что любые вопросы организации образовательной среды остро переживаются обществом, способны создавать очаги социальной напряжённости, ярко освещая проблемы в медиа-пространстве (например, введение в России единого государственного экзамена, реформирование системы присвоения научных степеней, замещение очного обучения дистанционным).

С одной стороны, современная образовательная система по-прежнему выполняет рефлексивную функцию общественного сознания. Рассуждения о будущем страны, полемика относительно сценариев её дальнейшего развитии, освещение острых политических вопросов, становясь предметом научного, или академического исследования, внутри образовательной среды «теряют» свою «остроту», позволяя всесторонне изучать вопрос с применением теоретического инструментария. Таким образом, освещая проблемы экономического развития, образовательная среда позволяет их исследовать, оставаясь в стороне (освобождаясь) от действующих политических процессов. И. Кант называл идею университета поиском и

«публичным изложением истины»[1]. Благодаря этому экономические явления можно вынести на свет в их «обезоруженном состоянии», лишёнными своей перформативной силы, а иногда – в состоянии, свободном от идеологических наслоений. Так экономика становится объектом наблюдения, а не субъектом. Эта особенность образовательных процессов создаёт возможности для стратегического, осознанного мышления людей, а значит, – их включения в социальную жизнь как субъекта экономических процессов.

Как и другие явления непроизводственной сферы (искусство, спорт, медицина), образование имеет дело с «калькулирующим мышлением» (М. Хайдеггер), вовлечено в «дурную бесконечность» товарно-денежных, стоимостных отношений. Ещё в 1940–1960-х гг. идеолог общества знаний, П. Друкер, говорит об особом назначении работника знаний (от англ. яз. «knowledge worker»)[2], где образование – «исключительный по значимости источник, который может дать конкурентные преимущества обществу и экономике; именно образование способно сделать работника знаний продуктивным» [39, p.5]. Следом основоположник современной теории «человеческого капитала», американский экономист Т. Шульц[3], пишет: «…будущее человечества не предопределяется ни энергией, ни площадью и качеством пахотных земель. Оно рождается в процессе интеллектуальной эволюции человека» [427, с.348]. Он проводит прямую связь между

---

[1] Он писал, что университет (высшая школа) есть «учёное сообщество, где важнее всего истина, поиск которой – дело философского факультета». См. Кант, И. Спор факультетов / пер. с нём. М. Левиной // Кант И. Сочинения в восьми томах. – М., 1994. – Т. 7. – С. 58.

[2] П. Друкер утверждал, что «работник знаний есть главный "фактор производства", благодаря которому высокоразвитые общества и экономики сегодняшнего дня – США, Западная Европа, Япония, а также все более Советский Союз, становятся и остаются конкурентоспособными». См. Drucker, P.F. The New Society. The Anatomy of Industrial Order. – N.Y., 2010. – P. 357.

[3] Лауреат Премии Шведского национального банка по экономическим наукам памяти Альфреда Нобеля 1979 года (совместно с У. Артуром Льюисом) «за новаторские исследования экономического развития с учетом проблем развивающихся стран». См. Лауреаты Нобелевской премии по экономике: автобиографии лекции, комментарии / под ред. члена-корреспондента РАН В.В. Окрепилова. – Т.1-3. – Спб.: Наука. – 2007. – С.357.

вложениями в образование и ростом производительных сил развивающихся стран, не только вводя в оборот понятие «человеческого капитала», но и «качества человеческого фактора», «вложений в человеческий фонд». Учитывая, что подготовка специалистов в экономике знаний невозможна без образовательной системы и развитой медицины, институт высшей школы и вся система здравоохранения «включились» в процессы воспроизводства капитала: они рассматриваются как часть конвейерной системы по подготовке человеческих ресурсов[1]. Это не проходит бесследно для университетской среды: таким образом, она приобретает культурные черты производственной корпорации. Последнее касается не только внедрением количественной системы управления (рейтинговая оценка вузов и их конкуренция на глобальном рынке образования), но и качественным переформатированием всего процесса обучения, которое предлагает обществу не благо, но образовательную услугу (акцент на «сервисном статусе» вуза). Образование позиционируется как «товар», который в обществе знаний можно получать даже «про запас» [439, с.116].

Как показывают статистические исследования, имеются сомнения в существовании прямой зависимости между уровнем образования и уровнем благосостояния нации [118; 143], однако следует признать, что благодаря образованию в обществе накапливается большее количество форм хозяйственной жизни. Чем «богаче» образовательная система и чем выше «экономическая сложность»[2] [65; 60], тем больше возможностей для

---

[1] Т. Шульц обосновывает это следующим образом: «В теории человееского капитала состояние здоровья каждого человека рассматривается как некйи фонд, т.е. как капитал здоровья, а вклад этого капитала – как услуга здравоохранения». См. Лауреаты Нобелевской премии по экономике: автобиографии лекции, комментарии / под ред. члена-корреспондента РАН В.В. Окрепилова. – Т.1-3. – Спб.: Наука. – 2007.– С.353.

[2] В визуальном атласе, составленном по показателю «экономического разнообразия» американскими экономистами Рикардо Хаусманном и Цезар А.Хидальго Россия заняла 46 место. Статистика показала высокую связь между этим индексом и доходом на душу населения. См. Hausmann, R. The Atlas of Economic Complexity: Mapping Paths to Prosperity

развития личности, а значит – ниже степень «отчуждения». Как было показано раньше, хозяйственная система такой страны более устойчива в силу действия синергетического закона самоорганизации. С этой точки зрения, чем больше создаётся разнообразных и специализированных рабочих мест, тем больше у страны возможностей организовать различные хозяйственные процессы. Именно это может быть фактором того, что экономисты обозначают как «процветание».

Большинство современных хозяйственных процессов требуют больше знаний, чем способен вместить один человек. Образовательная среда является сферой непрерывной передачи опыта хозяйственных процессов, качество усвоения которых обучающимися определяет степень устойчивости существующих хозяйственных механизмов. Эта сторона образовательного процесса в целом соответствует целевым установкам по формированию дискретных моделей человека (например, компетентностная модель выпускника высшего учебного заведения [220]; [282]; [463]). Однако, возможности для дальнейшего развития хозяйства (экономики), потенциал их изменений, определяется степенью осознанности обучающимися самого предмета изучения. Иначе – образовательная среда будет превращена в формальную систему, которая, по меткому выражению Л. фон Берталанфи, программирует человека, чтобы он стал «идеальным потребителем, или автоматом, адекватно реагирующим на все приказы господствующей политической, военной и промышленной системы» [14]. На эти же тренды в изменении образовательной парадигме указывают и другие мыслители: Д. Соммер, называл её «сборочным конвейером», который создаёт «вымышленных персонажей с малым человеческим содержанием» [498, с.43], Л. Ларуш – обратил внимание, что она лишает людей независимого

/ Ricardo Hausmann, César A. Hidalgo, Sebastian Bustos, Michele Coscia, Alexander Simoes, Muhammed A. Yildirim. – Harvard Kennedy School, 2013. – 90 p.

мышления, делая их «жертвой абсурдных мнений» [362]. Проблема образования как услуги стала формироваться вследствие утраты описанной выше двойственной природы образования (обучение тому, что есть и одновременно – осознание, почему оно такое, как есть). Профессия сегодня воспринимается как «набор мыслительных атрибутов», обладание которыми позволяет причислить себя к той или иной сфере занятости (врачи, архитекторы, инженеры, адвокаты). Отчасти эти представления были сформированы, благодаря влиянию известной Чикагской школы экономики (М. Фридман, Дж. Стиглер, Дж. Вайнер, Г. Беккер и др.). Согласно их представлениям, человек получает образование, чтобы увеличить свой потенциал, который, в свою очередь, необходим, чтобы получить более высокий доход и отсюда – большее удовлетворение от работы. Вся образовательная подготовка индивида стала рассматриваться с точки зрения калькулирующего мышления инвестора. Существуют примеры реальных расчётов (Г. Беккер), показывающих, что инвестиции в человеческий капитал в США приносят более высокую норму процента, чем инвестиции в ценные бумаги [18, p.11]. Как следствие, личность человека «поглощается» приобретённой им ролью, его искусственным, социальным «я» (Э. Дюркгейм), прежде всего вследствие отсутствия самого осознания сущности (содержания) роли, а также её исторического развития. Профессия воспринимается как данность настоящего отрезка времени, а не результат эволюции, проб и ошибок предшественников. Это проявляется в снижении роли педагогических методик в образовательном процессе, переходу к бихевиористским моделям обучения (Дж. Уотсон, Б.Ф. Скиннер). Образовательная система от непрерывного процесса образовательной подготовки перешла к дискретному формированию готового продукта – «выпускника». В то же время современные экономические исследования вновь и вновь доказывают, что образование, где изучаются факты и цифры

(формальное образование), не дают такого производительного эффекта, как знания «негласные», которым сложнее обучить. Этот вопрос стал особенно актуальным в связи с проникновением в образовательную среду информационно-коммуникационных технологий, которые в большей степени предназначены для передачи «чётких» знаний.

В период стремительного развития информационно-коммуникационных технологий развитие института образования и его эффективность во многом стала определяться темпами цифровизации и виртуализации. Стремительное внедрение моделей электронного обучения оказало значительное влияние на традиционные модели общения и передачи знаний. «The New York Times» назвал 2012 год «Годом МООК[1]» [112]: после эксперимента по онлайн-обучению, который привлёк около ста тысяч студентов, к новой форме образовательного процесса вспыхнул мировой интерес. Это привело к возникновению множества площадок онлайн образования (Udacity, Coursera, EDx[2]) и вновь сделала актуальными вопросы развития образовательной парадигмы. Обучение стало массовым, доступным, непрерывным, но одновременно – творчество заменила механика «научения», которая затронула вопросы мотивации обучающихся, роли преподавателя в развитии этой мотивации. В рамках электронного обучения образовательный процесс, как правило, основан на передаче обучающей информации посредством информационно-коммуникативных каналов связи, дистанционно установленных между учеником и преподавателем. Не углубляясь в классификацию вариантов дистанционного и электронного (E-learning) обучения [654]; [641]; [121], следует отметить массовость и глубокое проникновение вариантов удалённого взаимодействия ученика и

[1] MOOK – сокр.от англ. «massive open online course», рус. «массовые открытые онлайн курсы».

[2] Udacity была создана Себастьяном Тран, профессором информационных наук, который покинул Стэнфордский университет ради своего образовательного проекта.

преподавателя. Это явление получило неоднозначную оценку в среде социологов. По мнению М. Кастельса высшее образование в западных странах будет наименее затронуто «виртуальной логикой», а качество образования, тем не менее, будет определяться обучением «лицом к лицу» [319, с.373]. Однако стоит согласиться, что массовое онлайн (или wi-fi) образование «наступает» на традиционное обучение в невиртуальных классах, с «живым» преподавателем. Среди положительных моментов такого обучения выделяют, например, персонализацию под потребности обучаемого [285, с.70], доступность и гибкость в выборе учебного заведения, непрерывность образования, экономия на затратах [575, с.125]. В связи с этим можно говорить об изменении миссии преподавателя в информационную эпоху. И она заключается не столько в новых формах преподавания (новых форм коммуникации и взаимодействия), сколько о той функции, которую преподаватель должен выполнить в эру «информационного изобилия». Необходимо помочь ученику избежать духовного вакуума, который формируется как под действием агрессивной информационной среды, так и в результате «бегства» человека от самого себя. Перед взрослеющей личностью встают новые проблемы, такие, как мотивация к обучению, умение работать с большими массивами данных (обучающиеся перегружены информационными потоками) [641, с.84], а также вопросы защиты от некачественной информации.

Критика «компьютерной педагогики», как подменяющей человеческое творческое общение [356, с.57], или наоборот – уверенный оптимизм в том, открытые знания могут «перевернуть мир» высшей школы («оставив лишь 10 университетов» [500, с.878]), являются крайностями. Сами по себе информационно-коммуникационные технологии, будучи инструментами, не определяют массовое сознание. Здесь следует согласиться с Т. Адорно: «техника не является ни первенствующей общественной сущностью, ни

человечностью, а только чем-то производным, формой организации человеческого труда» [161]. Однако повсеместное проникновение информационно-коммуникационных технологий в образовательную среду и та лёгкость, с которой они стали отвоёвывать пространство традиционного образования, говорят о глубинных процессах, происходящих в парадигме образовательного процесса. Сама возможность замены личности преподавателя информационным аудиовизуальным потоком говорит о том, что происходят изменения в выборе моделей трансляции знаний, то есть традиционных правилах взаимодействия ученика и учителя. Онлайн-педагогика, в том числе порождение множества малых инновационных предприятий в образовательной сфере, напоминает процесс изменения профессиональной среды журналистики, в которой личность журналиста была подменена усреднённым, почти анонимным, журналистом-блоггером (которым может быть каждый). Подобным образом можно наблюдать, как в среде любителей дистанционного обучения «заново открываются» старые педагогические истины и приёмы, развитие которых было «заморожено» в классических университетах в период затяжных экономических кризисов в России в 90-е гг. А профессия педагога усредняется настолько, чтобы её можно было заменить механической компиляцией информации.

В условиях роста возможностей переформатирования образовательной реальности, вновь поднимается вопрос о том, каким образом воплотить идею о двухстороннем обучении, которое воплощает идею детерминизма и случайности. Обучение в форме дискретного программирования соответствует модели, которую А.М. Дорожкин обозначает как «кормление ребёнка» [263, с.394]. В этом случае – обучающемуся не предоставляется выбора, чему его будут учить, выбор материала и отношение к нему полностью остаются на усмотрение преподавателя, обучающийся вынужден «слепо» доверять передаваемым ему знаниям. При этом количество

информации ограничено рамками, которые устанавливает преподаватель. В таких условиях использование информационно-коммуникационных технологий, действительно, позволяют сократить затраты на образовательный процесс. Создание распределённых баз знаний приобретает ведущую роль в этом процессе. Это сегодня является одним из основных двигателей развивающегося рынка дистанционных образовательных услуг. Однако именно модель "кормления ребёнка" противоречит условиям нарастания объёма знаний в информационном обществе: обучающийся неизбежно столкнётся с разрывом между практикой и теорией, на что постоянно указывают глашатаи постиндустриального общества. Таким образом, форма «кормления ребёнка» является исключительно удобной моделью для трансляции через современные цифровые каналы связи, но только в тех областях знания, которые можно считать классическими, базовыми, пороговыми и не переживающими период становления. Заметим, что модель «кормления ребёнка» подразумевает не только обучение на уровне «знаний», но и на передачу умений и владений, в форме заученного и доведённого до автоматизма алгоритма вычислений (например, алгоритма оценки финансово-хозяйственной деятельности организации), набора формул, схем организации процессов (виды организационной структуры предприятия). Неизбежно возникает проблема разрыва между теорией и практикой, не позволяющая оперативно реагировать на изменение самоорганизующейся хозяйственной системы. Это постоянно возобновляет вопрос о вовлечении работодателей в процессы обучения экономических дисциплин. И здесь на первый план выходят не новые методики обучения, а личность самого преподавателя, которая одна только и способна своим собственным развитием «успевать» за темпом изменения окружающей среды.

Знание можно подразделить на два вида: кодифицированное и неотделимое от человека. Кодифицированное знание сохраняется и передаётся с помощью носителей в виде текстов, схем, рисунков и т.д. Неотделяемое знание, если и передаётся, то исключительно – от учителя к ученику. Обычная (кодифицированная) лекция преподавателя в классе, когда у студента не возникает необходимости личного общения, может быть заменена на дистанционную, в том числе в записи. Быстро развивающиеся инструменты поиска, а также базы знаний, позволяют без труда получить доступ к нужной информации (при условии их правильной классификации). Иначе обстоит дело с авторской лекцией, в которой отдельным моментам знания придаётся разная значимость (акценты), выделяются достоинства и недостатки тех, или иных положений, а также даются конкретные практические рекомендации для применения знаний. Особенностью авторской лекции является её историчность, то есть непрерывное изменение, по мере изменения личности самого преподавателя. Прежде чем переходить к технике аудита (бухгалтерского учёта, финансового планирования), следовало бы показать, каким было бы предприятие без этих процессов, в чём их смысл, смоделировать сценарии развития предприятия в их отсутствии, предложить варианты изменения существующих форм планирования. Однако такая (авторская) модель образовательного процесса является затратной (экономически невыгодной). Информационно-коммуникационные технологии в настоящее время не предназначены для регулярной автоматизации процессов авторской, личностной обработки информации, прежде всего, в силу своей дискретности. Процесс изменений хозяйственных процессов, в свою очередь, непрерывен. В результате – современный выпускник может ощутить свою «отчуждённость» только закончив обучение и не приступив к работе. Согласно исследованию Фонда «Сколково» и Агентства стратегических инициатив, в РФ в ближайшие 30

лет появится более 200 новых профессий, а более 50 профессий исчезнут [379].

Обратная сторона образовательного процесса, которая в литературе обозначается как студентоориентированное (студентоцентрированное, от англ.: student-oriented approach) обучение [7], [123], [132], [137], ориентирует институты образования на интересы самих обучающихся. Темпы роста и развития личности обучающегося могут не соответствовать темпам изменения экономической среды. Вот почему такое значение приобретает переход к двухуровневой (многоуровневая, или индивидуальная траектория обучения) системе знаний, которая позволяет одним обучающимся довольствоваться моделью «кормления ребёнка», а кому-то – опробовать свои силы в других моделях взаимодействия с преподавателем. Например, в модели сократовский «раздувающийся шар изучение нового, открывает для обучающегося новые, интересные для исследования вопросы, и процесс этот кажется бесконечным. Проблема обучения по типу «раздувающегося шара» может быть сравнима с общей проблемой науки, обозначаемой как «дурная бесконечность» (Schlechte Unendlichkeit, В.Ф. Гегеля)[1]. Пользуясь безграничной научной библиотекой, которая ежесекундно пополняется новой информацией (по прогнозам IDC, к 2020 г. цифровая вселенная достигнет объёма в 40 зеттабайт [472, с.24]), создаётся ложное ощущение невозможности «объять необъятное», или – бессмысленности обучения тому, что можно найти методами Интернет-поиска. Даже средства обработки информации (в т.ч. поисковой обработки) не успевают за объёмом цифровой проекции нашей вселенной. В этом смысле задача обучения может сводиться к построению "хорошей" бесконечности, которая сравнима с кругом. Круг или шар, как идеальная форма переданных знаний, должен иметь свои

[1] Мы не можем указать границ опытной науки, которая похожа на постоянно удаляющийся горизонт. И сколько бы мы не открывали, нам становятся доступны ещё больше, новых областей неизведанного.

границы, или координаты, которые и должен задать преподаватель, по мнению Сократа, такое обучение аналогично рождению ребёнка. В этом смысле преподаватель становится «повивальной бабкой, помогающей роженице» [263, с.395]. Более того – имеет смысл намеренно не направлять ученика в те горизонты (не давать координаты вектора), которые остаются неизведанными, или спорными, или где ученик способен проявить личное творчество. «Изобретение велосипеда» можно рассматривать только как положительный опыт для обучения, так как обучающийся приобретает уверенность в возможности делать собственные выводы, почувствовать интерес к выработке собственных методологий (а это уже область научного творчества). В контексте изменения стандартов коммуникации преподавателя и ученика, с лично-ориентированной (социальной) на удалённую, дистанционную, чтобы нивелировать негативный опыт ученика от обозрения бескрайних «горизонтов» науки, имеет смысл сузить этот обзор, задав конкретную проблемную ситуацию. Таким образом, он отправляется в путь, имея конкретную проблему, ведомый целью (Таблица 4.2).

Таблица 4.2. Трансляция знаний в модели "раздувающийся шар" [600]

Размерность	Негативный опыт (дистанционные технологии в традиционном обучении)	Положительный опыт (новые методы дистанционных технологий)
Что?	Формирование сводного перечня литературных источников к теме, доступ к которым открыт в Интернет.	Проблемная ситуация (кейс), для решения которой приводится перечень ссылок на опыт решения подобной проблемы.
Результат	Новые вопросы при «просмотре» безграничного объёма	Решение проблемы, пользуясь опытом прошлого.

Размерность	Негативный опыт (дистанционные технологии в традиционном обучении)	Положительный опыт (новые методы дистанционных технологий)
	материала, который предстоит прочитать.	
(де)мотивация	Знаний так много, что я не могу "охватить" их все, а значит дело - бесполезное.	Задача требует решения, и я могу её решить, пользуясь опытом прошлого.
Модель	Деформация "шара".	Расширение шара по заданному вектору.

Способности обучающегося освоить картину хозяйства, фиксированную (детерминизм) на временном историческом интервале (модель «кормления ребёнка» или «сократовский шар»), зависят от степени развития критического мышления. Именно критическое мышление считается одним из наиболее актуальных в условиях развития информационно-коммуникационных и медиа-технологий, когда «знания неотделимы от процесса мышления» [115, p.47]. И следует признать, что не все обучающиеся способны адаптироваться к темпам изменения экономической системы хозяйствования, которая «отчуждает» даже «успешных». Адаптация внешних знаний, которые могут быть инородными для системы наличного знания, не просто присоединяются к последнему, но в процессе активной и иногда весьма болезненной процедуры превращается в наличное. Примером такого знания может служить предпринимательская подготовка. Далеко не все обучающиеся воспринимают предпринимательство как возможность личностного роста, имеются культурно-исторические особенности восприятия этой темы, которая может остаться для них в роли «бородавки» [263, с.396], образуя некое неустойчивое единство между наличным и новым знанием. Применение проектно-ориентированных методов обучения, в том числе с использованием информационно-коммуникационных технологий

[589], позволяет излечить «занозу», однако только в тех областях, где само знание может рассматриваться как инструмент, средство обработки (информации, данных, других знаний). Положительный опыт применения проектно-ориентированных методов обучения с использованием ИКТ в области предпринимательства [602]; [447] открывает новые возможности для педагогического творчества.

Образовательное пространство, трансформированное в экономической реальности, в «услугу», в определённый сорт «товара», также становится сферой продуцирования отчуждения, когда оно само начинает восприниматься как матрица, как определённая мировоззренческая основа для будущего предпринимателя. В этом свете может быть сформулировано «новое предложение» для экономической педагогики. Оно может быть сформулировано следующим образом: мы изучаем экономику не для того, чтобы играть по её правилам, а чтобы эти правила менять, учитывая недостатки, выявленные при реализации моделей на практике. Самосовершенствование, самопознание, саморазвитие должны подразумевать не только навыки реализации экономических инициатив, но и (сегодня в коммуникативной экономике это особенно актуально) навыки противодействия навязанным принципам, декларирующим бессубъектность как нравственный принцип.

В отличие от вопросов экономического обучения, социально-философский анализ предпринимательского обучения как особого вида педагогической деятельности представлен в ограниченном количестве источников. Как правило, предпринимательское образование представляет интерес для социологии, так как тесно связано с развитием социального института образования, в частности – появления «предпринимательского

университета»[1] (Б. Кларк, Г. Эшковиц), его особой роли в формировании и поддержке процессов общественного воспроизводства, прежде всего – интенсификации инновационных процессов [250]; [473], особой роли выпускника – инноватора (А.О. Грудзинский, А.Б. Бедный). В то же время практика обучения предпринимательству, воспитания предпринимательского духа, требует разработки новых методов, прежде всего основанных на проектном и проблемно-ориентированном подходе к обучению. Рассуждая о позитивной экономической науке, М. Фридмен пишет: «построение гипотез является творческим актом вдохновения, интуиции, изобретения; его суть заключается в обнаружении чего-то нового в знакомом материале. Этот процесс надо обсуждать в психологических, а не логических категориях; изучать по автобиографиям и биографиям, а не трактатам о научном методе, и стимулировать его с помощью афоризмов и примеров, а не силлогизмов или теорем» [49, p.43].

С одной стороны, проектное (проблемно-ориентированное) обучение представляет собой симуляцию экономической деятельности, в которой множество решений приходится принимать в условиях избытка информации (неопределённости), а также с учётом постоянного изменения. Организация проектного обучения требует новых, более сложных форм организации образовательного процесса – например, в форме студенческих (молодёжных) бизнес-инкубаторов [583]; [584]; [585], своеобразных лабораторий практико-ориентированного обучения. Молодёжный бизнес-инкубатор называется одним из ключевых элементов любой инновационной системы. Его основной функцией является обеспечение и поддержка процесса превращения новаторской идеи в полноценное, эффективно работающее малое

[1] Теория предпринимательского университета наиболее известна в контексте концепции «Тройной спирали» Г. Эшковица, а также в контексте развития идей неоинституционализма. Подробнее см. Etzkowitz, H. The Triple Helix: University–Industry–Government Innovation in Action. – New York, Routledge, 2008.

предприятие. Как показывают социологические исследования мотивационной сферы участников молодёжной предпринимательской[1] среды [590, с.56] большинство (до 60%) обучающихся готово работать на этапе формирования организации. Эта группа студентов побуждается, прежде всего, желанием получить профессиональный опыт, новые знания, умения, навыки, а также интересом к содержанию деятельности. Целевой аудиторией молодёжного бизнес-инкубатора следует считать именно эту группу, опираясь на положительные мотивы которой, можно развивать у студентов готовность к созданию собственного бизнеса, ведению предпринимательской деятельности. Для второй группы студентов обучение в бизнес-инкубаторе обеспечивает возможность ориентироваться в условиях современной деловой среды, а также более чётко осознать свою профессиональную роль. Студенты, проходящие подготовку в бизнес-инкубаторе, обладают определённой структурой терминальных ценностей, среди которых преобладают потребности в сохранении собственной индивидуальности, достижениях и высоком материальном положении. Внутренние ценности участников бизнес-инкубатора преобладают над внешними.

Отличие в мотивации предпринимателей от потребностей людей наёмного труда одним из первых отметил Й. Шумпетер в начале прошлого века в своей работе «Теория экономического развития». Он писал: «в отличие от других хозяйственных субъектов «экономический мотив» предпринимателя – стремление к приобретению благ – не будет связан с

[1] Под молодежным предпринимательством понимается «осуществление гражданами в возрасте до 30 лет предпринимательской деятельности, а также юридическими лицами – субъектами малого и среднего предпринимательства, отвечающими следующим условия: средний возраст штатных сотрудников и возраст руководителя – до 30 лет; в уставном (складочном) капитале, если он предусмотрен организационно-правовой формой юридического лица, доля вкладов лиц не старше 30 лет превышает 75%». См. Концепция Стратегии развития молодежного предпринимательства в Российской Федерации на период до 2020 года [электронный ресурс] \\ http://pandia.ru/text/ 78/357/764.php. [Дата обращения: 20.05.2017].

чувством удовлетворения от потребления этих благ». Мотивы предпринимателя Й. Шумпетер характеризует как «эгоистические» и «рациональные» [638, с.189]. Разнородность мотивационной сферы студентов, осуществляющих подготовку в бизнес-инкубаторе, предопределяют разные функции этой формы образовательной деятельности. Взаимодействие с ключевой целевой аудиторией, которая готова и заинтересована в работе на этапе формирования организации, имеет целью развитие предпринимательских способностей участников, подготовке их к реализации бизнес-проектов. В работе со студентами, которые не готовы действовать на этапе формирования организации, задачи бизнес-инкубатора состоят в ориентации в деловой среде, оказании помощи в профессиональной самоидентификации и избегании ошибок в принятии решений о создании своего собственного бизнеса. Таким образом, наглядно отражается предложенная гипотеза о многоуровневой поддержке экономического образования, учитывающей индивидуальные подходы к обучению.

Благодаря информационно-коммуникационным технологиям, созданию сетевых форм взаимодействия обучающихся [589], возможно реализовать многоуровневые подходы к обучению, предоставляя студентам одновременно возможность выбора собственной траектории (сценария) обучения и заданного вектора (программы обучения, которая регулируется государственными стандартами в сфере образования). Таким образом, предпринимательское обучение становится тесно связанным с развитием личности обучающегося, осознанного поиска вектора приложения собственных усилий (профессиональная ориентация). Такое обучение основано не на формальном «научении»: оно требует критического мышления и воображения не только от обучающегося, но, прежде всего, от преподавателя.

Проблемы изменения образовательной среды под воздействием информационно-коммуникационных технологий появились в том числе вследствие потери образовательных традиций, когда преподаватель является не просто передатчиком знаний, но «учителем», в широком смысле этого слова. Информационно-коммуникационные технологии способны заменить тех преподавателей, которые остаются передатчиками знания, но они не в состоянии заменить тех, для кого преподавание – это не формальность, а творчество, непрерывный процесс обогащения знаниями, в том числе благодаря самостоятельной (авторской) мыслительной деятельности. Преподаватели-передатчики знаний при этом могут обрести другую профессию – кураторов дистанционных курсов, или методологов обучения. Так, в Атласе новых профессий в образовательной отрасли предсказывается появление множество новых профессий, среди которых называются следующие: «координатор образовательной платформы, ментор стартапов, модератор, игромастер, тьютор, организатор проектного обучения, тренер по майнд-фитнесу и даже эко-проповедник» [379, с.175-180]. Для этого им необходимо освоить новые навыки. В отличие от Интернет-обучения (в т.ч. самостоятельного обучения) высшая школа является хранителем педагогических традиций и технологий, которые остаются конкурентным преимуществом высшей школы. Другое дело, что эти педагогические технологии имеет смысл пересмотреть в контексте развивающихся информационных систем. Однако университет – это его люди, личности, в этом отличие университета от современного менеджмента, где роль личности в изменении предприятия едва ли становится распространённым стандартом. Личности педагогов, создающих свои научные школы, благодаря умению воплощать в преподавании своё видение мира. Их видение (миссия) стоит «впереди» текста, умений, навыков, компетенций, аудиовизуальных баз данных и даже бескрайних полей информационных данных. Так, в контексте

предпринимательского обучения ведущую роль отводится наставничеству [609], которое в России с 2018 года получило широкую общественную поддержку[1]. Успешные деловые люди отмечают ценную помощь, которую они получали в ходе своей карьеры. Отвечая на вопросы глобального исследования занятости и молодежного предпринимательства, 25% респондентов в качестве основного препятствия, мешающего реализации предпринимательских устремлений, назвали «Невозможность получить хороший совет (консультацию)»[2]. Наставничество предпринимательских проектов, которое является одним из ключевых элементов вузовской системы молодёжного предпринимательства, относится к разряду такой поддержки. В задачи наставника-преподавателя входит не только консультация авторов проекта, но и организаторская работа, связанная с формированием и мотивацией команды проекта. Как показывает опыт Студенческого бизнес-инкубатора ННГУ [609], от работы наставника проекта во многом зависит устойчивость результатов проекта, а также перспективы его фактической реализации. Роль наставника в молодежном предпринимательстве многопланова, различается на разных этапах проекта, но в целом – формирование разновозрастной команды с участием эксперта, или наставника, повышает эффективность предпринимательской деятельности и возможности проектной команды. Кроме того, наставничество – это один из путей повышения квалификации самого преподавателя.

---

[1] На всероссийском форуме «Наставник-2018» (АСИ, 2018 г.) в отдельной номинации, наставничество в бизнесе и предпринимательстве, было представлено многочисленными практиками, подтвердившими свою эффективность в работе с начинающими предпринимателями. Источник: Т. Замахина. В России возрождают традиции наставничества [Электронный ресурс]. – Российская газета – Федеральный выпуск. − №32 (7495). – Доступ к ресурсу: https://rg.ru/2018/02/13/v-rossii-vozrodiat-tradiciiu-nastavnichestva.html [Дата обращения: 20.01.2020].

[2] Глобальное исследование занятости и молодежного предпринимательства [электронный ресурс]. – Доступ к ресурсу: http://youthbusinessrussia.org/upload/iblock/109/WEOY2015_JobSurvey_RUS.pdf. [Дата обращения 20.05.2017].

В условиях, когда темпы развития экономики опережают возможности индивида включиться в хозяйственные процессы, институт образования обретает ещё одну функцию, которую можно обозначить как «оборонительную». Другими словами, образование становится вопросом безопасности. Аксиология образования сепарируется на личностное её восприятие (в виде надежд) и социально-экономическое использование (в виде компетенций и конкретных навыков). В этой функции можно разглядеть и старое – «университет как место установления истины» и новое – истин стало «слишком много». Решение образовательных задач позволяет не только познавать окружающий мир, но и обдумывать, рефлексировать над потоками информации и знаний, заполняющими наше жизненное пространство. Образование даёт возможность осознать происходящие явления и благодаря этому осознанию мысленно «переработать» происходящее и стать свободным от импульсивных, доведённых до автоматизма и рефлексов поведенческих императивов. Именно здесь, в пространстве между импульсом и реакцией, лежит «интуиция творчества», благодаря которой человек имеет возможность «состояться», «сбыться», «случиться». Эта новая роль образования как «контркультурного» (нонконформистского), творчески свободного, субъективного пространства, всё же не меняет исторически сложившиеся модели трансляции (передачи) знаний. Использование информационно-коммуникационных технологий расширяет возможности образования, позволяя решить важную задачу современной культуры (обработку и агрегацию накопленного за несколько столетий научного знания), но сами по себе технологии не меняют отношения преподавателя и ученика («лицом к лицу»). Они обогащают образовательную коммуникацию, освобождая преподавателя от стандартных процедур, но не могут подменить роль личности в образовательном процессе.

И в этом контексте выработка новых педагогических концептов и технологий становится особенно актуальной.

Обосновав роль личности в осознанном ведении хозяйства, как в свете общественной пользы (противостояние «дурной бесконечности» кризисных явлений), так и выявленной потребности индивида в самореализации, (свободной от навязанных миром потребления коммуникативных конструктов), были намечены основные практические аспекты выполнения условия хозяйственной «трансцендентости». Эти вопросы были раскрыты через актуальное понятие лидерства как личностного преодоления отчуждения между субъективной и объективной реальностями, а также связанных с этим вопросов образовательной подготовки предпринимателей (лидеров, инициаторов). Подчеркивая, что институт образования играет важную роль в поддержании рефлексивной функции общественного сознания, проведён анализ тех современных социальных процессов (влияние информационно-коммуникационных технологий, позиционирование образования как «услуги») в российской образовательной сфере, которые непосредственно оказывают влияние на подготовку лидеров и предпринимателей. Практика обучения предпринимательству, воспитания предпринимательского духа, требует разработки новых методов, прежде всего основанных на проектном и проблемно-ориентированном подходе к обучению, а также – развития наставничества в преподавательской среде. Теоретической базой для реализации этих инициатив может стать описанное в работе направление социально-экономической гуманитарологии. Его можно эксплицировать как набор принципов, способствующих изучению условий гармоничного сосуществования бессубъектного, институционального, общественного (как результата исторического развития системы общественного воспроизводства) и современного, живого, субъектного, индивидуального (как результата личностной рефлексии,

мотивированной потребностью индивида на самореализацию). Развитие гуманитарных концепций хозяйства и их внедрение как в научную междисциплинарную, так и образовательную практику, положительно скажется на разрешении вопросов, связанных с сохранением устойчивой биосферы и ноосферы, «очеловечеванием» уже не столько природы (как формулировал цель хозяйства С.Н. Булгаков), сколько рукотворной экономики. Актуализация базовых положений экономической гуманитарологии может стать условием для формирования перспектив развития человека и общества в контексте преодоления социально-экономической стагнации и кризиса современного потребительского мироустройства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Динамизм, изменчивость, релятивизация общественного развития на современном этапе напрямую касаются и различных аспектов хозяйственной жизни, характеризующейся нестабильностью, финансовой турбулентностью и нарастающими в своем объеме и частоте кризисами современного потребительского мироустройства. Причины кризисов, в силу сложившихся исследовательских традиций, принято искать в несовершенстве хозяйственных механизмов, то есть внутри предмета исследования релевантных социогуманитарных дисциплин. Однако, постмодернизм и трансгуманизм, развитый до крайней степени релятивизм, нашли свое выражение, в том числе, и в хозяйственной жизни, породив новые формы экономизма, отчуждения, различных форм экономической виртуальности и «эстетического» (даже «эстетствующего», т.е. аксиологически утверждающего свою заведомую отчужденность от человека) капитализма. Социально-философская природа этих явлений связана с кризисом экономической субъектности, формированием бессубъектного пространства экономической коммуникации, и, в конечном итоге, – становлением бессубъектной экономики.

Наделённая позитивистским правом создавать и проецировать в жизнь своего «homo economics» (иного по сравнению с тем человеком, чей путь был предметом многовековых поисков метафизики), экономика разделила судьбу других социогуманитарных наук, которые, погрузившись в аналитическую парадигму, или исповедуя постмодернистскую деконструкцию, окончательно утратили качественную характеристику предмета исследования – человека. Бессубъектная экономика, благодаря своей денежно-универсальной природе, становится интегратором и акселератором информационно-коммуникационных процессов. Для большинства людей, чуждых сложным механизмам калькуляции и расчетов, она воспринимается как

коммуникативный мейнстрим, развивающийся по правилам медиа, вовлекая и потребляя в качестве неодушевленных ресурсов все большее количество людей. Возникает ситуация отчуждения человека от самого себя на основе расслоения его коммуникативных статусов: внутренняя, глубоко запрятанная, интимная рефлексия по поводу себя-в-мире противостоит эксплицитным формам социально приемлемой коммуникации (мода, стереотипы поведения, жизнь онлайн). Порождаемый этими процессами «ускользающий субъект» есть форма личностного нонконформизма в ситуации тотального подавления человеческого Я со стороны экономико-коммуникативных институтов.

Таким образом, в работе было показано, что на текущем этапе, экономика и коммуникация обоюдно составляют две границы смыслообразующего пространства, в котором имеет шанс «родиться человек», потенциально преодолевающий эти границы. Отсюда – «трансцендировать экономику», равно как преодолевать границы коммуникации, – это в определённом смысле одно и то же движение к обретению личностью собственного «Я». Это, в свою очередь, актуализирует проблему поиска человекоразмерного, гуманистического начала субъектности в хозяйстве. Оно формируется за пределами экономически детерминированных условий социального взаимодействия. В работе было обосновано, что проявление субъектности в экономической поведении индивида сопровождается выполнением условий когитальности, контекстуальности, символизма действия, которое находит выражение в хозяйственной материальной культуре на определённом этапе её развития.

Предложенное понимание коммуникативного наполнения социально-экономических процессов позволяет рассматривать хозяйство как поле для осознанного выбора жизненного пути (добро и зло). Вот почему оно должно быть человекоразмерным, иначе – индивид будет ограничен в возможностях

самопознания, будет неспособен открыть себя миру. Вероятность реализации такой возможности имеет фундаментальную смысловую подоплеку: учащающиеся социально-экономические кризисы, само превращение кризиса в норму бытия и сознания конкретного индивида, в конечном итоге, являются первыми ступенями, ведущими к самоуничтожению Человека как ценности, человеческого мира как явления и как идеи. Формы и способы трансцендирования человека за пределы «панциря» экономизма в этом контексте есть стратегические направления выживания для общества в целом. Доказательная база этого положения связана не только с исследованием социально-экономических последствий. Опираясь на отдельные положения науки о самоорганизации, была обоснована необходимость осознанного включения индивида в хозяйственную жизнь. Без этого процессы глобального рассеяния, усреднения и обеднения хозяйственной культуры, делают саму хозяйственную систему нестабильной, подверженной кризисам, в их широком смысловом значении. Таким образом, в работе подчёркивается системообразующая роль субъектности. Она эксплицируется как феномен проявления таких мотивов в человеческой (хозяйственной) деятельности, которые основываются на его внеопытном (априорном) знании, находящемся за границами навязанных коммуникативных стереотипов, детерминированных не механистическими, а гуманистическими принципами. Субъектность выполняет роль катализатора положительной эволюционной динамики хозяйственных процессов, и обеспечивает устойчивость общественного воспроизводства.

В свете постклассической рациональности, призванной дать «идеальный взгляд на объекты», предложенного в работе методологического курса на синтез классического и неклассического исследования субъекта, связь между гуманитарной (человеческой) и экономической (системной) стороной общественного воспроизводства возобновляется, открываются

новые возможности для анализа тех причин, которые сформировали традиции постчеловеческого экономического мышления. Для того, чтобы существовать, состояться в качестве экономического субъекта (преодолеть «отчуждение» и «быть воспринятым» экономикой), человеку требуется увидеть себя в отражении хозяйственных процессов, решая не столько задачи своего физического выживания, сколько изменения внутреннего (в т.ч. духовного) состояния, в которых установлен приоритет материальных ценностей в процессах самоидентификации. Исследование этой гносеологической характеристики трудовой деятельности в западноевропейской модели хозяйствования (с XVII века по настоящее время), привело к выявлению так называемых статусов экономического субъекта. Было показано, что экономика, как замкнутый на самом себе процесс, нуждается в визуальных метафорах, облегчающих реализацию её суггестивного потенциала в отношении человека. Индивид реагирует на эти импульсы, обретая новые субъектные роли – «калькулирующий», «рациональный», тем самым усиливая навязываемую ему извне «аксиологию бессубъектности». Можно выделить несколько периодов, которые характеризуются сменой субъектных статусов. Для текущего этапа характерен переход к цифровому пространству взаимодействия и, следовательно, можно говорить о цифровой бессубъектности.

Бессубъектность, в определённом смысле и в разной степени, но всегда, есть антисубъектность. Наличие динамики бытия без присутствия в нём субъекта – признак антидинамики, или, контрдинамики, т.е. движения, направленного на аннигиляцию смыслов. Избегание «проблемы человека», его деонтологизация становится основным мотивом социально-экономических отношений. Кризис потери субъекта в научном исследовании преодолим: можно сказать, что субъект не исчез, он «затаился». Для его поисков можно подобрать различные инструменты – от инновационной

парадигмы предпринимателя в работах Й. Шумпетера до фрактальной проекции индивида в институтах, от когнитивных подходов, до эволюционирующих алгоритмических методов исследования, основанных на больших данных. Гораздо сложнее − ситуация с реально действующим субъектом социально-экономической деятельности. Здесь появляются очевидные тенденции к «уходу» индивида от ответственности за принятие решений (в том числе связанных с проблемой выбора). В работе эти тенденции исследуются через феномены глобальной экономической культуры, в том числе такие как безрисковое общество, непрерывный экономический рост, мода на инновации и «вера» в великий прогресс. Потеря (самоустранение) субъекта в хозяйственной деятельности связана не только с наступлением «массового общества», или с технологической альтернативой (принятия решений на основе технологий искусственного интеллекта), но и с замыканием субъекта на процессы самоотражения в бесчисленных и повторяющихся актах потребления.

В свою очередь, окультуривание, гуманизация экономического роста может стать ориентиром для государственных программ социально-экономического развития. В этой области лежит обновлённая трактовка отчуждения, как невозможности индивиду «догнать» ускользающее, убегающее экономическое время. В этой связи сохранению подлежат не традиционные формы, а традиционные смыслы. Традиции могут сохраниться в эстетике чувств, однако – поставленные на конвейер массового производства, они теряют свои гуманистические смыслы. Таким образом, технологизация экономического пространства идёт параллельно с его дегуманизацией, формированием постчеловеческих условий хозяйствования, в которых возможности для продолжения экономической жизни человека имеются лишь в информационной оболочке его «цифровых двойников». Эта среда по-новому инициирует вопрос о самопроявлении человека в

социальном мире, о том, достаточны ли традиционные ориентиры (героизм, служение обществу, социальная ответственность и т.д.) для его «второго рождения». Стремление человека к благу, к материальному благополучию внутри экономической системы, развивающейся на принципах бесконечного роста и растущей неопределённости, оборачивается наращиванием всё большего количества условий, которые постепенно выталкивают его на периферию экономических процессов. Индивид становится автором и одновременно жертвой экономического детерминизма, главная черта которого состоит в том, что он провозглашает античеловечность как фундаментальную ценность. Последствие происходящего в качестве антропологического фактора развития современного общества имеют значительный потенциал для дальнейших исследований постклассической философии хозяйства.

Концепция «бессубъектности» позволила по-новому оценить отдельные положения русской философской традиции, заложившие основу современной экономической гуманитарологии. Так, было показано, что трактовка риска, или случая, которые в свете русской ментальности интерпретировалась как благо, в большей степени соответствует постклассической концепции риска, чем ставшие традиционными в науках об управлении, доктрины «управляемого хаоса». Благодаря ситуации риска и неопределённости, человек имеет возможность решать свои духовные задачи и тем самым расти, повышается его внутренняя самоорганизация, которая позволяет ему бороться и преодолевать ежедневные вызовы внешней среды. Феномен «общества рисков», изучаемый в современной социальной мысли, отражает последствия переноса акцентов с личной ответственности человека за его собственное и общественное развитие на глобальную (без)ответственность, где риск деперсонифицирован, а значит, деонтологизирован.

Отказ индивида принимать осознанное участие в хозяйственной жизни, в силу действия феномена «отчуждения», или несовпадения темпов хозяйствования и жизни индивидуальной, формирует пространство бессубъектной экономической коммуникации. В то же время развитие и рост хозяйственной системы является производным от творческого потенциала формирующих её индивидов. Бессубъектная экономика соответствует той самой глобальной хозяйственной культуре, которую предчувствовали русские мыслители конца XIX-начала XX века. В ней процветает нечто «среднее», схожее, одинаковое, а от человека – требуется лишь выполнять визуально-плоскостные роли, не отклоняясь от сценариев рассеяния. Преодоление этих сценариев возможно при условии осознанного, рефлексирующего сознания, формирование которого, наряду с познанием, всегда было одной из функций образования. Предположительно, именно образовательную среду (и как следствие – социальный институт образования) можно рассматривать как пространство для мыслительной переработки императивов поведения, навязанных обществу в условиях распространения информационно-коммуникационных технологий.

В свете сформулированной в работе концепции бессубъектности предложена иная, социально-философская трактовка лидерства, которая выходит за пределы устоявшихся стереотипов. Лидерство представляется как один из путей возвращения субъекта производства и потребления в дискурс релевантных социогуманитарных наук, но субъекта не рационального, а свободного от влияния установок безрискового поведения и других коммуникативных конструктов. В этом же направлении была обоснована важная роль института образования как сферы рефлексивной мыслительной деятельности индивида. Были раскрыты особенности предпринимательского обучения, в том числе – опосредованно связанного с ним воспитания предпринимательского духа. Однако, как было подчёркнуто, такое обучение

требует разработки новых методов, прежде всего основанных на проектном и проблемно-ориентированном подходе, а также – возвращения в учебную практику наставничества.

Выводы работы являются базисом для установления и дальнейшего развития концепции социально-экономической гуманитарологии, которая предлагает качественно новые методики исследования современного состояния хозяйственных систем. Повышение эффективности общественного воспроизводства в терминах ограниченных ресурсов (проблема неравенства, бедности, экологии) может и должна быть переведена в плоскость вопросов воспроизводства самого «человека» в человеке. Трансгуманистические тенденции очевидны, и грозят вымиранию человеческому виду не в биологическом, но культурно-историческом смысле. В этой связи концептуализация субъектности, как качественной характеристики процессов общественного воспроизводства, позволяет расширить взгляд на генезис экономических кризисов и в дальнейшем предложить и выработать новые образовательные и практические подходы к нивелированию их социальных последствий. Опыт социально-философского анализа коммуникативной природы современной системы хозяйствования позволяет надеяться на возможность дальнейшего исследования социально-экономических феноменов (таких как предложенные в работе «экономика эмоций», «эстетический капитализм», «бессубъектная экономика») на тех же методологических принципах, которые были реализованы в процессе исследования. Само направление экономической гуманитарологии можно рассматривать как набор принципов, способствующих изучению условий гармоничного сосуществования бессубъектного, институционального, общественного (как результата исторического развития системы общественного воспроизводства) и современного, живого, субъектного, индивидуального. В определённом смысле эта задача является

парадоксальной, своеобразным вызовом для научного сообщества, которое требует консолидации усилий представителей различных наук. Особенно актуальным это направление становится в условиях цифровизации и роботизации, изменения структуры труда, трансформации профессионального мира будущего.

Дальнейшие исследования в методологическом аспекте связаны с развитием предложенного инструментария анализа проблем хозяйствования в междисциплинарном поле социогуманитарных наук. Это, в частности, относится к исследованию лидерства, рисков, кризисов, отчуждения, предпринимательского обучения, которые, как было показано в работе, являются сложными социально-экономическими феноменами. Для их исследования может потребоваться выработка нового качества научной коммуникации – междисциплинарных дискуссионных платформ, в том числе основанных на синтезе классических и неклассических подходов. Их формирование и разработка сопутствующего методологического инструментария может стать задачей для дальнейшей работы по проблематике исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Adams, J. Risk. London: University College London Press, 1995. – 192 p.
2. Alchian, A. Biological Analogies in the Theory of the Firm: Comment // The American Economic Review.–Vol. 43.–Issue 4 (Sep., 1953).– PP. 600-603.
3. Alchian, A. Uncertainly, Evolution, and Economic Theory // The Journal of Political Economy.– Vol. 58.– Issue 3, 1950.– PP. 211-221.
4. Aspers, P. Theory, reality, and performativity in markets // American Journal of Economics and Sociology, 2007.– Vol.66– No.2.– PP. 379-398.
5. Ayres, Robert U. Information, entropy, and progress: a new evolutionary paradigm.– Springer Science & Business Media, 1997. – 301 p.
6. Azimov, I. Visit to the World's Fair of 2014. – 16.08.1964. – The New York Times. – URL: https://archive.nytimes.com/www.nytimes.com/books/97/03/23/lifetimes/asi-v-fair.html (12.07.2018).
7. Baeten, M. Student-centred teaching methods: Can they optimise students' approaches to learning in professional higher education? / M. Baeten K.Struyven F.Dochy //Studies in Educational Evaluation.– 2013.– Vol.39.– №. 1.– PP. 14-22.
8. Bandinelli, C. Arvidsson, A., 2012. Brand Yourself a Changemaker! Journal of Macromarketing, 33 (1), 67-71.
9. Bateman, Bradley W. Davis, John B. (eds.) Keynes and Philosophy: Essays on the Origin of Keynes's Thought, Aldershot, Edward Elgar, 1991. – 146 p.
10. Bayley, S. Harley Earl and the American Dream Machine.– L.: Weidenfeld&Nicholson, 1991.
11. Baym, Nancy K. 2015. "Connect with Your Audience! the Relational Labor of Connection." The Communication Review 18 (1): 14–22.
12. Beck, U. Risk Society. Toward a New Modernity.– L.: SAGE, 1992.– 260 p.
13. Beck, U. The Reinvention of Politics: Towards a Theory of Reflexive Modernization // Reflexive modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. Stanford, CA: Stanford University Press, 1994.– PP.1—55.
14. Von Bertalanffy, L. Robots, men, and minds: Psychology in the modern world. – G. Braziller, 1967.– 150 p.
15. Jeremy Bentham's economic writings.– Vol.3.– PP.435–436.
16. Gandini, A. Digital work: Self-branding and social capital in the freelance knowledge economy //Marketing theory. – 2016. – Т. 16. – №. 1. – PP. 123-141.
17. Gerrard, Bill and Hillard, John (eds.) The Philosophy and Economics of J. M. Keynes, Aldershot, Edward Elgar, 1992. – 253 p.
18. Becker, G.S. Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis // Journal of Political Economy.– Vol.70.– No.5, Part 2.– 1962.– PP.9-49.– DOI:10.1086/258724.
19. Bennis, Warren G. Geeks and Geezers: Era, values, and Defining Moments Shape Leaders / Warren G. Bennis and Robert J. Thomas.– Boston: Harvard Business School Publishing, 2002.

20. Blum R. Die Zukunft des Homo oeconomicus // Das Menschenbild der Ökonomischen Theorie / Hrsg. B. Biervert, M. Held. Frankfun a. M.; N.Y., 1991.– 111 p.
21. Bradbury, J. The Policy Implications of Different Concepts of Risk // Science, Technology& Human Values, 1984.– Vol.14.– No 4.– PP.380-399.
22. Braverman, Harry (January 1998). Labor and Monopoly Capital: The Degradation of Work in the Twentieth Century.– New York: Monthly Review Press.– 183 p.
23. Brown, Peter G., and Peter Timmerman, eds. Ecological economics for the anthropocene: an emerging paradigm.– Columbia University Press, 2015.– 416 p.
24. Callon, M. What does it mean to say that economics is performative? // Do economists make markets? / Ed. by D. MacKenzie, F. Muniesa, L. Siu. Princeton: Princeton University press, 2007.– PP. 311-357.
25. Callon, M. The Laws of the Markets.– Oxford: Blackwell, 1998. – 274 p.
26. Callon M., Muniesa F. Economic markets as calculative devices // Organization Studies, 2005. – Vol. 26. – No. 8. – PP. 1229-1250.
27. Coase, R.H. The nature of the firm //Economica.– 1937. – T. 4. – №16. – PP. 386-405.
28. Coates, J. The Claims of Common Sense: Moore, Wittgenstein, Keynes and the Social Sciences.– Cambridge: Cambridge University Press, 2001.– 176 p.
29. Colander, D.C. Amato, G. Laudati, L.L. The lost art of economics: Essays on economics and the economics profession. – Cheltenham: Edward Elgar, 2001.– 203 p.
30. Colander, D. Holt, R. Rosser, Jr.B. The changing face of mainstream economics //Review of Political Economy. – 2004. – T. 16. – №. 4. – PP. 485-499.
31. Creative Economy Report 2008: The challenge of assessing the creative economy towards informed policy-making. – 2008. – 333 p.– Available at: http://unctad.org/en/Docs/ditc20082cer_en.pdf (13.04.2018).
32. Cunningham, S., Banks, J. and Potts, J. Cultural economy: The shape of the field // In The Cultural Economy. The Cultures and Globalization Series 2, H. Anheier and Y.R. Isar (eds.).– 2008: London: SAGE Publications. – 661 p. – PP.15-26.
33. Daly, H.E. From empty-world economics to full-world economics: recognizing an historical turning point in economic development. In: Population, Technology and Lifestyle ed. by R. Goodland, H. Daly & S. Elserafy.– Washinghton DC: Island Press.– PP.23-37.
34. Davis, J.B. The turn in economics: neoclassical dominance to mainstream pluralism? //Journal of institutional economics. – 2006. – T. 2. – №. 1. – PP. 1-20.
35. De Alessi L. Form, substance, and welfare comparisons in the analysis of institutions // Journal of Institutional and Theoretical Economics. 1991. Vol. 146. No. 1. P. 6.

36. Douglas W.W. The Meanings of "Myth" in Modern Criticism //Modern Philology.– 1953. – T. 50.– №4.– PP. 232-242.
37. Dow, S.C. Hillard, J. (ed.). Keynes, Uncertainty and the Global Economy: Beyond Keynes, Volume Two. – Edward Elgar Publishing, 2002. – T. 2. – 319 p.
38. Drucker, P.F. The New Society. The Anatomy of Industrial Order. – N.Y., 2010. – 362 p.
39. Drucker, P.F. The Effective Executive: The Definitive Guide to Getting the Right Things Done. – N.Y., 2006. – 208 p.
40. Drucker, P.F. Managing Knowledge Means Managing Oneself // Leader to Leader.– № 16 (Spring), 2000.– PP. 8–10.
41. Earls, M. Welcome to the Creative Age: Bananas, Business and the Death of Marketing.–NY: John Wiley & Sons.– 288 p.
42. Edgeworth, F.Y. Mathematical Psychics. London: C. Kegan Paul & Co, 1881. – 150 p.
43. Elster, J. Emotions and Economic Theory // Journal of Economic Literature. March 1998. Vol. 36. Iss. 1. P. 47–74.
44. Etzkowitz, H. The Triple Helix: University–Industry–Government Innovation in Action.– New York, Routledge, 2008.– 176 p.
45. Farrell H., Finnemore M. Ontology, Methodology and Causation in the American School of International Political Economy // Review of Interna- tional Political Economy, 2009. № 2. – PP. 58–71.
46. Fisher, I. The Money Illusion, New York: Adelphi Company, 1928.–245 p.
47. Fisher, H. A History of Europe. Vol.I.– London, 1935.– 428 p.
48. Friedman, M. Factors affecting the level of interest rates, in Savings and residential financing: 1968 Conference Proceedings, Jacobs, D. P., and Pratt, R. T., (eds.), The United States Saving and Loan League, Chicago, IL, 1968.– 375 p.
49. Friedman, M. The Methodology of Positive Economics. In: Friedman M. Essays in Positive Economics.- Chicago: University of Chicago Press, 1953.- PP. 3-43.
50. Freeman, D. et al. The evolutionary theories of Charles Darwin and Herbert Spencer [and comments and replies] //Current Anthropology. – 1974. – T. 15. – №3. – PP. 211-237.
51. Freeman, C. Technology and Economic Performance: Lessons from Japan, Pinter.– London, 1987. – 155 p.
52. Gandini, A. Digital work: Self-branding and social capital in the freelance knowledge economy //Marketing theory. – 2016. – T. 16. – №. 1. – PP. 123-141.
53. Georgescu-Roegen, Nicholas. The Entropy Law and the Economic Process in Retrospect // Eastern Economic Journal.– vol. 12, no. 1.– 1986.– PP. 3–25. – Available at: http://www.jstor.org/stable/40357380.
54. Jameson, F. Postmodernism, or, the cultural logic of late capitalism. – Duke University Press, 1991. – 438 p.

55. Jarvis, P. Globalization, the Learning Society and Comparative Education // Comparative Education, 2000. – Vol. 36.– №3.– PP. 343-345.
56. Isar, Y.R. Creative Economy Report: Widening Local Development Pathways. – 2013. – 186 p. – Available at: http://www.unesco.org/culture/pdf/creative-economy-report-2013.pdf (13.04.2018)
57. ISSC, IDS and UNESCO. World Social Science Report 2016, Challenging Inequalities: Pathways to a Just World, UNESCO Publishing. – Paris.– 2016. – URL: http://unesdoc.unesco.org/images/0024/002458/245825e.pdf (доступ к ресурсу: 01.06.2017).
58. ISSC, IDS and UNESCO. World Social Science Report 2010, Knowledge divides, UNESCO Publishing. – Paris.– 2010. – URL: http://www.unesco.org/new/en/social-and-human-sciences/resources/reports/ world-social-science-report (доступ к ресурсу: 01.06.2017).
59. Haddow, D. Hipster: The Dead End of Western Civilization / D. Haddow // Adbusters.– №79.– [Электронный ресурс].– Режим доступа: https://www.adbusters.org/magazine/79/ hipster.html (свободный).
60. Harford, T. The art of economic complexity. A new way to visualize a country's development // The New York Times, 2011.– May 11.
61. Harre, R. Social being. Oxford: Blackwell, 1979.
62. Harrod, Sir Roy. Reforming the Worlds money.– NY: St Martins Press, 1965.– 182 p.
63. Hayashi Yujiro. Johoka shakai: Hado na shakai kara sofuto na shakai [Текст] / H. Yujiro. – Токио.: Feo, 1969. − 189 p.
64. Hausman, Daniel M. The Philosophy of Economics: An Anthology.–NY: Cambridge University Press, 1994.– 469 p.
65. Hausmann, R. The Atlas of Economic Complexity: Mapping Paths to Prosperity / Ricardo Hausmann, César A. Hidalgo, Sebastian Bustos, Michele Coscia, Alexander Simoes, Muhammed A. Yildirim.– Harvard Kennedy School, 2013.– 90 p.
66. Hayek, F. Scientism and the Study of Society / Friedrich Hayek// Economica.– Vol. 9.– No. 35 (Aug., 1943).– PP. 267-291.
67. Hayek, F. Individualism and economic order. – University of chicago Press, 1948.
68. Hodgson, G.M. Evolutionary and institutional economics as the new mainstream? //Evolutionary and Institutional Economics Review. – 2007. – T. 4. – №. 1. – PP. 7-25.
69. Hook, S. From Plato to Hegel to Marx/ Sidney Hook // New Your Times.– July 22, 1951.– 149 p.
70. Hook, S. The Hero in History. A Study in Limitation and Possibility. – Boston, MA: Beacon Press, 1955 [1943]. – 273 p.

71. Hoso, A. Joho sangyo ron. Information Industry Theory: Dawn of the Coming Era of the Ectodermal Industry [Текст] / Hoso Asahi, Umesao Tadao – Tokyo: VP, 1963.– 156 p.
72. Hulsmann, J.G. Facts and counterfactuals in economic law //Journal of Libertarian Studies. – 2003. – T. 17. – №. 1; SEAS WIN. – PP. 57-102.
73. Hutchison, T.W. The significance and basic postulates of economic theory. – Macmillan and co, 1938.
74. Kahneman, D. Prospect theory: an analysis of Decision under Risk / Daniel Kahneman, Amos Tversky// Econometrica, XVLII.– 1979.– PP.263-291.
75. Kitchin, Joseph. Cycles and Trends in Economic Factors // Review of Economics and Statistics, 1923.– №5 (1). – PP. 10-16.
76. Knight, F. Economics and human action // The philosophy of economics. An anthology, ed. D.M. Haysman, Cambridge University Press, 2002.
77. Lawson, T. Economics and Reality. L.: Routledge. 1997; The Economic World View. Studies in the Ontology of Economics. Ed. by U. Mäki. Cambridge: Cambridge University Press. 2001; Contributions to Social Ontology. Ed. by C. Lawson, J. Latsis and N. Martins. London: Routledge. – 2007.
78. Lessy, R.E. The Practical Humanities, in Lepage, P.G., Martin C., Mostafavi M. (eds.) Do The Humanities Have to Be Useful? // Cornell: Cornell University Press, 2006.– PP. 87–90.
79. Lhermitte, M. Blanc, S. Perrin, B. Cultural times. The first global map of cultural and creative industries. [E-publication]. Ernst and Young. [December, 2015]. – 120 p. – URL: http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-cultural-times-2015/%24FILE/ey-cultural-times-2015.pdf (15.04.2018).
80. Lindenberg, S. Homo socio-oeconomicus: The emergence of a general model of man in the social sciences //Journal of Institutional and Theoretical Economics (JITE)/Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft. – 1990.– T. 146– № 4.– PP.727-748.
81. Lindenberg, S. An Assessment of the New Political Economy: Its Potential for the Social Sciences and for Sociology in Particular // Sociological Theory. Spring 1985.
82. Linnet, J.T. Interweavings: A cultural phenomenology of eve-ryday consumption and social atmosphere within Danish middle-class families: Syddansk Universitet. Det Samfundsvidenskabelige Fakultet, 2010. – 296 p.
83. Lippmann, W. A preface to morals. – Transaction Publishers, 1960.
84. Luhmann, N. Risk: A Sociological Theory. N.Y.: Walter de Gruyter, Inc., 1993.
85. Lundvall, B.-A.; Johnson, B. The learning economy // Journal of Industry Studies, 1994.– 1(2).– PP. 23-42.
86. Machlup, F. The Production and Distribution of Knowledge in the United States / F. Machlup. – NJ.: Princeton, 1962.– 283 p.

87. Machlup, F. The Universal Bogey // Essays in Honour of Lord Robbins. L., 1972.
88. MacKenzie, D. Millo, Y. Constructing a market, performing theory: The historical sociology of a financial derivatives exchange //American journal of sociology. – 2003. – Т. 109. – №. 1. – PP. 107-145.
89. MacKenzie, D. Is economics performative? Option theory and the construction of derivatives markets // Do economists make markets? / Ed. by D. MacKenzie, F. Muniesa, L. Siu. Princeton: Princeton University Press, 2007.– PP. 54-86.
90. MacKenzie, D. Do Economists Make Markets?: On the Performativity of Economics/ Donald A. MacKenzie, Fabian Muniesa, Lucia Siu.– Princeton University Press, 2007.– 373 p.
91. Mair, J., Ganly, K. Social Entrepreneurs: Innovating Toward Sustainability (англ.) // Worldwatch Institute State of the World 2010: Transforming Cultures. From Consumerism to Sustainability.– New York: W.W. Norton & Company, 2010.– PP. 103-109.
92. Maksimović, J. Hipsters : the End of Counterculture / J. Maksimović, J.// by admin on Jan.15, 2009, under Cover story.– [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.whitecity.rs/?p=74.
93. Mäki, U. Ontology: What? Why? Where? // The Economic World View. Studies in the Ontology of Economics.– Cambridge, 2001.– 400 p.
94. Mathews, K.M. Why study the complexity sciences in the social sciences?/ K.M. Mathews, M.C. White, R.G. Long // Human Relations. – 1999.– Т. 52.– № 4.– PP. 439–462.
95. Marglin, S. What Do Bosses Do? The origins and functions of hierarchy in capitalist production, Part I // The Review of Radical Political Economics,1974.– №6 (2).– PP. 60-112.
96. Marglin, S. What Do Bosses Do? Part II // The Review of Radical Political Economics, 1975.– №7 (1).– PP. 20-37.
97. Marshall, A. (1890) Principles of Economics.– London: Macmillan, 1920.
98. Marwick A., Boyd D. I tweet honestly, I tweet passionately: Twitter users, context collapse, and the imagined audience //New media & society. – 2011. – Т. 13. – №. 1. – PP. 114-133.
99. Marwick, A. Status Update: Celebrity, Publicity, and Branding in the Social Media Age. – New Haven, CT: Yale University Press, 2013.
100. Maslow, A.H. Motivation and Personality.– New York: Harpaer & Row, 1954.
101. McClay, Wilfred M. The burden of the humanities // The Wilson Quarterly 32.– №3.– 2008.–PP. 34-41.
102. McMahon, George F. Mrozek, Janusz R. Economics, entropy and sustainability // Hydrological Sciences Journal.– 1997.– 42:4.– PP. 501-512.– DOI:10.1080/02626669709492050.

103. Meckling W.H. et al. Values and the Choice of the Model of the Individual in the Social Sciences //Swiss Journal of Economics and Statistics (SJES). – 1976. – T. 112. – № IV. – PP. 545-560.
104. Mensch, G. Das technoligishe Patt: Innovationen ubervinden die Depression. Frankfurt, 1975.
105. Miller, D. Turning Callon the right way up // Economy and Society. 2002. Vol. 31, No. 2.– PP. 218-233.
106. Miller, D. Reply to Michel Callon // Economic Sociology. European Electronic Newsletter. 2005. Vol. 6, No. 3.– PP. 3-13.
107. Mirowski P. Machine dreams: Economics becomes a cyborg science. – Cambridge University Press, 2002.– 655 p.
108. Mirowski, Ph. Physics and the «marginalist revolution» // Cambridge Journal of Economics, 1984.– № 8.– PP. 361–379.
109. Neumann, J. von. Thermodynamik quantummechanischer Gesamheiten, G¨ott. Nach, 1927.– PP. 273-291.
110. Nelson, R. National Innovation Systems. A Comparative Analysis, Oxford University Press, New York/Oxford, 1993.
111. Nora, S. L'Informatisation de la Société / S. Nora. − Paris: L'Independence, 1978.− 298 p.
112. Pappano, L. The Year of the MOOC // The New York Times, Nov.2, 2012. –Available at: http://www.nytimes.com/2012/11/04/education/edlife/massive-open-online-courses-are-multiplying-at-a-rapid-pace.html
113. Pariser, Eli. The Filter Bubble: What the Internet is Hiding From You / Eli Pariser.– New York: Penguin Press, 2011.– 294 p.
114. Parsons, T. A paradigm for the analysis of social systems and change // System, change and conflict / Ed. R. Peterson. N.Y., 1967.
115. Paul R. W., Binker A. J. A. Critical thinking: What every person needs to survive in a rapidly changing world. – Center for Critical Thinking and Moral Critique, Sonoma State University, Rohnert Park, CA 94928, 1990.– 575 p.
116. Peters, T., 1997. The Brand called You. Fast Company.– URL://www.fastcompany.com.– [accessed May 2015].
117. Petz, Dénes. Entropy, von Neumann and the von Neumann entropy. John von Neumann and the foundations of quantum physics. Springer Netherlands, 2001.– PP. 83-96.
118. Pritchett, L. Where has all the education gone? // The World Bank Economic Review, 2001.– Vol. 13.– no. 3.
119. Rogers, E.M. Diffusion of innovations (5th ed.). New York: Free Press, 2003.
120. Rose, N. 1996. "Governing 'Advanced' Liberal Democracies." In Foucault and Political Reason: Liberalism, Neo-Liberalism and Rationalities of Government, edited by Andrew Barry, Thomas Osborne, and Nikolas Rose, 37–64. Chicago, IL: The University of Chicago Press.

121. Rosenberg, M.J. E-learning: Strategies for delivering knowledge in the digital age. – New York: McGraw-Hill, 2001.– T.3.
122. Rauch, E. Productivity and the Workweek. – URL:// http://groups.csail.mit.edu/mac/users/rauch/misc/worktime/ (accessed 14.07.2018)
123. Sadler, I. The challenges for new academics in adopting student-centred approaches to teaching //Studies in Higher Education.– 2012.–T.37.– №6. – PP. 731-745.
124. Samuelson, P.A. Lord Keynes and the General Theory// Econometrica. – №14.– 1946.– PP.187-200.
125. Shannon, C.E. A Mathematical Theory of Communication // Bell System Technical Journal.– 1948.– Vol. 27.– PP. 379-423.
126. Shaviro, S. Accelerationist Aesthetics: Necessary Inefficiency in Times of Real Subsumption."– e-flux 46. – 2013. – URL://www.e-flux.com/journal/46/60070/ accelerationist-aesthetics-necessary-inefficiency-in-times-of-real-subsumption/ (accessed 01.05.2018).
127. Schor, J. The overworked American: The unexpected decline of leisure. – Basic books, 2008.
128. Schrödinger, E. Die gegenwärtige Situation in der Quantenmechanik // Naturwissenschaften.– 1935.– Vol. 23.– № 48.– PP. 807-812; № 49.– PP. 823-828; № 50.– PP. 844-849.
129. Schummer, J. From Nano-Convergence to NBIC-Convergence: "The best way to predict the future is to create it" // Governing Future Technologies. – Springer Netherlands, 2009. – PP. 57-71.
130. Schiffman, D.A. Mainstream economics, heterodoxy and academic exclusion: a review essay // European Journal of Political Economy.– 2004.– Vol.20.– Is.4.– PP.1079-1095.
131. Sen, A. Economic methodology: heterogeneity and relevance //Social research. – 1989. – PP. 299-329.
132. Severiens, S., Meeuwisse M., Born M. Student experience and academic success: comparing a student-centered and a lecture-based course programme //Higher Education.– 2015.– T. 70.– №1.– PP. 1-17.
133. Schwab, K. The Fourth Industrial Revolution. What It Means and How to Respond. – Foregn affairs. – 12.12.2015. – URL://www.foreignaffairs.com/articles/2015-12-12/fourth-industrial-revolution (14.07.2018).
134. Steinfield, C. Toward a definition of the information society [Текст] / C.Steinfield, J.L. Salvaggio // The Information Society: Economic, Social and Structural Issues. – NJ.: Hillsdale, 1989.− 120 p.
135. Strauven, W. (ed.). The cinema of attractions reloaded. – Amsterdam University Press, 2006.– 460 p.
136. Swaney, J.A. Economics, ecology, and entropy // Journal of Economics.– 1985.– Issues 19.– PP. 853-865.

137. Tangney, S. Student-centred learning: a humanist perspective //Teaching in Higher Education.– 2014.– T.19.– №. 3.– PP. 266-275.
138. Tesla, N. The Problem of Increasing Human Energy, With Special References to the Harnessing of. – Simon and Schuster, 2013. – 87 p.
139. Thaler R.H. From homo economicus to homo sapiens //Journal of economic perspectives. – 2000. – T. 14. – № 1. – PP. 133-141.
140. The Sveriges Riksbank Prize in Economic Sciences in Memory of Alfred Nobel. Nobelprize.org. Nobel Media AB 2014. Web. 7 Aug 2018. <http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/economic-sciences/laureates>.
141. Udehn, L. Methodological individualism: Background, history and meaning. – Routledge, 2002. – 464 p.
142. Veblen, T. The Place of Science in Modern Civilization and Other Essays. NY: Russell & Russell, 1961. – P. 148–149.
143. Weingartner, Paul. Nature's teleological order and God's providence : are they compatible with chance, free will, and evil.– Boston: De Gruyter, 2015.– 300 p.
144. Wolf, A. Does Education Matter.– London: Penguin Books, 2002.– 346 p.
145. Woodford, M. Convergence in Macroeconomics: Elements of the New Synthesis // American Economic Journal: Macroeconomics.– 2009.– №1(1).– PP. 267-279.
146. Young, J.T. Is the entropy law relevant to the economics of natural resource scarcity? // Journal of Environmental Economics and Management.– 1991. – Vol.21, Issue 2.– PP.169-179.
147. World Development Report.– Digital Dividends. Washington, DC: World Bank, 2016.– https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/23347.
148. WWF-INT Annual Review.– Gland, Switzerland: NCP SA and Pressor SA, 2015. – 52 p.
149. Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» от 23.08.1996 N 127-ФЗ (ред. от 03.12.2011).
150. Указ Президента РФ от 21.08.2012 г. № 1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации».
151. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р.
152. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации. (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г., № 642).
153. Постановление Правительства «О реализации Национальной технологической инициативы» (Постановление Правительства РФ № 317 от 18 апреля 2016 г.)

154. «Стратегия развития информационного общества на 2017-2030 гг.» (Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г., № 203)
155. «Цифровая экономика Российской Федерации» (Распоряжение Правительства РФ от 27 июля 2017 г.)
156. Абдикеев, Н.М. Когнитивная экономика в эпоху инноваций / Н.М. Абдикеев, А.Н. Аверкин, Н.А. Ефремова // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.– 2010.– № 1.– С. 3-20.
157. Автономов, В.С. Человек в зеркале экономической теории (Очерк истории западной экономической мысли). Монография.– М.: Наука, 1993.– 176 с.
158. Автономов, В.С. Модель человека в экономической науке.– Спб.: «Экономическая школа», 1998. – 232 с.
159. Автономов, В.С. Модель человека в экономической науке: автореферат дис. доктора экономических наук: 08.00.01 / Ин-т мировой экон. и международных отношений.– М., 1995.– 32 с.
160. Агапова, И.И. Экономика и этика: аспекты взаимодействия / И.И. Агапова. – М.: Юристъ, 2002. – 190 с.
161. Адорно, Т. О технике и гуманизме // Философия техники в ФРГ.– М.– 1989.– С.364–371.
162. Алле, М. Современная экономическая наука и факты // THESIS.– 1994. – Вып.4 – С.11-19.
163. Алле, М. Поведение рационального человека в условиях риска: критика постулатов и аксиом американской школы // THESIS.– 1994.– №5.
164. Альпидовская, М.Л. Социально-экономическая эвфемизация как способ существования современного экономизма // Философия хозяйства.– 2013.– №1.– С.37-46.
165. Ананьин, О.И. Экономика: наука и/или искусство // Вопросы экономики, 2007.– №11.– С. 4-24.
166. Ананьин, О.И. Онтологические предпосылки экономической теории / О.И. Ананьин.– М.: Ин-т экономики, 2013.– 48 с.
167. Ананьин, О.И. Структура экономико-теоретического знания: методол. анализ / О.И. Ананьин.– М.: Наука, 2005 (СПб. : ГУП Тип. Наука).– 243 с.
168. Ангелова О.Ю., Кравченко В.С., Подольская Т.О., Чепьюк О.Р. Геймификация как инструмент повышения конкурентоспособности образовательных программ // Современные образовательные Web-технологии в системе школьной и профессиональной подготовки. Сборник статей участников Международной научно-практической конференции. Издательство: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал. 2017. – С. 54-57.
169. Андреев, И.Л. Происхождение человека и общества.– М.: Мысль, 1988.– 212 с.

170. Антонец, В.А. Инновационный бизнес: формирование моделей коммерциализации перспективных разработок: учеб. пособие / В.А. Антонец, Н.В. Нечаева, К.О. Хомкин, В.В. Шведова / под ред. К. А. Хомкина.– М.: Издательство «Дело» АНХ, 2009.– 320 с.
171. Антонец, В.А. Основы инновационной деятельности: Учебное пособие / Под общ. ред. проф. Б.И. Бедного.– Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского гос-университета, 2014. – 303 с.
172. Аристотель. Политика // Сочинения в 4-х томах. М.: «Мысль», 1983.– Т.4.– С. 830.
173. Аршинов, В.И. Синергетика как феномен постнеклассической науки.– М.: «ИФ РАН», 1999.– с. 203.
174. Астрономия и современная картина мира: [Сб. ст.] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; [Отв. ред. В. В. Казютинский].– М.: ИФРАН, 1996.– 246 с.
175. Асмолов, А.Г. Стратегия социокультурной модернизации образования: на пути к преодолению кризиса идентичности и построению гражданского общества / А.Г. Асмолов //Вопросы образования. – 2008. – №3.– С.3–9.
176. Базикян, С.А. Брендинг и мифотворчество: архетипы в рекламе // Личность. Культура. Общество, 2009. – Т. XI. – № 2. – С. 335-341.
177. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр. / Ролан Барт; Сост., общ. ред. и вступ. ст. [с. 3-45] Г. К. Косикова.– М.: Прогресс: Универс, 1994.– 615 с.
178. Бауман, З. Глобализация. Последствия для человека и общества / Зигмунт Бауман; [Пер. с англ. Коробочкина М. Л.] – М.: Весь Мир.–2004.– 185 с.
179. Бауман, З. Спор о постмодернизме // Социологический журнал.– 1994.– № 4.– С.69-80.
180. Бауман, З. Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2002.
181. Бек, У. От индустриального общества к обществу риска/ У.Бек //Theory, Culture and Society. – 1992. – Т. 9. – №. 1. – С. 97–123.
182. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования / Даниел Белл; Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – CLXX.– 783 с.
183. Белл, Д. Социальные рамки информационного общества [Текст] / Д.Белл. – М.: Экономика, 2004. – 308 с.
184. Бердышева, Е.С. От критики к аналитике: коммодификация жизненно важных благ как актуальная исследовательская проблема в новой экономической социологии // Экономическая социология, 2012. – Т. 13. – №1. – С.67-85.
185. Бердяев, Н.А. Философия неравенства/Состав., предисл. и примеч. Л.В. Полякова //М.: ИМА–пресс. – 1990. – 66 с.

186. Бердяев, Н.А. Константин Леонтьевич: очерк из истории русской религиозной мысли; Алексей Степанович Хомяков / Николай Бердяев. - Москва: АСТ: Хранитель, 2007 (Ульяновск:Ульяновский Дом печати).– 445 с.
187. Бердяев, Н.А. Философия свободного духа / Н.Бердяев.– М.: Республика, 1994.– 480 с.
188. Бердяев, Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма.– М.: Наука, 1990.– 224 с.
189. Бердяев, Н.А. Самопознание. – М.: Азбука, 2015.– 416 с.
190. Бернстайн, П.Л. Против богов: Укрощение риска /П.Л Бернстайн.– М.: Olympus Business, 2000.– 374 с.
191. Берри, Н.П. Австрийская экономическая школа: расхождение с ортодоксией. Панорама экономической мысли конца XX столетия. – Т.1 – Спб.: Экономическая школа, 2002. – С.81-105.
192. Бехманн, Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний / Готтхард Бехманн; пер. с нем.А.Ю. Антоновского, Г.В. Гороховой, Д.В. Ефременко, В.В. Каганчук, С.В. Месяц. – М.: Логос, 2010. – 248 с.
193. Бехтерев, В.М. Бессмертие человеческой личности как научная проблема / В.М. Бехтерев.–СПб.: Алетейя. – 1999.– 256 с.
194. Блауг, М. Теория народонаселения // Экономическая мысль в ретроспективе = Economic Theory in Retrospect.– М.: Дело, 1994.– С. 62-71.
195. Блауг, М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. Пер. с англ. / Науч. ред. и вступ. ст. В.С. Автономова.– М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004.– 416 с.
196. Бодрийяр, Ж. Общество потребления / Ж.Бодрийяр.– М.: Республика, 2006.– 272 с.
197. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2000.
198. Бодрунов, С.Д. и др. Гэлбрейт: возвращение / Монография / под ред. С.Д. Бодрунова.– М.: Культурная революция, 2017.– 424 с.
199. Больцман, Л. Второй закон механической теории тепла // Л. Больцман. Статьи и речи. М.: Наука, 1970. – 407 с.
200. Борнштейн, Д. Как изменить мир. Социальное предпринимательство и сила новых идей. М.: Альпина Паблишер, 2012. – 499 с.
201. Бранский, В.П. Теоретические основания социальной синергетики / В.П. Бранский// Вопросы философии.– 2000.– Т.4.– С.112–129.
202. Бранский, В.П. Социальная синергетика как постмодернистская философия истории /В.П. Бранский//Общественные науки и современность. – 1999. – №. 6. – С. 117–127.
203. Брегман, Р. Утопия для реалистов. Как построить идеальный мир.– М.: Альпина Паблишер, 2018. – 356 с.
204. Брейли, Р. Принципы корпоративных финансов. Пер. с англ./ Р. Брейли, С. Майерс.– М.: Олимп-бизнес, 1997.– 1088 с.

205. Бриллюэн, Л. Наука и теория информации.– М.:Физматлит,1960.–392 с.
206. Бриллюэн, Л. Научная неопределенность и информация.– М.: Мир, 1966.– 271 с.
207. Бронштейн, М.П. К вопросу о возможной теории мира как целого// Основные проблемы космической физики.– Харьков-Киев, 1934.– С. 186-215.
208. Бузгалин, А.В. Социальная философия XXI в.: ренессанс марксизма? // Вопросы философии. – 2011. – №3. – С.36-47.
209. Булгаков, С.Н. Философия хозяйства / С.Н. Булгаков. – М.: Терра – книжный клуб, 2008. – 352 с.
210. Булгаков, С.Н. О религии Льва Толстого. – М.: Путь, 1912. – С.1-9.
211. Булгаков, С.Н. Свет невечерний: созерцания и умозрения.– М., 1994. – 415 с.
212. Буровский, А.М. Человек из биосферы. Постнеклассическое знание versus классическая экология // Общественные науки и современность.– 1999.– № 3.– С.139-149.
213. Был бы купец, а товар есть. Звёздные часы Бугровых, Рукавишниковых, Морозовых. – Родина – №817(8). – от 01.08.2017. – [Электронный ресурс].– URL: https://rg.ru/2017/08/03/rodina-kuptsy.html (дата обращения: 07.07.2018).
214. Варнеке Х.Ю. Революция в предпринимательской культуре. Фрактальное предприятие: Пер. с нем.яз. – М.: МАИК «Наука/Интерпериодика», 1999. – 280 с.
215. Васильев, В.С. Мировой финансово-экономический кризис: фаза 3 (пирамиды долга) // США и Канада: экономика, политика, культура, 2011.– №1.– С.3-22.
216. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма// Избранные произведения: пер. с нем./Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайденко.– М.: Прогресс, 1990.– 808 с.
217. Вебер, М. Основные социологические понятия. Пер. с нем. М.И. Левиной // Вебер М. Избранные произведения.– М.: Прогресс, 1990.
218. Веблен, Т. Теория праздного класса: Пер.с англ./ Вступ.ст. и примеч. С.Г. Сорокиной; Общ.ред В.В.Мотылева. Изд 2-е, М.: Книжный дом «Либроком», 2016.– 368 с.
219. Ведута, Н.И. Социально эффективная экономика / Под общей ред. д-ра экон. наук Ведута Е.Н. – М.: Издательство РЭА, 1999.– 254 с.
220. Вербицкий, А.А., Ларионова О. Г. Личностный и компетентностный подходы в образовании. Проблемы интеграции.– М.: Логос, 2009.– 336 с.
221. Вернадский, В.И. Размышления натуралиста: В 2–х кн./В.И. Вернадский. – Наука, 1977. – 192 с.
222. Вернадский, В.И. Научная мысль как планетное явление / В. И. Вернадский; Отв. ред. А. Л. Яншин; [Предисл. А. Л. Яншина, Ф. Т. Яншиной]; АН СССР.– М. : Наука, 1991.– 270 с.

223. Вернадский, В.И. Дневники 1926–1934 гг./ В.И. Вернадский. Комиссия по разработке науч.наследия акад.В.И. Вернадского.– М. : Наука, 2001.– 48 с.
224. Винер, Н. Кибернетика и общество/Норберт Винер; Пер. Е.Г. Панфилова //М.: Изд-во иностр. лит. – 1958. – 200 с.
225. Витгенштейн, Л. Культура и ценность // Людвиг Витгенштейн. Избранные работы: Логико–философский трактат. – М., 1995. – 440 с.
226. Витгенштейн, Л. Философские работы (Часть II, книга I).– М.: Гнозис, 1994.– 544 с.
227. Витгенштейн Л. Дневники 1914-1916 (Под общей редакцией В.А. Суровцева). – М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2009.– 400 с.
228. Витте, С.Ю. Национальная экономия и Фридрих Лист / (С.Ю. Витте).– Киев: тип. "Киев. слова", ценз.– 1889.– 59 с.
229. Воробьев, Ю.Л. Управление риском и устойчивое развитие. Человеческое измерение / Ю.Л. Воробьев, Г.Г. Малинецкий, Н.А. Махутов // Общественные науки и современность, 2000.– №6.– С.150-162.
230. Вышеславцев, Б.П. Этика Фихте.– М.: Печатня А. Снегиревой, 1914. – 437 с.
231. Гаджиев, К.С. Мировой экономический кризис: политико-культурное измерение // Вопросы философии, 2010.– №6.– С.3-19.
232. Гайденко, П.П. Научная рациональность и философский разум.– М.: Прогресс–Традиция, 2003.– 528 с.
233. Гайденко, П.П. История и рациональность / П.П. Гайденко, Ю.Н. Давыдов.– М.: Политиздат, 1991.– 367 с.
234. Гайсина, И. Рекрутер с железной хваткой: как роботы ищут и нанимают людей [Электронный ресурс] // РБК: [сайт]. 2017. 19 июня. URL: https://www.rbc.ru/own_business/19/06/2017/59439a489a7947949e6db9fb (дата обращения: 05.03.2018).
235. Галанина, К.Э. Трансформация концепта субъекта в философии Людвига Витген штейна //Вопросы философии. – 2011. – №. 7. – С. 138-147.
236. Гегель, Г.В.Ф. Феноменология духа.– М.: «Наука», 1992.– 444 с.
237. Гегель, Г.В.Ф. Философия права. – М.: «Мысль»,1990. – 524 с.
238. Гегель, Г.В.Ф. Наука логики.– М.: «Соцэкгиз», 1937.– 709 с.
239. Гейтс, Б. Дорога в будущее.– М.: Изд. отд. «Рус. ред.» ТОО «Channel Trading Ltd.», 1996.– 312 с.
240. Гейтс, Б. Бизнес со скоростью мысли.– М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.– 480 с.
241. Гидденс, Э. Ускользающий мир = Runaway world: как глобализация меняет нашу жизнь / Энтони Гидденс ; [пер. с англ. М. Л. Коробочкина]. – М.: Весь мир, 2004. – 116 с.
242. Гидлевский, А.В. Парадоксы энтропии (спекулятивный характер современной научной методологии) // Вестник Омского университета.– 2011.– №4.– С.199-201.

243. Гимпельсон, В. Выбор профессии: чему учились и где пригодились? / В. Гимпельсон, Р. Капелюшников, Т. Карабчук, З. Рыжикова, Т. Биляк: Препринт WP3/2009/03.– М.: ГУ ВШЭ, 2009.– 64 с.
244. Глазьев, С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса / С. Ю. Глазьев. – М.: Экономика, 2010. – 254 с.
245. Глейк, Д. Хаос. Создание новой науки / Джеймс Глейк. – СПб.: Амфора.– 2001. – 398 с.
246. Гоголь, Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями.– Спб.: Азбука, Азбука–Аттикус, 2012.– 320 с.
247. Гоббс, Т. Левиафан / Томас Гоббс.– М.: Мысль, 2001.– 478 с.
248. Горохов, В.Г. Научно-техническая политика в обществе не-знания / В.Г. Горохов // Вопросы философии.– 2007. – №12. – С.65-80.
249. Грудзинский, А.О. Концепция проектно–ориентированного университета //Университетское управление: практика и анализ. – 2003. – Т. 3. – № 26. – С. 24–37.
250. Грудзинский, А.О. Роль и структура инновационного предпринимательского образования в исследовательском университете / А.О. Грудзинский, А.Б. Бедный, Б.И. Бедный, Ю.О. Плехова //Университетское управление: практика и анализ – 2012.– №3.– С.56-63.
251. Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев; Под ред. В. С. Жекулина; [Вступ. ст. Р. Ф. Итса]. – 3–е изд. стер. – Л. : Гидрометеоиздат, 1990. – 526 с.
252. Гуревич, П.С. Культурология: учеб. для вузов /П.С. Гуревич. – М.: Гардарики, 2008. – 290 с.
253. Гуссерль, Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию.– М.: Издательство «Владимир Даль», 2004.– 400 с.
254. Гэлбрейт, Дж.К. Жизнь в наше время.– М.: Прогресс,1986.– 408 с.
255. Гэлбрейт, Дж.К. Экономика невинного обмана: правда нашего времени / Джон Кеннет Гэлбрейт; [пер. с англ. И. Ногаева].– М.: Европа, 2009.– 86 с.
256. Даль, В.И. Толковый словарь живого великого русского языка. В 4 т.– М., 1955.
257. Данилов, Ю. Что такое синергетика? / Ю. Данилов, Б. Кадомцев// Нелинейные волны. Самоорганизация.– М.: Наука.– 1983.– С. 35-48.
258. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа. – М.: Книга, 1991. – 524 с.
259. Дебор, Г. Общество спектакля. – М.: Логос, 2000.
260. Делёз, Ж., Гваттари, Ф. Анти–Эдип. Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У–Фактория, 2007. – 672 с.
261. Долженко, Р.А. Корнев, В.В. Философия психоэкономики: проблема самореализации субъекта как научная мифологема //Философия и общество. – № 3. – 2011. – С. 74–90.

262. Долговая проблема как феномен XXI века: монография / под ред. А. А. Пороховского; экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова.– М.: Макс Пресс, 2014.– 288 с.
263. Дорожкин, А.М. Модели трансляции знания //Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2004. – №. 1(3). – С. 392-398.
264. Дорожкин, А.М. Григорьева, Н.Е. Риск в социальном пространстве: историческая ретроспектива и современность // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки.– 2008.– № 3.– С.150-161.
265. Достоевский, Ф.М. Дневник писателя за 1873 г.; Политические статьи; Критические статьи: (Из журн. "Гражданин") / [Соч.] Ф.М. Достоевского. - Санкт-Петербург: тип. А.С. Суворина, 1883.– 279 с.
266. Дробышевский, С.М. Анализ возможности возникновения «пузыря» на российском рынке недвижимости / Дробышевский С. М. [и др.]. – М.: ИЭПП, 2009. – 136 с.: ил. – (Научные труды / Ин-т экономики переходного периода; № 128).
267. Дударева, Е. С чувством исполненного голода. – 22.01.2007. [Электронный ресурс]. // Ведомости: [сайт]. – URL:// https://www.kommersant.ru/doc/735547 (дата обращения: 07.07.2018).
268. Дюркгейм, Эмиль. Метод социологии : Пер. с фр. / Эмиль Дюркгейм. – Киев; Харьков: Ф.А. Иогансон, ценз. 1899 (Санкт-Петербург).– 153 с.
269. Дьюи, Дж. Общество и его проблемы / пер.с англ. И.И. Мюрберг, А.Б. Толстова, Е.Н. Косиоловой.– М.: Идея-Пресс, 2002.– 160 с.
270. Enron: банкротство, которое бросает тень на финансовые устои Америки [Электронный ресурс]. // Информационный портал Finansy.ru: [сайт]. – URL:http://www.finansy.ru/tend/t020122.htm (дата обращения: 12.04.2018).
271. H&M ежегодно сжигает тонны новой одежды в Швеции, сообщили СМИ. – [электронный ресурс].– РИА новости: [сайт].– URL: https://ria.ru/world/20171122/1509329305.html (дата обращения: 12.07.2018).
272. Ельмеев, В.Я. Ефимов Ю.И. (ред.) Философские вопросы теоретической социологии / В.Я. Ельмеев, Ю.И. Ефимов, И.А. Громов, Н.А. Пруель, М.В. Синютин, Е.Е. Тарандо, Ю.В. Перов, Ч.С. Кирвель, В.И. Дудина.– Учебное пособие.– СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2009. – 743 с.
273. Ермаков, С.А., Ермакова, Е.В. Предпринимательство как ценность жизни человека // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.– 2013.– №3-1(29).– С.65-67.
274. Ермаков, С.А., Ермакова, Е.В. Философия бизнеса в культуре предпринимательства // Исторические, философские, политические и

юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.– 2013.– №6-2(32).– С.62-64.
275. Ермаков, С.А. Святоотеческие представления о воле человека // Приволжский научный журнал.–2013.– №1(25).– С.163-165.
276. Жилин, В.И. К вопросу о многозначности понятия информации // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культура. – 2010.– №31 (212).– С.116-122.
277. Занг, В.-Б. Синергетическая экономика. Время и перемены в нелинейной экономической теории: Пер. с англ. – М.: Мир, 1999. – 335 с.
278. Запесоцкий, А.С. Экономика и культура: к вопросу о характере взаимосвязей // Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры : X Междунар. Лихачевские науч. чтения, 13 - 14 мая 2010 г. / РАН, РАО, Конгресс петербург. интеллигенции, СПбГУП, при поддержке М-ва иностр. дел. РФ ; науч. ред. А. С. Запесоцкий.– СПб., 2010.– С. 449-451.
279. Зарецкий, А.Д. Экзистенциальное взаимодействие пространственных и региональных экономических систем // Фундаментальные исследования. – 2014.– №9-6.– С.1306-1311; URL: http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=35060 (дата обращения: 02.04.2018).
280. Зарубина, Н.Н. Деньги как социокультурный феномен. – М.: «Анкил», 2011. – 200 с.
281. Зарубина, Н.Н. Социология хозяйственной жизни: проблемный анализ в глобальной перспективе. Учебное пособие, 2-е изд.– М.: Логос, 2010.– 392 с.
282. Зимняя, И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании.– М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004.– 42 с.
283. Зиммель, Г. Избранное. Т.1. Философия культуры. – М.: Юрист, 1996. – 672 с.
284. Зиновьев, А.А. Запад. Феномен западнизма / Александр Зиновьев. - М.: Торг.-изд. об-ние "Центрполиграф", 1995.– 460 с.
285. Золя, Эмиль. Творчество. Собрание сочинений в 18 томах. Том 11.–М.: Правда, 1957.– 326 с.
286. Иванов, А.В. От Платона – к "живой этике": развитие традиции метафизики всеединства / А.В. Иванов, И.В. Фотиева // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия.– 2013.– № 6.– С. 46.
287. Ивин, А.А. Диалектика. От зарождения до триумфа и краха: монография. – М.: Проспект, 2017. – 240 с.
288. Игнатьев, М.Б. Кризис как имманентное свойство сложных социально-экономических систем // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе, 2013.– №1(1).– С.25-44.

289. Изаак, С.И., Исаев Р.А. Особенности развития дистанционного образования в российской федерации //Сервис в России и за рубежом. – 2015. – Т. 9. – №. 2 (58). – С. 68-75.
290. Измерение научно-технической деятельности: предлагаемая стандартная практика для обследований исследований и экспериментальных разработок: Руководство Фраскати, 1993: [Перевод].– М.: ЦИСН, Б. г.– 1995.
291. Ильенков, Э.В. Философия и культура: [Сборник] / Э.В. Ильенков; [Вступ. ст. А. Г. Новохатько].– М.: Политиздат, 1991.– 462 с.
292. Ильин, И.А. О России. Три речи. 1926-1933 / И.А. Ильин.– София: За Россию, 1934.– 32 с.
293. Ильин, И.А. Путь к очевидности / И.А. Ильин.– М.: АСТ, Хранитель, 2007.– 85 с.
294. Ильин, И.А. Собрание сочинений. Философия как духовное делание / И.А. Ильин.– М.: ПСТГУ, 2014.– 317 с.
295. Ильин, И.А. Путь духовного обновления / Сост., подгот.текста, вступ.ст., коммент.Ю.Т.Лисицы.– М.: Русская книга – XXI век, 2006.– 336 с.
296. Ильин, И.А. Очертания будущей России / Сб."О грядущей России". –М. Воениздат, 1993. – 368 с.
297. Ильин, И.А. России необходима свобода. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948-1954 годов.– В 2-х т.– М., 1992, т.1. – С.136-137.
298. Иноземцев, В.Л. За пределами экономического общества: постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. – М.: Academia; Наука, 1998. – 640 с.
299. История диалектики XIV-XVIII вв. [Текст] / [Редколлегия: З. А. Каменский и др.].– М.: Мысль, 1974.– 356 с.
300. Иудин, А.А. Архетипы в брендинге: специфика русской культурной традиции.– Нижний Новгород: НИСОЦ, 2008.– 36 с.
301. Исопескуль, О.Ю. Фрактальная природа организационной культуры // Управление экономическими системами: электронный научный журнал.– №11(47), 2012. – С.66-70.
302. Исследование PricewaterhouseCoopers: «Интернет торговля в России. Продвижение компаний в социальных медиа». [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. – 15.03.2010. – URL: http://gtmarket.ru/news/media-advertising-marketing/2010/03/15/2538.
303. К обществам знания. Всемирный доклад ЮНЕСКО. [Электронный ресурс]. – Изд-во «ЮНЕСКО». – 2005. – URL: http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001418/141843r.pdf (дата обращения: 10.12.2017).
304. Казарова, Т.В. Ценностный вакуум как особенность глобально цивилизации // Journal of the Philosophers of Slavic Countries (ΣΟΦΙΑ. Pismo Filozofów Krajów Słowiańskich). –№12.– 2012.– pp. 83-94.

305. Канке, В.А. Философия экономической науки: Учебное пособие. – М.: ИНФРА-М, 2007. – 384 с.
306. Кант, И. Спор факультетов / пер. с нем. М. Левиной // Кант И. Сочинения в восьми томах. – М., 1994. – Т. 7. – С. 57–136.
307. Кант, И. Критика чистого разума. – М.: Эксмо, 2015. – 160 с.
308. Кант, И. Критика способности суждения // Сочинения в шести томах. – М.: «Мысль», 1966. (Философ. наследие). – Т. 5. – 564 с. – С.161-529.
309. Кантор, В.К. Что значил разумный эгоизм Чернышевского в общинной стране? // Вопросы философии, 2014.– №3.– С.95-104.
310. Кара–Мурза, С. Г. Наука и кризис цивилизации / С.Г. Кара–Мурза //Вопросы философии. – 1990. – Т.9.– С.3–15.
311. Кара-Мурза, С.Г. Концепция «золотого миллиарда» и Новый мировой порядок [Электронный ресурс] // Сергей Георгиевич Кара-Мурза о культуре, истории, экономике и политике России.– 1999.– URL: http://www.kara-murza.ru/books/articles/oro1.html (дата обращения: 17.11.2016).
312. Кара-Мурза, А.А. «Новое варварство» как проблема российской цивилизации.– М.: ИФРАН,1995.– 211 с.
313. Карсон, Роберт Б. Что знают экономисты: Основы экон. политики на 1990-е гг. и в перспективе: [Пер. с англ.] / Роберт Б. Карсон; Отв. ред. В.Р. Евстигнеев.– М.: Совмест. рос.-герм. предприятие "Квадрат", 1993. – 304 с.
314. Касавин, И.Т. Сокулер, З.А. Рациональность в познании и практике. – М.: Наука, 1989. – 192 с.
315. Касавин, И.Т. Социальные технологии. Теоретические концептуализации и примеры // Общественные науки и современность, 2012.– №6.– С.100-111.
316. Касавин, И.Т. Проблема как форма знания // Epistemology & Philosophy of Science, 2009. – №4. – С.5-13.
317. Кассирер, Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры.– М.:Изд-во «Прогресс», 1988.– С. 3–30.
318. Кассирер, Э. Философия Просвещения.– М.: РОССПЭН, 2004.– 399 с.
319. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура // М. Кастельс.– М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
320. Катасонов, В.Ю. Религия денег. Духовно-религиозные основы капитализма.– М.: Кислород, 2014.– 408 с.
321. Катунина И.В. Развитие методологии управления человеческими ресурсами на основе системно-синергетического подхода//Менеджмент в России и за рубежом.– 2010.– №2.– С. 3-10.
322. Кейнс, Дж.М. Избранные произведения: Пер.с англ. / Предисл. коммент. сост.: А.Г. Худокормов.– М.: «Экономика», 1993.–543 с.
323. Кейнс, Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. – М.: Эксмо, 2007. – 960 с.

324. Киблицкая, Т. Долгосрочное прогнозирование: сравнительный анализ и обзор опыта применения // Научный вестник ИЭП им. Гайдара. – №5, 2015. – С.37-47.
325. Кирдина, С.Г. К переосмыслению принципа методологического индивидуализма / С.Г. Кирдина. – М.: Институт экономики РАН, 2013. – 54 с.
326. Кирман, А. Финансовый кризис и провалы современной экономической науки / А. Кирман. Д.Колландер. Г.Фельмер // Вопросы экономики.– 2010.– №6.– С.10-25.
327. Кларк, Б.Р. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации [Текст] / пер. с англ. А. Смирнова; Гос. ун-т – Высшая школа экономики.– М.: Изд. дом Гос. ун-та– Высшей школы экономики, 2011.– 240 с.
328. Непрерывное образование в политическом и экономическом контекстах / Отв. ред. Г.А. Ключарев. М.: ИС РАН, 2008.– 400 с.
329. Киселев, Г.С. Постмодерн и Христианство // Вопросы философии, 2001. – № 12.
330. Кларк, Б.Р. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации: пер. с англ./. Б.Р. Кларк, А. Смирнова.– М.: Изд. дом Гос. ун-та -Высшей школы экономики, 2011.– 240 с.
331. Клейнер, Г.Б. Эволюция институциональных систем. – М.: «Наука», 2004. – 240 с.
332. Князева, Е.Н. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем // Е.Н. Князева. С.П. Курдюмов. –М.: «Наука», 1994.– 236 с.
333. Князева, Е.Н. Курдюмов, С.П. Синергетика как новое мировоззрение: диалог с И.Пригожиным // Вопросы философии. – 1992. – №12. – С. 3-20.
334. Кови, С. Семь навыков высокоэффективных людей: Мощные инструменты развития личности.– М.: Альпина Бизнес Букс.– 2006.– 375 с.
335. Кови, С. Восьмой навык. От эффективности к величию.– М.: Альпина Паблишер, 2004. – 408 с.
336. Коган, В.З. Теория информационного взаимодействия: филос.-соц. очерк / В.З. Коган. ; Новосиб. гос. университет. – Новосибирск: НГУ, 1991.
337. Койре, А. От мира «приблизительности» к универсуму прецизионности //Койре А. Очерки истории философской мысли.– М.– 1985. – С. 109–127.
338. Козловски, П. Принципы этической экономии [Text] / П. Козловски; Пер. В. С. Автономов.– СПб.: «Экономическая школа», 1999.– 340 с.
339. Колотнина, Е.В. Метафоры, функционирующие в англоязычном экономическом дискурсе в период кризиса // Современные проблемы социально-гуманитарных наук, 2015.– №1.– С.92-94.
340. Колпаков, В.А. Антинатуралистическая исследовательская программа и экономическая наука // Философские науки. – №2. – 2008.

341. Колпаков, В.А. Экономика и этические проблемы капиталистических стран // Вестник воронежского государственного университета. Серия: философия, 2015.– №4(8).– С.3-15.
342. Колпаков, В.А. Кризис экономической науки как потеря её жизненной значимости // Эпистемология и философия науки, 2007.– №2.– С.203-211.
343. Колпаков, В.А. Социально-эпистемологические проблемы современного экономического знания: автореферат дис. доктора философских наук: 09.00.01 / Колпаков Владимир Алексеевич; [Место защиты: Ин-т философии РАН].– М., 2008.– 44 с.
344. Кондратьев, Н. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды / Н. Кондратьев, Ю. Яковец, Л.Абалкин.– М.: Экономика, 2002.– 374 с.
345. Короленко, В.Г. Избранные письма в 3 т. – Т. 2. – М., 1932.
346. Королёв, В.К. «Философия хозяйства» как социогуманитарная основа модернизации экономической мысли // Философия хозяйства, 2016.– №1(103).– С.17-22.
347. Коуз, Р. Фирма, рынок и прав.– М.: Новое издательство, 2007. — 224 с. — (Библиотека Фонда «Либеральная миссия»).
348. Кошовец, О.Б. Вархотов, Т.А. Эксперименты без материи: модели в теоретической экономике // Эпистемология и философия науки, 2016. – Т.49. – №3. – С.124-139.– DOI: 10.5840/eps201649355.
349. Кравченко, Е.В. Психологическое влияние архетипов в рекламном сообщении на покупательское поведение // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, 2009. – № 2. – С. 29-31.
350. Кравченко, С.А. Динамика социологического воображения: всемирная культура инновационного мыления. Монография. – М.: «Анкил», 2010. – 392 с.
351. Красиков, С.А. Исследование рисков в западной социологии / С.А. Красиков //Социологические исследования. – 2008. – №. 9.– С. 12–19.
352. Крон, В. Риск (не) знания: о смене функций науки в обществе знания / В. Крон //Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – Т. 6. – №. 3. – С. 69–89.
353. Ксенофонт. Сократические сочинения: Воспоминания о Сократе, Защита Сократа на суде, Пир, Домострой.– 1935.–М.: Academia.– 417 с.
354. Кун, Т. Структура научных революций.– М.: Прогресс.– 1977.– 86 с.
355. Курдюмов, С.П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным // Вопросы философии, 1992.– № 12.– С.3-20.
356. Кутырёв, В.А. Философия постмодернизма: Научно–образовательное пособие для магистров и аспирантов гуманитарных специальностей. – Нижний Новгород: Изд–во Волго–Вятской академии государственной службы, 2006. – 95 с.

357. Кутырёв, В.А. Человеческое и иное: борьба миров / В.А. Кутырёв.– Санкт-Петербург: Алтейя, 2009.– 264 с.
358. Кутырёв, В.А. Бытие или ничто — СПб: Издательство «Алетейя», 2009. – 496 с.
359. Кутырёв, В.А. Последнее целование. Человек как традиция. – СПб.:Алетейя, 2015. – 312 с.
360. Кэй, Дж. Карта – не территория: о состоянии экономической науки // Вопросы экономики, 2012.– №5.– С.4-13.
361. Лакастос, И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ.– М.: Медиум, 1995. – 236 с.
362. Ларуш, Л. Физическая экономика как платоновская эпистемологическая основа всех отраслей человеческого знания.– М.: Научная книга. – 1997.– Т. 260. – 125 с.
363. Леви-Брюль, Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 607 с.
364. Леви-Стросс, К. Мифологики: Сырое и приготовленное / К.Леви–Стросс.– М.: Free Fly, 2006.– 400 с.
365. Лекторский, В.А. Возможны ли науки о человеке? // Вопросы философии. – 2015. – №5. – С.3-15.
366. Лекторский, В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. –М. : Эдиториал УРСС, 2011. – 256 с.
367. Лем, С. В паутине / Пер. В.Борисова // Лем С. Так говорил... ЛЕМ. – М.: АСТ; АСТ МОСКВА; Хранитель, 2006. – С. 93-153.
368. Ленин, В.И. Избранные произведения в 3-х томах.– Т.1.– 1980.
369. Ленин, В.И. Материализм и эмпириокритицизм. М., 1951.
370. Леонтьев, В.В. Межотраслевая экономика / Василий Леонтьев; [Науч. ред. и авт. предисл. А. Г. Гранберг].– М.: Экономика, 1997.– 477 с.
371. Леонтьев, Д.А. Что даёт психологии понятие субъекта: субъектность как измерение личности // Эпистемология и философия науки, 2010. –Т.XXV. – №3. – С.136-153.
372. Леонтьев, К.Н. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения / К.Н. Леонтьев.– АСТ, Хранитель, 2007.– 17 с.
373. Леонтьев, К.Н. В своём краю: Роман в 2 ч. / [Соч.] К.Н. Леонтьева. - Санкт-Петербург: тип. А.А. Краевского, 1864.– 177 с.
374. Линдстром, М. Вынос мозга. Как маркетологи манипулируют нами и убеждают покупать их товары. – М.: Альпина бизнес букс, 2012.– 179 с.
375. Лист, Ф. Национальная система политической экономии / Соч. д-ра Фридриха Листа; Пер. с нем. под ред. К.В. Трубникова с его вступлением, примеч. и биогр. очерком Фр. Листа.– Санкт-Петербург: А.Э. Мертенс, 1891. – 452 с.
376. Локк, Дж. Два трактата о правлении / Джон Локк; пер. с англ. Е. С. Лагутина и Ю. В. Семенова.– Москва; Челябинск: Социум, 2014.– 494 с.

377. Лосев, А.Ф. Диалектика мифа / Алексей Лосев. – Спб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016.– 320 с.
378. Лосев, А.Ф. Критические заметки о буржуазной математической логике //Историкоматематические исследования. Вторая серия. – 2003. – №. 8 (43). – С.339-401.
379. Лукша, П. Атлас новых профессий / П.Лукша, Д.Песков, Е.Лукша, Д.Варламова, Д.Судаков, Д.Коричин.– М.: Агентство стратегических инициатив, 2015.– 288 с.
380. Луман, Н. Понятие риска / Н. Луман //THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем.– 1994.– №5.– С. 135–160.
381. Любинин А.Б. Снова к проблеме генезиса и предметного содержания «экономикс» //Российский экономический журнал. – 2016. – №. 2. – С. 35-65.
382. Малинецкий, Г. Новое в синергетике, взгляд в третье тысячелетие. Синергетика и системный анализ / Г. Малинецкий, С. Курдюмов// Информатика: неограниченные возможности и возможные ограничения. Рос. акад. наук.– М.: Наука, 2000.– С. 479.
383. Майер–Шенбергер, В. Кукьер, К. Большие данные: Революция, которая изменит то, как мы живем, работаем и мыслим. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 240 с.
384. Макаренко, И.П. Экономические кризисы и техногенные катастрофы как предвестники инноваций // Инновации.– №7 (177).–2013.– С.15-17.
385. Макклелланд, Д. Мотивация человека / Пер с англ. ООО «Питер Пресс»; научн. ред. проф. Е. П. Ильина.– СПб.: Питер, 2007.– 672 с.
386. Маклюэн, Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. — М.; Жуковский: «КАНОН–пресс–Ц», «Кучково поле», 2003. – 464 с.
387. Максимов, С.Н. Недвижимость как экономический актив //Вестник Санкт-Петербургского университета.– Серия 5. Экономика. – 2010. – №1. – С.3-10.
388. Малкина, М.Ю. История экономических учений. Краткий курс: Учебное пособие.– Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2016.– 67 с.
389. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. — М.: «Прогресс» «Культура», 1992. — 415 с.
390. Мамардашвили, М.К. Очерк современной европейской философии / М.К. Мамардашвили. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018.– 640 с.
391. Мамардашвили, М.К. Философские чтения / Мераб Мамардашвили.– СПб.: Азбука-классика, 2002.– 823 с.
392. Мамардашвили, М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. – СПб.: Азбука, Азбука–Аттикус, 2010. – 288 с.
393. Мамардашвили, М.К. Вильнюсские лекции по социальной философии: (Опыт физической метафизики).– СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012.

394. Мандельброт, Б. Фрактальная геометрия природы. – М.: Институт компьютерных исследований, 2002.– 656 с
395. Маркова, Л.А. Философия из хаоса. – М.: Канон, 2004. – 384 с.
396. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии / Карл Маркс.– М.: Эксмо, 2011.– 1200 с.
397. Маркс, К. Экономические рукописи, 1857-1861 гг.: Первонач. вариант «Капитала» [В 2-х ч.] / К. Маркс.– М.: Политиздат, 1980.
398. Маркс, К. Энгельс, Ф. Сочинения, тома 1-39. Издание второе.– М.: Издательство политической литературы, 1955-1974 гг.
399. Маркузе, Г. Одномерный человек / Герберт Маркузе. – М.: Рефл–Бук, 1994.– 368 с.
400. Маркузе, Г. Конец утопии / Гербер Маркузе //Логос. – 2004. – №.6. – С.18–23.
401. Маршалл, А. Основы экономической науки /Альфред Маршалл ; [пер. с англ. В. И. Бомкина, В. Т. Рысина, Р. И. Столпера].– М.: Эксмо, 2007.– 830 с.
402. Мелетинский, Е.М. Поэтика мифа / Е.М. Мелетинский. – М.: Мир: Академический Проект, 2012. – 331 с.
403. Менгер, К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности: Dr. Carl Menger, Untersuchungen über die Methode der Socialwissen-schaften, und der Politischen Oekonomie insbesondere / Пер. с нем. [Я. Розенсона] под ред. А. Гурьева.– Санкт-Петербург: кн. маг. А.Ф. Цинзерлинга, бывш. Мелье и К°, 1894.– 284 с.
404. Менделеев, Д.И. Познание России; Заветные мысли / Д.И. Менделеев; [подгот. текста Людмилы Подзолковой].– М.: Эксмо, 2008.– 685 с.
405. Меняющаяся социальность: контуры будущего. Коллективная монография ; отв. ред. В.Г. Федотова. – М.: ИФРАН, 2012. – 267 с.
406. Мизес, Л. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории / 2-е испр. изд. – Челябинск: Социум, 2005. – 878 с.
407. Милль, Дж.С. Основы политической экономии.– М., 1980.– Т.1.– С.394–402.
408. Милль, Дж.С. Огюст Конт и позитивизм = Auguste Comte and Positivism / Перевод с английского И. И. Спиридонова.– М.: ЛКИ, 2011.– 176 с.
409. Митина, О. Петренко, В. Синергетическая модель динамики политического сознания // Синергетика и психология. Тексты.– 1999.– № 1.– С. 336–339.
410. Михайлов, Ф.Т. Общественное сознание и самосознание индивида.– М.: Наука, 1990.– 224 с.
411. Моисеев Н.Н. Современный рационализм и мировоззренческие парадигмы //Общественные науки и современность. – 1994. – №3. – С. 77-87.
412. Моисеев, С.Р. Реформа глобальной финансовой архитектуры // Финансы и кредит, 2001. –№8.– С.17-24.

413. Морен, Э. Метод. Природа природы.– М.: изд-во «Канон +», 2013.– 488 с.
414. Моргунов, Г.В. Инновационность творчества.– Новосибирск: изд-во Новосибирского государственного технического университета, 2012. – 137 с.
415. Московичи, С. Деньги как страсть и как представление // Машина, творящая богов.– М: Центр психологии и психотерапии. Изд. "КСП+", 1998.
416. Мутсопулос, Э. Аристотель о моральных и экономических кризисах // Вопросы философии, 2016.– №5.– С.128-136.
417. Найденова, Е.М. Рузвельт, Кейнс и Великая депрессия // Пространство экономики, 2013.– №4.– С.36-43.
418. Найт, Ф. Понятия риска и неопределённости. – Альманах THSIS, 1994. – №5.
419. Нельсон, Р. Эволюционная теория экономических изменений / Р.Нельсон, С.Дж.Уинтер.– М.: Дело, 2002.– 536 с.
420. Нэсбитт, Дж. Что нас ждет в 90–е годы: Мегатенденции. Год 2000 : Десять новых направлений на 90–е гг.: [Пер. с англ. / Джон Нэсбитт, Патриция Эбурдин; Предисл. И. Т. Фролова].– М.: Республика, 1992. – 414 с.
421. Нижегородцев, Р.М. Информационные основы экономического роста // Технико–экономическая динамика России: техника, экономика, промышленная политика/Под ред. Р.М. Нижегородцева.–М.: ГЕО–планета.– 2000.– С. 5–29.
422. Нижегородцев, Р.М. Информационная экономика. Книга 1. Информационная вселенная: информационные основы экономического роста.– Кострома.– 2002.– 82 с.
423. Ницше, Ф. Вечное возвращение / Фридрих Ницше //Новый путь. – 1903. – №5– С. 34–51.
424. Новая философская энциклопедия /Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В.С. Стёпин, заместители предс.: А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов.– 2-е изд., испр. и допол.– Т.1.– М.: Мысль, 2010.– 741 с.
425. Новые идеи в социальной философии. Коллективная монография ; отв.ред. В.Г. Федотова. – М.: ИФРАН, 2006.– 324 с.
426. Нордстрем, К./ Бизнес в стиле фанк навсегда: Капитализм в удовольствие / Кьел Нордстрем, Йонас Риддерстрале; пер.с англ. [Кристоф Вагнер]; Стокгольмская школа экономики. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2008. – 328 с.
427. Лауреаты Нобелевской премии по экономике: автобиографии лекции, комментарии / под ред. члена-корреспондента РАН В.В. Окрепилова.– Т.1-3.– Спб.: Наука.– 2007.– 209 с.
428. Оверченко, М. За что Ричард Талер получил нобелевскую премию по экономике // Ведомости. – [Электронный ресурс]. – 19.10.2017 – URL:

http://vedomosti.ru/economics/articles/2017/10/19/737100-nobelevskaya-ekonomike.– [дата обращения: 01.04.2018].
429. Онтология и эпистемология синергетики / под ред. В.И. Аршинова, Л.П. Киященко.– М.: ИФРАН, 1997.—159 с.
430. Ортега–И–Гассет, Х. Восстание масс. – М.: АСТ, 2003. – 512 с.
431. Ортега-и-Гассет, Х. Избранные труды. – М.: Весь мир, 2000. – 704 с.
432. Осипов, Ю.М. Курс философии хозяйства.– М.: Экономистъ, 2005.– 320 с.
433. Осипов, Ю.М. Иное.– М.: Экономистъ, 2006.– 704 с.
434. Осипов, Ю.М. Обретение. – М.:ТЕИС, 2011. – 540 с.
435. Осипов, Ю.М. Экономика как есть (откровения Зоила или Судный день экономизма). – М.: ТЕИС, 2017. — 318 с.
436. Осипов, Ю.М. Эпоха Постмодерна. В трех частях. – М.: ТЕИС, 2004. – 336 с.
437. Остин, Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов.– М.: Прогресс, 1986.– 423 с.
438. Пайерлс, Р.Е. Законы природы.– М.: Государственное издательство физико-математической литературы, 1959.– 340 с.
439. Пак, Г.С. Ценность образования: от добродетели к товару // Вестник Нижегородского университета им.Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки», 2012.– №1(25).– С.112-116.
440. Парето, В. Социалистические системы / Теоретическая социология: Антология в 2-х частях/ Пер. с англ., фр., нем., ит. Сост. и общ. ред. С. П. Баньковской / Часть 1.– М.: Книжный дом «Университет», 2002.– 424 с.
441. Петерс, Э. Хаос и порядок на рынках капитала / Э. Петерс.– М.: Мир, 2000.– 254 с.
442. Петухов, С.В. Геометрия живой природы и алгоритмы самоорганизации. – М.: Знание, 1988.– 47 с.
443. Печерских, Н.А. Субъект. Собственник. Хозяин / Под ред.А.П. Мозелова.– Спб.: Наука, 2003.– 196 с.
444. Пивоварова, В.А. Как преподавать и совершенствовать экономическую теорию // Российский экономический журнал, 2000.– №2.– С.77-82.
445. Пигалев, А.И. Физика и экономика: о принципах сохранения научно-исследовательских программ // Эпистемология и философия науки, 2015. – №3. – С. 167-183.
446. Пидоймо, Л.П. Бутурлакина, Е.В. Сущеность категорий «Информационное общество», «Информационная экономика» // Современная экономика: проблемы и решения, 2010.– №4(4).– С.112-118.
447. Плехова, Ю.О. Непрерывное предпринимательское образование в системе инновационной инфраструктуры национального исследовательского университета/ Ю.О. Плехова, Б.И. Бедный, А.О. Грудзинский// Вестник ННГУ.– 2011.– №6-1.– С.11-19.

448. Подолинский, С.А. Труд человека и его отношение к распределению энергии.– М.: Ноосфера, 1991. – Т. 82.– С. 3.
449. Полани, М. Личностное знание. На пути к посткритической философии / Мишель Полани.– М.: "Прогресс", 1985.– 344 с.
450. Поланьи, К. Великая трансформация = The great transformation : Полит. и экон. истоки нашего времени / Карл Поланьи; Пер. с англ. А.А. Васильева [и др.]; Под общ. ред. С.Е. Федорова.– Санкт-Петербург: Алетейя, 2002.– 311 с.
451. Полтерович, В.М. Кризис экономической теории // Экономическая наука современной России. – 1998. – №1. – С.46-66.
452. Поппер, Карл Раймунд. Открытое общество и его враги : [В 2 т.] / Карл Поппер; Пер. с англ. под общ. ред. В. Н. Садовского. – М. : Открытое о-во "Феникс", 1992. - 21 см. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы.– М. : Междунар. фонд "Культ. инициатива" – Soros foundation: Открытое о-во "Феникс".– 525с.
453. Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации от 12.11.2009 г.// Российская газета.– 13.11.2009. – №214.
454. Пороховский, А. XXI век и экономическая теория: мировые тенденции и российская реальность // Российский экономический журнал, 1999.– №11-12.– С. 71-75.
455. Поскряков А.А. Инновационная культура // Философия творчества. Монография. /Под общей редакцией А.Н. Лощилина, Н.П. Французовой. – М.: ФО, 2002. – 131 с.
456. Пригожин, И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс.– М.: Прогресс, 1986.– 432 с.
457. Пригожин, И. От существующего к возникающему.– М.: Наука, 1985.– 328 с.
458. Пригожин, И. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени / И.Пригожин, И.Стенгерс.– М.:Едиториал УРСС, 2003.–240 с.
459. Проблемы физики: классика и современность: Материалы конференции, посвященные 100–летию со дня рождения А.Эйнштейна, Берлин, 28 февр. – 2 марта 1979 г.] / Под ред. [и с предисловием] Г.–Ю. Тредера; Пер. с нем. и англ. под ред. [и с предисловием] Л.И. Седов. – М.: Мир, 1982. – 328 с.
460. Пузырь Nasdaq // Коммерсант. "Business Guide (Информационные технологии)" [Электронный ресурс]. – Приложение №32. – 28 февраля. – 2008.– С.32. – URL: http://www.kommersant.ru/doc/855711 (дата обращения: 10.12.2017).
461. Путеводитель по основным понятиям и схемам методологии Организации, Руководства и Управления: Хрестоматия по работам Г.П. Щедровицкого ; под ред. А.Г. Реус. – М.: Дело, 2004. – 208 с.

462. Путин, В.В. Выступление на расширенном заседании президиума Совета по культуре и искусству, гор. Псков, 03.02.2014.
463. Равен, Дж. Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация /Пер. с анг. – М.: Когито-Центр, 2002.– 396 с.
464. Радаев, В.В. Ещё раз о предмете экономической социологии // Социологические исследования. – 2002. – №7. – С.3-14.
465. Райзберг, Б.А. Современный экономический словарь. / Б.А. Райзберг. Л..Ш. Лозовский. Е.Б. Стародубцева.– 4-е изд.– М.: ИНФРА-М.–2003.–478 с.
466. Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре / Генрих Риккерт. – М.: Республика, 1998. – 413 с.
467. Ритасов, В. Самый громкий скандал XXI века Дело «Энрон» // Деньги, №20 (45). [Электронный ресурс]. [2004]. URL: http://www.dengi-info.com/archive/article.php?aid=712 (Дата обращения: 01.12.2017).
468. Ритцер, Д. Макдональдизация общества / пер. с англ. А. Лазарева.– М.: Праксис, 2011. – 592 с.
469. Рих, А. Хозяйственная этика / Артур Рих; Пер. с нем. Е.М. Довгань; Отв. ред., авт. вступ. ст. [с. 5-22], и коммент. В. В. Сапов.– М.: Посев: Рос. фил., 1996. – 809 с.
470. Робинсон, Дж. Теория несовершенной конкуренции. – М.: Прогресс, 1986. – 471 с.
471. Рогозянский, А. Вселенная-26 // Фома, М.– 2015.–№6 (146).– С.14-15.
472. Рост объема информации – реалии цифровой вселенной // Технологии и средства связи.– 2013.– 1 (94).– С.24-25.
473. Рубин, Ю.Б. Высшее предпринимательское образование в России: диагностика проблемы // Высшее образование в России. – №11. – 2015.– С.5-17.
474. Руководство Осло [Текст]: рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям: совместная публикация ОЭСР и Евростата: [перевод на русский язык] / Орг. экономического сотрудничества и развития, Стат. бюро европейских сообществ.– Томск: Центр исследований и статистики науки.– 2011.– 107 с.
475. Сабуров, Е. Гуманитарная экономика: Статьи / Предисловие И. Кукулина; послесловие Е. Гонтмахера. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 416 с.
476. Самсин, А.И. Основы философии экономики: Учебное пособие. – М.: ЮНИТИ, 2003. – 270 с.
477. Самутина, Н. FAQ: Кино аттракционов/ Постнаука [Электронный ресурс]. [25.07.2014] URL: postnauka.ru/faq/27805 (Дата обращения: 20.03.2018).
478. Семечкин, Н.И. Психологические координаты рая // Вопросы философии.–2015.– №8.– С.64-75.

479. Система национальных счетов, 2008 [Текст] / Европейская комис. [и др.].– Нью Йорк: ООН, 2012.– 764 с.
480. Сизова И.Л., Хусяинов Т.М. Труд и занятость в цифровой экономике: проблемы российского рынка труда // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2017. Т. 10. № 4. С. 376-396.
481. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов.– М.: «Соцэкгиз», 1962.– 684 с.
482. Скибицкий, М.М. Философия экономики: становление, структура и современные функции // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета, 2012. – №4. – С.8-15.
483. Смит, А. Теория нравственных чувств или опыт исследования о законах, управляющих суждениями, естественно составляемые нами, сначала о поступках прочих людей, а затем о наших собственных. С письмами М. Кондорсе к Кобанису о симпатии. Ин-т экономики РАН.– М.: Наука, 1993.
484. Соловьёв, В. Смысл любви: избранные произведения / Владимир Соловьёв.– Спб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016.– 352 с.
485. Сорос, Дж. Кризис мирового капитализма : Открытое о-во в опасности / Джордж Сорос; [Пер. с англ. С. К. Умрихиной, М. З. Штернгарца].– М.: ИНФРА-М, 1999.– 260 с.
486. Соснина, Т.Н. Стоимость: историко-методологическое исследование. Учебное пособие. // Т.Н. Соснина: Самар. гос. аэрокосм. ун-т, Самара, 2005.– 338 с.
487. Спиноза, Б. Избранные произведения [Текст] : В 2 т. / [Общ. ред. и вступ. статья, с. 5-77, В. В. Соколова].– М.: Госполитиздат, 1957.– 2 т.; Т.1: [Краткий трактат о боге, человеке и его счастье], 1957.– 631 с.
488. Спиноза, Б. Этика.– Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012.– 34 с.
489. Стёпин, В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность //Вопросы философии.– 2003. – Т. 8. – С. 5-17.
490. Стёпин, В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия // Постнеклассика: философия, наука, культура.– Спб.: Издательский дом «Міръ», 2009.– С.249-295.
491. Стёпин, В.С. Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция / В.С. Стёпин // Вопросы философии.– №5.– 2012.– С.18-25.
492. Стёпин, В.С. Ценностные основы и исторические перспективы техногенной цивилизации // Социология. – 2000. – № 3. – С.45.
493. Стёпин, В.С. Смена типов научной рациональности // Синергетика и психология. Вып. 1. "Методологические вопросы".– М., 1999.
494. Сокал, А. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна / Ален Сокал. Жан Брикмон.– М.: Дом интеллектуальной книги, 2002.– 248 с.

495. Соловьёв, В.С. Сочинения: В 2 т. М.: Правда, Т.2, 1989.– 824 с.
496. Соловьёв, В.С. Оправдание добра: Нравственная философия.– М.: Республика, 1996. – 479 с.
497. Соловьёв, В.С. Смысл любви. – М.: Азбука, 2016. – 352 с.
498. Соммэр, Д.С. Мораль XXI века / Д.С. Соммэр.–М.: Издательский дом «София, 2004.– 528 с.
499. Сорокин, П.А. Человек и общество в условиях бедствия (фрагмент книги). – Вопросы социологии, 1993. – №3.
500. Соснина, Т.Н. Стоимость: историко-методологическое исследование / Соснина Т.Н.; Самар. науч. центр Рос. акад. наук [и др.].– Самара: Изд-во Самар. науч. центра РАН, 2005.– 396 с.
501. Сумленный, С. Останется десять университетов //Эксперт. – 2013. – №. 48. – 878 с.
502. Сушинов, Ю. В Томском госуниверситете разработают учебный курс для цифровых двойников. – [Электронный ресурс]. – 05.12.2017. – Агентство стратегических инициатив. – URL://asi.ru/news/86318/ (Дата обращения: 10.08.2018).
503. Сэй, Ж.Б. Трактат политической экономии / [Текст] / Жан Батист Сэй; пер. Е. Н. Каменецкой.– М.: К.Т. Солдатенков, 1896.– 400 с.
504. Тавокин, Е.П. Российская молодёжь на рынке труда в оценках экспертов // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены.– 2016.– № 2.– С. 175-184.
505. Талер, Р. От «Homo economicus» к «Homo sapiens» // Логос. – №1 (97). – 2014. – С.141-154.
506. Талкотт, П. О социальных системах.– М.: Академический проект, 2002.– 832с.
507. Тапскотт, Д. Викиномика. Как массовое сотрудничество изменяет всё/ Д. Тапскотт, Э.Д. Уильямс. – NY.: BestBusinessBooks, 2009. – 498 p.
508. Тарасевич, В.Н. Постнеклассический вызов фундаментальной экономической науке // Вопросы экономики, 2004.–№4.– С.72-74.
509. Титов, П. Проблема фрагментарности в современной экономической науке / П. Титов // Научный журнал НИИ истории, экономики и права.– 2010.– С.138–153.
510. Тойнби, А.Дж. Постижение истории: Пер. с англ. / Сост. А.П. Огурцов; вступит. ст. В.И. Уколовой; закл. ст. Е.Б. Рашковского.– М.: Прогресс, 1991.– 736 с.
511. Толле, Э. Новая земля. Пробуждение к своей жизненной цели / Экхарт Толле; [пер.с англ.Г.П.Тимошинова].–М.: РИПОЛ классик, 2011. – 336 с.
512. Толстой, Л.Н. Так что же нам делать? / В кн.: Толстой, Л.Н. Не могу молчать. – М.: «Советская Россия», 1985.– 528 с.
513. Толстой, Л.Н. О значении русской революции. – М.: Изд-во «Посредника», 1906.

514. Тоффлер, Э. Третья волна.– М.: АСТ, 2009.– 800 с.
515. Тросби, Д. Экономика и культура.– М.: Изд.дом Высшей школы экономики, 2013. – 256 с.
516. Туган-Барановский, М.И. Избранное. Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов.– М.: Наука, Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997.– 574 с.
517. Тульчинский, Г.Л. Массовая культура как воплощение гуманизма Просвещения, или почему российское общество самое массовое // Философские науки. – 2008. – № 10. – С. 38-45.
518. Тутов, Л.А. Экономика и математика: возможности и границы взаимодействия / Л.А. Тутов, В.Н. Рогожникова // Философия хозяйства. – 2015.– №6.– С.89–101.
519. Тутов, Л.А. Шаститко, А.Е. Опыт предметной идентификации новой институциональной экономической теории // Вопросы философии. − №6. – 2017. – С. 63-73.
520. Философия и методология экономики: учебное пособие / Под ред. Л.А. Тутова.– М.: ИНФРА-М., 2017. – С.386 с.
521. Тэрнер, В. Символ и ритуал. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983. – 277 с.
522. Тьюринг, А. Может ли машина мыслить. – М.: Государственное издательство физико-математической литературы, 1960. – 67 с.
523. Умов, Н.А. Эволюция атома // Собр. соч. Т. 3. – М.: типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерева и К°, 1916. – С. 262-287.
524. Урсул, А.Д. Природа информации: философский очерк / А.Д. Урсул; Челяб. гос. акад. культуры и искусств; Науч.-образоват. центр «Информационное общество»; Рос. гос. торгово-эконом. ун-т; Центр исслед. глобальных процессов и устойчивого развития. – 2-еизд. – Челябинск, 2010. – 231 с.
525. Уэбстер, Ф. Теории информационного общества / Ф. Уэбстер. – М.: Аспект Пресс, 2004.– 400 с.
526. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4–х т.: Пер. с нем. Russisches etymologisches Wörterbuch / Перевод и дополнения О.Н. Трубачёва. – 4–е изд. – М.: Астрель – АСТ, 2004.– Т. 4.– 860 с.
527. Федотова, В.Г. Глобальный капитализм: три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества / В.Г. Федотова, В.А. Колпаков, Н.Н. Федотова.– М.: Культурная революция, 2008. – 608 с.
528. Федотова, В.Г. Человек в экономических теориях: пределы онтологизации // Человек в экономике и других социальных средах [Текст] / Рос.акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. В.Г. Федотова. – М. : ИФРАН, 2008. – 195 с.

529. Федотовский, Н. Полюсы рынка труда Европы // «Эксперт», от 27 апреля 2015 г.
530. Фейерабенд, П. Против метода: очерк анархистской теории познания / П.Файерабенд.– М.: АСТ; АСТ Москва; Хранитель, 2007.– 413 с.
531. Фейнман, Р. Характер физических законов / Ричард Фейнман: [пер.с англ. Э.Наппельбацма, В.Голышева].– М. : Издательство АСТ, 2017.– 256 с.
532. Филлипс, К.Д. Ваш шанс изменить мир. Практическое пособие по социальному предпринимательству.– М.: Алпина Паблишер, 2013.– 280 с.
533. Фихте, И.Г. Основные черты современной эпохи / Фихте; Пер. с нем. Л.М.; Под ред. Н.О. Лосского. – Санкт-Петербург: Д.Е. Жуковский, 1906.– 232 с.
534. Фихте, И.Г. Первое введение в наукословие // «Новые идеи в философии».– Санкт-Петербург: «Образовани», 1914.– № 12.– С.15-53.
535. Флоренский, П.А. [Автореферат]. // Флоренский П.А., священник. Сочинения в 4 т. Т. 1. – М: Мысль, 1994. – 704 с.
536. Флоренский, П.А. У водоразделов мысли. В 2-х томах.– М.: Правда, 1990.– т. 2.– 446 с.
537. Фортунатов, А.Н. Перформативный характер современной коммуникации [Текст] / А. Н. Фортунатов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского.– № 1. – Н. Новгород, 2009. - № 1. – С. 350-354.
538. Фортунатов, А.Н. Взаимодействие субъектов социальной коммуникации в медиареальности / А.Н. Фортунатов.–Н.Новгород: ННГАСУ. – 2009.– 340 с.
539. Фортунатов, А.Н. Коммуникация и одиночество. Опыт диалектического анализа // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского.– № 1(2).– 2014.–С. 464-467.
540. Фортунатов, А.Н. Эго-медиа. Социально-философские штрихи к истории телевидения: практический курс / А.Н. Фортунатов.– М.: ФЛИНТА: Наука, 2018.– 168 с.
541. Фортунатов, А.Н. Ритмическая организация телевизионных новостей как этико-смысловая проблема [Текст] / А.Н. Фортунатов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – Н.Новгород, 2008. – № 2. – С. 238-242.
542. Фортунатова, В.А. Гуманитарные основы предпринимательской культуры // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского.– 4-2.–2013.–С.246-249.
543. Фортунатова, В.А. Бизнес-гуманитаризм как основа возрождения национальных традиций в современной России // Сборник «Гражданская солидарность в реализации государственной культурной политики: взаимодействие власти, общества и бизнеса» /Сост. и общ. ред О.Н.

Астафьевой и О.В. Коротеевой.– М.: ИП «Лядов», 2015.– 576 с.– С.252-258.
544. Фортунатова, В.А. Гуманитаризация экономики как фактор общественного развития// Человек в мире современной экономики: Диалог мировоззрений.– Н.Новгород: НИУ РАНХиГС, 2013.– С. 374-386.
545. Фрейд, З. Психоанализ и культура. – СПб: Алетейя, 2000. – 296 с.
546. Фрейденберг, О.М. Миф и литература древности. 2-е изд., испр. и доп.– М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. – 800 с.
547. Фромм, Э. Душа человека : [Сборник: Перевод] / Э. Фромм; [Общ. ред., сост. и предисл. П.С. Гуревича].– М.: Республика, 1992.– 429 с.
548. Фромм, Э. Искусство любви / Эрих Фромм; Пер. с англ. А.В. Александровой.– М.: Издательство АСТ, 2017. – 221 с.
549. Фромм, Э. Бегство от свободы / Эрих Фромм; [пер.с англ.А.В. Александровой]. – М. : Издательство АСТ, 2017. – 288 с.
550. Фрумкин, К. Пассионарность: к истории идеи // «Россия XXI». – 2001. – № 3. – С. 154.
551. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – СПб.: A-cad, 1994. – 408 с.
552. Фуко, М. Психиатрическая власть.– Санкт-Петербург: «Наука», 2007.
553. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Фрэнсис Фукуяма; [пер.с англ.М.Б.Левина].– Москва: Изд-во АСТ: Полиграфиздат, 2010.– 588 с.
554. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне. Пер с нем.– М.: Издательство "Весь Мир", 2003.– 416 с.
555. Хазин, М.Л. О масштабе и последствиях мирового кризиса // Философия хозяйства, 2015. – №3(99).– С.86-90.
556. Хайдеггер, М. Время и бытие: статьи и выступления / Мартин Хайдеггер; [сост., вступ. ст., коммент., указ.], пер. с нем. В. В. Бибихина.– Санкт-Петербург: Наука, 2007. – 620 с.
557. Хайдеггер, М. Разговор на проселочной дороге: Сборник: Пер. с нем./ Под ред. А. Л. Доброхотова.— М.: Высш. шк., 1991.— 192 с.
558. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Проблема человека в западной философии.– М., 1988.
559. Хайтун, С.Д. Трактовка энтропии как меры беспорядка и её воздействие на современную научную картину мира / С.Д. Хайтун //Вопросы философии. – 2013. – № 2.– С. 62–74.
560. Хайтун, С.Д. Социальная эволюция, энтропия и рынок / С.Д. Хайтун // Общественные науки и современность.– 2000.– №6.– С.94-109.
561. Хакен, Г. Синергетика. Иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах / Г. Хакен.– М.: Мир, 1985.– 424 с.

562. Хакен, Г. Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии / Г.Хакен.– Москва–Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2003.– 320 с.
563. Харрод, Рой Форбес. К теории экономической динамики = Towards a dynamic economics : Новые выводы экономической теории и их применение в экономической политике / Пер. с англ. И. К. Дашковского; Под. ред. Л. П. Куракова; М-во образования Рос. Федерации. Ассоц. рос. вузов.– М.: Гелиос АРВ.– 1999.– 160 с.
564. Хаусманн, Д. Философия экономики. Антология / Под ред. Дэниела Хаусмана. – М.: Институт Гайдара, 2012. – 520 с.
565. Хиберт, Э. Современная физика и христианская вера / Э.Хиберт // Социокультурный контекст науки.– М.: ИФРАН.– 1998.– С. 23–50.
566. Хикс, Д.Р. Стоимость и капитал: Пер. с англ. / Дж. Р. Хикс; Общ. ред. и вступ. ст. [с. 5-94] Р. М. Энтова.– М. : Прогресс.– 1988.– 487 с.
567. Холлифорд С., Уиддет С. Мотивация: Практическое руководство для менеджеров / Пер с англ. ООО «Пароль».– М.: ГИППО, 2008.– 354 с.
568. Хоман, Карл. Экономическая и предпринимательская этика / Карл Хоман, Франц Бломе-Дрез // Политическая и экономическая этика: [пер. с нем. С. Курбатовой, К. Костюка].– М.: Фаир-Пресс, 2001.– С .177-348.
569. Хоркхаймер, М. Затмение разума. К критике инструментального разума / Пер. с англ. А.А. Юдина; пред. В.Ю. Кузнецова; науч. ред. В.Ю. Кузнецов. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011.– 224 с.
570. Хубиев, К.А. Экономикс: о методолого-теоретическом содержании и возможности синтеза с политэкономической традицией // Российский экономический журнал, 1999.– №7.
571. Худокормов, А.Г. Экономическая теория: Новейшие течения Запада: учеб. пособие. – М.: ИНФРА–М, 2009. – 416 с.
572. Худокормов, А.Г. Развитие экономической мысли через её периодические кризимы (к вопросу об общем принципе эволюции мровой экономической теории в XX веке). – М.: ИЭ РАН, 2012. – 38 с.
573. Хусяинов, Т.М. Тенденции геймификации и креативизации в трудовых отношениях эпохи постмодерна // Философия хозяйства, 2017. – № 2. – С. 93-105.
574. Цаплин, В.С. Странная цивилизация: [интеллектуал. цивилизация, социал. глобализация, разумность и мышление, мифы цивилизации, размышления и ст.] / Владимир Цаплин.– М.: АСТ: Астрель, 2006.– 638 с.
575. Царев, В. Преимущества дистанционного обучения // Высшее образование в России. – 2000. – №. 4. – с.124-126.
576. Циолковский, К.Э. Второе начало термодинамики.– Калуга: тип. С.А. Семенова, 1914.– 25 с.
577. Цифровая Россия: новая реальность [Электронный ресурс] // McKinsey&Company – официальный сайт: [сайт]. [2017]. URL:

https://www.mckinsey.com/ru/~/media/McKinsey/Locations/Europe%20and%20Middle%20East/Russia/Our%20Insights/Digital%20Russia/Digital-Russia-report.ashx (дата обращения: 12.03.2018).
578. Чернышевский, Н.Г. Полн.собр.сочинений.– Т.3.– М.: Гослитиздат, 1949.– 696 с.
579. Чесбро, Г. Открытые инновации : создание прибыльных технологий / Генри Чесбро; пер. с англ. В. Н. Егорова.– М.: Поколение, 2007.– 336 с.
580. Чепьюк, О.Р. Три подхода к исследованию социально-экономических проблем организации инновационного общества // Вестник МГИМО-Университета, 2013. – №1.– С.190-194.
581. Чепьюк, О.Р. Энтропия как мерило экономического развития / О.Р. Чепьюк// Гуманитарные, социально–экономические и общественные науки.– 2014.–№6–1.– С.64–70.
582. Чепьюк, О.Р. Совершенствование методов анализа рисков российского бизнеса / О.Р. Чепьюк, Д.В.Митин, М.Ю. Гинзбург // Финансы и кредит.– 2013.–№13 (541).– С.52-57.
583. Чепьюк, О.Р. Студенческий центр инновационного предпринимательства в университете / О.Р. Чепьюк, М.Ю. Гинзбург // Высшее образование в России, 2014.– №11.– С.117-121.
584. Чепьюк, О.Р. Студенческий бизнес-инкубатор как часть инновационной системы ВУЗа // Инновации, 2014.– №6 (188).– С.22-24.
585. Чепьюк, О.Р. К вопросу формирования инновационной инфраструктуры региона. Опыт студенческого межфакультетского бизнес-инкубатора ННГУ им. Н.И. Лобачевского // О.Р. Чепьюк, М.Ю. Гинзбург // Инновации, 2014.– №4 (186).– С. 18-22.
586. Чепьюк, О.Р. Куфтырев, И.Г. Бизнес-моделирование национальной инновационной системы на базе ценностно-ориентированного подхода. Нижний Новгород: Издательство ННГУ им.Н.И. Лобачевского, 2013.–112 с.
587. Чепьюк, О.Р. Политическая неопределенность как фактор экономического риска: региональные перспективы / О.Р. Чепьюк. М.Ю. Гинзбург. Д.В. Митин // Региональная экономика: теория и практика, 2014.– №32 (359).– С.2–12.
588. Чепьюк, О.Р. Психологические аспекты готовности участников студенческого бизнес-инкубатора к инновационному предпринимательству /О.Р. Чепьюк, М.В. Прохорова // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова, 2014.– Том 20.– С. 125-129.
589. Чепьюк, О.Р. Практико-ориентированное обучение на базе web-технологий дистанционного образования / О.Р. Чепьюк, А.О. Шалыминов // Открытое образование, 2014.– №4.– С.78-81.
590. Чепьюк, О.Р. Мотивационная сфера участников студенческого бизнес-инкубатора / О.Р. Чепьюк, М.В. Прохорова // Образование и общество, 2014. – №3.– С.50-56.

591. Чепьюк, О.Р. Инновационная экономика как матрица современной культуры / О.Р. Чепьюк // Философия и культура.– №8.–2015.– С.1169–1174.
592. Чепьюк, О.Р. Социокультурные феномены в условиях экономической самоорганизации / О.Р. Чепьюк // Философия и культура.– № 5.– 2016.– С.683–688.– DOI: 10.7256/1999–2793.2016.5.19243.
593. Чепьюк, О.Р. В поисках гуманитарного начала в современных экономических системах // Современные исследования социальных проблем, 2016. –№ 1. –С.262–273.
594. Чепьюк, О.Р. Экономика знаний и информационное общество: опыт сравнительного анализа // Интеллект. Инновации. Инвестиции, 2016.– №3.– С.108-111.
595. Чепьюк, О.Р. Информационно-коммуникативные истоки стагнирующей экономики / О.Р. Чепьюк, А.Н. Фортунатов // Ценности и смыслы, 2016.– №3 (43).–С.112-119.
596. Чепьюк, О.Р. Экономический кризис как феномен бессубъектности: опыт социально-философского анализа // Kant, 2019 – №1. – С.231-238.
597. Чепьюк, О.Р. Неклассические подходы к исследованию лидерства в условиях изменчивой хозяйственной реальности // Kant, 2020 – №1. – С.173-179.
598. Чепьюк, О.Р. Экономические кризисы: императив без адресата / О.Р. Чепьюк, А.Н. Фортунатов // Философия хозяйства. – №6 (108). –2018. – С. 55-63.
599. Чепьюк, О.Р. Энтропия в экономической науке: предвестник конца, или нового начала? // Философия хозяйства.– № 3(105).– 2016.– С. 64-72.
600. Чепьюк, О.Р. Модели трансляции знаний в электронном обучении высшей школы / О.Р. Чепьюк, И.О. Воронина // Социология образования.– №10.– 2016.– С.40-46.
601. Чепьюк, О.Р. Экономическое «время-пространство» в постнеклассической рациональности/ О.Р. Чепьюк, М.Г.Дёмина // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке.– №4.– 2016.
602. Чепьюк, О.Р. Реализация метода кейс-стади в дистанционном обучении студентов основам предпринимательства / О.Р. Чепьюк, А.И. Горылёв // Образование и наука.– №8(137).– 2016.– С.100-113.
603. Чепьюк, О.Р. Общество рисков: от синергетического к гуманитарному подходу (опыт философского анализа) // Ценности и смыслы, 2016.–№ 6(40).– С.78-84.
604. Чепьюк, О.Р. Горылев А.И. Utilizing Case Studies Method in distance training of students in the fundamentals of Entrepreneurship // Украинский, российский и европейский взгляд на воспитание предпринимательского духа и консультацию начинающих предпринимателей, Wien: MANZ Verlag, Wien, 2016.– PP. 61-68.

605. Чепьюк, О.Р. Социально-философский анализ проблемы становления общества рисков / О.Р. Чепьюк, А.Н. Фортунатов // Современные исследования социальных проблем, 2016.– №6.
606. Чепьюк, О.Р. На пороге цифровой эпохи: кризис и пути трансформации экономической науки // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме: сборник научных статей / под общей ред. И.Т. Касавина, А.М. Фейгельмана. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородский госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2017. – С.243-246.
607. Чепьюк, О.Р. Социальное предпринимательство: синтез гуманитарного и экономического подхода / О.Ю. Ангелова, О.Р. Чепьюк, Н.Г. Бряндинская// Российский внешнеэкономический вестник, 2017. – №9. – С.105-114.
608. Чепьюк, О.Р. Социально-философские аспекты предпринимательского обучения в вузах / И.О. Воронина, О.Р. Чепьюк // Наука. Технологии. Инновации. Сборник научных трудов в 10-ти частях / под ред. Цыганковой О.Е. – Новосибирск: Изд-во Новосибирский государственный технический университет, 2017. – С. 65-67.
609. Чепьюк, О.Р. Ангелова, О.Ю. Кравченко, В.С. Подольская, Т.О. Роль куратора в повышении эффективности молодежного предпринимательства // V Международный Балтийский Морской форум. Материалы форума 21-27 мая 2017 г. – Электронное издание. – Калининград: Изд-во БГАРФ. – 2017. – С. 1653-1657.
610. Чепьюк, О.Р. Лидерство в гуманизме: жизненный путь В.Г. Короленко // Наследие В.Г. Короленко. Стратегии гуманизма: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Нижний Новгород, 24-26 апреля 2018 г.) / Под ред. А.Н. Фортунатова. – Н.Новгород: Изд-во ННГУ, 2018. – 355 с.
611. Чепьюк, О.Р. Кравченко, В.С. Демина, М.Г. От креативной экономики к эстетическому капитализму: к вопросу о роли эмоций в экономической коммуникации // Философия хозяйства, 2018. – №4.– С.70-82.
612. Чепьюк, О.Р. Бессубъектность в экономике: социокультурный феномен капитализма // Гуманитарные и социальные науки, 2018. – № 3. – С.36-45.
613. Чепьюк, О.Р., Фортунатов, А.Н. Экономика: в поиска постклассической парадигмы исследования // Философия и культура. – 2018. – №7. – С.24-31. №7.
614. Чепьюк, О.Р. Цифровая креативная индустрия: на пути к экономике "эмоций" / Ангелова О.Ю. Подольская Т.О. Чепьюк О.Р. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И, Лобачевского. Серия Социальные науки. – № 2. – 2019. – С.38-43.
615. Чепьюк, О.Р. «Цифровое» бессубъектное хозяйство: опыт социально-философского анализа // Ломоносовские чтения-2019. Секция экономических наук. Экономические отношения в условиях цифровой трансформации:

сборник тезисов выступлений. – М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2019.– С. 1026-1029
616. Чепьюк, О.Р. Экономический субъект в границах цифрового мира // XI международная конференция «Теоретическая и прикладная этика: Традиции и перспективы – 2019. К грядущему цифровому обществу. Опыт этического прогнозирования (100 лет со дня рождения Д.Белла – 1919-2019)». Санкт-петербургский Государственный Университет, 21-23 ноября 2019 г. Материалы конференции / Отв.ред. В.Ю. Перов – СПб.: ООО «Сборка», 2019. – С.139-140.
617. Чепьюк, О.Р. «Трудности перевода» в диалоге экономики и культуры: Роль субъекта коммуникации // Русский мир: динамика научного познания: сборник статей участников Международной научно-практической конференции (23-25 октября 2019 г.) / отв. ред. С.В. Напалков; науч. ред. Е.В. Валеева; Арзамасский филиал ННГУ, Фонд «Русский мир». – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2019. – С. 380-392.
618. Чепьюк, О.Р. Гуманизм в системе хозяйствования // Наследие В.Г. Короленко. Стратегии гуманизма: сборник материалов Второй Всероссийской научно-практической конференции (Нижний Новгород, 16-17 апреля 2019 г.) / Под ред. А.Н. Фортунатова. – Н.Новгород: Изд-во ННГУ, 2019. – С. 119-124.
619. Чепьюк, О.Р. К вопросу об экономической гуманитарологии: социально-философские основания альтернативной модели развития экономической науки // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, обществе: Труды II Всероссийской научной конференции / Под общей ред. И.Т. Касавина, А.М. Фейгельмана. – Н. Новгород: Красная ласточка, 2019. – С. 97-100.
620. Чепьюк, О.Р. Креативная экономика и культура: пути взаимодействия / О.Ю. Ангелова, О.Р. Чепьюк // Менеджмент XXI века: образование в эпоху цифровой экономики: сб. научных статей по материалам XVII международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 19-21 ноября 2019 г. – Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена. – С. 33-37.
621. Чепьюк, О.Р. Исторический контекст в исследовании мотивации субъекта предпринимательской деятельности // Психология управления персоналом и социальное предпринимательство в условиях изменения технологического уклада. Всероссийская научно-практическая конференция (14–15 ноября 2019 г., Нижний Новгород): сборник статей / под общей ред. проф. Л.Н. Захаровой, доц. М.В. Прохоровой. – Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2019. – С. 256-261.
622. Чепьюк, О.Р. Чепьюк О.Р. Экономика без человека: генезис пустоты. Н. Новгород: Экономика без человека: генезис пустоты: монография / О.Р.

Чепьюк. − Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2020. − 209 с.
623. Чернавский, Д.С. Синергетика и информация (динамическая теория информации).– М.: Едиториал УРСС, 2004.– 288 с.
624. Чернышевский, Н.Г. Полн. собр. соч. В 15-ти т.– Т.III.– М.: «Государственное издательство художественной литературы», 1949.
625. Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. В 15-ти т.– Т. VII.– М: Государственное издательство художественной литературы, 1950.
626. Чхан, Ха Джун. 23 тайны: то, что вам не расскажут про капитализм.– М.: АСТ, 2014.– 314 с.
627. Чумаков, А.Н. Культура и глобализация: новые подходы // Век глобализации, 2011.– №2.– С.174-180.
628. Шарп, У. Инвестиции. Пер. с англ./ У. Шарп, Дж. Гордон, Бэйли Джеффри В.– М: ИНФРА-М.– 2003.– 1028 с.
629. Шаститко, А.Е. Новая институциональная экономическая теория. – 4–е изд., перераб. и доп. – М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2010. – 828 с.
630. Шваб, К. Четвертая промышленная революция: перевод с английского / Клаус Шваб.– М.: Издательство «Э», 2017. – 208 с.
631. Швейцер, А. Я родился в период духовного упадка человечества //Кризис сознания.– М.: Алгоритм. – 2009.
632. Шепель, В.М. Человековедческая компетентность менеджера: Управлен. антропология / В.М. Шепель.– М.: Нар. образование, 1999.– 430 с.
633. Шиллер, Р. Spiritus Animals, или Как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма / Р.Шиллер, Дж.Акерлоф. – М.: Изд-во «Юнайтед Пресс», – 2010. – 273 с.
634. Шпенглер, О. Закат Европы. – Новосибирск: ВО «Наука», 1993. – 592 с.
635. Шрёдингер, Э. Что такое жизнь? Физический аспект живой клетки. – Москва-Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2002.– 92 с.
636. Штайнманн, Х. Проблемы обоснования предпринимательской этики [Текст] / Штайнманн Х. // Проблемы теории и практики управления.– 2005.– №4. – С.101-108.
637. Штеренберг, М.И. Энтропия в теории и в реальности // Вопросы философии. – 2003.– № 10.– С.103–113.
638. Шумахер, Э.А. Малое прекрасно. Экономика, в которой люди имеют значение.– М.: Изд.дом Высшей школы экономики, 2012.– 352 с.
639. Шумпетер, Й. Теория экономического развития (Исслед. предпринимат. прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры) / Йозеф Шумпетер.– М.: Прогресс, 1982. – 455 с.
640. Шумпетер, Й. История экономического анализа /пер. с англ. под ред. В.С. Автономова, в 3-х т. Т. 1. – 552 с., Т. 2. – 504 с., Т. 3. – 688 с. СПб.: Экономическая школа, 2001.

641. Щенников, С.А. Дидактика электронного обучения //Высшее образование в России. – 2010. – №12. – С. 83-90.
642. Щербина, Я.Ю. Человек проектирующий в современном мире // Философия хозяйства.– 2016.– №3(105).– С.11-23.
643. Щетинина, Г.И. Л.Н. Толстой как социальный реформатор: Основные идеи и последователи, конец XIX-нач.XX в./ Г.И. Щетинина. – М.: ИРИ, 1995. – 102 с.
644. Эбелинг, Р. Роль австрийской школы в развитии мировой экономической мысли XX века // Экономика и математические методы. – 1992. – Т.28. – №3.
645. Энгельс, Ф. Анти-Дюринг. (Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом) : [Перевод] / Ф. Энгельс.– М.: Прогресс, Б. г. (1987). – 438 с.
646. Энгельс, Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. Т. 5.– М., 1986.– С. 371-628.
647. Эспозито, Е. Зацикленность экономики и наблюдения второго порядка: реальность рейтингов // Экономическая социология.– Т14.– №4.– 2013.– С.58-74.
648. Эпштейн, М. Информационный взрыв и травма постмодерна //Звезда.– 1999. – №. 11. – С. 216–227.
649. Эрроу, К. Развитие экономической теории с 1940: взгляд очевидца // Вопросы экономики. – 2010. – №4. – С.4-23.
650. Юнг, К.Г. Психология бессознательного / Карл Юнг. – М.: АСТ, Канон +.– 1998.– 400 с.
651. Юнг, К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов.– М.: Харвест, 2004.– 384 с.
652. Яницкий, О.Н. Социология риска: ключевые идеи / О.Н. Яницкий //Мир России. – 2003. – Т. 12. – №. 1. – С. 3–35.
653. Яницкий, О.Н. Риск в современном обществе. Россия как общество риска: методология анализа и контуры концепции / О.Н. Яницкий //Общественные науки и современность. – 2004. – №. 2. – С. 5–15.
654. Ярославцева, Е.И. Общество и цифровые технологии: новые социальные реалии сетевого образования // Социология образования.– 2016.– №2.– С.77-90.
655. Яскевич, Я.С. Экономический кризис и ценностное переосмысление современного мироустройства: философская рефлексия // Век глобализации. – 2009.– №1.– С. 45-54.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Основные направления и наиболее влиятельные школы экономический мысли во взаимосвязи с эволюцией представлений об экономическом субъекте (XVIII-XX вв)

<table>
<tr><th>Годы*</th><th>Авторы</th><th>Предпосылки</th><th colspan="4">Картина мира / субъект и объект взаимодействие</th><th>Контекст</th></tr>
<tr><td>1776</td><td>А.Смит, «невидимая рука рынка»</td><td>Нравственные (телеологические) основания человека будут способствовать достижению «общественной пользы».</td><td rowspan="3">Натуралистическая</td><td rowspan="3">Классический идеал</td><td rowspan="3">Равновесие: возможно. Субъект статичен, имеет заданную антропологическую модель: мотивационную – рациональность, (экономизм), общественную – продукт «культуры», или «общественных отношений».</td><td rowspan="3">Субъект и объект разделимы. Хозяйство формируется действиями и решениями множества рациональных субъектов (методологический индивидуализм).</td><td rowspan="3">Оправдание капитализма и свободной конкуренции. Убеждение в полезности рыночного механизма. Равновесие обеспечивается единством экономической «рациональной» природы человека. Этот вывод «укрепляется» математическими моделями идеального мира экономики.</td></tr>
<tr><td>1834</td><td>Дж.Бентам, гедонизм Дж.С.Милль</td><td>Гедонистические основания человека способствуют стремлению всех и вся к личной выгоде (пользе), что в условиях свободного рынка – даст общественную пользу.</td></tr>
<tr><td>1874</td><td>В.Парето, Дж.Вальрас, А.Маршалл маржинализм</td><td>Рациональное мышление человека обеспечит принятие таких решений, последствия которых приведут к равновесию.</td></tr>
</table>

Годы*	Авторы	Предпосылки	Картина мира / субъект и объект взаимодействие				Контекст
1867	К.Маркс, *марксизм* (В.Ф.Гегель)	Приверженность учению В.Ф.Гегеля обеспечивает веру в достижение равновесия (в будущем) за счёт противоречий, порождаемых капитализмом и связанных с этим объективных действий материальных сил (капитал).	Эволюционная		Субъект действует в условиях полной информации о происходящем и может оптимизировать своё рациональное поведение.	Субъект и объект трудно отделимы, субъект «растворён» в объективном мире и подчинён действиям материальных сил (капитала). Активный субъект способен «менять» реальность («организованность пролетариата»).	Социальная и историческая критика капитализма, в котором экономика в текущий момент находится в ***не***равновесном (!) состоянии. Это имеет социальные последствия, что в итоге – через общественные процессы (революция) всё же приведёт к равновесию (коммунизм).
1936 1948	Дж.М.Кейнс, *кейнсианство* (Л. Витген-штейн) П.Самуэльсон Д.Хикс *неоклас-сический синтез*	Государство играет ведущую роль в исправлении «циклических» кризисов, так как в отличие от отдельных субъектов экономических отношений, оно обладает полнотой информации о происходящем. Для исправления ситуации оно может пользоваться различными инструментами (институтами, монетарная политика, платёжный баланс). Так как субъекты принимают решения в условиях неполной информации, их решения не могут быть оптимальными, вследствие чего – мир хозяйствования является иррациональным. Впоследствии – предложена интеграция положений кейнсианства и неоклассических учений (в т.ч. маржинализма).	Институциональная	Классический подход к коллективному субъекту	Равновесие условно возможно, но требуется вмешательство государства в периоды кризисов. Субъект статичен и эксплицируется через *психологическую* склонность к инвестициям, сбережениям и пр. Субъект не обладает всей информацией, но он стремится к рациональности. Решения принимаются на основе взгляда в будущее.	Объективная атомизированная картина мира хозяйствования неоднородна и непостоянна, вследствие чего рассмотрение экономики через действия её субъектов невозможно. Можно рассматривать как теорию институционального индивидуализма. Появление и утверждение ведущей роли коллективного субъекта – государства.	Методологическая критика классических представлений о хозяйствовании (критика атомизма). Обоснование необходимости государственного вмешательства в экономику. Мировой экономический кризис 20-30-х гг. XX века

Годы*	Авторы	Предпосылки	Картина мира / субъект и объект взаимодействие				Контекст
1908	Й.Шумпетер	Прогрессивное (технически) развитие экономики и общества является условием его динамичного развития. Волновая теория экономического развития, в которой кризисы играют роль вынужденного механизма «настройки» экономической системы под новые условия хозяйствования. Предприниматель – лицо, организующее хозяйственные процессы и внедрение инноваций, которые позволяют преодолеть кризис.	Эволюционная	Неклассический	Равновесие невозможно в силу онтологических особенностей мира хозяйствования, которое находится в непрерывном движении. Однако возможна адаптация к меняющимся условиям.	Субъект – фактор развития объекта (методологический индивидуализм) как источник для прогрессивных идей, делающих систему подвижной.	Пересмотр онтологических предпосылок («видения») о мире хозяйствования как динамическом механизме.
1925	В.В. Леонтьев *Советская школа*	Необходимость организации масштабного государственного планирования экономики на основе научных (преимущественно математических) методов. При внедрении в практику, однако, результаты теории существенно пересматривались под влиянием политической конъюнктуры. В отсутствии развитых информационных технологий обработка данных потребовала создание институтов статистики.	Идеалистический концепции институтов	Неклассический подход к коллективному субъекту	Сетевое представление о хозяйстве и связях между его основными узлами. Эксперимент по созданию «всезнающего» коллективного субъекта. Результат – устойчивый механизм управления хозяйством в границах группы стран.	Коллективный сетевой субъект-план превалировал над экономическими субъектами-индивидами, которые становились не более чем функцией экономических отношений. Государство как идеал коллективного субъекта Хозяйства.	Задача организации планирования хозяйства в масштабах экономики всего советского государства была связана с выбранной системой экономической организации и управления, основанной на отказе от частной собственности и рыночных механизмов.
1944	Ф.Хайек Л.Мизес *Австрийская школа*	Апологетика рыночной идеологии как естественной эволюции человеческих отношений в хозяйстве. В результате разделения труда появляется феномен «рассеянного знания». Для свободного и равноправного участия в хозяйстве			Вера в сетевой субъект: рынок как механизм-посредник экономических отношений. Необходимость рынка	Рынок – идеалистическое представление о коллективном сетевом субъекте хозяйстве, при свободном действии	Критика советской экономики, отказавшейся от идеи свободы рынка. Апологетика либерализма в различных проявлениях для обеспечения

Годы*	Авторы	Предпосылки	Картина мира / субъект и объект взаимодействие				Контекст
		всех субъектов экономической коммуникации, необходимо поддерживать и развивать принципы рыночной свободы. В ценах рынка находит выражение информация, необходимая для справедливого и эффективного взаимодействия.			для организации свободного информационного пространства цен.	которого субъектам-индивидам представляется абсолютная свобода самовыражения.	естественного хода эволюционного процесса.
1963	М.Фридман *монетаризм* Э.Филлипс	Предположение о влиянии денег на процессы хозяйствования привело к появлению новых, монетарных, инструментов экономической политики. М.Фридман предлагает рассматривать предложение денег как фактор развития хозяйства на макроэкономическом уровне. Спрос на деньги не связан с циклами деловой активности.	Самоорганизация	Неклассический	Экономика представляется как саморегулируемая система, поэтому вмешательство «всезнающего» коллективного субъекта, государства, должно быть ограничено мерами контроля за денежным обращением.	Субъект «растворился» в денежно-кредитных отношениях, которые стали определять многие реальные экономические процессы. «Лингвистический поворот» в экономике, который привёл к утверждению доминирования финансовых отношений над реальным производством.	Распад Бреттон-Вудской системы (1944 г.) способствовал распространению монетаристской концепции в денежно-кредитной сфере. В мире происходит оформление рынков капитала (финансовых рынков), которые постепенно не только освобождаются от рынков реального производства, но и начинают оказывать на них влияние.

Годы*	Авторы	Предпосылки	Картина мира / субъект и объект взаимодействие				Контекст
1976	Р.Лукас *Чикагская школа*	Предлагаемые ранее теоретические модели на практике имели низкую эффективность. Предположительно, это связано с тем, что они строились на основе адаптивных (обращённых в прошлое) ожиданиях. Чтобы исправить эту ситуацию, необходимо не только предлагать новые модели управления хозяйством, но и обеспечивать их согласованное понимание всеми субъектами экономической коммуникации.	Циклическая причинность	Постнеклассический	В экономике действуют механизмы «циклической причинности». Чтобы управление было эффективным «агенты» должны знать, в чём суть экономической политики и становится рациональными участниками.	Экономика переходит на рельсы «перформативности». Суть сводится к управлению мнениями экономических агентов на основе формирования (программирования) их ожиданий. «Рационализация» субъекта.	Руководители стран с рыночной экономикой находятся в поисках оптимальных моделей для построения экономической политики. Практика показывает, что политические решения не могут быть отделены от экономики. Экономический кризис 70-х гг.
1990	Д.Норт *Институцио-нализм* (Т.Веблен)	Решение исследовательской задачи: «почему экономические системы в течение длительного периода времени функционируют по-разному». «Когнитивные эффекты убеждений» меняются и меняют институты (системы для передачи культурных кодов).	Контекстуальный	Постнеклассический идеал	Экономические субъекты должны быть исследованы в контексте. Таким контекстом могут быть институты (правила организации отношений на определённом историческом периоде).	Субъект динамичен (меняется мотивационная характеристика). Объект динамичен и меняется под воздействием представлений самого субъекта. Субъект-индивид действует с учётом контекста.	Научный. Эволюция систем хозяйствования на протяжении истории экономических отношений в Европе и Америке.

Годы*	Авторы	Предпосылки	Картина мира / субъект и объект взаимодействие				Контекст
1991	Э.Таллер Д.Каннеман А.Тверски *Поведен-ческая экономика*	Устранение проблемы иррационального поведения субъекта-индивида, включённого в систему хозяйственных отношений. Управление системой рациональных ожиданий агентов экономики возможно через изучение их поведения и выработки соответствующих управленческих программ воздействия.	Поведенческая		Продолжение «рационализации» поведения индивида через управление его неосознанными реакциями на стимулы экономического поведения. Возврат к атомизму. Развитие перформативных качеств экономики.	Субъект представляется иррациональным участником экономических отношений в силу особенностей биологии (психологии человека). В связи с этим – имеется возможность управления хозяйством на основе воздействия на его поведение.	Неэффективность существующих моделей управления в связи с тем, что человек «не укладывается» в систему рациональных ожиданий, которые возможно программировать на основе количественных, технически обеспеченных средств управления.

* В столбце указаны даты публикации наиболее значимых сочинений автора-лидера научной школы.

** В таблице не приводятся представители неортодоксальных теорий

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Концепт-схема классификации теорий лидерства на основе эволюции статуса экономического субъекта

Наименование теории (школы)	Типология лидерства	Типология школы*	Ход мышления		
			Предпосылки (гипотезы)	Модель мышления	Результат
Двумерные стили руководства. Классический субъект					
Стили управления по Курту Левину	А, Л, Д	ЛК	**Поведение** руководителя влияет на подчинённых	Личностные качества определяют поведение руководителя	В различных ситуациях нужно подбирать разных руководителей
Теория X и теория У Д. МакГрегора	Методы мотивации X и Y	П	**Поведение** руководителя влияет на подчинённых	Руководитель исходит из ситуации, применяя методы X или Y в мотивации. Двумерное представление о мотивации людей.	Применять методы в зависимости от типа коллектива
Системы Ликерта (Лайкерта)	4 типа смежных, с А, Л, Д	П	**Поведение** руководителя влияет на подчинённых	Выбирая различные методы управления, руководитель влияет на качество работы коллектива (например, система 4 наилучшая)	Изменение метода руководства
Управленческая сетка Блейка-Моутон	«Решетка управления» и 5 позиций	П	**Поведение** руководителя влияет на процесс руководства	Оценивая свою позицию в решётке управления, руководитель имеет возможность скорректировать свою работу.	Улучшение руководства
Ситуация (контекст) влияет на выбор способа управления. Неклассический субъект					
Ситуационная модель лидерства Ф.Фидлера	8 ситуаций	С	**Ситуация** определяет поведение руководителя, не все стили уместны	Ситуация = межличностные отношения. Анализируя ситуацию в коллективе и в системе, руководитель должен выбирать различные стили поведения.	Человек не меняет окружение, он лишь встраивается в ситуацию
Модель лидерства «путь-цель» Р.Хауса и Митчелла	Модель, без классификации	С	**Ситуация** определяет поведение руководителя, не все стили уместны	Ситуация = сотрудники и их мотивация к работе. Лидер-функция управления, поддерживает и сдерживает отдельные процессы. Должен быть гибким в своих действиях.	Лидер усиливает уже идущие процессы своей мотивацией
Теория жизненного цикла П.Херси и К.Бланшарда	Три стиля	С	**Ситуация** определяет поведение руководителя, не все стили уместны	Ситуация = зрелость подчинённых.	Лидер оценивает подчинённых и помогает им развиваться

Наименование теории	Типология	Типология	Ход мышления		
Принятия решений руководителем В.Врума-П.Йеттона-А.Яго	Пять стилей по участию сотрудников в принятии решений	С	**Ситуация** определяет поведение руководителя, не все стили уместны	Ситуация = проблема, к решению которой можно привлекать сотрудников с различной степенью погружения.	Лидер оценивает проблему и подбирает, насколько ему нужно вовлечение других людей в её решение.
Лидер – продолжение группы (организации). Неклассический субъект. Коллективный субъект					
Лидерство от Ицхак Адизеса	Четыре роли	Г	Человек реализует **функции** организации (группы)	Выделяется несколько самых важных функций для организации. Лидер своей деятельностью лучше, или хуже, справляется с ними.	Лидер развивается и вместе с ним группа (организация)
Концепция заменителей и нейтрализаторов лидерства Керра и Джермиер	Варианты ситуаций, заменяющих лидера	Г (С)	**Ситуация** определяет поведение руководителя, не все стили уместны	Ситуации = связанные с подчиненными, связанные с заданием и связанные с организацией.	Лидер – функция управления, заменяемая другими функциями в разных ситуациях
Идея распределённого лидерства, Д. Брэдфорда и А. Коэна	Не выделяется	Г (С)	**Человек** – это часть группы, поэтому лидеров в разное время может быть несколько	Ситуации = задачи, стоящие перед группой и набор возможностей (способностей) членов группы, которые могут за них взяться в роли лидеров.	Лидер – любой член группы, подходящий под задачи.
Теория ZУ Оучи	Конкретные рекомендации без классификации	Г	Человек реализует **функции** организации (группы), а значит – порождается группой (проекция коллектива)	Человек желает находиться в коллективе. Нужно создать условия для лидеров. Опираясь на эти жёсткие гипотезы о поведении человека (коллективный подход), вырабатывается ряд решений по преобразованию	Средовой подход к выращиванию лидеров в коллективе. Лидер – проекция коллектива.
Теория Дж.Адера	Функции организации и три области мотивации	Г	Человек – это организатор функций в организации.	У группы есть определённые функции и мотивации, управляя ими, лидер может достичь эффективных результатов.	Лидер – организатор функций в группе.

Наименование теории	Типология	Типология	Ход мышления		
Лидер – субъект познания. Исследование особенностей познания позволяет сделать вывод о субъекте. Затем можно разработать социальные технологии. Лидерство - как результат интерсубъективности					
«Эмоциональный интеллект» Д.Голмана. Концепция «первичного» лидерства.	5 типов	СТ	На лидерство влияет интеллект (эмоциональный)	Ситуация = эмоциональный интеллект лидера. Воспитание правильного поведения возможно повысит качество лидера	Лидерству можно учить.
Теория лидерства Стивена Кови	Не выделяется	СТ	Самопознание основное условие появления лидерства как феномена	Мотивация к лидерству (иногда неосознанная) является результатом осознания важности деятельности.	Лидерство достигается самовоспитанием, основанном на определённых технологиях
Лидер – субъект познания в нестабильном мире. Информация об условиях работы организации влияет на лидерство.					
Концепция атрибутивного лидерства	Не выделяется	И (ЛК, П)	Лидерство результат восприятием подчинённых (пониманием)	Установив причинно-следственную связь между работой подчинённых и помехами (атрибутами, например, личность подчиненного, сама работа, организационное окружение или обстоятельства)	Лидерство – процесс изучения решений и причин их появления
Лидерство по отношению к изменениям	3 типа	И (ЛК, П)	Лидерство – функция изменений в организации, воплощение неустойчивости.	Три типа лидерства – трансакционное, харизматичное и трансформационное.	Различные лидеры по-разному проводят изменения в организации

* Типология школы: «ЛК» - личностных качеств (структурный); «П» - поведенческие (обучаемое поведение); «С» – ситуационные (по стилям, контексту событий)»; «Г» – системные теории (лидерство – функция группы); «СТ» – социальные технологии в лидерстве; «И» - интегральные теории (совмещающие несколько); «Д» - другие современные теории лидерства, не подходящие в классификацию